

ЮРИЙ БЕРКОВ

НОВЫЕ КРОМАНЬОНЦЫ

(воспоминания о будущем)

Немного фантастический,
научно-эротический
и очень экзотический

РОМАН

Книга четвертая

IRISBOOK

МОСКВА 2012

УДК 82
ББК 84

Берков Ю.

«Новые кроманьонцы» — М.: «ИРИС ГРУПП»,
2012, — 306 с.

ISBN 978-5-452-04809-1

Ну вот, наконец, добрались и до главного.

Четвёртая книга – это апофеоз. В ней сбываются мечты всех её героев. Они строят, создают то общество, ту среду обитания, о которой они мечтали. Люди будущего – новые кроманьонцы, полны энергии, любвеобильны, гуманны и свободны.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-452-04809-1

© Берков Ю., 2012

© Издательство ООО «ИРИС ГРУПП», 2012

Глава I.

1. Интервью.

Приближался февраль. Морозы становились всё крепче. По ночам столбик термометра опускался за минус 20. Евгений Робертович всё реже ходил на рыбалку и всё чаще посещал новые районы Найска, где улицы были покрыты остроконечными стеклянными крышами, а в цирках было вечное лето. Он вместе со своим другом — пенсионером играл в русские городки. Эта игра увлекла его. Одно было плохо — спортивные площадки часто бывали заняты молодёжью и приходилось подолгу ждать своей очереди или искать свободные. А ещё он скучал по своему бассейну во Флориде. Он любил плавать, но в местных климатических условиях вода в уличных бассейнах была холодноватой.

Пару раз Сергей водил его в институтский бассейн, предлагал купить абонемент, но Евгений Робертович любил купаться на открытом воздухе, среди природы. Его раздражали стены бассейна, слишком влажный воздух и шум, который производили купающиеся студенты. Он приходил домой и мечтал, какой будет в общине прекрасный бассейн в виде озера, какие деревья и кустарники окружают его, и чистый, песчаный пляж, как во Флориде.

А ещё он любил бывать на стройке. Раз в неделю он вместе с Сергеем посещал стройплощадку и делал снимки телекамерой. На обратном пути заезжал к Саймонсу и решал вопросы, связанные с оплатой выполненных работ. Работы шли по графику, и никаких проблем пока не возникало. Возводился фундамент опорного кольца, строились площадки под тяговые лебёдки и трансформаторная подстанция, прокладывались водопровод и канализация.

Однажды днём, прибыв с очередного осмотра, Евгений Робертович пообедал и прилёг отдохнуть. Но вскоре Юля пригласила его к телефону.

«Кто бы это мог быть? — подумал Евгений Робертович. — Саймонса я только что видел. Все вопросы решили».

Он взял трубку и услышал незнакомый женский голос.

— Вас беспокоят из редакции газеты «Сибирь». Я журналистка Евсева. Только что я разговаривала с господином Саймонсом по поводу строительства общины медиков и биологов. К сожалению, я не получила ответов на многие вопросы. Он сослался на вас, как на идеолога и организатора строительства и посоветовал обратиться к вам за всеми разъяснениями. Поэтому я вам и звоню. Наши читатели пишут нам и задают много вопросов относительно общины. Мы уже

публиковали некоторые материалы о строительстве на основании Решения, принятого городской администрацией. Однако там всё слишком туманно. Не могли бы вы дать интервью нашей газете и подробно ответить на вопросы наших читателей?

Евгений Робертович слегка растерялся. — Не знаю, я, право, не готов так сразу... И, потом, главным идеологом общины является мой внук, Александр Губерт, а главным организатором мой сын, космобиолог Раковский Георгий Евгеньевич.

— Да, но Георгия Раковского сейчас нет в Найске, а вы фактически руководите всеми делами по линии заказчика. Вы наверняка в курсе.

— Это верно, но мне надо подготовиться. Поговорить с сыном, с внуком. И мне надо знать заранее, что вас интересует.

— Хорошо. Я продиктую вам вопросы, а дней через пять позвоню ещё, и мы договоримся о встрече. Вы готовы записать?

— Да, автоответчик включён, диктуйте.

Журналистка продиктовала с десятков вопросов.

— Вы записали?

— Да, всё записано.

— Пяти дней вам хватит на подготовку ответов?

— Думаю, что да.

— Тогда до свидания.

Телефон умолк. Евгений Робертович задумчиво опустил в кресло. «Чёртовы журналисты, везде достанут! Не дают жить спокойно. Что она там спросила? Как община будет взаимодействовать с институтом и клиникой? Это сложный вопрос. Мы ни с кем его ещё не обсуждали. Тут надо говорить с ректором института и директором клиники. Но я с ними не знаком. Их знает Гарик, но он в Москве. Надо ему позвонить».

Евгений Робертович набрал знакомый номер.

— Ало! Гарик? Привет.

— Здравствуй папа. Я слушаю тебя. Что случилось? Ты звонишь довольно рано.

— Я разбудил тебя? Извини. Не учёл разницу во времени. Ничего особенного. Просто тут журналистка одна меня допрашивает. Она хочет взять интервью для своей газеты, и задала несколько вопросов, среди них есть довольно каверзные.

— А что за вопросы?

— А вот записывай, я включаю диктофон.

.....

— Всё, записал. Действительно, не простые вопросы. Особенно на счёт взаимодействия с институтом и клиникой. И Устава у нас ещё нет.

— Что посоветуешь, сынок?

— Надо отвечать. Все вопросы актуальны. Так или иначе, придётся их решать. Надо обговорить их с руководством института и клиники. Действительно, что у нас получится? сотрудничество или конкуренция? Я думаю, мне надо ле-

теть в Найск и встретится с ректором и директором.

— У меня всего пять дней. Ты как, сможешь завтра или послезавтра прибыть?

— Хорошо. Я сейчас не очень загружен. Работаю тут по заданию одного института, но время ещё есть. Так, что жди завтра утром.

— О'кей, сынок. До встречи.

Весь остаток дня Евгений Робертович пытался ответить на поставленные журналисткой вопросы. Саша помогал ему как мог. Но многое оставалось не ясным.

На следующий день прибыл Георгий. Через Сергея он узнал телефон ректора института и позвонил.

— Алё..., здравствуйте, Вадим Петрович. Вас беспокоит Георгий Раковский. Мы с вами уже встречались в прошлом году по делу студента Сергея Майорова.

— Ааа, помню, помню. Здравствуйте. Чем могу быть полезен?

— Я сейчас в Найске, буквально на пару дней. По делам строительства общины. Вы слышали что-нибудь о ней?

— А как же! слышал и читал в газете. Весь город говорит об этом.

— Прекрасно. Тогда перейду сразу к делу. Тут местные репортёры донимают моего отца, Раковского Евгения Робертовича, который проживает в Найске и решает текущие вопросы с фирмой-подрядчиком. Через три дня он должен дать интервью газете «Сибирь» и один из вопросов это взаимодействие нашей медико-биологической общины с вашим институтом и клиникой. То ли это будет сотрудничество, то ли конкуренция?

— Конкурентов я не потерплю, — полушутя, полусерьёзно ответил ректор.

— Я тоже за сотрудничество, — подхватил Георгий. — Поэтому считаю, что нам необходимо встретится и обсудить наши перспективы.

— Ну что же. Вполне разумно. Давайте встретимся. Когда вас устраивает?

— Готов хоть завтра.

— Тогда давайте часика в четыре. Перед концом рабочего дня. Нам уже никто не будет мешать, и мы сможем спокойно обсудить все вопросы.

— Согласен. Только одна просьба: пригласите, пожалуйста, и директора клиники, профессора Зверева. Вы его лучше знаете и вам это проще.

— Хорошо. Я позвоню ему. И так, завтра в четыре у меня в кабинете. Согласны?

— Договорились.

Без пяти четыре Георгий был в приёмной ректора. Секретарь доложила о нём.

— Заходите, заходите, Георгий Евгеньевич. Рад нашей встрече, — приветствовал его Вадим Петрович, пряча глаза.

Георгий понял, что разговор будет трудным. В кабинете уже сидел профессор Зверев. Он протянул Раковскому руку и наклонил голову. Ректор сел в кресло и осторожно начал.

— Вот мы тут с Михал Алексеевичем уже кое-что обсудили. У нас тоже есть ряд вопросов к вам.

- Я вас внимательно слушаю.
- Вопрос первый. Зачем нужна эта община? Её задачи?
- Отвечаю. Задачами общины является подготовка высококвалифицированных кадров по медико-биологическим специальностям.
- Но эти задачи возложены на институт и клинику. И пока что мы неплохо с этим справляемся.
- Неплохо, согласен. Но, лучшее — враг хорошего. Всегда можно что-то улучшить, усовершенствовать.
- Значит, вы собираетесь готовить специалистов лучше, чем мы? Тогда позвольте спросить, а на какой базе?
- На базе общины, института и клиники.
- Ага! Значит на нашей базе! Тогда почему же до сих пор мы в стороне? Почему вопросы строительства общины с нами не согласованы?
- Но строительство только начинается. Ещё есть время всё согласовать.
- Но уже приняты все решения о строительстве без нас!
- Да, согласен. За основу взят типовой проект, который уже построен во многих странах мира. Вы, конечно, слышали об общине математиков в Гамбурге, об общине физиков в Копенгагене и о других общинах?
- Слышали и даже видели кое-что. Но там общины создавались, как бы на пустом месте, а вы собираетесь использовать научный потенциал института и клиники. Получается, что «без меня, меня женили»!
- Верно. Там учёные привлекались из многих городов и стран мира. Эти общины конкурируют с традиционными ВУЗами и, заметьте, конкурируют успешно! переманивая к себе лучшие кадры. Мы, в принципе, тоже моем поступить аналогичным образом, но нам не хотелось бы объявлять вам войну. Я надеюсь, что мы сумеем договориться.
- Ректор института нервно заёрзал в кресле.
- Тогда второй вопрос. Что может дать ваша община институту и клинике? Что вы можете предложить для повышения качества подготовки врачей и биологов?
- Мы можем предложить индивидуальное обучение студентов и школьников ускоренными методами. Отбор наиболее одарённых учеников. Прекрасные условия проживания преподавателей и учащихся. Здоровый образ жизни.
- Ну, наши преподаватели и так живут в прекрасных условиях и ведут достаточно здоровый образ жизни. Вы видели крытые улицы в Найске?
- Да, конечно.
- Так вот, большинство наших преподавателей и врачей клиники проживают там. Да и в старом городе неплохие квартиры.
- Согласен. Но под шатром купола будет лучше.
- Чем?
- В части художественного оформления, в части спортивных сооружений, ну и контингент, так сказать, соседи будут тщательно отобраны. Будут свои обы-

чай, праздники и т. д. Впрочем, насильно мы туда никого не тащим. Каждый может проживать там, где ему больше нравится, где он хочет.

— Так. А чем вас привлекает индивидуальное обучение?

— Тем, что талантливый и трудолюбивый человек может за одно и то же время усвоить больше знаний, быстрее включиться в активную научную и практическую деятельность.

— А что это нам даёт? Неужели вы думаете, что если мальчишка-вундеркинд окончил полный курс института в 20 лет, то я доверю ему лечить людей? Да будь он хоть семи пядей во лбу, я не доверю ему больного, пока он не пройдёт многолетнюю практику под руководством дипломированного учёного, и пока тот не скажет мне, что молодой специалист готов к самостоятельной работе. Лечение — это не только знание, но и опыт!

— Да, но и необходимый опыт он получит раньше.

— Поверьте, дорогой мой, два — три года ровно ничего не значат по сравнению с десятилетиями жизни. Зачем форсировать обучение, если оно и так достаточно интенсивно? Наши студенты с трудом усваивают сложный материал и по окончании института чувствуют себя ещё очень слабыми специалистами. Только дальнейшее обучение и практика, позволяют им стать настоящими учёными и врачами.

— Но не все же студенты одинаково способны. Вы говорите в общем, а в частности одни усваивают материал легко, а другим он даётся с трудом. Одни недогружены, а другие перегружены учёбой.

— Те, кто легко усваивает материал, могут дополнительно работать в институтских лабораториях и в клинике. Они получают дополнительные знания и опыт. Это учитывается при выпуске. Наиболее способных ребят мы оставляем в аспирантуре, и они могут продолжить образование. В дальнейшем из них формируется профессорско-преподавательский состав института и ведущие специалисты клиники. Так ведь, Михаил Алексеевич?

Профессор Зверев утвердительно кивнул.

— Всё это прекрасно, но вы знаете, что нет предела совершенствованию. Преимущества индивидуального обучения доказаны в Гамбурге и Копенгагене. Там молодые люди в 25–30 лет становятся докторами наук, а к сорока годам — академиками. Это научные светила с мировым именем! У вас есть академики в институте?

— Академиков у нас нет, — ответил ректор.

— И потом, не обязательно молодой талантливый медик должен быть практикующим врачом, — продолжал наступать Георгий Евгеньевич. — Он может быть научным работником. Поручите двадцатилетнему вундеркинду, окончившему институт, научно-исследовательскую работу, примите его в аспирантуру и к 30-ти годам у вас будет доктор наук. Вот и все аргументы.

— Да. Всё это прекрасно. Но как организовать индивидуальное обучение?

Нужен дополнительный штат преподавателей, специальные программы и методики, наконец, дополнительные учебные помещения. Не можем же мы организовать индивидуальное обучение в лекционном зале на 80 мест! А у нас нет маленьких аудиторий.

— Вот тут-то вам и сможет помочь община! У нас будут маленькие классы, и у нас будет сквозное обучение, от начальной школы до последнего курса института. И пусть в ней учатся самые способные, те кто хочет и может учиться. Я думаю, что это будет не более 10–20% от общей численности института. И преподаватели у нас будут прошедшие специальную подготовку. И зарплата у них будет повыше.

— Так, так. А кто будет руководить обучением? Вы сами хотите возглавить учебный процесс?

Нет, что вы! Я не специалист. И мне хватит дел по руководству общиной в целом. Кроме того, я думаю ещё заниматься научной работой. Мне кажется, что вы смогли бы руководить и институтом и вузовскими классами общины. А для школьных классов мы найдём директора школы. Ведь школьников будет больше, чем студентов, чтобы было из кого выбирать.

Ректор задумался. — Неожиданное предложение. А практику где будут проходить ваши студенты? У вас же не будет своей базы?

— Нет, конечно. Практику студенты будут проходить в лабораториях института и в клинике.

— Значит, нагрузка на нас увеличится? Вы согласны, Михал Алексеевич, на увеличение нагрузки?

— Я думаю, что для клиники это не будет очень обременительно. Хорошие практиканты нам всегда нужны. Ведь они делают массу рутинной, но необходимой работы под руководством опытных специалистов, — ответил Зверев.

— Ну что же, остался главный вопрос. А как посмотрит на ваши инициативы Министерство высшего образования? Дадут ли они деньги на дополнительных преподавателей и студентов? Нужны ли нам дополнительные студенты? Ведь все выпускники института должны потом где-то работать. А они и сейчас не все находят работу по специальности.

— Я думаю, что хорошие специалисты найдут себе работу. Посредственные же смогут пойти в разные околomedические организации, связанные с медтехникой, фармакологией, бальнеологией и т. д. А на счёт министерства, то я думаю, что правильнее будет сначала заручиться вашим согласием и поддержкой, а уж потом пробивать вопрос в Москве. Собственно за этим я сюда и прилетел.

Ректор покачал головой, усмехнулся, — Хитрый вы, Георгий Евгеньевич, всё продумали! На всё у вас есть ответы. Ну что же, дело, конечно, интересное. Может действительно стоит его поддержать? Как думаешь, Михаил Алексеевич?

Зверев почесал розовую лысину и сказал: — Я, пожалуй, соглашусь. А то за-

стой у нас какой-то образовался. Столько лет ничего нового. Ведь если не мы, то кто-нибудь другой создаст такую общину. И тогда мы можем остаться не у дел. Подомнут нас зарубежные конкуренты.

Георгий Евгеньевич облегчённо вздохнул и достал из дипломата бутылку коньяка. — Я думаю, что мы обо всём договорились, друзья, и надо скрепить наш союз. Вадим Петрович, у вас найдутся стаканы?

Ректор деловито открыл сейф. Там оказались не только стаканы, но и лимон, пара апельсинов и гроздь винограда.

Через полчаса трое подвыпивших мужчин появились в вестибюле института. Зверев вытирал платком покрасневшее лицо. — Как там Саша Губерт поживает? Что-то я давно его не видел.

— Ничего. У него всё в порядке. Учится в школе, занимается спортом. Кстати, это он автор идеи создания нашей общины. Не зря вы его так долго лечили!

— Приятно слышать, что мои пациенты активно живут и подают прекрасные идеи. Скажите, что я жду его. Пусть приходит на обследование.

— Хорошо, передам.

У крыльца института ректора ждала служебная «Волга». Георгий Евгеньевич тоже сел в машину. Зверев попрощался с ними и пошёл пешком, он жил неподалёку.

Через 10 минут Георгий был в «пещере».

— Всё, папа. Вопрос улажен. Община будет работать совместно с институтом и клиникой. Вот тебе плёнка с записью нашего разговора. Тут есть ответы на все твои вопросы. Можешь смело давать интервью газете «Сибирь». Осталось только кое-что уладить в Москве.

На следующий день Георгий вылетел в Москву.

2. Встреча с Костей.

Как-то в начале февраля, вернувшись из школы, Александр сидел в своей комнате и путешествовал по Интернету. Дедушка ушёл на прогулку, Сергей — в институтский спортзал, а Юля в гостиной занималась с Викой.

Вдруг в дверь постучали. Она открылась и на пороге появилась Юля.

— Саше, к тебе пришли.

За спиной Юли Александр увидел Костю — Гребня.

— О! Какими судьбами? Заходи!

Костя нерешительно вошёл в комнату. Они не виделись с Сашей с самого лета.

- Тебя что, выпустили из колонии?
- Уже две недели.
- Но тебе же год дали.
- Скостили срок за хорошее поведение.
- Да садись ты, рассказывай, чего стоишь?

Костя опустил на стул.

- И ты снова в детдоме? — продолжал расспрашивать Саша.

- Где же мне ещё быть, блин?

- Ну и как там?

- Да ничего. Жить можно. Это не колония.

- А как наши? Лебедь, Винт, Крюк.

- Винт в гору пошёл. Его звеньевым назначили.

- Ну да?

- Да. Он теперь у начальства в авторитете.

- С чего бы это?

— А он примерный. Не ворует, не дерётся и в самоволку не бегают. С начальством не спорит. Исправился. Не малолеток же звеньевыми назначать! Меня он сразу в своё звено взял.

- А с Крюком-то он дружит?

— Не. Дружба у них врозь пошла. Крюк, блин, теперь сам по себе. Раньше они вместе в колонии были. Там Крюк у него в пидарах ходил. Ну, а теперь Крюк сам девок колбасит. Так что Винту от него никакой пользы. Он теперь меня, падла, вместо Крюка приспособил.

- Так ты что, пидаром стал? — удивлённо спросил Александр.

— В колонии и тебя бы пидаром сделали. Там урки не церемонятся. В миг «дымоход» прочистят, да ещё и по роже схлопочешь. Вначале я сопротивлялся, а потом, пришлось подчиниться. Но там меня только пахан «пахал». Я у него в фаворе был! Другим хуже приходилось. А теперь я у Винта под защитой, блин.

— Так Винт ведь девок трахает. Помню при мне Нинку Лодыгину — Мотыгу-то есть, с Крюком драли. Я им ещё трёху свою отдал.

— Вот именно. На девок деньги нужны, а меня и бесплатно можно. Зато в увольнение часто пускает. Вот и сегодня опустил. Не каждому такая удача.

— И ты ради увольнения пошёл на такое? — поморщившись, сказал Александр.

- ... Тебе легко осуждать. Ты там не был. Ты тут сам как пахан живёшь!

Они помолчали. Чувствовалось, что в Косте что-то надломилось. Он стал какой-то пришибленный. Говорит, а в глаза не смотрит.

— Мелочь-то больше по карманам не тыришь? — спросил Александр, чтобы как-то продолжить разговор.

— Не. Завязал. Опасно, блин. Отвлечь некому, прикрыть некому. Развалилась наша кодла.

— Значит, сидишь без денег?
— Да. Получка вся на Рыбу уходит.
— Как это?
— Да так. Теперь я с ней дружу. Как из колонии вернулся, так и заkontakчили мы.

— У неё же Очинский был!
— Бросил он её... Она же теперь кривая.
— Как это?
— Ну, с одним глазом. Другой искусственный, из пластмассы.
— Как же это случилось? — упавшим голосом спросил Александр. Он был поражён столь неожиданным известием — красавица Таня и с одним глазом!

— Подрались они с Гайкой в столовой. Из-за Очинского. Оказалось, что тот их обоих «натягивал», а говорил, что только одну Таньку любит. Ну, Рыба Гайке в патлы вцепилась, а та хватъ вилку и ей в глаз. Вот так Танька и окривела. В больнице лежала. А когда вышла, Очинский её на три буквы послал. Она сначала злая как Мегера ходила. Никого из парней к себе не подпускала. Ну, а потом пошла по рукам... Кто заплатит, тот и дерёт. Теперь они с Мотыгой подруги. Раньше Танька от неё нос воротила, а теперь сама такая же стала. Ну, а мне-то что? У Таньки и фигура, и морда, и вообще... нравится она мне. Дятел сильно её любил. Если бы не убили его, весной бы они с Танькой поженились и из детдома тю-тю. А теперь ей до 18-ти тут ошиваться. Жаль мне её... Сань, дай трёху, ты, наверно, богат?.. Я могу и отработать, если хочешь... Можешь и ты меня... натянуть! А?

Александр скривился. Костя, увидев его реакцию, заелозил на стуле. — Да ты не думай, я чистый, блин. Порядок знаю. Подмоюсь, «очко» кремом смажу... У меня и презерватив есть. Так что не хуже, чем с девкой будет! А, Санёк?

— Перестань! Я не гомик! Трахайся с Винтом, если тебе нравится. А деньги на, возьми. Мне не жалко. — И Александр протянул Косте пять рублей.

— О, Сань! Спасибо, спасибо, Санёк! Ты человек, блин. Я знал, что ты человек! Я отдам, когда работать пойду. Ты не думай, за мной не пропадёт! — И Костя стал подобострастно, двумя руками трясти Сашину руку.

— Да брось ты! Разогнись. Где твоя гордость? Ты же был нормальным парнем!

Костя замер, поднял глаза, тяжело вздохнул. — Да, Санёк. Ты прав. Я уже другой... Били меня там... унижали, падлы! — И сев на стул, заплакал. — Не дай бог никому туда попасть! Подонки они! Подонки! — причитал он сквозь слёзы. — С ними не справиться. Они кого хошь сломают. Там либо ты бьёшь, либо тебя бьют. Гордых они не любят. Надо льстить, пресмыкаться, угождать. Противно, а что делать?

— Прекрати. Не реви! На, вытрись. — И Саша протянул Косте платок.

— Хочешь, я тебя вытащу из детдома? Ты будешь свободен как я.

— Да что ты, Санёк! Это невозможно.

— Возможно. Ты же талант! Играешь на гитаре, рисуешь неплохо, песни сочиняешь. Хочешь, я в общину тебя возьму? Через полгода ты будешь там.

— В какую общину?

— Общину медиков и биологов, которая строится под Найском.

И Саша стал рассказывать Косте о стройке, о Раковских, о будущем укладе общины. Костя слушал, раскрыв рот от изумления.

— Так это ты всем заправляешь?! — вырвалось у него. — Я слышал об этой общине, но что всё это ты придумал, и подумать не мог! Ну, Сашка, ты гений! Ну, ты молодец, блин! Это надо же такое выдумать! И дед у тебя молодец. Это же такие деньжищи! И не жалко ведь! На них же можно было всю жизнь жрать, пить, гулять и ни хрена не делать. И девок можно было бы иметь каждый день, самых дорогих, самых красивых! Ну, вы даёте!

— Да разве в этом счастье?! — воскликнул Саша.

— А в чём же?

— Счастье в интересной жизни, в интересной работе, в занятии спортом, искусством. А ещё нужна любовь. Без любви жизнь неполноценна. Счастье в интеллекте, в свободе, в друзьях.

— Красиво говоришь... Но всё это слова... А жизнь, она, сука, бьёт и ставит на место.

— Твоя жизнь в твоих руках. Сделай её сам такой, какой хочешь. Имей хороших и верных друзей... Конечно, если в друзья выбрать свинью, то вскоре окажешься у помойки. Держись за меня, и я вытащу тебя из дерьма. Мы будем очень здорово жить в этой общине.

— Спасибо, Санёк. Я подумаю. Ну, бывай здоров. Пока.

— Заходи. Тане привет передай. И всем нашим.

Саша проводил Костю до дверей и простился.

— Зачем он приходил? — спросила Юля.

— Да так, повидаться.

— Такие друзья тебе не нужны. Держись от них подальше. Он же в колонии был?

— Был... Освободили за хорошее поведение досрочно.

— Всё равно. Горбатого могила исправит.

— Он был неплохим парнем. А сейчас в нём что-то сломалось... Жаль мне его. Дружили мы.

Юля покачала головой. Саша ушёл в свою комнату и лёг на диван. Неожиданный визит Кости, его нелёгкая судьба, пробудили в нём множество чувств и мыслей. Он вспоминал детский дом и всё, что там происходило. Он живо представил себе Таню. Он видел её красивой, гордой и никак не мог представить себе её со стеклянным глазом, занимающуюся проституцией. Такую бы он не полюбил.

3. Саша и Аня.

Шло время, и отношение Ани к Саше понемногу менялось. Они уже свободно общались в школе, а после уроков Александр провожал её домой. Однако, к огорчению Саши, Аня никак не хотела расставаться со своей подружкой Яной Добровольской, и возвращались из школы они обычно втроем. Саше не очень нравилась эта маленькая смешливая болтушка. Яна казалась ему слишком легкомысленной, а главное, мешала ему серьёзно поговорить с Аней наедине, наладить отношения.

В секции Аня по-прежнему каталась с Ванечкой, а после тренировки этот рыжий бугай провожал её домой, гулял с ней. Саша больше не пытался играть в третьего лишнего, а молча сносил обиду.

Сегодня Яны в школе не было, и они возвращались с Аней вдвоём. Александр решил, что другого времени у него не будет, и предложил Ане погулять с ним, посидеть в кафе, потанцевать. Однако получил отказ.

— Ты же знаешь, что я встречаюсь и гуляю с Ванечкой, — услышал он в ответ.

— Но раньше же мы встречались с тобой, и Ванечка нам не мешал.

— То было раньше. Сейчас наши с ним отношения зашли довольно далеко, и я не собираюсь доставлять ему неприятности.

— Значит, ты влюбилась в него?

— Влюбилась, не влюбилась — это не важно. Он мой друг и он любит меня.

— Но я тоже...

— То ты, а то он. Мы спортивная пара, мы связаны друг с другом общим делом, понимаешь?

— Ну и катайся с ним на здоровье, а после тренировки ты совершенно свободна. У тебя же должна быть своя личная жизнь.

— С тобой? Нет. Так нельзя. Это травмирует Ванечку. Скоро соревнования и я не могу так с ним поступить. Мы должны оставаться друзьями. Это залог успеха. Мы должны победить и уехать в Москву, в Школу олимпийского резерва. Он всерьёз мечтает стать чемпионом мира, участвовать в олимпийских играх. И я хочу, чтобы сбылась его мечта. Конечно, я не уверена, что смогу всегда кататься с ним. Мне всё даётся с трудом, но выиграть отборочные соревнования в Найске, а затем в Красноярске, мы должны.

— Значит, ты собираешься в Москву?

— Не знаю. У меня пока не хватает выносливости. Я устаю к концу программы и делаю ошибки. Тренер посоветовал мне забеременеть, а перед соревнованиями вызвать выкидыш. Это повысит мою силу и выносливость. Тогда я смогу успешно откатать всю программу.

— И ты собираешься это сделать? — с тревогой спросил Александр.

— Не знаю. Я не могу никак решиться на близость с Ванечкой. Он уже пы-

тался уговорить меня, но... я боюсь.

— И правильно делаешь. Зачем уродовать организм? Это не укрепит твоё здоровье. Это даст эффект лишь на время. Это допинг, запрещённый правилами. Если проверят твою кровь и обнаружат избыток женских гормонов, тебя дисквалифицируют.

— Это вряд ли. Не те соревнования, не тот уровень. Тренер сказал, что никто нас проверять не станет. Он трём нашим девушкам посоветовал так сделать, чтобы выглядеть лучше и прорваться в финал.

— Брось даже думать об этом. Подожди год — другой и ты наберёшь нужную спортивную форму. Всему своё время. Не рвись за Ванечкой. Он старше.

— Я подумаю. Но очень не хочется его подводить. Он фанат коньков. В них вся его жизнь. Он и меня заразил своей одержимостью.

Они дошли до Аниного дома.

— Ну, до завтра, — сказала она прощаясь.

— Мы же сегодня увидимся на катке, — возразил Саша.

— Это не в счёт. Там мы чужие. Ванечка следит за мной. Пока.

— Стой! Дай я тебя... поцелую...

Аня замерла и ласково посмотрела на Сашу. Он приблизился, нежно обнял её и коснулся губами розовой щеки. Приятное тепло разлилось в груди, руки сами сжали её тело. Они стояли обнявшись минуты три, наслаждаясь душевной близостью. Потом Саша отстранился и с грустью произнёс, — пока.

В четыре, как обычно, он пришёл на каток. В течение часа исправно «крутил школу», поглядывая на Аню с Ванечкой и других фигуристов. Потом стал импровизировать, сочетая разные фигуры, плавно переходя от одной к другой. Тренер не раз посматривал в его сторону, однако его больше занимали будущие участники отборочных соревнований. Вот он подошёл к Ванечке и стал беседовать с ним. Потом обратился к Ане. Та стояла потупясь, словно провинившаяся, и ковыряла коньком лёд. Тренер что-то довольно долго говорил, наконец, Аня кивнула. Он отошёл и подошёл к фигуристке — одиночнице, Ольге Поповой. Там он долго не задержался. Оля выслушала его и согласно кивнула. Наконец, он направился к Саше. Александр даже немного растерялся. Он не ожидал такого внимания со стороны тренера. За всё время тренировок они общались всего дважды и то мимоходом.

— Ну, что, Губерт? Я смотрю, ты настойчивый парень. Кое-что у тебя уже получается. Пора нам подумать о произвольной программе. К маю, конечно, ты не успеешь её подготовить, но к осени вполне сможешь осилить. Вот тебе блокнот. Тут у меня записано несколько вариантов программ для одиночников. Попробуй выбрать сам, что тебе нравится.

— Да, но мне хотелось бы заняться спортивными танцами, а не одиночным катанием.

— Для танцев у меня нет для тебя партнёрши. Раньше надо было приходиться

в секцию.

— А может быть, Оля Попова согласится?

— Ты что? Она же типичная одиночница. Посмотри на её бёдра, на её рост, на её телосложение. Да и со слухом у неё плоховато. Ей одиночное катание в самый раз. Она уже неплохо освоила программу. А вот если бы ты слегка приударил за ней... Понимаешь? Вопрос, конечно, весьма деликатный, но тебе я скажу. У неё нет друга. А мне необходимо, чтобы в течение этого месяца она забеременела. Ты, конечно, знаешь, зачем спортсменки беременеют перед соревнованиями?

Саша кивнул.

— Ну вот, ты уже взрослый парень и всё понимаешь. Морально она готова, только вот не с кем согрешить... Как ты на это смотришь? Возьмёшь над ней шефство?

Александр смутился. Он не был готов к такому разговору.

— Да... не знаю я её совсем...

— А ты познакомься поближе, погуляй с ней, приударь слегка.

— Мне кажется, что она не очень контактная... С ней не интересно.

— А тебе нужен её интеллект? Ты сделай своё дело, а дальше гуляй с кем хочешь.

Александр замаялся. — Наверно, я так не смогу. Это против моих правил.

Тренер обречёно махнул рукой и отошёл в сторону. Побеседовал с ещё одной спортивной парой и ушёл к себе в кабинет, на второй этаж. А тренировка продолжалась.

Александр стал бегло просматривать альбом. В нём условным языком знаков и рисунков были записаны разные варианты обязательных и произвольных программ для фигуристов. Он нашёл программы для мужчин — одиночников и углубился в изучение. Медленно и осторожно стал повторять то, что было написано в первой произвольной программе, прокатывать её. Она показалась ему не очень сложной. Вторая программа была посложнее, особенно в части прыжков. А когда Александр дошёл до третьей, то понял, что ему её не осилить. Он выбрал для себя первый вариант с элементами второго и стал запоминать порядок фигур.

Вскоре занятия окончились. Тренер опять появился на площадке и занялся разбором катания. Оказывается, со второго этажа, из своего кабинета, он прекрасно видел, кто как работал. Затем он позвал к себе Аню с Ваней и сказал им что-то. Ванечка посмотрел на Аню. Та наклонила голову, потом кивнула. Они молча сняли в раздевалке коньки и поднялись наверх. А тренер, поискав кого-то глазами, подошёл к Саше. Тот сидел на скамейке и передевался.

— Где мой альбом?

— Вот, пожалуйста.

— Ну, как? Выбрал программу?

— Да, первую, но с элементами второй.

И Саша стал объяснять тренеру, какие фигуры надо взять из второй програм-

мы и куда вставить в первую.

— Неплохо, неплохо, — кивал головой тренер. — Ты всё это нарисуй на бумаге и передай мне в следующий раз.

— Хорошо.

— Ну, а как мы решим с Поповой? Ты займёшься ею?

— Нет, — ответил Саша. — Я пасс...

— Тогда будь здоров.

— До свидания.

И Александр направился к выходу. Он шёл по улице и думал: «Ну не могу я так, без любви. Скотство это какое-то! Хоть бы чуточку она мне нравилась! Если бы мы дружили с этой Олей, а то ведь совсем чужие. И ухаживать мне за ней совсем не охота. Мне нравится Аня. Лицо у этой Поповой какое-то неприветливое. Фигура у неё ничего, хотя конечно, в бёдрах широковата. В коньках она ищет только славу, признание публики. По характеру — мужиковатая, нет в ней женственности. Не девушка, а конь с яйцами. Конечно, она многого добилась в технике катания, но с интеллектом у неё явно не в порядке. И музыку она не слышит. В движениях нет пластики. Нет, не нравится она мне. Не смогу я с ней. А, может, всё-таки приударить? Нет, Аня не простит мне этого. А, впрочем, я и так её уже потерял. Да чёрт с ними со всеми! Что я кисну? Жизнь продолжается».

4. Разговор с Лебедевым.

Сергей и Андрей сидели за компьютерами и строчили дипломные проекты. Минут через 30 Сергей оторвался от дисплея и спросил приятеля.

— Ты читал объявление в газете «Сибирь» на счёт дополнительного набора в ПТУ № 4 на курсы монтажников-высотников?

— Нет, — ответил Андрей. — А что?

— А то, что на строительстве общины медиков скоро потребуются монтажники-высотники.

— Ну и что?

— Как что?! Или ты передумал на счёт нашего участия в монтаже купола? Мы же собирались с тобой подзаработать!

— Да? Я думал, ты забыл об этом.

— Балда! Я ничего не забываю.

— И когда мы пойдём записываться?

— Хоть сегодня. Занятия начнутся через неделю.

— А какой срок обучения?
— Месяц, по два часа в день.
— Два часа? Это немного. Можно выкроить. А я хотел на курсы альпинистов записаться.

— Зачем? Курсы альпинистов платные, а эти — за счёт фирмы «Икар». И сроки обучения здесь меньше.

— Ну, тогда давай запишемся.

И оба снова уткнулись в дисплей.

В лабораторию осторожно вошёл профессор Лебедев.

— Добрый день, коллеги. Не помешаю? Сергей усмехнулся. — Вы, Леонид Иванович, здесь хозяин, это мы тут гости. Или вы хотите спросить: «Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?»

— Ну что вы! Сидите, работайте на здоровье. У меня только небольшое сообщение. Вам надо зайти в кассу и получить премию за участие в НИР по определению мутаций генома человека.

— Да? Это очень кстати, — заявил Сергей. — А то я уже на «мели». Спасибо, Леонид Иванович, вы настоящий друг.

— А ещё я хочу сообщить вам, что пришло заключение Института генетики по геному вашего подопечного Александра Губерта. Помните, мы анализировали в конце ноября его сперму?

— Как же, как же, помню, помню, — оживился Сергей. — Ну и что там сказано?

— Там сказано, что данная мутация не представляет опасности для потомства. Сходные мутации уже наблюдались российскими, американскими и японскими учёными. Правда, только в одной, а не в двух хромосомах сразу. Но, по мнению специалистов-генетиков, это не имеет существенного значения. Новые гены кодируют один и тот же белок. Ожидается небольшое увеличение объёма головного мозга у новорождённого, примерно на 5%. Это будет мало заметно для окружающих. Сказать, что его дети будут гениальны тоже нельзя. Всё зависит от условий их дальнейшего развития и воспитания. Для гениальности необходимо совпадение нескольких факторов. Хотя определённые задатки гениальности будут.

— Но это уже здорово! — воскликнул Сергей.

— Однако, возможны и некоторые издержки, — продолжал Лебедев. — Повышенный объём мозга требует улучшенного кровоснабжения. И здесь возможна недостаточная адаптация организма. Она может проявиться в периодических головных болях, повышенной утомляемости и, наконец, признаках шизофрении.

— Это плохо.

— Да. Но этого можно избежать, если правильно определить допустимые нагрузки на мозг, на нервную систему. Режим труда и отдыха, хорошее питание,

занятия спортом — всё это может устранить неблагоприятные симптомы.

— А Ашкке об этом стоит сказать или нет? — спросил Сергей.

— Я думаю, пока не надо. Никакой угрозы его потомству нет, а если кто-то из его детей и станет гениальным, то это произойдёт ещё очень не скоро.

— Согласен. Пусть живёт, как жил.

— А ещё говорят, что человек — божественное творение! — усмехнулся Андрей. — Оказывается, всё очень просто. Облучил яички, вызвал мутацию и родил гения!

— Ну, это ты подзагнул малость, — заметил Лебедев. — Так скорее родишь дебила, чем гения, а то и вовсе станешь бесплодным. У Губерта произошло редкое стечение обстоятельств, что и привело к редкой мутации генома. Возможно, он один такой на Земном шаре.

— Так ведь каждый человек по-своему уникален, — заметил Сергей.

— Это верно, — согласился Леонид Иванович. — И это никак не вяжется с библейским преданием об Адаме и Еве. Ведь по Библии Ева была создана из ребра Адама. Значит, получена методом клонирования! А клонирование запрещает уникальность. При клонировании возникает точная копия родителя. По всем законам генетики, методом клонирования из мужчины мог получиться только мужчина.

— Да, недоработочка в Библии, — согласился Андрей. — Для создания Евы, богу нужна была сперма Адама, а не его ребро. Только в ней есть свободные «Х» и «Y» хромосомы, которые можно комбинировать и получать разнополых детей. И потом, от Адама и Евы должны были пойти только белые дети. Откуда же тогда взялись негры?

— А ответ простой, — заявил Сергей. — Тот, кто писал Библию, просто не знал о существовании в Африке чернокожей расы. Не знал он и о монголоидной расе в Азии. Он вообще плохо знал Землю. Считал, что она плоская, как блин и покоится на трёх китах, плавающих в бесконечном океане.

— Сразу видно, что ты не читал Библию, — заметил Леонид Иванович. — Там совершенно другая версия творения Земли. Хотите, я скажу вам, что там написано?

— Сергей и Андрей согласно кивнули.

— Там сказано, что в начале бог-отец создал небо и землю. Земля была бесформенна, пустынна и погружена в вечный мрак. Всюду простиралась только воды, а над ними носился дух божий. И сказал бог: «Да будет свет!» И увидев, что свет хорош, он отделил его от тьмы и назвал днём, а тьму назвал ночью. На следующий день сотворил он небесный свод посреди вод, разделив их на две части: на воды, которые были на земле и на воды, которые в виде туч и дождей повисли в небе. На третий день он собрал воды на земле в одно место, и тогда показалась суша. И назвал бог скопление вод морем, а сушу землёю. И повелел он тогда, чтобы на земле произросли многие виды растений, дающих семена, и де-

ревьев, родящих плоды. На четвёртый день создал он два тела небесных: большое, чтобы светило днём, и меньшее для освещения ночи. Так возникли Солнце и Луна, для того чтобы отличать день от ночи и обозначать времена года, дни и месяцы. На своде неба бог поместил множество звёзд. На пятый день он призвал к жизни чудища морские и всякую иную тварь, обитающую в воде, а также птиц, парящих над землёй. И благословил их, сказав: плодитесь и размножайтесь и заполняйте как море, так и воздух. На шестой день создал он скотов и гадов, и всяких других животных, передвигающихся по земле. И под самый конец сотворил человека — Адама, по образу и подобию своему, чтобы властвовал над всею Землёю, над всем, что жило и росло на земле. На седьмой день бог отдыхал после своей работы, и этот день благословил и сделал его праздником на вечные времена. Вот какова библейская легенда о сотворении мира.

— А когда же появилась Ева? — спросил Андрей.

— А это произошло много позже, и было это так.

На плодородной равнине, лежавшей на востоке, бог сотворил сад, известный всем как райский сад, и поселил в нём Адама. В раю росло множество разных деревьев, полезных своими сладкими плодами. В самом центре рая стояли дерево жизни и дерево познания добра и зла. Бог разрешил Адаму вкушать плоды со всех деревьев, за исключением дерева познания добра и зла, к плодам которого запретил прикасаться под угрозой смерти. Бог знал, что человеку нехорошо оставаться в одиночестве, и привёл к нему разных зверей, живущих на земле, и птиц, летающих в воздухе. Адам дал имена зверям, птицам и прочим тварям, но всё равно чувствовал себя одиноким, потому что не было с ним рядом друга, подобного ему.

Тогда бог насрал на Адама крепкий сон, вынул у него ребро и создал из этого ребра женщину. И сказал Адам: «Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женой, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут они одна плоть».

— А почему бы ему не сотворить Еву из глины, как и Адама? — спросил Сергей.

— Тогда бы они были равноправны, а так Ева — лишь ребро Адама. Еве бог сказал, что она должна рожать детей и подчиняться мужу, который будет властвовать над нею.

— Да, интересная сказка. А я видел на картинах, изображающих Адама, что у него есть пупок, — заметил Андрей. — Но если бог создал Адама из глины и вдохнул в него жизнь, то у него не могло быть матери, и пуповина ему была не нужна. Значит, и пупка не было. То же самое можно сказать и о Еве.

— Верно. Это тоже нонсенс, — согласился профессор. — Тут церковники, принимающие картины от живописцев, недоглядели. А вообще в христианской религии много парадоксов. Например, если обычный человек умирает, то, согласно христианскому учению, душа его отлетает от тела и уносится на небеса.

Там он попадает в рай или в ад. Так почему же душа сына божьего — Иисуса Христа не покинула его тело? Почему он воскрес из мёртвых и вознёсся на небеса вместе со своим бранным телом, которое там ему совершенно не нужно? Зачем ему руки и ноги, если нет опоры, нет предметов, которые можно брать? Зачем ему пищеварительный тракт, если нет пищи? Если он бог, то на небе должна быть только его божественная душа, его разум, но не тело!

А тело его было человеческим. Согласно Библии, он родился человеком. Значит, у него был обычный двойной набор хромосом и обычная молекула ДНК. Половина его хромосом досталась ему от матери — Марии Магдалины, а половина — от бога-отца. Следовательно, и бог-отец не был бесплотен, поскольку у него были сперматозоиды! Почему-то бог-отец не захотел делать сына из глины?!

Допустим, что архангел Гавриил произвёл искусственное осеменение Марии Магдалины во сне и «греха» сокоупления между Марией и богом-отцом не было. Но это ничего по существу не меняет. Значит, бог-отец был полноценный мужчина! Иначе откуда взяться сперме? Значит, бог-отец вполне материален и имеет человеческий облик, чего церковь и не отрицает. «Бог сотворил человека по образу и подобию своему» — сказано в Библии. Но тогда богу-отцу необходимо питать своё тело, если он хочет жить. Иисус Христос ел пищу и животную и растительную. То же самое должен был делать и бог-отец. А пища находится на Земле. На небе, в космосе пищи нет. Значит, либо богу не нужно тело, либо он должен был жить на Земле.

Но как могло первоначально возникнуть тело, когда не было ни Земли, ни Вселенной? И зачем богу-отцу тело? А если он не имеет, и никогда не имел тела, если он голый Разум, лишённый плоти, то он не мог сотворить человека по образу и подобию своему. И откуда взялся бог-отец? Кто его сотворил? Другой бог? Но кто тогда создал первого?

Здесь нет ответа, и не может быть потому, что Библия — это сказка. Но сказка умная и красивая. Содержание Библии богато, как сама жизнь. Идиллические сцены на её страницах перемежаются картинами кровавых войн, эксцессами разнузданности и разврата, а также эпизодами, которые потрясают своим трагизмом. Как красочна галерея образов! Достаточно взять Самсона, мятущегося, безумного... Или одинокого царя Саула, или изысканного и весьма предприимчивого Соломона, который нажил огромное состояние на торговле лошадьми и производстве меди. События эти венчает коллективная трагедия еврейского народа, угнанного в вавилонское рабство. Не всё в Библии фантазия. Там есть и достоверные исторические события, проливающие свет на историю человечества в очень далёкие времена, на самую раннюю шумерскую цивилизацию.

— Даа, Леонид Иванович, вы нас удивили своими познаниями Библии, — заметил Андрей. — Я думал, что вы как убеждённый атеист, таких книг не читаете.

— Наоборот, именно чтение Библии, Корана, Талмуда и другой религиозной литературы, убедило меня в правильности моих атеистических воззрений. Атеизм

не должен быть слепым, не должен быть религиозным нигилизмом. Он должен быть осознанным, аргументированным. Только такой атеизм подходит учёному.

Ну ладно, коллеги, сидите, работайте. Считайте, что у вас был небольшой перерыв.

— Нет уж, — заявил Сергей. — Сначала мы зайдём в кассу и получим премию, а потом поработаем ещё.

5. Инцидент.

Заканчивался февраль. Из школы Саша, Аня и Яна, как обычно возвращались вместе. Между ними шёл обычный весёлый и пустой разговор. Саша шутил, рассказывал анекдоты, Аня и Яна смеялись.

У дома Ани Яна простилась с ними, и Александр остался с Аней.

— Давай погуляем сегодня, — предложил он. — Мне надо сходить к Саймонсу, на Портовую, 13, разговор есть. Ты там посмотришь макет нашей общины. Это интересно.

Аня подумала и согласилась. — Ладно, встретимся около трёх. Я только перекушу.

Без двадцати три Саша был у подъезда. Вскоре появилась Аня, и они направились в сторону набережной.

— Я уже позвонил Джефри. Он ждёт нас.

Аня кивнула. — На тренировку сегодня придёшь?

— Конечно. Я уже произвольную программу начал разучивать. Только её с тренером надо согласовать.

Они быстро добрались до Портовой улицы, и зашли в контору. Саймонс был на месте.

— Здравствуй, здравствуй, Сашок. А это твоя подружка? — Ответил он на приветствие вошедших молодых людей.

— Да, познакомьтесь, — и Александр представил Аню. — Она хочет посмотреть макет нашей общины. Можно?

— Разумеется, мисс, смотрите, — и Джефри подвёл её к макету.

- О, какая красивая! — воскликнула Аня. — И как тут всё здорово!

Саша заметил, что мачта-опора уже претерпела некоторые изменения. Из купола она выходила в виде дымовой трубы. Трёхпалая снизу, она имела форму конуса. Над лапами была круговая площадка с дверями для лифта, а сами лапы представляли собой лестницы, ведущие на площадку.

— Всё как договорились с тобой в прошлый раз, — сказал Саймонс. —

Теперь под опорой можно разводить костёр и устраивать танцы, а на костре жарить барана или свинью.

— Отлично, но у меня есть ещё идея. Она уже одобрена дедушкой.

— О, дорогой, не слишком ли много у тебя идей? Меня уже в дрожь бросает, когда ты заявляешь о своей новой идее.

Саша обиделся и замолчал.

— Ну, ну, я пошутил. Говори, я слушаю.

И Александр стал рассказывать Саймонсу про павильон монплизир (по французски — «моё удовольствие») на берегу бассейна — это что-то вроде бани с сауной и бассейном, который они обсудили недавно с Сергеем и Евгением Робертовичем.

— Однако я думаю, он потянет не меньше чем на 300 тысяч долларов, — задумчиво произнёс Саймонс. — Дорогое удовольствие. Может быть, молодёжь обойдётся без него?

— Нет. Мы же не дикари какие-нибудь. Помылся, попарился и в бассейн, — возразил Александр. — А после бассейна можно опять погреться.

— Значит, ты настаиваешь на монплизире?

— Да. Пусть он будет.

— И Евгений Робертович готов оплатить затраты?

— Сейчас я ему позвоню.

Переговоры велись не долго. Евгений Робертович согласился на дополнительные расходы, поскольку они не превышали 1% от стоимости всего строительства.

Саша с Аней вышли на улицу и вдохнули чистый морозный воздух. Он провёл её до дома и поцеловал. — До встречи на катке.

— Да, но только там мы чужие. Там Ванечка меня опекает.

— Ладно, пока.

На тренировку Александр принёс на листке свой вариант произвольной программы. Он пришёл на каток специально немного пораньше, чтобы показать его тренеру, но тот был занят. Он вызывал к себе в кабинет по очереди то одних, то других фигуристов и подолгу беседовал с ними.

Саша несколько раз откатал «школу» и перешёл к произвольной программе, но тренер на площадке не появлялся. Тогда Александр сам решил подняться к нему в кабинет. Незадолго до этого по громкоговорящей связи тренер пригласил к себе Ольгу Попову. Саша решил войти после неё. Он поднялся на второй этаж и стал ждать.

Минут через десять тренер объявил по стадиону, что он приглашает танцевальную пару, Раю Соловьёву и Гаджи Сайхутдинова. Александр решил опередить их и попытался открыть дверь кабинета, но та оказалась заперта изнутри. Вскоре, однако, замок щёлкнул и Оля Попова выпорхнула из неё вся розовая, возбуждённая.

«Ну и досталось же ей, бедняге, — подумал Саша. — Видно тренер не в духе».

Однако он постучал и вошёл. Следом за ним вошли Рая и Гаджи.

Тренер стоял возле зеркала и деловито поправлял причёску. Он взглянул на вошедшую следом пару и показал им на другую дверь. Рая и Гаджи молча прошли в смежную комнату. Саша мельком увидел, что это небольшое помещение с приставленным к стене диваном. Что-то вроде комнаты отдыха. Дверь закрылась, щёлкнув замком. Сашу слегка удивило то, что Гаджи и Рая уединились, не сказав ни слова.

— Чего тебе? — спросил тренер у Саши.

— Да вот, программу принёс. Хотел показать вам.

— Садись.

Саша сел в кресло возле стола тренера и протянул своему шефу листок бумаги. Тот углубился в его изучение. Пока тренер просматривал программу, Саша рассматривал кабинет. Стол, два кресла по бокам, стул тренера, тумбочка с чайником, аптечка на стене, платяной шкаф у двери, зеркало. На столе телефон и система громкоговорящей связи.

— Так, так, — задумчиво произнёс тренер. — Неплохо, неплохо. А вот шестую фигуру я бы соединил с девятой, было бы эффектной. Представляешь, какой красивый переход!

Александр согласился.

— Сможешь его выполнить?

— Постараюсь.

— А по времени уложишься?

— Думаю да. Я уже опробовал её.

— Ты должен кататься под музыку. Надо музыку подобрать, тогда будет видно.

— У меня есть плеер. Я катался под него.

— Это хорошо.

В это время замок боковой двери щёлкнул и из неё вышли Рая и Гаджи. Лица их порозовели. Гаджи взглянул на Сашу блестя глазами, а Рая прошла молча, глядя в пол. Только теперь Александр догадался, что происходило в соседней комнате и зачем тренер вызывает к себе фигуристов.

«Она решила забеременеть от Гаджи... — пронеслось в голове. — В принципе это, конечно, их дело...»

А тренер взял в руку микрофон, щёлкнул тангентой и деловито объявил по стадиону.

— В кабинет тренера приглашаются Аня Ёлкина и Иван Фадеев.

Сашу охватила паника. Он вскочил с кресла, не зная, что делать. «Значит, Ванечка сейчас приведёт сюда Аню! Значит, она согласилась... Значит у них здесь комната для свиданий!» Кровь ударила в лицо. Мысли путались. «Этого нельзя допустить! Я должен остановить её! Я должен помешать им».

— Ну что же, Губерт, — произнёс тренер, — иди, занимайся. Ты молодец.

Скоро я выйду и посмотрю тебя.

И он протянул Саше листок со своими пометками.

Александр взял его и вышел в коридор. Навстречу ему по лестнице поднимались Ванечка и Аня. Саша остановился на верхней ступеньке и преградил им дорогу. Фадеев удивлённо взглянул на него, Аня смутилась.

— Я не пушу вас туда, — произнёс Саша.

— Чтооо? Не понял!..., произнёс Ванечка.

— Я не позволю тебе! — крикнул Александр.

— Пшёл вон, — нервно сказал Фадеев. — Это не твоё дело, сопляк.

И он попытался обойти Сашу, отодвинуть его с дороги, но тот толкнул его в грудь. Фадеев пошатнулся на коньках и сделал шаг назад.

— Ах ты, щенок! Ты ещё толкаться вздумал!

И он как бык ринулся на Сашу. Его кулаки замелькали перед лицом и Александр с трудом уклонялся, отражая удары. Пришлось уйти в глухую защиту. На его счастье Фадеев не был силён в боксе. Он просто махал руками. Опомившись и уловив момент, Александр нанёс встречный удар Ванечке в челюсть. Тот отшатнулся и замер. И тут Александр перешёл в наступление. Он кинулся на своего врага со всей отчаянностью, на которую был только способен. Кулаки его замелькали как в ускоренной киносъёмке. Ванечка никак не ожидал такого напора. Он попятился, оступился и получил удар в нос. Это был нокдаун. Фадеев рухнул на ступеньки, кровь залила подбородок. Аня стояла ни жива, ни мертва от этой сцены. Она совершенно растерялась. И в это время Александр услышал позади себя голос тренера.

— Это что здесь такое!/? Что происходит? Губерт! Прекратить немедленно! Ах ты дрянь! Да как же ты посмел?! Негодяй! Вон! Немедленно вон отсюда! Ты искалечил Фадеева! Моего лучшего ученика! Убирайся, щенок!

И схватив Сашу за ухо, тренер стал подзатыльниками гонять его по лестничной площадке.

— Подонок! Мразь! Вот тебе, вот! Чтоб духу твоего здесь не было! Он швырнул Сашу с лестницы так, что тот загрохотал вниз, цепляясь за перила. Но внизу задержался и крикнул.

— Дурак вы! Дурак! В гробу я вас видел! И вашу секцию!

И он пошёл в раздевалку униженный, но не побеждённый.

Только за воротами стадиона Саша пришёл в себя. Кисти рук были побиты, ободраны, ухо распухло. На глаза навернулись слёзы.

«Всё. С секцией конец. Только стало что-то получаться и на тебе! Но этот Ванечка, урод, долго будет меня помнить. Хорошо я ему вмазал! Пусть знает, что Губерт может постоять за себя и свою девушку. Но как теперь отнесётся ко мне Аня? Она в шоке от нашей драки. А вдруг она любит его? Нет, они просто друзья. Но она же пошла с ним... И это, наверное, не впервые? Она предала меня... А может, она просто выполняет указания тренера? Эх, Аня, Аня! Что ты

наделала?»

Он долго бродил по городу и оказался на кладбище, возле дорогих ему могил. Постоял немного, успокоился и пошёл домой.

Дома он застал Юлю разговаривающую по телефону. Сначала ему показалось, что она разговаривает с отцом, но потом Александр понял, что со старшим братом Олегом.

.....

— Ой, спасибо что позвонил. Ждём тебя.

И Юля положила трубку.

— Сто лет его уже не видела, — обратилась она к Саше и Сергею. — Как уехал в своё Забайкалье, так и пропал. Отцу с матерью он ещё нет-нет да позвонит, а мне — ни разу.

— Так может, он твоего телефона не знал? Ты же жила сперва в общежитии, а теперь в «пещере».

— Захотел бы — узнал, — ответила Юля.

— А ты ему часто звонила?

— Я? Я не знала его телефона. И потом он там строился. Занят всё время был.

— Захотела бы — узнала, — заметил Сергей.

— Что верно, то верно, — согласилась Юля. — Порой мы бываем невнимательны к своим родственникам. Жизнь какая-то суматошная. Вспомнишь иной раз, да и забудешь снова. Я через родителей узнавала как у него дела.

— А он через родителей узнавал как у тебя дела... Когда он приезжает?

— Обещал первого марта прилететь. Он аэромобиль купил.

— С женой летит?

— Нет. Пока один. Жена с дочкой и сыном останется дома. Дочь ещё маленькая. Рано ей путешествовать.

— Ну что ж, пора познакомится со всеми твоими родственниками. Уж больше года вместе живём. Первое марта через три дня. Встречай брата.

Саша выслушал этот диалог, и на душе стало веселее. Всё-таки событие предстоит. Интересно, что это за аэромобиль такой?

Он уже слышал о летающих автомобилях, но не видел их в Найске. Александр ушёл к себе в комнату, включил компьютер, нашёл в Интернете страничку про аэромобили и углубился в изучение. Через пару минут он понял, что видел такие машины на улицах города, но весьма редко. Он и представить себе не мог, что они способны летать.

Глава II.

1. Королевство «Богема».

Наступил очередной вечер. Дедушка, Сергей и Юлия смотрели телевизор в гостиной, а Саша уединился в своей комнате и решил ещё раз посмотреть понравившийся ему документальный фильм про «Королевство «Богема», что под Марселем. В нём жили лучшие артисты и исполнители, работающие во всех жанрах кино, театра, эстрады. Впрочем, слово «жили» для многих можно взять в кавычки, поскольку они постоянно разъезжали по всему свету с концертами, гастрольями или просто путешествовали. В королевстве жили их дети, их родители, а сами знаменитости в королевстве лишь изредка отдыхали. Здесь были созданы все условия, чтобы артист чувствовал себя равным, среди равных. Здесь не было зрителей и поклонников, которые осаждали их там, за стенами королевства. Здесь никто не просил у них автограф, никто не хватал за одежду, не дарил цветы и не выказывал восхищения. Здесь не щёлкали фотовспышкой и не целились телекамерой, не совали под нос микрофон и не просили интервью. Здесь они были защищены надёжной охраной от назойливых почитателей и журналистов, и это нравилось всем.

Александр надел видео-шлем и, полулёжа, устроился в кресле. С высоты птичьего полёта он увидел Средиземное море, лазурный Марсельский залив, берег, изрезанный многочисленными лагунами и бухтами, острова, а дальше на север — отроги Западных Альп и отдельные высокие вершины гор. И над всем этим великолепием простиралось голубое небо. Яркое южное солнце заливало всё вокруг своими тёплыми осенними лучами. Слева простирался огромный порт с белоснежными судами, бесконечными причалами, волноломами, дамбами и гавайями. Южнее и восточнее — огромный город, протянувшийся вдоль побережья и подпираемый с северо-востока невысокими хребтами и холмами. В живописных окрестностях зеленели виноградники, поля кукурузы, бахчи.

Александр остановил кадр и поочерёдно приблизил отдельные фрагменты города. Его заинтересовала великолепная позолоченная статуя мадонны на колокольне церкви Нотр-Дам де ла-Гард, городской собор на площади и улицы Марселя, все в цветах и фонтанах.

Насладившись видом города, он продолжил путешествие. Камера повела его на юг, в предместья Марселя, и вот, наконец, показалось королевство. Оно было расположено на мысу и кроме центрального стеклянного купола имело целый комплекс построек.

Вдоль берега моря растянулись маленькие одноэтажные дачи-коттеджи. В хорошую погоду жители королевства жили именно в них, но в жару или в холод они предпочитали уходить под купол, в свои уютные подземные квартиры. Дело в том, что подземные квартиры королевства не были ограничены по площади. Они могли расти как вглубь, так и вширь незаметно для окружающих. Благодаря этому у некоторых знаменитостей под землёй были настоящие дворцы. На верху же располагались только площадки-дворики с цветами, беседками, фонтанами, с мягкими шезлонгами, плетёными креслами, столиками, гамаками, качелями. Вход в квартиры был как со стороны улицы, так и из под купола.

Александр решил, что надо сходить к Саймонсу и узнать можно ли стандартные квартиры в их королевстве биологов расширять вглубь и вширь под фундаментом? Если нет, то надо срочно что-то делать. Взяв на заметку эту мысль, он продолжил просмотр.

Он увидел, что рядом с куполом на берегу возвышаются два пятизвёздочных отеля для гостей. В них останавливались заезжие режиссёры, продюсеры, артисты, а также высокопоставленные особы вроде королевы английской, принца савойского и другие приглашённые для работы или отдыха деятели искусства. Внизу был пирс со множеством катеров и яхт. Артисты любили отдых на воде. За отелями находились стоянки автомашин и вертолётов, а дальше шли сценические площадки и павильоны для съёмок. Это был целый город, второй Голливуд. Здесь были студии с театральными декорациями, студии звукозаписи, студии компьютерной графики и анимации, площадки для трюков и спецэффектов, ипподром, казино, ресторан, плавательный бассейн, детдом, школа и театральный институт.

Под куполом королевства в глаза бросалась, прежде всего, сцена и площадка для зрителей, с креслами и столиками. Актёры и музыканты раз — два в неделю устраивали концерты для своих и приезжих. Особенно этим увлекались студенты театрального института. Это были вечера отдыха или «капустники». Рядом находилась танцевальная площадка. Танцы устраивались трижды в неделю, но иногда вместо них устраивались карнавалы. Продолжались они до утра. Это были феерические зрелища, заполненные светомузыкой, салютом и фейерверками. Все были в масках и роскошных карнавальных костюмах. Никто никого не узнавал, но все смеялись, танцевали, пили вино и гуляли по закоулкам и лабиринтам прекрасного сада, который занимал две трети площади королевства. Остальное пространство занимали спортивные площадки, озеро, аттракционы, уютные кафе.

Молодёжь, да и старшее поколение жили очень напряжённой, но интересной жизнью, заполненной учёбой, концертами и амурными приключениями. О браке никто не думал. Дети рождались, но молодые мамы тут же нанимали няню для ухода за младенцами или отдавали своё чадо в пансионат. У них просто не было времени для создания нормальной семьи, для воспитания детей. Они любили своих чад, делали им дорогие подарки, но это были короткие встре-

чи. Основные заботы по воспитанию ложились на плечи нянь и учителей. Всех устраивал такой порядок. Женщины даже весьма зрелого возраста чувствовали себя молодыми, не обременёнными семейными заботами, способными любить и быть любимыми. Они делали всё возможное и невозможное, чтобы всегда быть в форме. Занимались гимнастикой, соблюдали диету, принимали витамины и гормональные препараты, посещали массажиста и косметолога, делали пластические операции и умудрялись в шестьдесят выглядеть на тридцать. Вся их жизнь была борьбой. Борьбой за популярность, борьбой за мастерство, борьбой за любимого мужчину, борьбой со старостью и болезнями. Если и создавались семьи, то больше для виду. Популярный актёр женился на популярной актрисе ради ещё большей их популярности. Сообщения в газетах, по телевидению, сама пышная свадебная церемония со множеством именитых гостей, создавали ажиотаж, привлекали внимание публики, увеличивали популярность. Через год — два следовал скромный развод, который опять слегка приковывал внимание прессы, а за ним и новая свадьба, чтоб не забывали!

Молодёжь, конечно, не могла поддерживать популярность таким способом. Популярности, просто ещё не было, поэтому не было и свадеб. Любовь была свободной и скоротечной. И не потому, что молодые переставали нравиться друг другу, а потому, что рядом были другие, ничуть не хуже и каждый искал что-то новое, необычное в знакомствах и любовных утехах. В порядке вещей было иметь несколько подруг или несколько друзей одновременно и менять их как перчатки, а то и устраивать коллективные оргии с танцами и стриптизом. Каждый хотел скорее познать жизнь во всех её проявлениях, во всём её многообразии, многогранности и многоликости.

Актёры не любят постоянства. Они не могут долго играть одну и ту же роль. А играют они всегда и везде. И даже в личной жизни они не могут не играть. Часто они и не подозревают о том, что играют определённую роль, создают образ. Их чувства вполне искренни и правдивы, но проходит время и этот образ им надоедает. Приходит новая роль, возникает иная жизненная ситуация и актёр становится иным. И опять он правдив, опять искренен, однако, он уже не тот. Меняются имидж, привычки, внешность. Пора сменить и окружение: друзей, подруг.

Иногда ради популярности устраивались скандалы. Но только обязательно на публике и в присутствии журналистов. Ведь скандалы — это тоже слагаемые популярности. Они должны быть громкими и не слишком частыми. А поскольку в общине ни публики, ни журналистов не было, то и скандалы были редки. Молодёжь жила дружно и весело.

Всё это Александр узнал из пояснений диктора. Он увидел множество знакомых и незнакомых, знаменитых и не очень артистов, занятых на репетициях или прогуливающих по дорожкам сада, играющих в теннис и волейбол, плавающих на яхте вдоль живописного берега и купающихся в море, скачущих на лошадях

или просто загорающих в пляжных шезлонгах. Здесь они вели себя как обычные люди и если играли, то самую малость.

Фильм закончился, но Александр ещё долго лежал и думал о непростой судьбе артистов, о том, что всё в их жизни фальшиво, хоть и похоже на правду. Они страдают, радуются и любят вроде бы по-настоящему. Они вживаются в образ и живут вместе с ним и месяц и два, пока идут съёмки. Но жить в образе постоянно, не дано никому. От игры устают. И вот образ исчезает, растворяется в повседневной жизни, в повседневных заботах. Приходит усталость, спад, депрессия, и вдруг новая роль, новый образ. И снова свежи чувства, эмоции, снова хочется жить, играть и любить уже другую роль, другого человека. И так всю жизнь. Только усталости становится всё больше, а духовные взлёты всё реже. Но популярность и мастерство позволяют умело скрывать и это. Актёр уже не рад, что он актёр. Надо бы остановиться, перестать играть, заняться чем-нибудь другим, каким-нибудь настоящим делом, но что он может, что он умеет? Только играть! Он был королём и нищим, полицейским и вором, учёным и солдатом, нежным отцом и сутенёром. Он переиграл сотни ролей, но никем так и не стал по-настоящему. В жизни он отец, но его дети выросли без него. Он знаменит, но у него нет семьи, домашнего уюта. Его все знают, но он одинок. У него были жёны и подруги, но они ушли, или ушёл он. Теперь он стар, но продолжает играть, ища спасение от одиночества. Хорошо, что ещё предлагают роли. Другие его товарищи уже забыты, уже на пенсии. Слишком много было выпито вина, слишком много было женщин. Силы растрочены, нервы расстроены, чувства угасли. А фабрика грёз под названием «Богема» рождает всё новые и новые имена, зажигает всё новые и новые звёзды, создаёт всё новые и новые иллюзии — иллюзии счастья.

2. Аэромобиль.

Наступил март. В семье Майоровых ждали прибытия старшего брата Юли, Олега. Он позвонил в 11 и сообщил, что вылетает. Это означало, что примерно часа через два Олег должен приземлиться в Найске.

По календарю 1 марта был пятницей и с утра Александр, как обычно, отправился в школу. Вернулся он в начале второго, но Олега ещё не было. Юля сказала, что он уже приземлился на окраине, возле автострады, позвонил и минут через 15–20 подъедет. Она подробно объяснила брату, как добраться до улицы Ермака, хотя у Олега была с собой карта Найска, записанная в память бортового компьютера аэромобиля. Он предусмотрительно переписал её из Интернета. Собственно, это была не только карта, но и телесъёмка всех улиц и всех домов

города. По такой карте можно путешествовать по Найску так, будто сидишь в автомобиле и едешь по любой улице с любой скоростью. Можно остановиться возле любого дома и осмотреть его. В Интернете имелись подобные карты всех городов мира и их предместий. Поэтому Олег уже знал, как проехать до улицы Ермака и как выглядит дом его сестры.

Получив известие о прибытии Олега, Юля тотчас позвонила Сергею в институт, сказав, чтобы тот заканчивал свою работу над дипломом и шёл домой, да не забыл по пути зайти в магазин и прихватить бутылку вина. Сергей обещал прибыть через полчаса. Юля и Саша поднялись наверх из своей подземной квартиры и стали ждать Олега стоя в подъезде дома. День был по-весеннему ясный, солнечный, но морозный.

Наконец, после двадцатиминутного ожидания, к дому подкатил белый с красной полосой аэромобиль. Из него вышел молодой, стройный парень, одетый в меховую куртку и шаровары. На голове его была густая шатеновая шевелюра, заплетённая сзади косичкой. Лицо его показалось Саше знакомым. Он был похож на Юлю.

— Привет, сестрёнка! А вот и я! — Они обнялись, поцеловались. — Сто лет тебя не видел. Хорошо выглядишь!

— Ты тоже неплохо. Возмужал, причёску сменил. Совсем мужчиной стал. Вылитый отец в молодости.

— Так я и есть мужчина. Глава семейства. А твой суженный где?

— В институте. Сейчас подойдёт. Я ему уже звонила. А пока познакомься с моим названным братом, с Сашей Губертом.

— А, это тот, которого вы усыновили?

— Не усыновили, а взяли над ним шефство. Мы его опекуны.

Олег подошёл к Саше и пожал ему руку.

— Ну, пошли, братишка. Покажешь мне своё подземелье.

— Ты сначала поставь аэромобиль во двор. Здесь долго стоять нельзя, — посоветовала Юля.

— И то верно. Совсем забыл.

Олег сел за руль и вскоре припарковал аэромобиль во дворе, среди других машин. Тут и появился Сергей.

— Привет, свояк. Рад познакомится. Много о тебе слышал. Ты, говорят, в Забайкалье вполне освоился, ферму купил?

— Купил. И не только ферму, но и дом. В долгах по уши сижу, но не жалею. Место там хорошее.

— У нас тоже неплохое.

— У вас холоднее, севернее. У нас лето, так лето! Травы высокие, сочные и дождей хватает. Кормов полно. Успевай только заготавливать. Скотоводство очень рентабельно.

— Ладно, пошли в дом. Там поговорим, — сказала Юля.

Они спустились на минус третий этаж и вошли в квартиру. Там их встретил Евгений Робертович, который оставался с Викой. Вика сидела у деда на руках и моргала глазёнками, разглядывая собравшихся.

— О! Какая у тебя девка-то! Светленькая, глазастая. Сколько ей?

— Уже пятый месяц. Растёт, принцесса.

Олег осторожно взял племянницу на руки. Та во все глаза глядела на незнакомого дядю. Юля принялась накрывать на стол. Саша и Сергей стали показывать Олегу квартиру.

— Неплохо, неплохо, — говорил Олег. — Очень неплохо живут бедные студенты.

Вскоре Юля уложила Вику в кровать и все сели за стол. Сергей произнёс тост: «за знакомство, за встречу!» Осушив рюмку, Олег разговорился. Он рассказал про свой перелёт, про свои впечатления о Найске.

— А можно посмотреть твой аэромобиль? — спросил Александр.

— Конечно. Пошли.

К ним присоединился Сергей. Все трое вышли во двор.

— Вот мой автолёт, как я его называю.

— Такие я уже видел, — сказал Александр. — Только я не догадывался, что это аэромобили. Ездят по городу как обычные автомобили, только сзади воздушный винт. Я и думал, что это трассер какой-то.

Перед Сашей стоял белый с красной полосой пятиместный лимузин длиной метров 5–6. Вся передняя его часть была остеклена так, что даже педали для ног, выступающие из пола, были видны полностью. В профиль его кузов напоминал крыло. Днище было плоским, чуть килеватым, а верхняя часть сначала круто вздымалась вверх, а затем плавно сходила вниз. Спереди под кузовом были видны два колеса. Обычные автомобильные колёса. Задних колёс не было вовсе. Александр нагнулся и увидел, что заднее колесо всего одно и находится оно посередине кузова, под днищем.

— А почему сзади всего одно колесо? И где у него крылья?

— А крылья у него сейчас под днищем кузова. Видишь, они немного выступают за обводы корпуса по бокам. Что-то вроде ступеньки получается. Крылья сейчас завалены назад. Чтобы крылья могли убираться под днище кузова, вместо двух задних колёс пришлось сделать одно посередине.

— А где же у него мотор?

— Мотор у автолёта сзади, под воздушным винтом, и снабжён воздухозаборником. Вон вертикальный раструб сзади. Там же сцепление и шестиступенчатая коробка передач. Шестая передача идёт на воздушный винт. Когда автолёт едет по городу, его воздушный винт отключается, чтобы не шумел.

— То-то я не мог понять, почему винт у этих авто никогда не крутится. А это что, вертикальные стабилизаторы? — спросил Александр, указав на два скошенных акульных плавника поднимающихся сзади по бокам автолёта. Верхние концы

их были соединены горизонтальной пластиной, поддерживающей насадку воздушного винта.

— Да, ты прав. Это вертикальные стабилизаторы. Они же — рули курса и имеют привод от штурвала пилота. Как видишь, всё очень просто.

— А взлетать он должен с аэродрома?

— Не обязательно. В принципе, он может взлететь с любого шоссе. Но когда крылья выпущены, их размах достигает десяти метров. Это опасно, если на шоссе есть другие машины, особенно встречные. Поэтому, вблизи каждого города и села от шоссе сделаны отводы, ведущие в никуда. Это две параллельные полосы длиной по 500 метров, разделённые зелёным газоном. В конце они расширяются и смыкаются полукольцом. Правая полоса служит для взлёта, а левая — для посадки аэромобилей. В начале полос установлена мачта с матерчатым полосатым конусом, который показывает направление и силу ветра. Посередине газона расположены светильники, освещающие полосы в тёмное время суток и в плохую погоду. Возле полос в городе всегда находится дежурный, который следит за взлётом и посадкой автолётов. Он же заправляет их газовым топливом. Они летают на жидком пропане. В случае сильного бокового ветра, дежурный зажигает красные огни вдоль газона, это значит, что взлёт и посадка запрещены. Тогда необходимо искать полосы, расположенные по ветру. Возле каждого города есть несколько полос, расположенных под разными углами. В сёлах дежурных по полосе нет, и полосы не освещены. Поэтому для взлёта и посадки необходимо выбирать хорошую погоду и светлое время суток. Аварийную посадку можно совершить и на шоссе, если нет поблизости машин. У него тормозной путь 100 метров, а скорость приземления 160 км/ч.

— А с какой же скоростью он взлетает?

— Скорость отрыва 200 км/ч, полётная скорость до 500 км/ч. Для облегчения отрыва, его передние колёса сделаны выше заднего.

— Да, хорошая машина, — сказал Александр. — А на поле он сесть не может? Если аварийная посадка, например.

— Может. Для этого и сделано килеватое днище. Когда крылья выпущены, их концы приподняты над землёй более чем на метр. При посадке на не очень ровную поверхность, можно не опасаться, что крыло зацепит за грунт.

— Здорово. Мне бы такую машинку.

— Куда бы ты на ней полетел, сосулька? — спросил Сергей.

— А буду летать над Найском. В океанариум слетаю.

— Да. У нас же здесь прекрасный океанариум! Может, слетаем завтра?

Там и сейчас можно купаться возле геотермальной электростанции.

— Пожалуй, — согласился Олег. — Давно я уже не плавал по-настоящему.

С прошлого лета.

— Всё, договорились. Ты когда улетаешь?

— Послезавтра собирался. Дома дела, ферма. Оставил её на жену да на помощника. Трудно им.

- А что у тебя за ферма? Расскажи хоть.
 - Не только расскажу, но и покажу. Я привёз с собой видеозапись.
 - Тогда пошли в дом, посмотрим.
- И все трое заспешили вниз, в подземную квартиру.

3. Ферма.

— Вот, вам телефильм про наш хутор, — сказал Олег, вручая Саше лазерный диск. — Давайте посмотрим.

Александр поставил диск в стереовизор. На экране возникла холмистая местность, заснеженные луга, лес, замёрзшая река среди холмов и вилла на берегу. Белая двухэтажная, с красивым полукруглым крыльцом, с большой полукруглой лоджией на втором этаже и башенкой над нею. Перед виллой небольшой сад: кусты, деревья, беседка. Из дверей дома вышла молодая женщина с ребёнком на руках. В меховой норковой шубке, с распущенными волосами, миловидная, улыбчивая.

— Это моя Милка с Настёной, — комментировал Олег. — Дочке скоро год исполнится. Следом за ними вышел розовощёкий мальчик с детской пластмассовой лопаткой для уборки снега, в котором Юля тут же узнала своего племянника Сергея. Он помахал всем рукой и улыбнулся.

— О! Серёжка-то как подрост! — воскликнула Юля. — Хорошо выглядит.

— Конечно. Целыми днями на свежем воздухе.

В это время мальчик подошёл к камере и заговорил.

— Тётя Юла, здласти! Я тепель зыву здесь, у папы с мамой. Здесь холосо, только скусно немного и иглусек мало. У дедуски было веселее. Там бабуска, дядя Юла, тётя Лена, Костя. А здесь только мама и папа. Папа всё влремя лаботает. Иногда он белёт меня с собой на фелму. Там исчо есть дядя Вася. Он папе помагает. Тётя Юла, плиеззай к нам в гости. Папа купил автолёт, он тебя покатает. Меня он узэ катал, но только по дологе.

Мальчик говорил взахлёб, иногда останавливался, чтобы вспомнить текст, но в общем всё было очень неплохо отрететировано и произвело на зрителей впечатление. Юля даже вытерла слезинку, нагнувшись на правый глаз.

— Бедный Серёжка. Зачем вы его взяли? Жил бы себе да жил у деда с бабкой. Он уже привык к ним, да и те к нему привязались.

— Ничего. Пусть живёт с родителями. Помощником мне будет. А развлечений у него хватает. На лыжах катается, на санках, на коньках. Я ему кусочек льда на речке расчистил. А летом у нас вообще раздолье. Грибы, ягоды, рыбалка. И загорать

можно и купаться. Вот игрушек ему побольше куплю, и будет не хуже чем у деда.

— Но детей-то, сверстников вокруг нет! Скучно ему без друзей.

— Ничего страшного. Детям полезно быть одним. Они лучше развиваются. Играют в разные интеллектуальные игры, больше думают, фантазируют, читают. А в кампаниях они учатся всякой дури. Я хочу, чтобы мой Серёга был индивидуалистом, личностью. Я уважаю талантливых одиночек, а не крикливую толпу, где все как один. Друзья у него в школе появятся. Подрастёт немного и в подготовительный класс пойдёт. Буду возить его в Хилган.

— Ну, а ферма-то твоя где же?

— Сейчас покажу. Сначала виллу поглядите. Это вид слева, а это справа. А теперь вид сзади. Как? Красиво?

— Да, вилла у тебя что надо. Не мёрзните зимой?

— Что ты! Она же из пенобетона сделана и облицована плиткой. Рамы пластмассовые, двойные и никаких щелей. Так что даже в сильные морозы у нас не ниже двадцати. Можно сделать и больше, только зачем зря электричество тратить? Зато в бассейне у нас двадцать три, а в сауне вообще за сотню переваливает.

— Так у тебя там и бассейн есть?

— А как же! Ещё когда фундамент закладывали, я попросил вырыть. Он небольшой. Пять в длину и три в ширину. Серёжка любит купаться. Да и мы с Милкой не прочь. Сначала в сауне погреемся, вениками друг друга похлещем, а потом в воду бултых!

— И долго ты её строил?

— За неделю поставили. Это же типовый проект. В первый день пришёл экскаватор с бульдозером, срыли верхний слой земли и стали резать траншеи. А потом бетоновозы пошли и залили все траншеи бетоном.

Через двое суток бетон затвердел, тогда вырыли погреб и бассейн. Потом уложили верхние бетонные блоки цоколя и стали ставить коробку. Её за день поставили. Оба этажа. Привозили готовые комнаты и клеили одну к другой. И крышу из готовых секций собирали. На шестой день подвели электрический кабель и пробурили скважину с питьевой водой. Зарыли в землю блок очистки сточных вод и от него канализацию в реку. Подключили электричество, водопровод и вручили ключи от дома. А в воскресенье мне уже мебель завезли: столовый, спальный и гостинный гарнитуры, кухню, детскую. Всё, конечно, в кредит.

Потом мы ещё неделю обустраивались, мебель двигали, шторы вешали, люстры, гардины, ковры. А бассейн мне плиткой выложили через месяц. Всё облицевали, и стены, и дно. Помещение бассейна мы с Милкой фотообоями обклеили. Пейзажи — зашибись! Море под Ниццей.

— А где же вы до этого жили? — спросил Сергей.

— На ферме. Вместе с коровами. Почти два года так кантовались. Там небольшое служебное помещение есть с компьютером и пультом управления. Вот в нём и жили. Там и Настя родилась.

Вилла исчезла, а правее неё, метрах в трёхстах показался большой грибообразный купол. Вокруг него видна была изгородь с несколькими воротами.

— Вот она, наша кормилица!

Купол стал приближаться, и все увидели стеклянную стену с многочисленными автоматическими дверями. Олег комментировал фильм.

— Ферма имеет диаметр купола 100 метров и в ней содержится 250 голов скота. Из них дойное стадо составляет 180 голов, остальные телята. В самом центре купола так называемая «карусель». Это такой круг, на который въезжает машина-самосвал. Круг поворачивается и машина разгружается в один из приёмных бункеров. Всего их десять. Из приёмных бункеров корма попадают в бункеры-накопители. Они предназначены для длительного хранения. В них поддерживается температура 2–4 градуса. В трёх из них хранится около 30 тонн сена. В остальных силос, зерно, корнеплоды. Перед поступлением на главный конвейер, зерно (ячмень, пшеница, кукуруза) замачивается и проращивается, а корнеплоды (турнепс, брюква, сахарная свекла) моются и измельчаются. Затем всё это смешивается с сеном в необходимых пропорциях и запаривается. Всё делается автоматически под управлением компьютера. После этого корма подаются на ленту двух транспортёров, которые медленно движутся вкруговую мимо загонов для скота. Малый загон ближе к центру. Он для молодняка. Там своя рецептура кормов. Большой загон — для дойного стада. Загон — это ряд столбчатых разделённых металлическими перегородками из труб. Зайдя в стоило, корова подходит к ленте транспортёра, и специальные подвижные упоры фиксируют её тело сзади. Это необходимо для автоматической дойки. Штанга доильного агрегата расположена под каждой из перегородок. По сигналу с пульта управления все штанги поворачиваются на определённый угол и оказываются под выменем коровы. Миниатюрный лазерный локатор, размещённый на конце штанги, вращается и определяет точное положение сосков вымени. Сигналы от локатора поступают на сервопривод доильных стаканов и те устанавливаются точно под каждым из четырёх сосков. Затем штанга приподнимается, и стаканы присасываются к вымени. Открывается молокопровод и начинается дойка. Корова ест корм, а в это время её доят.

— Здорово. А как производится уборка помещений? Наверное, это самый трудоёмкий процесс?

— Да нет. Убираем, когда все коровы на пастбище или под навесом за стеной купола. Всё смываем из шлангов. Пол перфорированный, пластиковый и подогревается снизу. Там установлены электрогрелки. Никакой подстилки нет. Навозная жижа стекает в желоба, а от туда в отстойник. В отстойнике она частично обезвоживается, и жидкий концентрат весной вывозится на луга.

— А луга ты тоже сам обрабатываешь?

— А как же? У меня все луга разделены по секторам, отделены друг от друга проволочными ограждениями. Из фермы в каждый сектор ведут ворота. Возле

них установлены звонки. Я открываю нужные ворота и включаю звонок. Коровы приучены к этому и направляются в нужный сектор. Пока они там пасутся, в других секторах идёт восстановление трав или производится заготовка сена.

— А как ты загоняешь коров обратно?

— Для этого у меня есть пара лошадей. Конь и кобыла. На коне ездит мой помощник Вася, а я на кобыле. Уже есть и жеребёнок. Как раз для Серёги. Подрастёт Серёга, будет ездить верхом.

— Значит, по-прежнему любишь лошадей? — улыбнулась Юля.

— Да. Без них скучно, да и в моём хозяйстве трудно. Двести коров с пастбища пригнать без лошади невозможно. Обычно мы их с Василием загоняем. Но зимой можно и одному. Зимой они далеко от фермы не ходят. Держатся возле стогов сена.

— А корнеплоды и зерно ты тоже сам выращиваешь?

— Нет. Я покупаю их на соседних фермах. Сам я только сено заготавливаю. Если погода хорошая — сушу его под открытым небом, а если дожди — запускаю электросушилку. Конечно, это дорого, но зато я всегда с кормами.

В это время на экране появился молодой рыжий парень на вороном коне. Все догадались, что это Вася.

— А что Василий, один живёт, с вами? — спросила Юля.

— Нет, зачем? Его хутор находится по соседству. Там у него жена, дочка, мать, отец, сестра с мужем и детьми. Они занимаются овощеводством. А Вася — он мне помогает, и неплохо зарабатывает. Он всего на два года моложе меня. Такой же, как наш брат Юрка.

— И какая же общая площадь твоих угодий?

— У меня 200 га. Из них 155 гектаров луга. Пять гектар заняли ферма, вилла, дороги и сорок гектаров леса.

— А когда ты думаешь рассчитаться за кредиты?

— За ферму выплачу всё через 12 лет. За виллу — через 20. А за технику уже рассчитался.

— И много у тебя техники?

— Порядочно. Есть косилка, автопогрузчик, грузовик, молоковоз, джип и вот автолёт, наконец. Последний мне особенно нужен. Бывает по делам летаю в Иркутск, в Улан-Уде, в Читу. К родителям в Орёл недавно летал. Теперь вот к вам прилетел. Два часа полёта и я в Найске. Всё стало намного ближе.

— А куда ты молоко деваешь?

— Сдаю на молокозавод под Хилганом.

— А мясо, телят?

— Продаю в Иркутск, Читу, Улан-Уде. Где договорюсь, туда и везу.

— А быки у тебя есть?

— Ты что? Быки теперь не в моде. Покупаю сперму в Улан-Уде и делаю искусственное осеменение. Качество генофонда гарантировано. Мои коровки

по 30–40 литров молока дают за день. У них вымя в полживота. И телят рожают по 2 штуки сразу.

— А кто же роды принимает?

— Когда я, когда Вася. Другой раз и ночь не поспишь.

Фильм окончился. Выпили ещё по стопке вина и отправились гулять по Найску.

— Значит, ты не жалеешь, что связался с сельским хозяйством? — спросила Юля.

— А чего жалеть? Я хозяин. И никто мне не указ. У меня семья, дети. Хороший дом, техника всякая. Живу как бог! Захотел вот, к вам прилетел. И Серёга мой будет хозяином. Есть кому наследство передать.

4. Океанариум.

На следующий день, позавтракав, все стали собираться в океанариум. В 10 вышли из дома и сели в автолёт. Сергей показал на электронной карте, где находится океанариум.

— Это полчаса лёту, — заявил Олег. — Надо бы только газом заправиться. Где тут у вас можно взлететь то? А вот, отводка от автострады на северо-восток. Туда и поедем. Ветра сегодня нет, взлетать можно где угодно.

Аэромобиль заурчал мотором и тронулся с места. Сергей устроился рядом с Олегом, сзади сели Саша, Евгений Робертович и Юля с Викой на руках. Минут 10 двигались по улицам Найска в сторону автострады.

— И чего это люди на аэромобилях не ездят как на машинах, — удивлялся Саша. — И ездить можно и летать!

— Дороговато, — ответил Олег. — Топлива он жрёт много. Он же тяжёлый. У него кроме колёс ещё и крылья имеются, и хвостовые стабилизаторы, и воздушный винт. Да и лётное оборудование всякое. Он тяжелее обычного легкового автомобиля, да и дороже. Вот и получается, что по городу на нём ездить накладно. Летать, конечно, дешевле и быстрее, но летать ведь нужно далеко не всем.

— Понятно. А почему летать дешевле, чем ездить?

— Потому, что летит он по прямой, а не по дороге, и скорость у него больше. Вот и получается экономия в топливе и во времени.

Проехав по автостраде с полкилометра, Олег остановился возле взлётно-посадочной полосы. Подрулил к газовой колонке. Служащий ловко подсоединил наконечник шланга к заправочному штуцеру и открыл клапан. Через минуту сто литров пропана было перекачано в газовый баллон автолёта.

Они отъехали от колонки и остановились в начале взлётной полосы. Олег выпустил крылья, включил шестую передачу и плавно отпустил сцепление. Воздушный винт стал вращаться, набирая обороты. Олег дал полный газ, винт взвыл, аэромобиль мелко задрожал и вдруг рванулся вперёд уже не сдерживаемый тормозами.

— А где ты учился летать? — спросил Сергей.

— В школе сельхозавиации, в Хилгане.

— И сколько надо учиться на пилота?

— Два месяца.

- Там только аэромобили?

— Нет. Спортивные самолёты и мотодельтапланы тоже.

Автолёт мчался по взлётной полосе всё быстрее, всё выше задирая нос. Вот скорость достигла 200 км/ч и Олег легко поднял машину в воздух. Автолёт круто взмыл вверх, натужно ревя двигателем. Небольшой разворот и машина легла на курс. Локатор отслеживал воздушную обстановку вокруг. Вот справа они догнали жёлто-оранжевый турболёт, который тоже летел в океанариум. Слева остались позади два небольших частных вертолёта. Олег набрал высоту 600 метров. Здесь был свободный коридор.

— А ты используешь его для обработки полей? — спросил Сергей.

— Пока нет. Я его недавно купил. А вообще собираюсь. Буду химические удобрения распылять и с болезнями растений бороться.

Минут двадцать летели над заснеженной тайгой, над горными хребтами, над замёрзшими лесными озёрами, над большими и малыми реками. Наконец вдали показалось озеро и громада ГТЭС в облаке пара над нею. Вблизи ГТЭС была огромная полынья, диаметром 600–800 метров, от которой поднимался пар. Ближе к ГТЭС он был гуще. Там был сброс тёплой воды с температурой в 40 градусов. Метрах в двухстах от места сброса из воды поднималась скалистая гряда, уходящая на юго-запад, и ряд мелких островков, покрытых снегом.

— Так, прилетели. Где тут у вас можно есть? — поинтересовался Олег, вглядываясь в окружающий ландшафт.

— Давай прямо на лёд, — посоветовал Саша.

— Нет, на лёд садиться не будем. У меня не лыжи, а колёса. Застрянем в снегу. Надо искать отводку шоссе. А вот и она, правее ГТЭС. Сейчас развернёмся.

И автолёт заложил крутой вираж вправо. Одновременно винт почти смолк, и в наступившей тишине земля стала приближаться. Тайга надвигалась на них со всех сторон. Высота падала. Они вышли в конец полосы, прошли над ней, сделали разворот и повернули назад. Высота упала до 50-ти метров. Отдельные деревья казались совсем рядом. Их верхушки проносились слева и справа всё ближе. Но вот лес внезапно кончился. Автолёт снижался: 20.., 10.., 5 метров, касание, небольшой толчок и машина помчалась по полосе, поднимая снежный вихрь. Олег убрал крылья, притормозил и выехал на шоссе.

Через 5 минут они подъехали к океанариуму. Остановились на стоянке, вышли из машины и направились к пункту проката инвентаря. Решили взять надувную резиновую лодку-шестёрку и пару аквалангов для Сергея и Саши. Олег плавать с аквалангом не умел и взял маску с трубкой.

Сергей и Олег первыми прыгнули в лодку, за ними осторожно спустились Евгений Робертович и Юля с Викой. Саша отвязал швартовный конец и запрыгнул в лодку последним. Сергей и Олег уже сидели на вёслах. Несколько мощных гребков и тяжёлая лодка отошла от пирса. Гребцы направили её прямо к скалистой гряде. Александр опустил руку в воду и контролировал температуру. Возле пирса она была градусов 10, но по мере приближения к острову становилась всё теплее. Вот она уже градусов 15., 20... Возле острова вода стала совсем тёплой. На острове, на уступах и гребнях скал сидели чайки. Некоторые из них, лениво взмахнув крыльями, кидались вниз, выхватывали из воды мелкую рыбёшку и снова садились на скалы.

Вскоре лодка подошла к пологому уступу. Воздух заметно потеплел. Если на берегу было минус шесть, то здесь был явный плюс. Вода парила, но туман образовывался на высоте 2–3 метров и над водой всё было видно на сотни метров вокруг. Александр выскочил на берег и привязал лодку к низкой корявой сосне, росшей на голых камнях.

— Ну что? Пора раздеваться, — скомандовал Сергей, снимая куртку. Его примеру последовали Олег, Саша и Евгений Робертович. Когда очередь дошла до трусов, Сергей скомандовал Юле: — Ты у нас тут единственная женщина, отвернись-ка!

— Меня ты можешь не стесняться, — смеясь, ответила Юля.

— Это когда мы одни, — парировал Сергей.

Юля села на корму и отвернулась. Мужчины надели плавки, Сергей с Сашей — акваланги, а Олег маску и ласты. Проверив работу дыхательного автомата, Сергей первым свалился за борт спиной в воду. За ним последовал Александр. Олег сунул в рот трубку и тоже плюхнулся в воду, а Евгений Робертович осторожно спустился с кормы.

— О! Какая вода! Как во Флориде! И даже солёная! Это прямо райский оазис среди снежной пустыни. И какой пейзаж! Кругом тайга, снег, горы, а тут тёплая вода, пар, скалы, чайки и даже зелёная трава в расщелинах. Смешались все времена года.

И он поплыл в сторону ГТЭС.

Олег сразу рванул брасом вдоль каменистой гряды. Проплыв метров 50, он остановился и стал рассматривать подводный мир. При солнечном свете, он казался ему удивительно красивым. Множество причудливых кораллов облепили камень, длинные водоросли тянулись из глубины, бесчисленные колонии мидий, голотурий, асцидий, анемоны покрыли уступы. Хищные рапаны осторожно двигались вдоль отвесных стен, оставляя за собой пустые ракушки от мидий. Бесчисленные тропические рыбки резвились в прозрачной воде, переливаясь все-

ми цветами радуги. Левее, возле отвесной стены он увидел двух аквалангистов, крупного Сергея и худощавого Сашу. От них поднимался шлейф серебристых воздушных пузырей. Сергей ловко орудовал широким водолазным ножом, сдирая со скал гроздья мидий и грузил их в авоську. Александр держал её раскрытой. Они висели на глубине пять метров, а под ними был обрыв. Внизу просматривалось песчаное дно с островками водорослей, морскими звёздами и гребешками.

Олег набрал в лёгкие воздуха и нырнул. Достигнув Сергея, он легонько стукнул его по плечу. Тот обернулся и схватил Олега за руку. Олег рванулся вверх, но Сергей крепко держал его. Олег снова рванулся, показывая, что ему надо вдохнуть. Тогда Сергей вынул загубник изо рта и дал подышать Олегу. Тот сделал несколько вдохов и передал загубник Сергею, кивнув головой в знак благодарности. Сергей дал ему загубник снова. Так они пару минут дышали по очереди из одного акваланга. Это занятие им понравилось. Затем Олег медленно всплыл на поверхность.

— Ты где пропал? — крикнула ему Юля. — Я уже начала беспокоиться.

— Да так, осматривал подводный мир. Там так здорово, на глубине, так красиво.

Он заметил, что Юля уже надела купальник и распеленала Вику.

— Я тоже хочу искупаться. На, поддержи Вику.

Олег забрался в лодку и взял голенькую малышку на руки, а Юля прыгнула в воду.

В это время Сергей и Саша всплыли на поверхность, и Сергей бросил в лодку авоську с мидиями.

— Что вы собираетесь с ними делать? — спросил Олег.

— Зажарим в духовке, ответил Сергей. — Сашка утверждает, что они очень вкусные. Он ел их во Флориде.

И они снова скрылись в зеленоватой глубине.

Подплыла Юля. Вика уже начала капризничать. Она была уверена, что её станут купать, но мама куда-то уплыла и оставила её с чужим дядей.

— Давай сюда Вику, — сказала она. — И ты прыгай в воду. Будешь страховать. Олег осторожно подал Юле голенькую малышку. Та приняла её на грудь и взялась рукой за борт лодки. Олег соскользнул рядом. Вдвоём они опустили Вику в воду и, поддерживая за животик, медленно поплыли. Вика по-собачьи заработала ручками и ножками. Ей нравилось такое купание. Проплыв метра три, они уже собирались повернуть обратно к лодке, как увидели пузыри воздуха, поднимающиеся из глубины. Следом показались руки, которые схватили Вику снизу и, приподняв, потащили её над водой со скоростью пешехода. Вика мотала головкой, ничего не понимая. Вскоре она оказалась возле скалистой гряды. Тут из воды вынырнул Сергей и посадил Вику на выступ скалы.

— Ой, Серёжка! Напугал, паршивец! — вскрикнула Юля.

Она и Олег уже плыли к месту, где сидела Вика. Сергей помахал им рукой

и скрылся в пучине. Тем временем Вика не удержалась на выступе и соскользнула в воду. Она погрузилась с головой, но подоспевший Олег подхватил её и поднял на поверхность. Вика закашлялась и заплакала. Тогда Олег лёг на спину и положил Вику на свою волосатую грудь. Ласты его заработали как хороший мотор, и он поплыл на спине, держа Вику обеими руками. Она успокоилась и удивлённо таращила глазёнки. Так её ещё не купали.

Наконец она скусилась и захныкала. Солёная вода попала ей в рот. Олег повернул назад. Возле лодки их встретила Юля. Вдвоём они погрузили Вику в лодку и забрались сами. В это время возле лодки всплыли Сергей и Саша.

— Ты что, с ума сошёл?! — набросилась на него Юля. — Чуть дочку не утопил!

— Чуть — не считается, — отшучивался Сергей. — Я всё время был рядом и страховал её.

— Но она же упала в воду!

— И это не страшно. Олег же сразу её поднял.

— Но она захлебнулась.

— И тут же откашлялась. Это мелочи. Маленькие дети не боятся воды. Им что ванна, что море. Лишь бы мама была рядом.

Сергей и Саша забрались в лодку. Юля дала Вике сладкий яблочный сок, та попила и успокоилась.

Вскоре появился Евгений Робертович. Он доплыл до самого ограждения водосброса ГТЭС, где температура воды была 35 градусов, и, не спеша, поплыл назад. По пути он встретил двух женщин, которые купались раздетыми.

— А здесь женская зона, — сказали они ему, — мужчины здесь не купаются. Мужчины плавают там, — показали они в сторону острова.

— Мне уже можно и в женской зоне, — пошутил Евгений Робертович.

Женщины, увидев, что он стар, посмеялись и предложили поплавать вместе с ними. Что он и сделал не без удовольствия.

Все снова переоделись, перекусили горячими шашлыками, которые продавались рядом в павильоне. Потом сдали лодку, водолазную амуницию и сели в автолёт.

Обратно летели без приключений. Все были довольны путешествием и обменивались впечатлениями. Особенно был доволен Саша. Единственно о чём он жалел, это то, что с ним не было Ани. После инцидента на катке, они не разговаривали, и Саша даже пересел за другую парту, всем своим видом давая понять, что обижен на Аню.

К дому подкатили как раз к обеду. Юля высыпала мидии на противень и сунула в духовой шкаф. Через двадцать минут вынула раскрывшиеся от жары ракушки. В каждой из них был небольшой жёлтый комочек. Противень поставили на стол и все присутствующие принялись зубами выдирать содержимое раковин. Оно оказалось действительно вкусным и, вскоре, противень опустел.

— Это вам только закуска, а сейчас будет настоящий обед, — сказала Юля.

И все прошли в гостиную.

5. Поздний брак.

Наступил день отъезда Олега. Он собрался лететь сразу после обеда. С утра же Сергей и Юлия пригласили его осмотреть их будущее «королевство». С ними решили съездить Евгений Робертович и Саша.

Вскоре Серёгина «Самара» лихо подкатила к месту строительства. По дороге Евгений Робертович посвятил Олега в планы создания общины медиков и биологов. Идея Олегу понравилась. Он уже слышал о существовании подобных общин за рубежом, но не мог себе представить, что подобное возможно здесь, в Сибири. А главное, его удивило то, что идея строительства принадлежит Саше, а руководит всем здесь в Найске Евгений Робертович. Летя сюда, он и не думал, что познакомится со столь влиятельными людьми.

Стоял прекрасный мартовский день. Бездонное голубое небо и яркое весеннее солнце создавали праздничное, приподнятое настроение. Испачканный строительными машинами снег уже таял под прямыми солнечными лучами. Олег был поражён размахом стройки. Фундамент опорного кольца был наполовину закончен. Строительные краны разгружали жилые блоки — комнаты и прямо с машин устанавливали их на фундамент. Александр заметил неподалёку передвижной вагончик — фургон. Раньше его здесь не было. Из вагончика вышел Саймонс. Он был в оранжевой каске и в рабочей одежде. Александр не сразу узнал его.

— О! Какие гости к нам пожаловали! Здравствуйте, здравствуйте, господа, — приветствовал он всех на ломаном русском языке. — Позвольте узнать, чем вызван столь неожиданный визит?

— Да вот, познакомьтесь, это брат мой, Олег, — сказала Юлия. — Он хочет осмотреть строительство.

— Милости просим. Гостям мы всегда рады. Может, желаете виски или бренди? Есть армянский коньяк.

— Нет, нет. Я не употребляю спиртного, особенно перед дальней дорогой, — ответил Олег.

— Сегодня он улетает на своём аэромобиле, — пояснила Юлия.

— О! Молодой человек — лётчик? Это похвально. Я тоже хотел научиться летать, да вот строительство отнимает всё время. Некогда. Да и некуда летать. А так хотелось бы!

Они шли вокруг стройплощадки, и Саймонс объяснял, где и что должно быть установлено. Он показал трансформаторную подстанцию, очистные сооружения, водонапорный узел, площадки под тяговые лебёдки, места установки кондиционеров и калориферов. В центре кольца уже залили бетоном место под мачту — опору. Кругом копошились люди, урчала строительная техника, сверкали огни электросварки.

— Через неделю начнём монтировать тяговые лебёдки для швартовки аэровоза. А там и универсальные роботы подойдут. Они движутся своим ходом

из Красноярска. Помогут монтировать жилые блоки, а затем и сегменты купола. Это их основная работа. Кстати, как у тебя дела с обучением монтажному делу? — спросил Саймонс Сергея. — Мне помнится, ты со своим другом соби-рался заняться монтажными работами?

— Сегодня первое занятие на курсах, в 17.00.

— Давай, давай, занимайся. Дело интересное. В жизни может пригодиться. Альпинистом потом можешь стать.

В кармане у Саймонса то и дело гудел радиотелефон. Звонили бригадиры, мастера, подрядчики. Саймонс всё держал под контролем. Быстро отдавал распоряжения, связывался с нужными людьми, говорил то по-русски, то по-английски. Но его русский оставлял желать лучшего. Вскоре все распрощались с Саймонсом и отправились назад в «пещеру».

За прощальный обед сели раньше обычного, чтобы было время поговорить, пообщаться перед разлукой. Выпили немного сухого вина за удачное приземле-ние. Говорили о королевстве. Евгений Робертович делился мыслями о его буду-щем укладе, обычаях, праздниках и повседневной жизни. Саша одобрительно ки-вал. Ведь многое из всего этого было предложено им. Олег внимательно слушал. Особенно ему понравилось то, что королевство — это одна большая семья, где и стар и млад не чувствуют себя обойдёнными вниманием и заботой, где у каж-дого есть друзья и подруги, и нет одиночества, где люди делают одно большое доброе дело.

— А вы не собираетесь завести там себе подругу жизни? — спросил он у Евгения Робертовича. — Я вижу, вы ещё бодры и полны оптимизма.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Раковский. — Староват я для офици-ального брака, но гражданский брак не исключаю.

— Правильно, — поддержал Сергей. — Возраст любви не помеха. Я думаю, вы ещё встретите женщину, которая сможет вас полюбить.

Евгений Робертович улыбнулся. — По-правде говоря, я и общину-то эту за-теял, чтобы уйти от одиночества, уйти от бесполезного существования, убежать от старости. Я понял, что могу ещё быть полезным людям. Да и на личной жиз-ни рано ставить крест. В молодости она у меня не сложилась, так может в ста-рости сложится. После госпиталя я чувствую себя помолодевшим. Меня тянет к женщинам.

— Нормально, — заявил Сергей. — Далеко не все старики импотенты. Известный немецкий поэт Вольфганг Гёте последний раз женился в 70 лет на мо-лоденькой актрисе своего театра, а в 71 год у него родился сын. Чарли Чаплин тоже родил сына в 70 лет.

— Но и 70 лет — не предел для мужчины, — поддержал его Олег. — Многие известные долгожители сохраняли потенцию и в 90 лет. Могу рассказать вам историю, когда и в более почтенном возрасте мужчина сохранял все свои муж-ские качества.

Все заинтересованно посмотрели на Олега. А он продолжал.

— Было это на Урале. У одного зажиточного фермера умерла жена. Ему тогда стукнуло 56. Дети его уже выросли, обзавелись семьями, да и внуки подрастали. Фермер был мужчина здоровый, в самом соку, вот и надумал он жениться во второй раз. Всё бы ничего, да выбрал он себе в жёны девушку, которой едва исполнилось 16. Родственники его, естественно, возмутились. «Ты что, рехнулся, отец? — говорили ему дети. — Она тебе во внучки годится. У нас будет 16-ти летняя мачеха! Ха! Ха! Бабушка твоим внукам, которые старше её! Найди себе женщину подходящего возраста, да и женись. Мы не против». Но фермер заупрямился. «Любовь, — говорит, — у нас с ней. Она меня любит, а я её».

«Да ей богатство твоё нужно, а не ты! Ты для неё старик!» — убеждали родственники. Стали молодую уговаривать, чтобы бросила своего деда, а та ни в какую. «Люблю его и всё». Плюнули родственники, да и отвернулись от мужика. И соседи его осуждали, а местный священник просто отказался регистрировать их брак.

Тогда фермер и девушка стали жить вместе просто так, не регистрируясь. Прожили год, и у них родилась девочка. Потом ещё дети пошли. Фермер был мужчина работящий. Жили они безбедно, да и молодая хозяйка быстро освоилась в доме. Детей нянчила, готовила, убирала, мужу помогала. Через три года их всё-таки поженили. Священник согласился. И стали они жить законными супругами. Но родственники молодую мачеху так и не признали. Всё осуждали. «Спятил, — мол, — на старости лет отец».

А время шло. И переехал фермер с семьёй на новое место — в Забайкалье. Подальше от соседей и родственников. Отстроились, развели скот и опять зажили безбедно. Жена оказалась смекалистой, работающей женщиной. За мужем своим ухаживала, если приболел. А старик был в общем-то крепкий, к крестьянскому труду привычный.

Прошло 20 лет. Старшие дети выросли, помогать по хозяйству стали, своими семьями обзавелись, а младшей дочери только годик исполнился. Фермеру уже 76, а молодухе 36. Живут душа в душу. Климат сибирский хороший, здоровье у обоих отменное. Фермер пчёлами занялся, пасеку купил. Медок свой, прополис. А в тайге женьшень, китайский лимонник собирал, зверобой. Они ему силы придавали. Не чувствовал он своей старости.

И прожил он так до 121 года. И всё время на ногах был. Лишь две недельки поболел и помер. Жене его уж 81 год исполнился. Видел я их однажды, когда ему 120 было. Высокий мощный старик стоял, опираясь на палку, на берегу Байкала. Прямой, гордый, с окладистой бородой. А рядом маленькая, сутулая старушка держала его под руку. И никто не подумал бы, что они не пара друг другу! Стояли они на берегу озера, смотрели вдаль, и веяло от них спокойствием, мудростью и какой-то несгибаемой стойкостью, уверенностью. Прожили они свою жизнь достойно и счастливо.

— Интересная история. Выходит дело не в возрасте, а в том, как человек себя ощущает. Насколько он молод душой, здоров и бодр, — заметила Юля.

— Совершенно верно. Можно и в 30 лет быть усталым от жизни, потухшим. А можно и в 100 оставаться бодрым жизнелюбом.

Разговор окончился. Олег поднялся из-за стола.

— Ну, мне пора. Домой надо вернуться засветло. На наших просёлках нет ночного освещения, а в темноте не сядешь.

Все поднялись вместе с ним.

— Давай, мы тебя проводим, — предложил Сергей.

Они вышли во двор. Юля с малышкой села в аэромобиль к Олегу. Сергей за руль своей «Самарь». С ним сели Евгений Робертович и Саша. Минут через десять выбрались на окраину Найска, на автостраду. Подъехали к отводке на северо-восток. Тут Олег остановился. Юля вышла из машины.

— Ну, сестрёнка, будь здорова! Звони.

Они обнялись. Затем Олег попрощался со всеми, сел в автолёт, помахал рукой. Саша увидел, как из под днища машины медленно выползли крылья и разошлись в стороны. Закрутился воздушный винт. Всё быстрее, быстрее. Вот уже вихрь заставил всех отойти в сторону. Аэромобиль мелко задрожал, взвыл и рванулся с места. Короткий разбег и он взмыл в небо. Развернулся, прошёл над тем местом, где стояли провожающие, покачал крыльями и через пару минут растаял в вышине. Юля вздохнула и села в машину. За ней последовали Сергей, Евгений Робертович и Александр. Машина тронулась и, набирая скорость, помчалась в Найск.

Глава III.

1. Повторный визит.

Начало марта выдалось морозным. Днём морозы ослабевали, зато по ночам перешагивали за минус пятнадцать. Снегу в горах было много, и Саша с удовольствием после школы катался на лыжах. Ему нравилось крутить слалом на склонах Медвежьей пади или скользить по ущелью Белёк среди весеннего леса, любуясь красотой северной природы.

Сегодня он выбрал слалом и с удовольствием раз шесть съехал с самого верха горнолыжной трассы. Затем поспешил домой, чтобы надеть видео-шлем и погрузиться в мир компьютерных игр. Однако на пороге квартиры его встретил Гребень. Прошёл почти месяц с его первого неожиданного визита.

— Привет, Сань. Я тут уже с полчаса тебя поджидаю.

— Привет. Опять в увольнении?

— Да я почти каждый день в увольнении, блин. Винт меня отпускает безо всяких.

— За особое «вознаграждение»?

— Конечно. Какой ему смысл за «так».

— Значит всё по старой схеме?

Костя пожал плечами. — Ты знаешь, меня это уже почти не колышет. Хочется ему, пускай «трахает». Зато я Таньку на твою пятёрку «пахал» будьте-нате!

— Что-то многовато на пятёрку-то?

— Ну, у меня и свои деньжата были. А теперь уже неделю как в долг деру. Понимаешь, тянет меня к ней со страшной силой. Ничего с собой поделаться не могу. Да и она ко мне прикипела. Нравится ей это дело. Хоть ростом я и не вышел, зато по мужской части у меня всё о'кей! Как говорить «корявое дерево в сук растёт». Вот я в «сук» и пошёл... Ну, рассказывай, чего у тебя новенького? Может пожарать найдётся чего и выпить? В детдоме, сам знаешь, с этим хреново.

Они беседовали уже в гостиной. Кроме них дома никого не было. Обычно в это время Юля гуляла с Викой, Сергей пропадал в институте, а дедушка сидел где-нибудь в кафе, разглядывая молодёжь и слушая музыку.

— Поесть найдётся, конечно. Вон сервант, открывай.

Костя бесцеремонно залез в сервант и обнаружил там лимонад, конфеты, печенье, мёд, орехи.

— Ну и житуха у тебя, Губа! — произнёс он, набивая рот орехами. — Дай бог каждому!

— Ты знаешь, я к ней уже привык к вольной жизни и не замечаю. Вроде всё так и должно быть. Я, наверное, уже не смог бы жить в детдоме. Ну, а ты чем там занимаешься?

— Снова в ансамбль записался. На гитаре играю. О! да у тебя музыка есть! — воскликнул Гребень, заметив на стене возле ковра гитару.

— Это Серёгина. На день рождения ему подарили, а он не играет. Да и я тоже. Некогда учиться.

— Дай попробовать? В детдоме у нас электрогитары, а здесь живая.

— Бери.

Гребень снял со стены гитару, сел в кресло и взял несколько аккордов.

— Расстроена немного.

Он подтянул струны, потренировал и вдруг лихо ударил, с перебором:

*Эх! жизнь моя, житуха
Чернуха да порнуха!
Седая мать — старуха
Да пьяная братва,*

*Девчонки разбитные,
Ребята удалые,
Деньжата дармовые,
Гуляй, живой пока!*

*Эх! Девки — потаскухи,
Прилипчивы как мухи,
Засосы, зае.ухи,
До самого утра!*

Дальше пошло совсем неприличное, а Саша слушал и думал: «Костя может пропасть. Не туда он идёт. Нет у него настоящего дела, нет настоящей цели, нет настоящих друзей. Что из него выйдет, когда кончится детство? Кем он станет? Пьяницей, бабником, вором? А ведь талантливый парень. Пропадёт за зря! Надо бы его познакомить с Саймонсом. Может тот найдёт ему какую-нибудь работу по душе? Может Гребень увлечётся строительством? Надо втянуть его в наше дело».

Наконец, блатная песня закончилась. Александр похвалил Костю и предложил прогуляться на стройку. Предложение Косте понравилось.

— Пошли, блин. Я ещё ни хрена не видел. Слышал в детдоме про твою общину, но никто там толком ничего не знает. Ходят всякие домыслы да вымыслы.

Только знаешь, Сань, пока не забыл, займи мне ещё трёху. А то я на мели. Таньке обещал, понимаешь...

Александр порывшись в кошельке и достал три рубля.

— Может, добавишь немного? Маловато как-то...

— Ты же три просил.

— Да это я так, поскромничал. Не хотел наглеть. Думал ты сам догадаешься.

Саша достал ещё трёху.

— Ну, теперь другое дело. Я знал, что ты настоящий друг. Поехали на твою стройку.

Минут десять они ехали на автобусе, потом шли минут двадцать пешком вдоль фундамента опорного кольца. Гребень был поражён масштабом строительства. С десятков экскаваторов рыли землю в разных местах, с десятков бульдозеров ровняли песок. Десятки автомашин и автокранов разгружали бетонные секции. Бетономешалки готовили свежий раствор. Вокруг лежали трубы разных диаметров, запорная арматура, кольца люков. Сотни людей копошились в разных местах. На одной из площадок монтировали тяговую лебёдку для аэрвоза.

Саша с Костей подошли поближе и увидели Саймонса.

— О! Мой юный друг! Рад тебя видеть. Опять какие-то идеи?

Саймонс говорил по-английски и Костя ничего не понимал.

— Да нет. Просто зашли посмотреть с приятелем. Познакомьтесь. Это Костя Гребенчук. Он из детдома. Одно время мы были там вместе и дружили. Он хороший парень.

Саймонс оглядел Костю и протянул руку. — Джефри. Главный строитель и архитектор этого сооружения, — перешёл он на ломаный русский. — Так значит ты сирота?

Костя кивнул.

— Ну и как тебе живётся в детдоме?

— Да ничего. Жить можно..., — уклончиво ответил Гребень.

— Кем думаешь стать после школы?

— Шофёром хотел.

— Это хорошая профессия. Шофёры везде нужны. Сколько тебе ещё осталось?

— Три года. Мне в мае шестнадцать.

— Ну что же, заходи, когда будешь в увольнении. Сашины друзья — мои друзья.

Саймонс хотел уже было вернуться к лебёдке, но Саша остановил его и произнёс по-английски. — Джефри, разговор есть.

— Пошли в вагончик. Там уютно и тепло, и никто нам не помешает. Они поднялись в служебный вагон, который стоял неподалёку. В нём Александр увидел коммутатор селекторной связи, телевизионный монитор и усилитель громковорящей связи. Отсюда Джефри следил за строительными площадками, отдавал

распоряжения бригадирам и мастерам, делал объявления.

Костя поплёлся за ними. Он терялся в догадках. Почему вдруг Губа перешёл на английский и какие у них секреты с Саймонсом?

Александр же рассказал Саймонсу о том, что его приятель недавно вернулся из колонии, где сидел полгода за мелкое воровство, что в детдоме сейчас не лучшая обстановка и что Костю надо спасать. Он талантлив. Хорошо играет на гитаре, поёт, но может пропасть, если ему не помочь. Он предложил Саймонсу привлечь Костю к строительству общины, поручить ему какую-нибудь несложную работу, поддержать материально. Саймонс слушал, кивал головой и поглядывал на Гребня. Тот понимал, что речь идёт о нём, пытался хоть что-нибудь уловить из разговора, но безуспешно.

Наконец разговор был окончен. Саймонс задумчиво барабанил пальцами по столу, потом предложил всем чаю.

— Вот тут Саша хлопчет за тебя, — обратился он к Косте. Просит подыскать тебе какую-нибудь работу, помочь деньгами.

Глаза у Кости загорелись. Он благодарно взглянул на Сашу. А Саймонс продолжал.

— Я подумаю, что тебе поручить. Может селекторную связь? Мой русский оставляет желать лучшего. Прорабы и мастера плохо понимают меня. Приходится много бегать по стройке, объяснять. А ты бы мог дублировать мои распоряжения. Как? Ты не против?

— Я за, — ответил Костя. — Такая работёнка по мне.

— Ну, а ещё придётся много ходить по стройке, смотреть, как идут дела, контролировать бригадиров, мастеров. По монитору за всем не уследишь. Мне приходится и в контору уезжать, заниматься бумагами. Ты будешь моим заместителем, моей правой рукой.

— Я согласен.

— А когда ты бываешь в увольнении?

— Да каждую среду после школы и в выходные.

— А каждый день тебя не отпускают?

— Нет. Можно попробовать договориться со звеньевым, но я не уверен...

— А если я поговорю с директором детдома?

— Попробуйте. Может и получится. Старшекласники у нас каждый день увольняются.

— Тогда поехали.

Ребята сели в красный «Форд» Саймонса и через двадцать минут были у ворот детского дома. Потом минут тридцать ждали пока Саймонс выйдет от директора. За это время Саша успел повидать Винта, Лебедея, Крюка. Только Таня не подошла. Прошла мимо на расстоянии, взглянула издали, остановилась, потом резко отвернулась и пошла прочь.

Саймонс вышел от директора весьма довольный переговорами. В руке он дер-

жал разрешение на свободный выход для Кости.

— Всё, порядок. Ты свободен каждый день после школы до 23-х часов. На, держи!

Костя радостно взял документ и сунул в карман.

— Значит, сегодня я могу вернуться в 11 вечера?

— Конечно.

— Ура! Тогда поехали на стройку!

Они снова сели в машину, но Александр попросил подвезти его к дому. Больше дел на стройке у него не было. У подъезда они с Костей расстались, но тот пообещал ещё зайти.

В 10 вечера он опять появился у Саши. Они прошли в Сашину комнату, и Костя воскликнул:

— Ну, Губа, с кем ты меня познакомил?! А знаешь ты, что твой Джефри — гомик?

Александр растерялся. — И что? Он уже приставал к тебе?

— Не то слово. Он уже поимел меня! Вот деньги.

И Костя показал Саше стодолларовую банкноту.

— Так много?..

— Это аванс. Теперь он от меня не отстанет... А, в общем-то, мне по фигу! Не он, так Винт драл бы. Главное, что деньги хорошие. Понравился я ему.

— Так, где же он тебя? — промямлил Саша, не зная, что и сказать, — в вагончике что ли?

— Зачем? Он домой меня пригласил, накормил. Сам выпил немного. Залезли мы в ванну. Ну, а потом началось... Самец он классный, не то, что Винт! И ванна у него большая, красивая. Так что всё как в лучших домах Лондона! На твои трёхи задрипанные, держи. Теперь я богат!

— Оставь себе, — раздражённо произнёс Александр. — Считаю, что я тебе их подарил.

— Ты что, недоволен?

— Не думал я, что всё так получится...

— Да брось ты, Сань, не бери в голову. Это мои проблемы. Зато теперь Винта я пошлю далеко, далеко! Хватит мне в «шестёрках» ходить. Теперь мне Винт не начальник. В гробу я его видел! Ну ладно, Санёк, мне пора. В 11 надо вернуться. Танька, небось, ждёт. Бывай. Спасибо тебе, ты настоящий друг.

Гребень ушёл, а Саша остался в полной растерянности от услышанного. Правильно ли он поступил, познакомив Костю с Джефри? Чем всё это закончится? Конечно, не все гомосексуалисты плохие люди. И Джефри вовсе неплохой мужик. Но всё получилось не совсем так, как задумал Саша. С одной стороны, всё вроде бы неплохо. Костя почти не будет бывать в детском доме. Теперь он независим от Винта. Но с другой стороны, он зависим от Саймонса. Что лучше? Вопросы, вопросы, вопросы...

2. Королевство «Олимп»

Александр вернулся в свою комнату и плюхнулся на кровать. Но спать не хотелось. Надо было отвлечься от грустных мыслей. Он надел видео-шлем и стал смотреть фильм про королевство спортсменов «Олимп». Оно было построено в Греции, на берегу Салоникского залива, на склонах горы Олимп и в живописной долине примыкающей к побережью, в 100 километрах от города-порта Салоники. Это было самое большое королевство в мире. Камера перенесла Сашу на живописное побережье Эгейского моря, которое было известно ему с малых лет из древнегреческой мифологии. Здесь когда-то жили богини муз и многочисленные античные боги. Всё здесь было освещено их присутствием. Теперь здесь жили земные боги — боги и богини спорта: современные Гераклы и Аполлоны, Зевсы и Прометеи, Авроры и Артемиды. И были их не десятки, а сотни. В королевстве поселились самые выдающиеся спортсмены: чемпионы Европы, чемпионы мира, чемпионы олимпийских игр, и их семьи.

На склонах горы Олимп расположились многочисленные спортивные комплексы. У подножья были построены три стадиона: открытый, крытый и ледовый. Дальше шли марафонская трасса, велотрек, трасса для лыжероллеров и три трамплина с искусственным покрытием. На вершину горы Олимп вела подвесная канатная дорога. По пути было несколько площадок для дельтапланеристов. Крутые северо-восточные склоны были отданы альпинистам. Местами их специально подрезали и взорвали. На западном склоне начиналась трасса для бобслея. В общем, вся знаменитая гора была превращена в спортивное сооружение.

Севернее, в живописной долине разместился автодром, чуть выше — трасса для мотогонок, а на побережье — водная станция и гребной канал. Вся акватория Салоникского залива была отдана яхтсменам и водномоторникам. Спортивные сооружения удачно сочетались с прекрасными садами, парками и коттеджами для тренеров, врачей и спортсменов. Но самым большим сооружением королевства были три купола диаметром по 500 метров, образовавшие треугольник. Под ними разместились 750 благоустроенных квартир для особо знаменитых спортсменов и их семей. Квартиры были в трёх уровнях, плюс открытые площадки на крыше.

На крыше каждого трёхэтажного опорного кольца было сделано множество арок, в каждой из которых на постаменте была установлена скульптура, изображающая спортсмена занятого тем или иным видом спорта.

Под каждым куполом находились плавательные бассейны, вышки для прыжков, гимнастические, волейбольные, баскетбольные, и бейсбольные площадки, теннисные корты, ринги. Всё это было отлично освещено и подготовлено для демонстраций по телевидению. Возле каждого бассейна разместились павильоны с душевыми кабинками, сауной. Под одним из куполов была концертная площадка. На ней часто выступали знаменитые артисты. Это была обычная театральная

сцена и зрительный зал на 1000 мест. Там же проводились собрания общины. Многочисленные учебные площадки позволяли обучать, как школьников с шестого по двенадцатый класс, так и студентов института спорта.

Питались жители королевства в нескольких столовых. Блюда заказывали заранее, в соответствии с предписаниями врачей и тренеров.

Идея собрать под одной крышей всех знаменитых спортсменов принадлежала Международному олимпийскому комитету. Задачей королевства «Олимп» являлось создание оптимальных условий для развития всех видов спорта и самих спортсменов.

В последние десятилетия мировые рекорды улучшались всё реже, а если и улучшались, то незначительно. Человек достиг предела своего физического совершенства, и дальнейшее улучшение было возможно только при перестройке на генетическом уровне. Поэтому, основные надежды возлагались на подрастающее поколение. Рождение детей строго контролировалось. Брачные союзы заключались по рекомендации врачей. Сперма («живая вода» — как окрестили её медики) лучших спортсменов собиралась и поступала в банки элитного генофонда. Оттуда она отправлялась во все концы света для искусственного оплодотворения женщин, пожелавших родить от знаменитости. Стоила она дорого, и пользовались ею только весьма обеспеченные особы. Сперма подростков, родившихся от знаменитых спортсменов и подающих надежды, стоила дешевле и хорошо покупалась поклонницами. Благодаря такой целенаправленной работе Олимпийского комитета по улучшению генофонда, в последние годы мировые рекорды дрогнули и снова пошли вверх. Лозунг: «живая вода — наше белое золото!» получил понимание и поддержку у всех жителей королевства от мала до велика. Даже подростки, славящиеся своей беспечностью, пользовались презервативами и микрохолодильниками для замораживания спермы с тем, чтобы отправить очередную порцию своего семени в именной банк. Совокупление без презерватива могли позволить себе только бывшие спортсмены — пенсионеры, которые уже не сдавали сперму из-за преклонного возраста. Этим часто пользовались молодые девушки из обслуживающего персонала, чтобы родить от своего кумира бесплатно.

Строгий распорядок дня, постоянный медицинский контроль до и после тренировок, всевозможные диеты и стимулирующие медицинские препараты — всё это позволяло выжать из человеческого организма максимум возможного. Спортсмены вели почти спартанский образ жизни. Отбой не позже 23-х часов, подъём в 8 утра. Завтрак, обед и ужин строго по расписанию. Никаких излишеств! Ограничения в сексе всячески приветствовались, особенно перед соревнованиями. Они позволяли мужчинам накопить тестостерон и увеличить силу, энергию, выносливость. Женщинам же вводили мужские половые гормоны.

Из-за многочисленных ограничений спортсмены были самыми несвободными людьми в мире, но шли они на эти ограничения добровольно и сознательно. Они были фанатично преданы спорту. Он составлял цель и смысл их жизни.

Камера переходила от одной спортивной площадки к другой, и всюду Александр видел молодых здоровых мужчин и женщин, загорелых, хорошо сложенных, ловких и быстрых. Среди них были низкие и высокие, мощные и сухие, тяжёлые и лёгкие и каждый из них преуспел в своём виде спорта.

Гимнасты были невысоки, но очень стройны и красивы как боги. У футболистов и спринтеров были мощные ноги. У штангистов всё поражало объёмом и массой. У стайеров тело было тонким, сухим, жилистым и только грудная клетка была весьма развита. У волейболистов и баскетболистов тела были сухими, длинными и очень подвижными. Своей ловкостью они напоминали обезьян. Пловцы были очень обтекаемы, имели мощные грудные мышцы, руки напоминающие грабли и ноги со ступнями огромного размера. Их можно было причислить к отряду ластоногих.

Камера задерживалась на каждой площадке не более одной минуты, но площадок было много и путешествие по ним длилось целый час. Это был очень интересный сеанс. Саша увидел и знаменитых фигуристов и хоккеистов и прыгунов с трамплина и футболистов. Интервью они не давали, зато показали своё мастерство, и это было лучше, чем любые слова.

В королевстве постоянно устраивались спортивные соревнования, чемпионаты мира и периодически проводились Олимпийские игры. Это приносило немалые доходы, позволяющие королевству безбедно существовать. Возглавлял королевство «Олимп» Международный олимпийский комитет, который находился там же.

В заключение диктор сказал, что королевство «Олимп» дало миру более десяти тысяч прекрасных спортсменов и внесло неоценимый вклад в улучшение генофонда человечества.

3. Социальная справедливость.

Как-то в конце недели Александр пришёл из школы и сел обедать. Он собирался отдохнуть с полчаса и отправится в Медвежью падь на горнолыжную трассу. Дедушка сегодня был дома. Юля накрыла на стол.

— Ну, что, внучек, хорошего в школе? — спросил Евгений Робертович.

— А чего там хорошего? Учат нас. Забивают голову всякой ерундой.

— Какой же, например?

— Да вот по истории изучаем экономические системы прошлого: рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую. Зачем это надо? — пожал плечами Александр.

— Наверное, чтобы не делать тех ошибок, какие делали раньше. Чтобы иметь эффективную экономику.

- А какая у нас сейчас экономика?
- Сейчас у нас экономика развитого цивилизованного общества.
- А это капиталистическая или социалистическая?

— Ни та и ни другая. На мой взгляд, экономика — это наука, а наука не может быть ни капиталистической, ни социалистической, как не может быть капиталистической физика, химия, математика. Нет капиталистической экономики, нет социалистической экономики, есть просто государственный хозяйственный механизм, хороший или плохой, эффективный или неэффективный. Приклеивание к экономике политических ярлыков не ведёт ни к чему хорошему, поскольку они делают её догматичной, застойной. Такая экономика не оптимальна, не научна. Хозяйственный механизм, формы управления производством не терпят застоя. Они подвижны, они должны изменяться по мере подъёма экономики на новые ступени, по мере развития производительных сил общества.

То что, было хорошо 10–20 лет назад, сегодня уже не оптимально. Нужно постоянно искать новые формы управления экономикой. Менять приоритеты в отраслях, пропорции между ними, инвестиции. Это сложно. Нужно очень тонко чувствовать состояние экономики в данный период и принимать единственно правильные решения, чтобы сохранить высокие темпы роста промышленности, сельского хозяйства, науки.

Когда после Второй мировой войны многие капиталистические государства Европы лежали в руинах и их экономика находилась в стагнации, тогда быстрый подъём экономики был возможен только при наличии хорошо продуманного плана и государственной поддержки всех важнейших экономических отраслей. Но по мере роста экономики регулирующая роль государства постепенно снижалась. Частные компании и фирмы быстро становились на ноги и сами начинали успешно справляться с возложенными на них обязанностями. Государство, правительство теперь лишь контролировало деятельность различных фирм и пресекало возможность неумеренной наживы одних и разорение других. Своей инвестиционной политикой и налогами оно регулировало пропорции между различными отраслями экономики и добивалось решения необходимых экономических и социальных проблем.

Социалистические государства имели только государственную форму собственности на средства производства и поначалу тоже развивались неплохо. Но по мере роста экономики, роста количества фирм, товаров, услуг, государственное регулирование становилось всё менее эффективным, несмотря на раздутые штаты министерств и ведомств. Отсутствие рынка, конкуренции и личной заинтересованности работников управления в результатах своего труда породило безответственность, халатность, что и привело к низкому качеству управления, к снижению эффективности экономики и, как следствие, к снижению темпов роста промышленного производства, к более низкому жизненному уровню народа в странах социализма.

Борясь с капиталистической эксплуатацией, стараясь защитить интересы трудящихся, руководители этих стран отказались от частной собственности на средства производства. Но, как говорится, «вместе с водой выплеснули и ребёнка» — утратили заинтересованность рабочих и служащих в результатах своего труда, заинтересованность в росте производительности труда. Плюс невозможность, сложность централизованного управления всеми предприятиями из столицы, из министерств. В результате получили застой в экономике, бесхозяйственность, неэффективное использование производственных мощностей и сырьевых ресурсов. Поэтому, в конце двадцатого века социализм перестал существовать как политическая система. Он проиграл капитализму. «Производительность труда, в конечном счёте, самое главное, самое важное для победы нового общественного строя» — любил говорить В. И. Ленин на заре строительства социализма в СССР. Но этот лозунг остался пустым звуком. Его взяли на вооружение и претворили в жизнь капиталисты.

— Да, но в социалистических странах, говорят, было больше социальной справедливости? — заметил Александр.

— Это верно, — согласился дедушка. — Отсутствие безработицы, бесплатное образование, бесплатная медицинская помощь, привлекали к странам социализма умы многих людей. Но более низкий уровень жизни отпугивал эти же умы. Жить там они не хотели.

На первый взгляд может показаться, что противоречия между капитализмом и социализмом носили чисто экономический характер. Там рынок, частная собственность, здесь плановая экономика и государственная собственность на средства производства. Но корень противоречий я вижу не в форме собственности, а в морально-нравственных нормах, в понятии справедливости. В конечном счёте, все противоречия сводятся к тому, что считать допустимым с точки зрения справедливости?

Главный вопрос состоит в том, допустимо ли чтобы один человек был богаче другого в сто, в тысячу раз и более? Допустимо ли столь сильное социальное неравенство? Может ли оно быть морально оправдано? Если исповедовать принцип равной оплаты за равный труд — то не может. И тут капитализм проигрывает социализму по нравственным критериям. Не может один человек трудиться в сто, в тысячу раз эффективнее другого, если последний не лентяй и не дурак. Конечно, если взять за единицу отсчёта труд лентяя или безработного, то при делении на ноль может получиться разница в бесконечность. Но мы говорим о людях, которые хотят и умеют работать. И вот тут-то способности каждого должны определять его уровень жизни, материальный достаток. Конечно, под эффективностью понимаются не только количественные характеристики труда, но и качественные. То есть принимается в расчёт не только количество произведённой продукции, но и её качество. Это значит, что чем выше квалификация рабочего, инженера, врача, управленца, тем дороже должен оплачиваться его труд. Но насколько дороже? Вот вопрос! Количество измерить просто, а как быть с качеством? Как измерить квалификацию учёного, педагога, артиста, менеджера?

Можно подсчитать количество научных трудов, можно подсчитать хорошие и плохие отзывы, зрителей, но всё равно это не гарантирует от ошибок. Не все научные труды равноценны и не все зрители в театре объективны. Да и нужно ли только материальными благами вознаграждать за труд? Нормально ли это с точки зрения норм морали? Какое место в жизни человека должны занимать материальные блага? Достаточно ли того, что высоко талантливый человек будет материально обеспечен в десять раз лучше среднего рабочего, но при этом у него будет известность, слава, поклонники, ученики? Стоит ли стремиться к безудержному обогащению? И так ли уж талантливы современные миллионеры и миллиардеры? Нет. При ближайшем рассмотрении оказывается, что большинство из них по уровню своих знаний и способностей не очень-то отличаются от среднего человека. Они не работают по 24 часа в сутки, не генерируют сногшибательных идей по улучшению производства. У них нет научных работ. В лучшем случае они образованы, воспитаны, и только! Так почему же они должны жить в сто, в тысячу раз лучше рабочих, инженеров, которые трудятся на их заводе, фабрике? Какое у них на это моральное право? Никакого.

— Да, но состояние многих из них скапливалось по крохам годами, — заметила Юлия. — Переходило по наследству от деда к отцу, от отца к сыну. Как мы можем обеспечить на практике работу нравственного принципа «равную оплату за равный труд»? Всё лишнее отобрать в пользу государства? Но станут ли остальные люди от этого богаче, счастливее? Да и как делить, по какому принципу? Неясно... И зачем отбирать? Если богатство — это завод, фабрика, магазин, то не всё ли равно за кем оно числится, за государством или за конкретным владельцем? А если владелец попытается воспользоваться своим богатством в личных, корыстных целях, ударится в кутежи, круизы, то он быстро промотает его. Оно перейдёт в руки других людей. Тогда и отбирать ничего не надо!

— Согласен, — кивнул Евгений Робертович. — Если богатство накоплено по крохам долгими годами и упорным трудом, то оно вполне законно и отобрать его никто не имеет права. Но есть и другие формы создания капитала. Например, прадедушка был пират и награбил миллионы. Дедушка пустил их в дело и приумножил богатство, отец окончил Оксфорд, и успешно управляя фирмой, нажил миллиарды. А теперь эти миллиарды достались сыну. Вроде бы всё законно. Грязные первоначальные деньги отмыты и приумножены. Правнук не может отвечать за грехи прадеда. Но первоначальные-то деньги были грязными! Да и само преумножение денег не всегда бывает чистым. И тут опять встаёт вопрос о нравственных нормах приумножения капитала. Наверное, каждый согласится, что грабить и воровать безнравственно. А если воровать по чуть-чуть, но всю жизнь? Это нравственно или нет? А если не воровать, а просто недоплачивать своим рабочим, инженерам? Если занижить расценки труда? Как это назвать? Воровство? Жульничество? А ведь именно так накапливаются состояния! Владелец фирмы, беря на работу наёмного рабочего, договаривается с ним об оплате и при этом зара-

нее планирует нажиться на нём. Условия договора он чётко выполняет, и вы не можете на него пожаловаться. Но он богатеет, сорит деньгами направо и налево, а вы бедны. Это справедливо? Нет. А как сделать справедливо? Нужно установить контроль над владельцем фирмы, над его личными доходами и расходами. Всё должно быть открыто и прозрачно. Пусть богатеет фирма в целом, все рабочие и служащие, а не только её владелец. Иногда целесообразно преобразовать частное предприятие в акционерное общество с долевым участием государства, банков, других фирм, а также частных инвесторов — рабочих и служащих. Назначить директора предприятия и пусть его зарплата или премия зависит от успехов всего предприятия. При этом конечно, следует сохранить рыночные отношения, конкуренцию, чтобы был стимул работать лучше, развивать производство.

— А как быть, если человек никого не обманывал, не грабил, а люди сами несут ему деньги? — спросил Саша. — Скажем это какой-то благотворительный фонд или сбербанк. В нём скапливаются миллионы и миллиарды. Чьи это деньги?

— Это деньги фонда, банка, но не его владельца. Эти деньги должны работать, а не лежать мёртвым грузом. Владелец не в праве тратить их на себя. Он, как и любой директор фирмы, должен жить на свою зарплату. И это справедливо.

— Значит даже самые талантливые люди, гении, не имеют права жить лучше среднестатистического рабочего более чем в десять раз? А если люди пришли на концерт любимого артиста и заплатили большие деньги за билеты, что ему делать с этими деньгами? — не унимался Александр.

— Ну, во-первых, талант, гений тоже должен иметь совесть. Он не должен заламывать слишком высокие цены за концерт. Во-вторых, лишние деньги он может потратить на благотворительные цели, на помощь инвалидам, сиротам, студентам. Да мало ли где ещё нужны деньги! И в третьих, я не говорил, что именно в десять раз и не больше. Это ориентировочная цифра. Для гениев можно сделать исключение. Пусть гений позволит себе больше роскоши, больше удобств, чем просто талантливый человек. Гениев не так уж много и человечество на них не разорится. Но ответь мне на такой вопрос. Гений — артист и гений — учёный, они равноценны между собой?

— Наверное, да.

— Но гению — артисту люди сами несут деньги, а гению — учёному нет. Труд у них одинаково тяжёл, а пользы человечеству от гения — учёного даже больше. Однако жить он может гораздо хуже артиста. Это справедливо?

— Нет.

— А что же делать?

— Платить гению — учёному столько же, сколько гению артисту.

— Но как это сделать?

— А для этого и существуют всякого рода премии за выдающиеся достижения в науке, технике, в искусстве и в спорте, — подсказала Юлия.

— Верно. За выдающиеся работы надо премировать отдельно. И об этом

должно заботиться государство. Тогда социальный статус гения — учёного, гения — артиста и гения — спортсмена сравнивается. И пусть в какой-то период времени они станут богаче среднего рабочего даже в сто раз! Это не страшно. Ведь они заслужили свои награды и премии. Они никого не ограбили и ни у кого не украли эти деньги. Выдающиеся достижения даются великим трудом. Долгие годы люди идут к ним, получая обычную зарплату. А премия — это компенсация за тот титанический труд, который раньше оставался незамеченным и который, наконец, вылился в рекорд, в открытие, в произведение искусства, в изобретение.

— Значит вполне возможно примирить мораль и законность, рыночную экономику и социальную справедливость? — спросил Саша.

— Их уже примирили. Бывают, конечно, в рыночной экономике казусы, когда кто-то вдруг прогорает, а кто-то получает слишком большие доходы. Но для этого есть государство, законы. Получил слишком большую прибыль — плати прогрессивный налог. Прогорел — получи страховку, помощь от государства. И будь умнее в следующий раз.

Основной принцип социальной справедливости в цивилизованном обществе — это принцип эквивалентности распределения материальных и духовных благ. Он жидется на формуле: «сколько ты дал обществу, столько и общество должно отдать тебе». Из него, как следствие вытекает, что в справедливом высокоморальном обществе:

- все трудоспособные члены общества обязаны трудиться;
- оплата труда должна производиться в соответствии с его количеством, качеством и общественной значимостью, т. е. полезностью (бесполезный для общества труд не оплачивается);
- все члены общества имеют равную оплату за равный труд.

Первое следствие приводит нас к тому, что все трудоспособные члены общества обрабатывают нетрудоспособных (детей, инвалидов, стариков). Одновременно ведётся борьба с бездельниками, тунеядцами, разгильдяями, с нетрудовыми доходами.

Второе следствие позволяет избежать уравниловки в оплате труда. Оно позволяет повышать оплату тем, кто трудится интенсивнее и создаёт материальные или духовные ценности более высокого качества, чей труд требует более высокой квалификации. Общество реализует это право через механизм спроса и предложения, т. е. через рыночный механизм образования цен. Но не всё можно отдать в руки рынка. То, что касается научных разработок, высоких технологий, произведений искусства, то тут общество не способно что-либо правильно оценить и цена устанавливается специалистами — экспертами, назначенными государством. То же можно сказать и о руководящих работниках. Их квалификацию и уровень оплаты может оценить только совет директоров исходя из того, как идут дела на предприятии.

Третье следствие гласит, что оплата труда должна производиться независимо от социального положения, пола, возраста, национальности, убеждений и любых других факторов, не влияющих на качество продукции, на качество услуг.

— Да, но принцип равной оплаты за равный труд не всегда достижим на практике, — заметила Юля. — Если предприятие расположено далеко от источников сырья, электроэнергии или от потребителей продукции, то ему приходится больше тратить на транспортировку сырья, материалов и себестоимость товаров возрастает. Следовательно, чтобы иметь прибыль и успешно конкурировать на рынке, ему придётся платить своим рабочим меньше, чем на таком же предприятии находящимся в более выгодных условиях.

— Это верно. Географический фактор, природные условия и законы рынка могут влиять на уровень оплаты труда и за один и тот же труд на разных предприятиях могут платить по-разному, но всё это должно быть экономически обосновано, а главное, что в рамках одного предприятия этот принцип должен выполняться неукоснительно.

Конечно, реализация указанных принципов на практике — задача непростая. Не всегда удаётся правильно оценить общественную полезность труда, не всегда правильно оценивается квалификация работника. Имеют место как завышенная, так и заниженная оценки, но всё же эти принципы позволяют сделать общество более справедливым гуманным по отношению к человеку. И в этом их ценность.

Александр отставил пустую тарелку, и встал из-за стола.

— Спасибо. Я пойду к себе. Полежу, подумаю. Мы ещё этого в школе не проходили. Наверно все эти принципы должны быть в Уставе нашей общины?

— Конечно. Я недавно записал их в проект Устава. Поэтому я так уверенно и говорю на эту тему. Я перечитал уставы других общин. Почти у всех эти принципы записаны и даны соответствующие пояснения.

— А я думал, что ты их сам выдумал, дед.

— Нет. Я в экономике и социологии не силен. Однако приходится осваивать. А что делать? Учиться никогда не поздно.

4. Соревнования.

В семье Андрея Гевко всё шло своим чередом. Зоя была третий месяц беременна, но чувствовала себя неплохо. Первые три недели были признаки небольшой интоксикации, временами её подташнивало, кружилась голова, но потом, с помощью врачей всё прошло. Андрей работал над дипломным проектом и готовился к соревнованиям по бодибилдингу.

Наконец наступил день соревнований. Лучших спортсменов ждала путёвка в Москву. Найск выставил команду из десяти человек. Был воскресный день. Андрей встал в девять утра, помылся, побрился, позавтракал и поехал в спортивный комплекс вместе с Зоей и Катей. Полчаса ушло на натирание гримом и разминку. Наконец высокая комиссия вызвала атлетов на подиум.

Соревнования больше напоминали демонстрацию мод. Мужчины в узеньких плавках демонстрировали своё тело. Они выходили из-за кулис и непринуждённо прохаживались, делая физические упражнения под музыку, кто что хотел. Это был первый конкурс, конкурс красоты тела, красоты движений, пластики. Мужчины как бы танцевали, играя мышцами. Его оценивали зрители. Жюри лишь подводило итоги.

Вторым этапом была демонстрация поз. Тут атлеты выходили по одиночке, становились на круг и принимали разные классические позы. Они до предела напрягали мышцы рук и ног, раздвигали плечи, сжимали мышцы живота. Поз было десять. Круг медленно вращался и каждая поза занимала один оборот. Зрители могли разглядеть спортсмена со всех сторон.

Третий конкурс демонстрировал групповые атлетические упражнения с гирями. Спортсмены стояли на подиуме и под музыку тягали тяжёлые двухпудовые гири. Эти упражнения требовали не только силы, но и определённой артистичности. Оценивались красота и лёгкость движений, чувство ритма.

В первом конкурсе Андрей, к удивлению Зои, занял первое место. Его высокий рост, стройная атлетическая фигура и внушительное мужское хозяйство, слегка прикрытое плавками, стали для зрителей образцом мужской красоты, силы и сексуальности. Но второй конкурс отбросил Андрея на девятое место. Жюри отметило недостаточный объём мышц, малую ширину плеч и сухость ягодич. Хотя проработка мышц получила высокую оценку. Третий конкурс оказался более удачным. Андрей выполнил упражнения с гирями чётко, довольно легко и почти не сбивался с ритма. Тут он занял пятое место. В результате он оказался на шестом месте в общекомандном зачёте. Поездка в Москву ему не грозила, да он и не претендовал на победу. Шестое место после всего лишь года тренировок было для него большим достижением.

После соревнований Андрею вручили пачку фотоснимков, на которых он был запечатлён во всех позах и во всех видах состязаний.

— Это надо поместить в наш семейный альбом, — сказала Зоя, садясь в машину. — Отличные снимки!

Андрей улыбнулся. — Тогда туда же надо поместить и твои пляжные фотографии, где ты снималась в прошлом году одна и с Катюшей. Кстати, там она голенькая.

— Давай. Получится семья в полном составе, — согласилась Зоя.

Они приехали домой и Андрей с Зоей залезли в ванну. Надо было помочь

Андрею смыть грим. Катя увязалась с ними.

С недавних пор они часто мылись втроём, всей семьёй. Зоя и раньше мылась с Катей, но когда появился Андрей, Зоя решила, что Кате среди них не место. Мало ли, что бывает между мужем и женой в ванной.

— Зря ты воспитываешь её зашореной пуританкой, — заметил как-то Андрей. — В мужском теле, как и в женском, нет ничего неприличного. У молодых оно естественно и красиво. А сексом при ней мы заниматься не будем. Так что ничто не угрожает её нравственности. Она же ещё ребёнок! Вот после восьми — девяти лет пусть моется отдельно. Зато, когда она станет взрослой, ей будет легко с любимым мужчиной.

Зоя подумала и согласилась. Почему они могут любоваться друг другом, а Катя не может? С тех пор они часто мылись втроём. По началу Катя с интересом рассматривала гениталии Андрея, а однажды, когда Андрей мыл её плечи мочалкой, даже потрогала их. Но потом стала относиться к мужским половым органам почти безразлично. Ей нравился Андрей весь, целиком. Нравился его высокий рост, стройная атлетическая фигура, рельефные мышцы. А ещё ей нравился его красивый мужской голос, его чёрная, с крупными локонами, шевелюра и его большие чёрные глаза. Она полюбила своего отчима и в один прекрасный день, когда Андрей обтирал вымытую Катю полотенцем, назвала его папой. Он воспринял это с радостью в душе и гордостью за свои педагогические способности. Он стал самым близким для неё человеком, и она согласилась назвать его своим отцом.

Вымывшись, Андрей и Зоя, накинув халаты, уединились в спальне. Андрей достал из тумбочки эротический альбом и стал расставлять свои новые фотографии. Зоя принесла ему пачку своих и Кати.

— Вот она на берегу озера, вот роется в песке, вот лежит на животике, — комментировала Зоя.

— Прекрасно. Мы поместим её рядом с нашими фотографиями. Только придётся кое-что переставить. И он принялся вместе с Зоей пополнять альбом.

— Скоро он уже заполнится, — задумчиво произнёс Андрей.

— Но через семь месяцев у нас родится сын. Надо оставить место и для него.

— Несколько его фотографий я обязательно помещу. Я сниму, как ты его кормишь, купаешь, носишь на руках. Но вообще-то нужен новый альбом для сына. Там поместим все его фотографии от рождения до зрелого возраста. А ещё я сфотографирую тебя на девятом месяце беременности. Обнажённая беременная женщина по-своему прекрасна.

Зоя улыбнулась. — Одевайся, милый, нам пора обедать.

Они оделись и вышли в гостиную. Нина Васильевна стала накрывать на стол.

— Давай отметим моё шестое место, — предложил Андрей и достал графинчик с коньяком.

5. Королевство муз.

В марте заканчивалась третья четверть. Перед весенними каникулами Саша позвонил Раковским в Москву.

- Слушаю, — раздался басок Валеры.
- Привет.
- Это кто?
- Не узнал?
- Сашка? Ты?
- Я. Как вы там?
- Да так... Живём понемногу.
- На каникулы к нам собираетесь?
- Если пригласишь, приедем.
- Я вас ещё зимой приглашал.
- Ну, тогда порядок.. А Юля с Сергеем не против?
- Нет. Она тоже приглашает вас.

Юля взяла трубку. — Валера, приезжайте. Мы ждём вас. Передай это папе и маме.

- Ладно.
- Саша снова взял трубку.
- А что Женька делает?
 - Стоит рядом.
 - Передай ей, что я её жду.
 - Ладно.
 - Когда приедете?
 - Если 23-го вечером выедем, то 24-го будем у вас.
 - Отлично. Ждём. Пока.
 - Будь здоров.

Телефон смолк.

«Значит, через три дня Женька будет здесь, — подумал Саша. — Отлично. Неплохие намечаются каникулы.

Он походил по комнате, думая, чем бы ещё заняться, потом достал компакт-диск, сел в кресло, надел видео-шлем... и...

Перед глазами Саши раскинулось лазурное Тирренское море, скалистый берег Сицилии, залив Палермо, живописный мыс Галло. Слева прекрасный итальянский город, справа — «Королевство муз». По мере приближения телекамеры, всё чётче вырисовывались окрестные горы, великолепный парк на склонах и огромный стеклянный купол с позолоченным шпилем в центре. На шпиле круглый блестящий шар, а выше кораблик — бригантина, указывающий направление ветра. По бокам купола башенки, на каждой из которых какая-нибудь фигура изображающая различных сказочных героев из сказок всего мира. Весь купол

ощетинился открытыми форточками, обеспечивающими совместно с кондиционерами комфортный температурный режим внутри.

Камера прошла над парком, и Александр увидел мраморные бассейны с голубой водой, фонтаны, декоративные кустарники, цветы, ажурные скамеечки, беседки и множество прекрасных статуй — копий известных античных скульптур и целых композиций на темы греческой и римской мифологии. По дорожкам парка неторопливо прогуливались поэты и композиторы, писатели и художники, драматурги и скульпторы. Это было место встреч служителей муз, место общения, место отдыха и место их творчества. За парком начинались сплошные девственные леса, где можно было найти покой и уединение.

На берегу залива служителей муз ждали прогулочные катера, яхты и лодки, на которых они могли совершать дальние и ближние морские прогулки. Красота и уединение, прекрасный климат и общение с себе подобными, создавали атмосферу комфорта и творчества. Служители муз не жили здесь постоянно, это было дороговато, но регулярно приезжали сюда отдыхать и работать. Они жили во всех концах света, на всех континентах, но встречались именно здесь. Здесь задумывались новые литературные произведения, здесь писались стихи и поэмы, рождались песни и музыка, скульптуры и сценарии фильмов. Здесь устраивались творческие вечера и выставки художников.

Внутренность королевства, заключённая под купол, представляла собой сплошной ботанический сад. Там были собраны почти все растения планеты, начиная с тундры и кончая тропиками. Растения тундры располагались непосредственно возле мощных кондиционеров несущих под купол влажный охлаждённый воздух, а ближе к центру — тропики и субтропики. В тропическом поясе было полно ярких разноцветных птиц, поющих на разные голоса, по дорожкам разгуливали павлины, а на деревьях сидели обезьяны, охотно спускавшиеся к людям за лакомством.

По периметру купола, в небольших двориках, была устроена картинная галерея, вобравшая в себя копии полотен известных мастеров живописи прошлого и картины современных художников. Многие из них выставлялись впервые именно там. В центре двориков возвышались скульптуры и скульптурные композиции современных мастеров, включая выставки восковых фигур.

Под куполом и вокруг него разместилось около тысячи уютных двухэтажных квартир, но места всем желающим не хватало, поэтому часть творческой интеллигенции поселилась в многоэтажных отелях на берегу. Многие приезжали отдыхать семьями, но большинство предпочитало отдых без семейных уз. Поэты, художники и композиторы не очень тяготели к семейной жизни, к заботам о ближнем. Это отвлекало от творчества, погружало в мир обыденных мирских сует. Большинство из них сами были как дети и требовали внимания и заботы. Женщина — подруга, в их понимании, должна пробуждать в мужчине возвышенные чувства, вдохновлять на творчество, на поступки! И они обзаводились

подругами, которые специально приезжали в Палермо со всей Италии и ближних стран. Они слетались сюда как мотыльки на свет в надежде пообщаться со своим кумиром. Они отдавались любовным утехам самозабвенно и страстно. Но это были не просто женщины, это были красивые женщины, образованные, культурные. С ними можно было беседовать об искусстве, заниматься любовью и наслаждаться красотой. Только такие нравились служителям муз, только такие пускались в королевство. Многие из них потом становились жёнами поэтов и композиторов или подругами на долгие годы.

А ещё в королевстве был салон гейш. Это были не обычные гостиничные пуганы — девушки на одну ночь, а женщины специально подготовленные к общению с тонкими и умными людьми. Они преуспели в искусстве обольщения, в искусстве любви. Они могли доставить мужчине такое наслаждение, от которого он терял голову и становился рабом страсти. Любовь рождала в нём массу чувств, эмоций, и все они выплёскивались в виде стихов, музыки, песен.

Гейши становились их подругами и участницами творческого процесса. Они делали всё, чтобы источник творчества не иссяк. Они не просто соблазняли мужчин, они руководили их чувствами; то обольщали, то вдохновляли, стараясь поддержать высокую творческую активность своих фаворитов. Это продолжалось неделями и месяцами, пока не спадал любовный жар, пока не рождался очередной шедевр искусства. Потом всё кончалось, всё успокаивалось. Нельзя же гореть вечно! Гейша брала отпуск, чтобы через некоторое время снова стать источником вдохновения может быть уже для другого поэта или писателя. Гейши не стремились к замужеству и рождению детей. Их целью было будить чувства, возбуждать мужчин, побуждать их к творчеству, и они преуспели в этом. Это было смыслом их жизни, и они гордились своими способностями. Они тоже были творческими натурами, но творили они любовь.

Был в королевстве и салон плейбоев — красивых молодых парней призванных сводить с ума поэтесс, художниц и прочих служителей муз женского пола. Дело в том, что не все из них были молоды и красивы, и не все имели мужа или любовника. Далеко не у всех удачно складывалась личная жизнь. Непомерные запросы и амбиции мешали нормальным отношениям с мужчинами. Некоторым поэтессам это шло даже на пользу. Личные неудачи рождали боль в душе, неуравновешенность, неврастению, и всё это выплёскивалось в стихах, в музыке, в песнях. Но слишком длительные переживания угнетали, вредили творчеству. Женщинам нужны были передышки от одиночества, нужны были маленькие победы, небольшое везенье в личной жизни, чтобы окончательно не свихнуться. И плейбои с успехом восполняли отсутствие постоянных мужей или любовников. Все они были психотерапевтами. Все они прошли специальную подготовку по методам общения с тонкими, нервными и амбициозными натурами. И в королевстве муз женщины не чувствовали себя одиночками. Они сами выбирали себе друга и были с ним столько, сколько хотелось. В плейбои отбирали образован-

ных, тонко чувствующих мужчин от 25 до 40 лет, умеющих обольстить женщину и доставить ей наслаждение. Поэтессы влюблялись и теряли голову. Их настроение менялось, у них вырастали крылья, а стихи и песни лились из них как из рога изобилия. Многие потом становились матерями. Они очень любили своих детей, которые напоминали им о прекрасном друге, о лучших мгновениях их жизни, но воспитание детей поручали няням.

Вообще же в королевстве старались жить весело. Это лечило измотанные тяжелой творческой работой души его обитателей. Постоянно устраивались эстрадные концерты, приглашались знаменитые артисты, да и сами служители муз не прочь были блеснуть талантами. Композиторы устраивали прекрасные гала-концерты, причём без единого музыканта. Они писали музыку на компьютере и подключали к нему пару синтезаторов с дюжиной акустических колонок. Каждая колонка исполняла свою партию, имитируя свой музыкальный инструмент, и получался огромный оркестр, который без дирижёра точно исполнял замысел композитора. Нередко вечерами устраивались танцы до полуночи.

Люди ехали сюда отдыхать и лечиться от плотских и от душевных болезней. Тут был курорт. Спортивных сооружений было немного, поскольку служители муз не любили утомлять себя физическими упражнениями. Зато был прекрасный физиотерапевтический комплекс, бальнеологическая лечебница и множество туристических маршрутов по окрестностям. С ночёвками у костра, с подстроеными заранее приключениями, с любовными интригами и похождениями. А ещё море, солнце и дивный средиземноморский воздух, от которого кружилась голова, и хотелось петь, плясать и любить.

Никакого распорядка дня в королевстве не было. Каждый жил как хотел, как он привык, как ему было удобно. Лишь бы ему было хорошо. Питались все в ресторанах. Их было несколько, и каждый из них славился своей кухней. Были итальянская, русская, украинская, французская кухня, а также грузинская, китайская, японская и африканская. Каждый мог выбрать то, что ему по вкусу.

Наконец фильм закончился и Александр понял, что это самое лучшее королевство в мире, но и самое дорогое. В Найске такого не построишь. Таланты сюда не поедут. Здесь в Сибири нужно много работать и учиться, грызть гранит науки, а не порхать среди музыки, стихов и песен. Эта жизнь не для него. А впрочем, может ещё и удастся съездить когда-нибудь на средиземноморские курорты, подышать воздухом Эллады, пообщаться с талантами, знаменитостями? Чем чёрт не шутит? Ведь отдыхал же он во Флориде, и очень неплохо. Так что не стоит расстраиваться. Вся жизнь ещё впереди, несмотря на его столетний возраст.

Глава IV.

1. Снова с Женей.

Наступило 24-е марта — день приезда Раковских. К 17.00 Сергей поехал на вокзал встречать гостей. Юля, Саша и Евгений Робертович остались дома. Юля накрывала на стол, Евгений Робертович помогал ей, а Саша играл с Викой. Она значительно подросла, хорошо узнавала родителей и очень полюбила Сашу. Когда он брал её на руки, она улыбалась во все четыре зуба. Саша целовал её, щекотал кончиком носа лицо, разговаривал с ней, легонько подбрасывал, и Вика смеялась во весь свой прелестный ротик.

В половине шестого в дверях показались Георгий Евгеньевич, Рита, Валера и Женя.

— О, Сань, привет, — пробасил Валера.

Он ещё больше вырос, был одет в чёрный кожаный костюм в обтяжку, весь блестящий, стройный, на голове чёрный ёжик в виде петушиного гребня, подкрашенный зелёной краской, в ухе толстая серьга, на пальцах перстни, на шее золотая цепь. И уже не только редкие усики, но и тёмные волоски на щеках и подбородке украшали его лицо.

— Ну, ты и панк! — произнёс Александр.

— Это я так, для прикида. Девки клюют на всё блестящее и тёмное.

Они обнялись, и тут Саша увидел Женю. На ней был такой же чёрный костюм весь в кнопках, пряжках, молниях, на голове короткая стрижка под мальчика, волосы сверху осветлены, в ушах клипсы.

— О! Да ты настоящая леди! Леди Гамильтон! — воскликнул Александр.

— Тогда ты — мой адмирал Нельсон, — смеясь, ответила Женя.

— Нельсон был одноглазый.

— Это не долго исправить, — сострил Валера.

В это время к Саше подошёл Георгий Евгеньевич, протянул руку.

— Ну, здравствуй. Как живёшь, Сашёк? Как здоровье?

— Нормально. Теперь я в клинику хожу только раз в квартал. Зверев сказал, что чаще не надо. Анализы хорошие.

— Прекрасно. А как успехи в школе?

— Тоже нормально. Мне Юля купила все лекции за 10-й класс. Если что не понятно, я дома прокручу диск и всё ясно. Иногда у Сергея спрашиваю. Он физику хорошо знает. Она самая трудная. Я понял, что главное это не запускать

материал. Вовремя сдавать хвосты.

— Правильно, молодец. Держи марку своего отца. Он был большой умница.

— Прошу всех за стол, — сказала Юля.

Гости уже разделись и прошли в комнату. Тут их дожидался Евгений Робертович.

— Здравствуй па, — сказал Георгий Евгеньевич. — Как ты тут? По Москве не скучаешь?

Они обнялись.

— Нет. По Флориде скучал раньше, а теперь привык. Тут чистый воздух, прекрасная северная природа, друзья, рыбалка. Здесь я не чувствую себя одиноким, ненужным. Стройку посещаю. Саймонс оказался очень расторопный мужик. Всё у него крутится, все работают. Никаких особых проблем.

Дальше разговор пошёл о счетах, договорах, подрядчиках и прочих делах в которых Саша мало разбирался. Он сел рядом с Валерой, Женя сидела напротив него рядом с мамой.

Давайте выпьем за нашу встречу, — предложил Сергей. — Я конечно, не оригинален, но зато предлагаю от души.

Все выпили шампанского. Разговор пошёл веселее. Взрослые говорили о своих делах, а Саша поглядывал на Женю и разговаривал с Валерой.

— Как ты там, в Москве-то? Чем занимался?

— Да разное было, — уклончиво ответил Валера.

— Девушку-то свою не бросил?

— Завязал... То ли я ей надоел, то ли кто другой у неё появился, только сказала, чтоб не ходил больше. Теперь у меня другая подруга.

Георгий Евгеньевич предложил новый тост. Взрослые уже пили коньяк, а молодёжь всё ещё баловалась шампанским. У Саши слегка кружилась голова. Он глядел на Женю и вспоминал, как хорошо они дружили зимой и в голове у него зрел план. Женя тоже частенько поглядывала на Сашу, потягивая шампанское. Лицо её покраснелось, раздумянилось, глаза заблестели, и она стала ещё привлекательнее.

После третьего тоста Александр тихонько встал, подошёл к двери и сделал Жене знак рукой. Она кивнула. Александр вышел в прихожую. Через минуту там появилась Женя.

— Чего тебе?

— Да так... Хочется побыть с тобой, понимаешь? — сказал он смущаясь. — Помнишь, как нам хорошо было вместе?

Он взял в ладони лицо Жени и нежно поцеловал. Она благодарно взглянула на него, обняла и прижалась.

— Ой, Сашка, дорогой, как я по тебе соскучилась!

Потом обхватила его голову и стала страстно целовать щёки, губы, глаза. — У тебя уже усики и пушёк на щеках!

Глаза у Саши заблестели, щёки запылали румянцем, и весь он стал прекрасен в своей юности, непосредственности и искренности.

— Ты знаешь, мне хотелось бы быть с тобой каждый день и каждую ночь, — сказал он.

— Ты делаешь мне предложение? — спросила Женья.

Александр удивлённо взглянул на неё.

— Но ты же предлагаешь мне «руку и сердце», как сказали бы в старину.

— Да? — растеряно спросил Александр. — Возможно...

— И ты никогда меня не бросишь?

Александр пожал плечами — А зачем? Мне с тобой хорошо. Я, как только увидел тебя сегодня, сразу понял, что только ты мне нужна.

— Ладно. Пошли в комнату, а то родители заметят наше отсутствие.

Через минуту они присоединились к застолью. Валера подозрительно посмотрел на Сашу.

— Где это вы с Женькой были?

— Да так, поговорили немного в прихожей.

— Смотрите, малолетки, доиграетесь!

Александр промолчал и стал прислушиваться к разговору взрослых. Говорил Сергей.

— А вы знаете, что современная генетика способна воссоздать генетические коды давно умерших людей?

— И что это нам даёт? — спросила Рита.

— А то, что мы можем восстановить генетические коды Пушкина, Гёте, Лермонтова, Шекспира, Байрона и многих других гениальных поэтов, писателей, художников прошлого. Для этого достаточно иметь кусочек их кожи или волосок с любой части тела.

— Ну, на счёт кожи, это, наверное, уже невозможно, — заметил Евгений Робертович. — А вот волосы... это наверно реально. Они могли сохраниться в медальонах у родственников, их можно обнаружить в старых рукописях, в одежде гениев. Если всё тщательно осмотреть, то можно найти.

— И тогда вы сможете возродить Пушкина, Лермонтова, Гёте? — спросила Рита.

— Да хоть Эйнштейна! Мы можем воссоздать второго, третьего, наконец, десятого Пушкина, генетически идентичного первому.

— И вы считаете, что все они будут также гениальны, как первый?

— На счёт гениальности не знаю... Задатки гениальности у них, конечно, будут, а вот станут ли они гениями или нет, зависит от многих факторов, от жизненных обстоятельств, от воспитания. Гениальность это, прежде всего труд, каторжный, одержимый! а не только талант. Нужна именно та атмосфера, те люди, которые окружали Пушкина, Лермонтова, Гёте. Нужна та эпоха. Иначе их гениальность может не проявиться или она проявится совсем иначе, в другой сфере. Внешне все Пушкины будут точной копией их генетического предка —

Александра Сергеевича, но внутренний мир у них будет иной.

— Но гениальный учёный, бизнесмен или артист — это тоже неплохо, — возразил Георгий Евгеньевич.

— Конечно. Но он может не стать гениальным на новом поприще. Тут нужны другие гены, другое воспитание. Учёному нужна усидчивость, настойчивость, а главное — страстное желание исследовать. Ничто великого в мире не делается без великой страсти! Но по характеру Пушкин был холерик, а значит непоседа. У него был острый ум, но он не мог долго заниматься одним делом. Он быстро загорался, но и быстро остывал. Только стихи были его страстью, и тут он был необычайно работоспособен. Всё остальное ему быстро надоедало. У него было пылкое воображение, но оно может только помешать учёному.

— Так, может новый Пушкин тоже примется за сочинение стихов? — спросила Рита.

— Может быть..., а может и не быть. Прочитав стихи своего предшественника, он может сказать, что лучше написать уже невозможно. Ведь первый Пушкин шёл к гениальности другим путём. Тогда не было телевизоров, компьютеров, магнитофонов и пылкое воображение, творчество скрашивало досуг. Сейчас у молодёжи почти нет досуга, нет свободного времени. Если оно появляется, то сразу заполняется видеофильмами, компьютерными играми, музыкой, танцами, сексом. Для творчества времени почти не остаётся. Мы в основном только потребляем культуру созданную другими. Мы усваиваем её, но слабо пополняем.

— Ну, это не правда, — возразил Георгий Евгеньевич. — Очень много людей трудятся в сфере культуры и искусства.

— Трудятся, но не создают шедевры! Они больше пропагандируют культуру, доводят её до потребителя.

— Шедевры тоже создают, но маловато. Молодёжь для этого не годится. Тут нужны зрелые мастера, которые уже наигрались на компьютерах, устали от телевизоров, но сохранили живость восприятия, остроту чувств и загорелись творчеством! Гениев всегда не хватало. Гений — это родник, из которого бьёт фонтан творчества. Он не может не творить, его распирает от идей. Они не дают ему покоя, мучают, пока не воплотятся во что-нибудь стоящее. Гений горит творчеством и часто сгорает раньше времени, уходит из жизни. Но что делать? Такова судьба гениев.

— Так может быть и из нового Пушкина тоже забьёт фонтан творчества? Пусть он не будет сочинять стихи, зато сможет придумывать гениальные компьютерные игры! — заметил Саша.

— Это не исключено, и даже очень возможно, — ответил Сергей.

— Так почему же до сих пор не создали новых Пушкиных, Лермонтовых, Ломоносовых? Их надо создавать десятками, сотнями!

Сергей усмехнулся. — Наверное, не было заказа. Никто не хочет брать на себя ответственность. Ведь потом потребуется и соответствующее воспитание гения.

Создать генетическую копию гениального человека несложно, но кто возьмёт на себя ответственность за последствия? Ведь может получиться полный провал! А вдруг гений станет бандитом?

— Да... гений — это всегда серьёзно. Гений — злодей опасней злодея — дурака. Тут нельзя допустить промашки в воспитании, — заметил Евгений Робертович. — А наши преподаватели больше специалисты в теории, чем в практике. На словах они всё знают и всё умеют, а на деле полно огрехов в воспитании молодёжи.

На этом разговор закончился. Георгий посмотрел на часы.

— Ну, нам пора. Спасибо за угощение, за кампанию.

Раковские поднялись из-за стола.

— Ты, папа здесь останешься или пойдёшь с нами в гостиницу? — спросил Георгий Евгения Робертовича. — У нас четырёхкомнатный люкс. Места всем хватит.

— Пойду, пожалуй. Побуду с вами. Побеседуем. Соскучился уже.

Раковские оделись и вышли на улицу. Сергей и Саша решили их проводить. Александр шёл рядом с Женей и сжимал её ладонь в своей.

— Ты завтра придёшь? — тихо спросила она.

Александр кивнул. — В одиннадцать. На лыжах пойдём покатаемся? Снегу ещё много. Правда, днём он тает и на склонах уже появились проталины, но я хорошо знаю трассу.

Женя согласно кивнула.

— А я завтра на снегоходе погоняю, — заявил Валера. — Ребят повидаю знакомых. На реке лёд ещё крепкий.

Они расстались возле гостиницы. Воспользовавшись темнотой, Женя чмокнула Сашу в щёку. Александр возвращался в «пещеру» и душа его пела от радости. «Женька приехала! Женька! Теперь погуляем! Вот это каникулы! Вот это жизнь!

2. Прогулка.

На следующий день в 11 утра Саша был у Раковских. Валерка уже увистал гонять на снегоходе. Женя надела свой вчерашний костюм из чёрной кожи в обтяжку и направились на лыжную базу. За ночь выпал свежий чистый снежок и на время вена как бы отступила. Все деревья и кусты были засыпаны снегом. Но температура к полудню поднялась до плюс пяти, и снег стал интенсивно таять. Яркое солнце светило так, что становилось жарко в спортивной одежде.

Саша и Женя взяли лыжи и на подъёмнике добрались до вершины слаломной трассы. Александр заметил, что многие парни гоняют на лыжах в одних плавках

и некоторые из них уже слегка загорели.

— Вот здорово. Это красиво! Кругом снег и вдруг стройные загорелые тела, да ещё на лыжах! С самого лета не видал загорающих.

Они постояли на вершине, любуясь панорамой ущелья, лыжниками, крутившими виражи, и Александр предложил:

— Ну что, поехали?

— Ой, я уже всё забыла! У меня ноги не едут.

— Давай, давай, смелее! Не трусь.

И он первым сиганул вниз. Женя смотрела на его удаляющуюся фигурку, и ей захотелось догнать его. Она оттолкнулась палками и поехала. Сначала робко, неуверенно, потом быстрее, быстрее. Александр не спешил спускаться, он закладывал крутые виражи, рисовал змейки, а то и кружил на лыжах как на коньках, поднимая то одну ногу, то другую. Он просто танцевал, и в душе у него звучала музыка. Наконец они встретились на середине горы, и Женя удивилась с какой лёгкостью он выполняет сложные манёвры. Как грациозно движутся его руки, ноги. Он кружил вокруг Жени как дорогая оправка вокруг брильянта, и все присутствующие любовались этой парочкой. В самом низу Александр зашёл сзади, догнал Женю, присел и подхватил на колени. Она ойкнула от неожиданности, взмахнула руками, но Александр удержал её. Так она и съехала с горы на коленях у Саши.

Внизу он заметил Аню. «Значит и Ванечка где-то здесь», — подумал Александр. Он не подошёл к ней, не поздоровался, а стал искать глазами Фадеева. Вскоре он заметил его. Ванечка на большой скорости нёсся по склону. Вот он нырнул в ложбину, выскочил наверх, взмыл в воздух, пролетел метров десять, приземлился, заложил вираж, другой, третий. Снег веером брызнул из под его ног. Это было красиво. Всё в Ванечке говорило о силе, о мастерстве. Не было только изящества, музыки в его движениях. Они были резки и решительны.

Он подъехал к Ане и стал о чём-то разговаривать. Она кивнула. Ванечка снял спортивный костюм, майку и остался в одних плавках. Фигура у него была отменная. Он сложил одежду возле Ани и полез наверх по склону. На бугре уцепился за кресло подъёмника, ловко забрался в него и помахал Ане рукой.

— Пошли отсюда. Прогуляемся по лесу, — предложил Александр.

— А мне тут понравилось, — сказала Женя.

— Там тебе понравится ещё больше.

Они вернулись на базу, взяли беговые лыжи и направились в ущелье Белёк. Народу здесь почти не было. В начале лыжня была ещё слегка укатана, но через пару километров свежий снег был не тронут. Местами под ногами хлюпала вода, местами образовались лужи, ручейки пересекали дорогу то тут, то там, но Александр упорно шёл вперёд. Вот и третий километр, поворот, огромный камень в стороне.

— Помнишь? — спросил Александр, указывая на камень. — Это наш камень! Пошли?

Женя кивнула.

Они зашли за камень и сняли лыжи. С левой стороны была низинка заполненная талой водой, но вокруг камня было сухо, если не считать влажного снега. На камне его не было вовсе. Он давно уже стаял. Александр приложил ладонь к освещённой солнцем поверхности.

— О! Да она тёплая! — воскликнул он. — На ней можно загорать. Давай разденемся?

— Но у меня нет пляжного костюма, — потупясь ответила Женя.

— Ерунда. Зачем он тебе? Нас же никто не видит.

И Саша стал раздеваться.

— Давай, не трусь!

Он стоял перед ней в белых облегающих трусиках, стройный, красивый, с румянцем на щеках и смотрел на неё. Женя начала раздеваться. Лифчик она ещё не носила, но груди уже хорошо обозначились. Александр залюбовался ею. Было совсем не холодно. Лёгкий ветерок приятно пощипывал кожу, а солнце грело совсем по-весеннему.

— Иди ко мне, — сказал он, протягивая Жене руки.

Она подошла, взглянула ему в глаза нежно, доверчиво, как невеста жениху. Александр обнял её и поцеловал.

— Ложись на камень, загорай.

Женя легла на спину, юная, стройная. Саша посмотрел на неё и глотнул слюну. Он почувствовал, что трусы уже мешают ему. Быстро снял их и бросил на камень.

— Смотри, какой он у меня... Во! — гордо сказал он, показывая свой фаллос.

— Ничего себе дубинка, — ответила Женя, усмехнувшись.

Он подошёл к ней и опустился сверху. Тела их соединились в страстных объятиях, и всё утонуло в восторге близости. Женя обхватила его спину и вскоре затрепетала как птица в сетях птицелова.

Но вот Саша замер, ноги Жени опустились, объятия раскрылись, а губы устало шепнули: — Спасибо козлик.

Александр отстранился и лёг на спину. Они лежали рядом и наслаждались тёплыми лучами. Только солнце смотрело на них с высоты и им казалось, что оно тоже любит ими. Что оно немного завидует им, завидует их молодости, их любви, их счастью.

Через несколько минут Александр встал, отошёл в сторону, зачерпнул в руку горсть снега и обтёр им свой поникший детородный орган, потом озорно посмотрел на Женю и бросил в неё снежок. Тот угодил ей в пах.

— Ой, хулиган! — воскликнула Женя, сжав бёдра. — Ну, сейчас ты у меня получишь!

И она, соскочив с камня, осыпала Сашу целой пригоршней талого снега. Тот увернулся и бросил новый снежок. Завязалась перестрелка. Сашка прыгал

как козлик, увёртываясь от Жениных снежков. Она носилась за ним с весёлым визгом. Через несколько минут они были мокрые и сверкали на солнце десятками капель. Наконец Женя поскользнулась и оказалась в жидкой снежной каше. Александр поднял её и стал ладонью стряхивать холодную воду с тела.

— Балда! Ты же простудишься! Вот сумасшедшая! Помнишь, как у тебя в январе заболело горло в самом начале каникул?

Он схватил свою майку и стал вытирать Женю.

— Ты намочишь свою майку, — забеспокоилась она. — Ты тоже можешь простудиться!

— Я закалённый. Каждый день купаюсь в холодной воде.

— Я тоже закалённая. Я тоже обливаюсь холодной водой и ем мороженное.

— И твоё горло не болит?

- Мне его вылечили. Как только мы вернулись в Москву, папа отвёл меня в поликлинику. Там мне сделали ультразвук с гидрокортизоном, и всё как рукой сняло. Теперь я здорова.

— Это хорошо. Может, тогда съездим в океанариум, поплаваем с аквалангом? Там достаточно тёплая вода, и солёная, как в море.

— Я согласна. Я уже слышала про него.

Они оделись, встали на лыжи, и пошли обратно.

Саша пригласил Женю к себе домой. Они пообедали и закрылись в Сашиной комнате смотреть фильмы. Вернее смотрела Женя, надев видео-шлем, а Саша лежал на тахте, поглядывая на неё и думал: «Как хорошо, что у меня есть Женька. Я наверно влюбился, но это так приятно, чёрт возьми. Жалко, что она скоро уедет. Уж очень короткие эти каникулы». Он задремал и проснулся лишь тогда, когда Женя потрясла его за плечё.

— Пошли, прогуляемся, — предложила она.

Они вышли на улицу, долго бродили по городу, потом зашли в кафе, посидели, выпили кофе, съели по порции мороженого, потанцевали, и Александр пошёл провожать Женю в гостиницу. Они долго целовались в пустом холле, потом Женя пригласила Сашу к себе.

— Пошли, поговорим на счёт океанариума с родителями.

Все Раковские были дома.

— А, молодёжь наша вернулись! Где были, что делали?

— На лыжах катались, — ответила Женя. — Потом у Сашки видик смотрели, потом сидели в кафе.

— А я так классно на снегоходе покатался! — заявил Валера.

— Он пришёл домой весь мокрый, хоть выжимай! — сказала Рита.

— Ну и что? Грохнулся пару раз. На реке поверх льда вода выступила.

— Свернёшь ты себе шею, негодник, или простудишься, — сказал отец.

— Не бойсь, па, всё будет о'кей! Я уже из ванны сауну сделал и прогрелся, как следует. Завтра опять погоняем!

— Завтра мы решили в океанариум съездить, — сообщил Георгий Евгеньевич. — Звонил Сергей. Они с Юлей приглашают нас поплавать с аквалангами.

— Это же как раз то, что мы хотели предложить вам с Сашей! — воскликнула Женья.

— Вот и прекрасно.

Валера недовольно поморщился. — Нашли время. Тут каждый день дорог. Скоро лёд начнёт таять, а вы в океанариум собрались.

— Лёд не скоро растает. Реки обычно вскрываются в конце апреля. Так, что ещё накатаешься, — успокоил его Георгий.

Валерий подумал и согласился. — С аквалангом я тоже люблю. Ладно, поехали.

3. Подводные приключения.

На следующий день, после завтрака все отправились в океанариум. Ехали на двух машинах. Вторую взял напрокат Георгий Евгеньевич. Доехали через час. Ещё издали увидели высокие трубы и столбы пара выходящие из них. Они создали целое облако над ГТЭС, которое тянулось на восток и таяло в голубом безоблачном небе. День предстоял погожий. На шоссе не было ни снежинки, но вокруг снег лежал ещё сплошным серым покрывалом.

Озеро у ГТЭС было свободно ото льда не меньше чем на полкилометра. Десятки уток и чаек держались у кромки льда и вдоль каменистой гряды.

На автостоянке было достаточно многолюдно. Все вышли из машин и направились в пункт проката. Взяли две оранжевые надувные лодки, шесть аквалангов и поплыли к каменистой гряде.

— Давайте обогнём её и подойдём с другой стороны, — предложил Александр. — Здесь довольно много народу, а там почти никого. Тут мы в прошлый раз собирали мидии и всё уже осмотрели.

— Давайте, — согласился Сергей, и они направились вокруг острова.

Женья держала руку в воде и мерила температуру. Мужчины налегли на вёсла.

Вскоре они пришвартовались к противоположному берегу острова. Тут действительно никого не было. Ленивые чайки нехотя слетели с насиженных мест, недовольно покрикивая на незваных гостей. Александр выскочил на берег и скрылся за уступом скалы, чтобы переодеться. Другие мужчины последовали его примеру. Женщины, Рита, Женья и Юля переоделись прямо в лодке, пока мужчины отсутствовали. На Жене были узенькие красные плавки и узенький, символический лифчик. Рита надела зелёный купальник, а Юля жёлтый в поло-

ску. Вода в месте их стоянки была двадцать два градуса. Вику раздели и положили загорать на дно лодки. От прямых солнечных лучей борта лодки нагрелись до тридцати с лишним градусов и создали вполне комфортные условия для малышки.

Надели акваланги и договорились по одному не плавать. Только парами, для страховки. Решили осмотреть всю северо-восточную часть острова, набрать мидий, рапан и гребешков.

Первыми ушли под воду Георгий Евгеньевич и Рита. За ними Сергей, Саша, Валера и Женя. Евгений Робертович с Юлей остались в лодке.

Сначала аквалангисты поплыли в сторону холодной воды, чтобы потом можно было погреться в тёплой, возле юго-западной оконечности острова, недалеко от водосброса. Георгий и Рита сразу занялись сбором гребешков, благо на этой стороне острова их было довольно много. Сергей и Валера собирали мидии. Саша с Женей поначалу плавали вместе со всеми, но потом Александр незаметно поманил Женю, взял за руку, и они поплыли в сторону ГТЭС. Это привлекло внимание Валеры, который украдкой следил за ними.

«Надо бы поглядеть, куда слиняли эти малявки, — подумал он. — За ними нужен глаз да глаз, да нельзя бросить Сергея одного».

Однако вскоре он всё-таки уловил момент и покинул Сергея, когда тот приблизился к Раковским. Плыл быстро вдоль острова и смотрел по сторонам с пятиметровой глубины. Доплыл до конца гряды, но Сашки и Жени нигде не было. «Куда они могли подеваться? Неужели я пропустил их? Надо взять левее и пройти в обратном направлении». Валера пошёл влево, описал дугу и тут увидел возле дна слипшуюся парочку. От них поднимались пузыри воздуха. «Вот они! И уже слились как кальмары! Сексом занимаются в невесомости!.. Вот так же наверно и папанька с маманькой заделали меня на «Голиафе». А эти кого заделают? Опять я опоздал. Стой, а что это там справа краснеет на дне? Да это же их плавки! Так и есть, под камешком! Метрах в восьми. Украсть или нет? Вот смеху-то будет! Но как потом отдать? Сашка сразу в бутылку полезет. Да и Женька врежет по физию. От неё всё ожидать можно. Они же психи, эти влюблённые! Женька ни за что голой не покажется перед всеми. Она лучше утопится. А, впрочем, этих малявок, кажется, сносит всё дальше и дальше. Они и так не сразу найдут их».

Пока Валера раздумывал, Александр распластался возле дна, освободив Женю. Та зависла над ним и медленно поднималась к поверхности. У неё была положительная плавучесть. Она не могла видеть Валеру, т. к. всплывала спиной вверх, зато Александр заметил, что за ними подсматривают. Он сразу узнал Валеру и обозлился. «Ну, гад, и тут от него не скрыться! А что, если он опять всё расскажет деду? Нет, не должен. А если расскажет, то я ему морду набью. Пусть он сильнее, но я тоже не слабак, а злости у меня на двоих хватит! Главное огоршить его. А может прямо сейчас? Нет, не стоит. Женька тоже увидит этого урода. Однако надо бы одеться. Где тут наши плавки?» И Александр поплыл вверх,

работая ластами, чтобы с высоты найти заветный камушек. Валера зашевелился и рванул назад к острову. Только его и видели.

Поднявшись метров на десять, Саша и Женя стали осматривать дно. Однако ни камешка, ни плавок нигде не было. Они поплыли наугад, но всё было напрасно. «Кажется, влипли, — пронеслось в голове у Саши. — Ничего, главное без паники. Они где-то тут. Нас просто снесло. Но куда? В какую сторону? Он вспомнил, как Георгий Евгеньевич учил его определять скорость и направление течения. Александр опустился на дно, коснулся его пальцем и замер, считая, про себя до десяти. Палец прочертил на песке чёткую линию. Саша понял, что их снесло влево от ГТЭС. Женя не поняла его манёвра и осталась кружить в вышине одна. Она всё дальше и дальше уплывала от Саши. Её охватила паника. Александр рванулся за ней. Вскоре он настиг её и потащил туда, где по его расчётам, должен лежать камень. И действительно, неподалёку он увидел его. Они опустились на дно и оделись. Александр поглядел через маску в лицо Жени и заметил слёзы, которые она не могла вытереть. Александр обнял её, погладил по спине. Они взялись за руки и поплыли вдоль острова обратно.

Метров через триста они увидели днища своих лодок, а возле них Георгия Евгеньевича и Риту. Видны были только их туловища, поскольку головы обоих торчали над поверхностью. Они поддерживали за животик голенькую Вику. Та резво двигала ножками и ручками. Ниже висели Сергей и Валера. Сергей делал ему какие-то знаки. Тот что-то отвечал руками. Валерий заметил Сашу с Женей и показал на них. Сергей посмотрел в их сторону и кивнул головой. В руке у него болталась авоська с мидиями. Он достал водолазный нож и стал отдираť новых мидий от скалы. Александр подплыл ближе и стал помогать. Женя принимала гроздь мидий от Саши и опускала их в сетку. Вскоре она была полна. Парни подняли её на поверхность и опустили в лодку.

— А где Евгений Робертович? — спросил Сергей.

Юля показала ему в направлении ГТЭС. — Туда поплыл. Там, говорит, вода теплее.

— Давно?

— С полчаса уже.

— Пора бы ему и вернуться.

— Ничего страшного, — ответил Георгий. — Папа хорошо плавает и полчаса для него нормально. Скоро появится.

А тем временем Евгений Робертович возвращался назад в отличном настроении. Сегодня он опять встретил в женской зоне тех двух женщин, которые попались ему зимой. Они узнали его и разговорились. Оказалось, что обе они медицинские работники. Одна врач — уролог и зовут её Нона, другая — старшая медсестра, зовут её Инна. Обе работают в клинике, знакомы со школьной скамьи. Ещё в школе были подружками. Вместе поступали в медицинский институт. Только Инна не поступила и осталась работать медсестрой. Обе они не замужем.

Живут вместе и не хотят разрушать свой женский союз. Им обоим по сорок два года. Узнав, что Евгений Робертович тоже врач, холостой, да ещё доктор наук, женщины пригласили его в гости.

Евгений Робертович не прочь был познакомиться поближе с симпатичными дамами и решил зайти. Вскоре он доплыл до своей лодки. Сергей и Георгий помогли ему забраться.

Домой все вернулись к обеду и устроили пир из жареных мидий, дополнив их сёмгой, красной икрой, маринованными кальмарами и бутылкой коньяка. А ещё горкой варёной дымящейся картошки, солёными огурчиками, зелёным лучком и помидорами.

4. Визит.

В тот же вечер Евгений Робертович отправился в гости к своим новым знакомым, Нонне и Инне. Они встретили его радушно.

— Заходите, Евгений Робертович, будьте как дома. У нас редко бывают мужчины, а такой гость, как вы, впервые. Не стесняйтесь. Сейчас сядем за стол, расслабимся, поговорим, послушаем музыку.

Евгений Робертович разделся в прихожей и прошёл в гостиную.

— Вот наша квартирка, — сказала Нона. — Здесь гостиная, а там две спальни.

Евгений Робертович отметил про себя, что у них такая же квартира, как у Сергея с Юлей, только расположена на втором этаже над землёй. Да потолки не сводчатые, а самые обыкновенные. Стены покрыты фотообоями. Много мягкой мебели, стереовизор, ковры, вазы. Уютно. Словом, всё как в обычной интеллигентской квартире среднего достатка.

Вскоре сели за стол, но не в гостиной, а на кухне.

— Здесь привычней, — сказала Инна. — Вы не возражаете?

— Ну, что вы! Я и сам не люблю излишней помпезности. На кухне мне нравится. Чистенько, светленько. Этот пластик мне напоминает клинику. Кажется, что я всё ещё работаю, что я кому-то ещё нужен.

— Да. Я вас очень понимаю, сказала Нона. — Я и представить себе не могу, что я когда-нибудь буду на пенсии. Работа — смысл моей жизни. В клинике меня уважают, там чувствуешь себя человеком. Личная жизнь у нас, как видите, не сложилась. Мы обе не замужем.

— И никогда не были? — спросил Евгений Робертович.

— Нет... Мужчины у нас были, по молодости, но потом их не стало. Понимаете, не можем мы найти с ними общий язык, духовную близость.

Физическая близость была, а духовной не было. Да и с физической-то вечно проблемы. Если Инна приведёт домой мужчину, я уйду из дома. Если я приведу, уходит она.

— Зачем же уходить? Ведь у вас две спальни.

— Нет. Не могу я видеть, как они танцуют, целуются, как он её соблазнять начинает. Мне становится не по себе. Ревность какая-то возникает. Понимаете, мы с Инной любим друг друга с детства, со школьной скамьи. Мы подруги, мы одна семья, мы лесбиянки...

— Ааа... Тогда понятно. Это бывает. И потому у вас нет детей?

— У меня нет, а у Инны есть дочь. Но теперь она взрослая, замужем. Сынишка недавно родился. Она живёт сейчас у мужа. А раньше спала во второй спальне. Мы в первой, а она во второй. Так, что та спальня не пустовала.

— А вы не пытались заиметь ребёнка?

— Почему же не пыталась? Пыталась. Да бог не дал. Понимаете, когда с мужчиной встречаешься от случая к случаю, трудно забеременеть. С ним нужно жить постоянно, хотя бы пару месяцев. А у нас были только эпизодические встречи. И то мы не раз ссорились с Инной из-за этого...

Потом, когда она забеременела, я вообще перестала приводить сюда своего друга. Ведь не выставишь её, беременную, на улицу! А больше встречаться было негде. У него семья. Не в парадной же это делать!

— А вы, Инна, что ж не вышли замуж? Если бы хоть одна из вас вышла замуж, ваш союз бы распался, и тогда другая тоже могла бы найти себе спутника жизни.

— А я не хотела замуж. Я любила Нону. Одно дело переспать с парнем, другое — жить с ним всю жизнь. На это у меня не хватало ни смелости, ни желания.

— Понятно. Значит, теперь вы так и будете жить вместе до конца жизни?

— Да. Мы уже вышли из того возраста, когда девчонки влюбляются в парней без памяти и выходят замуж. У нас есть дочь, и мы считаем её нашей общей дочерью, есть внук, дай бог не последний, и нам ничего другого не надо. Если вы будете изредка нас навещать, то мы будем вам благодарны. Вы хороший собеседник. Нам с вами легко. И вы мужчина, к которому мы не ревнуем друг друга. Вы нам как отец. Вы знаете, есть какое-то шестое чувство, когда увидишь человека, поговоришь с ним несколько минут, и он сразу располагает к себе. Кажется, что ты знаешь его давно — давно! Вот такое чувство у нас по отношению к вам.

— Спасибо. Мне с вами тоже хорошо.

— А почему вы один? Где ваша жена, дети? — спросила Нона.

— Моя жена давно умерла, а сын, Георгий, в Москве. Но сейчас он с женой и детьми здесь в Найске, на каникулах. Так, что я не совсем одинок. Но вы правы, мне не хватает женского общества.

— А почему вы не женитесь? Вы ещё достаточно бодрый мужчина.

— Да вот, не довелось как-то... Всю жизнь работа, работа, работа! Сначала

кандидатскую писал, потом докторскую диссертацию. Потом симпозиумы, конференции и опять работа. А свободное время уходило на сына.

— Значит, он рос без матери?

— Да. Но у меня всегда была прислуга, и он ни в чём не нуждался.

— Но женщины-то у вас были?

— Была одна... Я сделал её управляющей на своей вилле, во Флориде. Но в прошлом году мы расстались. Она оказалась замешанной в одной очень неприглядной истории. Она не была бескорыстным человеком.

— Понятно... Ну что же, будем рады, если вы найдёте у нас то женское общество, которого вам не хватает. Мы будем дружить с вами совершенно бескорыстно.

— Спасибо. Вы мне обе очень нравитесь.

Они сидели за столом, перед ними стояла бутылка хорошего вина, фрукты, и они говорили не стесняясь о самых сокровенных вещах. Позади у каждого была большая длинная жизнь, и они знали о ней всё. Поэтому и понимали друг друга с полуслова.

— Скажите, а что сейчас нового в урологии? — спросил Евгений Робертович у женщин. — Я как-то уже поотстал от новостей медицины.

Да ничего особенного, — ответила Нона. — Недавно получили новый лазер для дробления почечных камней. Очень эффективный прибор.

— И как же он их дробит?

— А очень просто. Вводим волоконную оптику через уретру в мочевой пузырь пациента, а оттуда в левую или в правую почку. Потом продвигаем её по мочеточным каналам к камню, а когда достигаем камня, даём мощный световой импульс. Происходит микровзрыв и камень дробится в песок. А затем уж выводим песок, подавая в мочевой канал воду по микротрубочке. Вот и вся операция.

— Волоконная оптика это гибкий световод?

— Совершенно верно. Пучок очень тонких стеклянных волокон.

— А как вы контролируете продвижение световода по почечным каналам?

Во время операции ведётся непрерывный наружный контроль с помощью звуковизора. Мы ясно видим камень, конец световода и с помощью микроманипулятора направляем его в нужную сторону.

— Но это, наверное, очень болезненная операция?

— Да, если делать её без анестезии. Но мы вводим больному по микротрубке лидокаин и обезболиваем стенки уретры и почечных каналов. У мужчин очень длинная и болезненная уретра. У женщин всё проще. У них уретра гораздо короче и шире, поэтому мы применяем обезболивание только в самой почке.

— Значит, вы не применяете наркоз? — уточнил Евгений Робертович.

— Не применяем. Больной находится в полном сознании. Мы разговариваем с ним. Обычно разговариваю я, а Инна вводит световод. Больному легче, когда его отвлекают.

— А раньше, я помню, больным дробили камень ультразвуком. Это было очень болезненно. Да и почка травмировалась.

— Ну, это было давно! Теперь так не делают.

Они посидели ещё немного, и Евгений Робертович стал собираться.

— Спасибо за гостеприимство. Рад был познакомиться.

— Вы хотите нас покинуть? — разочаровано спросила Инна.

— Да уже поздно...

— А куда вам спешить? Оставайтесь у нас до утра. Мы ещё потанцуем с вами, погреем друг друга в постели. Вас ведь давно не грели женщины? Чего тут стесняться? Дело житейское. Вы не робкий юноша, а мы не девочки.

— Да я как мужчина уже не в форме, — смущённо произнёс Евгений Робертович.

— А мы и это знаем.

— Ну, если так, то я, пожалуй, останусь.

Евгений Робертович позвонил Георгию, что слегка «перебрал» в гостях и остаётся на ночь. Инна включила музыку в гостиной, и они стали танцевать. Старый профессор с удовольствием обнимал то одну, то другую прелестную даму, а те льнули к нему, отдавая истосковавшуюся по ласке душу старца теплом и нежностью.

Потом они помылись и легли на широкую кровать. Женщины прижались к нему с двух сторон, нежно целовали, ласкали его мужские органы, и стариковское сердце Евгения Робертовича таяло от сладкой неги. Никогда ему ещё не было так хорошо и уютно. Впервые за много месяцев холостяцкой жизни он почувствовал себя мужчиной.

А утром женщины пошли на работу. Евгений Робертович встал вместе с ними, позавтракал и отправился в гостиницу. Он хорошо выспался и чувствовал лёгкость во всём теле. В душе его расцвела весна. Его любили и он любил этих прекрасных дам, которые согрели его стариковское сердце.

5. Волшебная ночь.

На следующий день, как обычно, в одиннадцать Александр был у Раковских. Георгий Евгеньевич и Рита приветливо встретили его. Валеры уже не было. Он умчался гонять на снегоходе. «Значит, не выдал нас, урод, — подумал Александр. — Если бы рассказал родителям про наши подводные приключения, такого приёма бы не было». Женя скромно молчала, сидя в кресле.

— Пошли, погуляем, — предложил Александр.

— Куда?

— Да куда-нибудь.

— Пошли.

Она оделась и вместе с Сашей вышла из номера.

— А давай заглянем в подвал! — предложил Александр. — Помнишь, там был склад старой мебели?

Женя молча кивнула. Они спустились на первый этаж, прошли через вестибюль и нырнули в дверь, ведущую в бассейн. Знакомый коридорчик, дверь справа, спуск в подвал. Висячий замок на двери, но рядом с ними ещё дверь, как раз та, которая ведёт на склад. Александр толкнул её. Дверь не открылась. Подёргал за ручку. Бесполезно. Чертыхнулся.

— Заперта, зараза! В прошлый раз была открыта, а сейчас заперта. Что же делать? — Александр растерянно посмотрел на Женю.

— Может, в музей ходим? А?

— Нет. Музей не годится. Понимаешь, я не хочу делать всё это наспех, как-нибудь. Мне нужна настоящая любовь, а не просто близость. Я хочу быть с тобой долго, ласкать тебя, а ты предлагаешь чёрт знает что!

— Но где же найти такое место?.. Может, опять в ущелье Белёк сгоняем, к нашему камню?

— Пошли, — вздохнув, согласилась Женя.

Они вышли из гостиницы. Сели в автобус и доехали до лыжной базы. Народу было мало. Только упрямые лыжные фанаты всё ещё не хотели закрывать зимний сезон.

— Давай сначала с гор покатаемся?

— Давай.

Они взяли горные лыжи и поднялись на подъёмнике. Солнце уже растопило снег на вершине и Саше пришлось спускаться в обход по кустам. Женя едва попевала за ним. Наконец они выбрались на ровную площадку, и Александр стал крутить виражи. Снег был влажный, крупинчатый, серый. Местами на буграх проступали жёлтые глинистые кочки, которые были исполосованы лыжами. Александр проскочил ложбину, выскочил на бугор, подпрыгнул и перелетел через проталину. Женя, шедшая за ним, не успела подпрыгнуть и врезалась во влажную землю. Она поднялась вся грязная, мокрая. Её блестящий чёрный кожаный костюм являл собой жалкое зрелище. Александр бросился отчищать глину. Он хватал руками серый снег и тёр им колени, живот, локти Жени.

— Ложись, ложись на спину. Мне так легче будет.

Женя легла на снег, а Саша принялся горстями посыпать её. Кое-как через полчаса совместными усилиями они привели костюм в порядок. Спустились вниз и остановились. Народу внизу почти не было. Кругом были лужи из талой холодной воды.

— Ну что? Куда теперь? — спросил Саша. У него уже пропало желание кататься на лыжах.

— В ущелье я не пойду, — сказала Женя. — Я вся мокрая. Мне надо обсохнуть и выстирать костюм. Пока он мокрый, грязь не заметна, а высохнет — станет весь в разводах. Я хочу домой.

— Поехали, — обречёно сказал Александр.

Через двадцать минут они снова стояли у гостиницы. Не сложилось сегодня у них как-то. Оба чувствовали себя не в своей тарелке.

— Может, вечером погуляем? Посидим в кафе, потанцуем, — предложил Саша.

— Давай.

— Тогда я зайду в шесть?

— Заходи.

Они расстались.

«Чёрт побери, — думал Александр, возвращаясь домой, — завтра Раковские уезжают. Через два дня закончатся каникулы. Сегодня мы вместе с Женькой последний вечер. Надо бы что-то придумать». Но ни одной подходящей мысли так и не пришло ему в голову.

Вечером в шесть Александр вновь посетил Раковских. Валера был уже дома и получил взбучку от родителей. Он вернулся с катания с разбитой коленкой и в порванных брюках. Теперь он сидел надутый и просматривал журнал «Сибирь». Женя молча оделась и они вышли.

В кафе было тепло, играла музыка. Они выпили кофе, и Александр пригласил Женю на танец. Они танцевали и целовались украдкой. Всё естество Саши тянулось к ней, но большего чем объятия, они не могли себе позволить.

— Я хочу быть с тобой, козлик, — сказала Женя, обнимая шею Саши.

— Я тоже, но где?

— Я хочу спать с тобой всю ночь. Приходи ко мне сегодня. Я сплю одна. У нас три спальни. В одной дедушка с Валеркой, в другой родители, а в третьей я. Придешь?

— Но что я скажу Сергею и Юле?

— Ты ничего не говори. Ты приходи ночью, когда все спят. Двери гостиницы закрываются в 12, а открываются в 6 утра. Ты войди до двенадцати, а после шести выйдешь.

— Да, но мои опекуны до двенадцати обычно ещё бродят по квартире. В одиннадцать они чистят зубы, моются, потом закрываются в спальне, а минут через двадцать опять выходят в халатах и идут в ванну. Опять моются и только потом ложатся до утра.

— Мои предки тоже иногда бродят после одиннадцати, то в ванну, то из ванны. Но к двенадцати все уже спят.

— Но мне-то надо выйти до двенадцати! А вдруг опекуны меня застукают, когда я буду одеваться?

— А ты выходи сразу, как только они уйдут в спальню. Ведь раньше, чем

через двадцать минут они оттуда не выйдут!

— Верно... Ты гений, Женька!

Так они и решили.

Погуляв пару часиков, они расстались возле гостиницы.

— Ты стукни тихонько три раза, когда придёшь, — сказала Женя.

Саша кивнул.

Весь вечер Александр просидел у телевизора, нетерпеливо поглядывая на часы. Наконец пробило одиннадцать. Юлия с Сергеем продолжали сидеть на диване и смотреть. Шёл какой-то остросюжетный детектив. Окончился он десять минут двенадцатого. Александр направился в спальню, но раздеваться не стал. Внутри его всё клокотало. Вот Юлия прошла в туалет, а Сергей в ванну. Вскоре Сергей прошёл в спальню. Юлия чего-то капается. Вот и она прошла в спальню. Щёлкнула задвижка. Тишина. Чуть слышный разговор. Слов не разобрать. Опять тишина. Уже половина двенадцатого. Пора!

Александр осторожно вышел в прихожую, оделся и мягко закрыл входную дверь. «Скорее, скорее», — стучало в висках. Выскочил наверх и помчался по улице. Одинокое прохожие испугано шарахались в стороны. Ноги сами несли парня в предвкушении волнующей встречи.

Вот и гостиница. На часах без десяти двенадцать. На крыльце швейцар готовится закрывать дверь.

— Куда? — спросил он грубым голосом, преграждая Саше дорогу.

— К себе, — не задумываясь, ответил Александр и нырнул под его рукой.

«Сейчас догонит, остановит», — стучало в висках. Он не стал ждать перед лифтом, а, проскочив вестибюль, бегом пустился по лестнице. Вошёл в знакомый коридор и... увидел дежурную.

— Ты к кому, молодой человек?

— К себе, — соврал Саша.

— В какой номер?

— Двадцать шестой.

Дежурная растерянно заморгала глазами. Александр подошёл к двери, стукнул три раза. Дверь открылась, и он вошёл в тёмную комнату. Женя потащила его в свою спальню. Обняла, пылко чмокнула в щёку.

— Молодец! — шёпотом сказала она. — Я боялась, что ты не придёшь. Раздевайся.

Она была в тонкой прозрачной сорочке и при свете уличных фонарей казалась воздушной, сказочной принцессой.

Александр быстро разделся. Женя сняла сорочку и уже лёжа в кровати, ждала его. Он лёг и обнял её стройное худенькое тело, сдавил в крепких мужских объятиях. Дрожь нетерпения охватила парня. Женя стала целовать его, но Саша, забыв про ласки, тут же овладел ею. Только, достигнув оргазма, он пришёл в себя. Теперь он тоже стал нежно целовать Женю, благодаря за счастье, которое только что пережил. Он понимал, что Женя ещё не разогрелась, ещё не дошла «до кон-

диции», но впереди у них целая ночь и он всё успеет, всё сможет.

Так оно и случилось. Это была волшебная ночь. Сашу будто прорвало. Он почти не спал и не выпускал Женю из своих объятий. Только под утро он успокоился, и они уснули счастливые и довольные.

Их утренний сон был особенно крепок. Александр проснулся оттого, что Женя трясла его.

— Сашка, вставай, уже половина восьмого. Сейчас предки проснутся!

Александр растерянно сел на кровати. Потом стал торопливо одеваться. Через пять минут Женя открыла дверь спальни и выпустила Сашу. На цыпочках он прошёл через гостиную и выскочил в коридор. В это время из туалета вышел Евгений Робертович.

— Доброе утро, внученька. Ты уже проснулась?

Женя остолбенела. Потом, сообразив, что дед ничего не видел, ответила.

— Доброе утро, дедушка. Мне показалось, что тут кто-то ходит.

— Это я. Выспался вот и хожу. Думаю, чем бы заняться. Уже искупался в бассейне.

— Ну, а я ещё посплю немного. Скажи родителям, чтоб не будили. Я сегодня плохо спала.

— Хорошо, внученька. Я передам.

А тем временем, Александр бегом мчался домой. Бессонная ночь и недостаток половых гормонов в организме, давали о себе знать. В теле была слабость, ноги подкашивались, но он упорно бежал, обливаясь потом.

«Уже без десяти восемь! В восемь встанут Сергей и Юлия! Надо поднажать! Ещё можно успеть вернуться незамеченным». И он жал из последних сил.

Без трёх минут восемь он открыл дверь квартиры и осторожно захлопнул. Казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Что оно всех разбудит в доме. Саша быстро разделся и шмыгнул в спальню. И тут он услышал переливчатый звон будильника за стеной.

«Скорее в кровать! Сейчас придёт Сергей будить меня на зарядку!» Только он лёг и чуть-чуть отдышался, как в спальню вошёл Сергей. Он был в спортивном костюме.

— Эй, сосулька! Подъём! Хватит дрыхнуть!

Александр открыл глаза.

— Мне чего-то нездоровится сегодня. Беги один.

— А что с тобой?

— Да так. Простыл, наверное. Слабость во всём теле, потливость, голова болит.

— Да ты весь красный и потный! А запах! Чем это от тебя воняет? Фу! Сходи, помойся и прими лекарства.

— Хорошо.

Сергей убежал, а к Саше подошла Юлия.

— Ты что, заболел?

— Да ничего страшного. Отлежаться немного надо. Сейчас помоюсь и снова лягу.

— Ложись, а я принесу тебе чай с малиной.

Александр встал, принял душ, переоделся. Юля подала ему стакан ароматно-го чая с малиной и мёдом. Он выпил его и завалился спать.

6. Неудачный отъезд.

Около трёх часов Раковские собрались у Майоровых на прощальный обед. В пять их поезд отправлялся в Москву. Евгений Робертович снова переселился в комнату Саши со всеми своими вещами. Теперь они расставались до лета. До окончания строительства общины.

Сели за праздничный стол. Женя была грустна и подавлена. Она поглядывала на Сашу каким-то виноватым, тоскливым взглядом. Взрослые наполнили бокалы вином, молодёжь — лимонадом.

— За ваше радушие, за ваше гостеприимство, — произнёс Георгий Евгеньевич, обращаясь к Сергею и Юле.

Все выпили, закусили. Только Женя не притронулась к закуске.

Дальше разговор зашёл об общине.

— А я недавно получил согласие Министерства высшего образования на особую программу и особые методы обучения студентов в общине, — не без гордости заявил Георгий. — Они готовы финансировать наш эксперимент. Конечно, сначала они обратились в мединститут и в клинику за разъяснениями. Но ректор института и директор клиники поддержали меня. Теперь будут открыты дополнительные штаты для преподавателей и студентов, ну и для обслуживающего персонала. Пока немного. Всего пятьдесят студентов и восемь преподавателей. Но ведь у нас будут и школьники заниматься по индивидуальным программам. С пятого по двенадцатый класс. Так что народу хватает. С Министерством среднего образования вопрос тоже согласован. Там это решается проще. Индивидуальное обучение школьников давно ведётся в некоторых лицеях и даёт отличные результаты. Так что Саша, Валера и Женя со следующего учебного года переходят на индивидуальное обучение.

— Но Валера же хочет стать юристом, а не медиком, — возразил Евгений Робертович.

— В школе это не имеет особого значения. Подкорректируем его программу в сторону истории, социологии, философии, вот и всё.

— А ты кем хочешь стать, внученька?

— Не знаю. Мне всё равно, — ответила Женя.

— Тебе уже пора определиться со своей будущей профессией. С десятого класса начнётся специализация. Потом трудно будет переучиваться.

Женя промолчала.

Все снова наполнили бокалы и выпили за молодёжь, за подрастающее поколение. За то, чтобы всё у них в жизни получилось. Чтобы они были счастливее, чем их родители, хотя и родителям жаловаться грех.

Через полчаса разговор уже принял непринуждённый характер. Саша с Валерой вышли из-за стола и беседовали на кухне. Юля стала подавать горячие закуски. Рита помогала ей. Вскоре вышла Женя.

— На, доченька, носи в комнату, — предложила Рита, подавая Жене блюдо с цыплятами — табака. Женя отнесла и вернулась на кухню.

— Мам, я не хочу уезжать из Найска. Можно я останусь здесь с дедушкой?

Рита удивлённо взглянула на неё. — Но где же ты будешь жить? Дедушка живёт в комнате Саши, а для тебя комнаты нет.

— Я согласна жить в гостиной. А спать буду на диване.

— Нет. Так не годится. Мы не можем злоупотреблять гостеприимством Юли и Сергея. Им и так трудно. У них Вика, Саша, дедушка. А с тобой им вообще не сладить. Ты очень своенравная, упрямая и взбалмошная девочка. Нет, тебя я никуда не отпущу. За тобой нужен глаз да глаз.

— А я с вами никуда не поеду! — заявила Женя. — Я сбегу от вас!

— Это как это?! Это что ты такое говоришь, негодница?

— Что слышали, — чуть не плача ответила Женя.

— Да что это с тобой происходит? Объясни мне!

Валера, стоявший у окна, заявил вдруг. — Да влюбилась она... В Сашку влюбилась.

— Это правда? — спросила Рита.

Женя молчала, потупясь. Подошёл Георгий Евгеньевич.

— Что случилось? Почему все на кухне?

— Да вот, Женя откалывает номера. Не хочет ехать в Москву.

— Как это?

- Она хочет остаться здесь, в Найске.

— А как же школа? учёба? Все документы в Москве.

— Документы можно привезти, — всхлипывая, ответила Женя.

— Да, но где же ты будешь жить?

— Можно снять квартиру. Небольшую. На время.

— Но ведь осталось-то всего ничего! Последняя четверть короткая — апрель, май и всё! Каникулы. И мы снова приедем в Найск.

— Я не хочу ждать так долго. В июне община ещё не будет готова. По плану только в июле. Значит, всё равно придётся снимать квартиру или сидеть в Москве.

— Но ведь ты жила до каникул в Москве, и всё было нормально.

— Не всё. Вы ничего не знаете!

— Но в чём причина?

— Не могу я жить в Москве. Не хочу. Я хочу здесь.

— Ничего не понимаю! — заявил Георгий Евгеньевич.

Тут в разговор вступила Рита. — Валера утверждает, что она влюблена в Сашу.

— Это что, серьёзно?

Женя кивнула.

— А как Саша к этому относится?

Георгий Евгеньевич взглянул в сторону Саши.

Тот замялся, опустил голову, покраснел. — Я отношусь нормально. Она тоже мне нравится.

— То-то, я смотрю, они гуляют всё вместе, всё парочкой, — заметила Рита. — Как два голубка!

— Ну и что теперь делать? Может, всё-таки поедешь в Москву?

Женя отрицательно помотала головой.

— Одну я здесь её не оставлю! Это исключено! — заявила Рита. — Нельзя быть такой безрассудной! Любовь, любовью, но надо считаться и с родителями.

Женя закрыла лицо руками, заплакала. — Вы все злые! Жестокие! — выкрикнула она.

Вокруг собрались уже все присутствующие.

— Я тоже хочу остаться здесь, — заявил вдруг Валера. — Москва мне надоела. Здесь у меня друзья. И на снегоходе можно ещё покататься. Ребята здесь хорошие. Будем с Женькой в школе учиться.

— Но тебя не примут в школу без документов, — заметил Георгий Евгеньевич.

— А ты съезди и привези. День туда, день обратно и день там. Всего трое суток. Каникулы кончатся послезавтра. Подумаешь, один день пропустим!

— Но где жить? В гостинице дорого.

— Пока в гостинице, а потом ты подыщешь квартиру, предложил Евгений Робертович.

— Это всё как-то неожиданно... За час до отправления поезда такие вопросы не решают.

— А чего тут решать? — заявил Валерий. — Остаёмся и всё.

— Даа... Задали вы мне задачку, молодёжь. Что ж, тогда надо позвонить в гостиницу и забронировать номер.

— Позвони.

Георгий снял трубку и связался с администратором.

— Скажите, двадцать шестой люкс ещё не занят?

— Свободен, — ответил администратор.

— Забронируйте его, пожалуйста, за Раковскими.

— Хорошо.

— Послушайте, друзья, уже всё остыло, — заявил Сергей. — Пора бы вернуться за стол.

— Пошли, — обречённо произнёс Георгий Евгеньевич. — Значит, мне придётся ехать одному. Знал бы — взял билет на самолёт.

Все снова собрались за столом. Женя заметно повеселела.

— Папочка, за твой неудачный отъезд и за то, чтоб ты скорей вернулся.

— Вот дрянная девчонка! — усмехнулась Рита. — Выпороть бы тебя!

Но все поддержали тост Жени.

— Однако, пора ехать на вокзал, — заметил Георгий Евгеньевич, поглядывая на часы. — Вы меня проводите?

— Конечно, — ответила Рита. — Заодно Сергей отвезёт нас в гостиницу.

Через десять минут Раковские вышли во двор и сели в Серёгину «Самару».

— Послушай, внученька, — произнёс Евгений Робертович, — любовь — это, конечно, прекрасно. Я и сам был влюблён в твои годы. Но всё должно быть в определённых рамках. Не позволяй Саше ничего лишнего. Ты понимаешь, о чём я? А то нынешняя молодёжь очень нетерпелива. Им всё хочется испытать сразу. А в результате масса беременных девочек в возрасте 14–15 лет.

— Ну и что тут такого? — произнёс Валера. — Сделает выкидыш, и все дела! У нас в классе половина девчонок живут с парнями. И всё нормально.

— Нет. Я не согласен. Выкидыш — это не нормально, — решительно заявил Евгений Робертович. — Это прерывание нормальной беременности. Это гормональный стресс для организма. Конечно, врачи делают всё возможное, чтобы свести к минимуму нежелательные последствия, но это не всегда удаётся. Это внешне всё кажется нормально, но как это отзовётся на здоровье через несколько лет — одному богу известно. Есть предел прочности здоровья и у всех людей он разный. Поэтому и не стоит испытывать судьбу. Лучше уж тогда предохраняться от беременности.

— Тут я согласен, — заявил Валера. — Только не уверен, что они это делают.

— А ты думаешь, что между ними уже есть интимные отношения?

— А чего тут думать?! Я не думаю, я знаю.

— Врёшь ты всё! — воскликнула Женя. — Ничего ты не знаешь! Предатель!

И она треснула брата по затылку.

Валера ехидно улыбнулся.

— Ладно. Я пошутил. Успокойся. А то опять рыдать будешь.

— Смотри, Женя. Не делай глупостей. У тебя всё ещё впереди. Не стоит форсировать события, — примирительно сказал Евгений Робертович.

Сергей остановил машину у вокзала.

Раковские вышли. Георгий отправился в кассу, чтобы уладить вопрос с не купленными билетами.

Через пятнадцать минут подошёл поезд. Все тепло попрощались с Георгием

Евгеньевичем.

— Я позвоню вам из Москвы, — сказал он на прощание.

Поезд тронулся. Четверо оставшихся на перроне Раковских сели в «Самару» и поехали в гостиницу. Солнце стояло высоко, на газонах таяли сугробы, а в душе у Жени расцветала весна.

7. Конец каникул.

На следующий день после проводов Георгия Евгеньевича, Александр зашёл за Женей, как всегда, в одиннадцать. Она ждала его. Быстренько оделась, и они вышли из гостиницы.

— Куда пойдём, что будем делать сегодня? — спросила она.

— Не знаю. Может, сходим в музей? — предложил Саша.

— Нет. Я не могу отдаваться в парадных, в музеях, на чердаках. Может, ещё в подвал меня затащишь?

— Да что ты! Я вовсе об этом и не думал. У меня после той ночи до сих пор яички болят. Тогда мы с тобой перебрали немного. Я хотел просто сходить в музей, посмотреть экспозицию. Надо же чем-то заняться.

— Ну, если так, то пошли.

За день они обошли три музея, а вечером сидели в кафе, пили кофе, слушали музыку и танцевали. Александр был явно в ударе. Он танцевал без устали. Сначала они танцевали вместе ламбаду, румбу, потом твист, шейк. Вскоре Женя устала, а Александр продолжал удивлять зрителей. Он уже завладел всеобщим вниманием. Исполнил бешенный рок, затем брейк, и сорвал заслуженные аплодисменты.

Расстались они поздно вечером и договорились, что завтра Женя зайдёт за ним, и они отправятся кататься на горном велосипеде.

На следующий день утром, в последний день каникул, Александр прикрутил к багажнику дощечку, обёрнутую паралоном, чтобы Жене было удобно сидеть, и позвонил в гостиницу.

— Ну, ты скоро? У меня уже всё готово. Шины накачаны, а на багажнике мягкое сиденье.

— Сейчас выхожу.

Через пятнадцать минут Женя была у Саши.

Она поздоровалась с Юлей, взяла на руки Вику и поцеловала в розовую щёчку. Та ухватила её ручонкой за ухо и Женя тихонько засмеялась.

Они вышли на улицу. Солнце было уже высоко и грело совсем по-весеннему.

Подростки сели на велосипед и поехали за город. Женя хотела посмотреть окрестности Найска. Вскоре проехали район крытых улиц и попали в район новостроек. Там постояли возле двух универсальных роботов, выпили по баночке тонизирующего сафари у киоска и поехали дальше. Собственно, дальше ехать было некуда. Дальше начиналась тайга, и они поехали вокруг новостроек.

Возле дороги ведущей на озеро остановились.

— Я отлить хочу, — сказал Саша. — Подожди здесь.

Он слез с велосипеда и направился к старому, подлежащему сносу двухэтажному зданию. От дома осталась уже одна коробка с пустыми проёмами окон. Он зашёл за угол и вскоре вернулся.

— Пошли, побродим по дому. Там никого нет. Скоро его снесут.

— А что там хорошего?

— Да так... — уклончиво ответил Александр. — Отдохнуть надо. Ноги устали.

Они пересекли двор и оказались у крайнего подъезда. Вошли в пустой дверной пороём. Александр осмотрелся. Он увидел лестницу без перил, проходы без дверей и в ближайшей комнате круглую печку, которую он не видел уже сто лет.

«Вот жильё наших предков, — подумал он. — Как в каменном веке! Ни лифта, ни кондиционера, никаких удобств. Ванны маленькие, на одного человека. Бассейнов нет. На стенах примитивные обои».

Кругом было голо, пыльно, неуютно. По дому гулял ветер.

— Ты где? — услышал он голос Жени из соседней комнаты.

— Я здесь. Иди сюда.

Она подошла. Александр стоял возле окна и глядел на улицу. Мимо, в 20-ти метрах проносились автомобили. Зелёная травка пробивалась из под фундамента на солнечной стороне дома.

Александр подошёл к Жене, обнял сзади, притянул к себе и нежно поцеловал в щёку. Потом поцеловал шею, ушко и сдавил в объётиях.

— Я хочу тебя, кнопка, — шепнул он ей в ухо.

— Перестань. Тут негде. Ни лечь, ни сесть, кругом пыльно. После нашей последней ночи я не могу отдаваться, где попало. Мне вообще ещё не хочется близости. Я сыта тобой по горло, наелась по самое некуда!

— Тогда зачем мы сюда ехали? Зачем я тебя столько вёз? Ты понимаешь, что я уже на взводе?! — горячо заговорил Александр. — Он уже стоит! Я не хочу терпеть. Это вредно для мужчин.

— Бедненький козлик, — усмехнулась Женя. — Но я не могу вот так, без желания...

— Брось! Всё это глупости! — и Саша, расстегнув брюки, извлёк фаллос. — Мне надо выпустить «сексуальный пар», а то он из ушей скоро повалит!

— Ну ладно, — согласилась Женя. — Но как же тут? Стоя, что ли?

— Ложись грудью на подоконник.

Она повернулась к окну, опустила брюки и легла. Александр увидел нежные белые ягодицы, поплевал на ладонь, смазал свой детородный орган, потом лёг грудью на спину Жени, сгрёб в охапку скромные девичьи груди и резво задвигал бёдрами.

Мимо пронеслись автомобили, яркое солнце освещало слипшуюся парочку, но Саше было не до того. Он фалил с остервенением и ждал ответной реакции, ждал, когда Женя заведётся, когда он почувствует её трепет, её оргазм. Но не дождался. Кончил, подёргался ещё немного, но желание пропало. Только теперь он заметил солнце, травку, автомобили и стал наблюдать за ними.

— Ты доволен? — спросила Женя.

— Ага.

И он поцеловал её в розовое ушко.

— Ну и что дальше? Ждешь, когда снова захочется?

— Ага. Я же не завёл тебя как следует. Зря старался. Надо немного подождать и повторить. Минут через пятнадцать я буду готов.

И он стал сжимать её груди пальцами.

— Хватит. Хорошего понемногу, — и Женя выпрямилась.

Александр нехотя отстранился. Застегнул штаны и смущённо посмотрел на подругу.

— Тебе не понравилось?

— Да так... Было что-то приятное, но не то. Не так как в прошлый раз. Что-то изменилось во мне после нашей волшебной ночи.

Александр подозрительно посмотрел на неё, но промолчал. «Будущее покажет» — решил он.

Они вышли из здания и сели на велосипед. объехали новостройки и вернулись в Найск с другой стороны. Проезжая мимо детского дома, Александр остановился, хотел было вызвать Костю Гребня, но вспомнил, что тот теперь имеет свободный выход и вряд ли станет сидеть в детдоме. Больше ему ни с кем встречаться не хотелось.

Он ссадил Женю у гостиницы и предложил встретиться вечером у него.

— Приходи. Поиграем в компьютерные игры, посмотришь клевый фильм по видео-шлему.

— Давай. Я давно не играла на компике. Всё осталось в Москве. Хорошо, если папа догадается привезти мой и Валеркин лэпторы. У меня там все лекции за восьмой класс, а у Валерки за десятый.

Вечером они встретились снова.

— Мы поиграем немного, посмотрим фильмы, — сказал Александр Юле, уходя в свою комнату.

— Играйте, сколько хотите, хоть много, хоть немного, — ответила Юля. — Только не забывай, что завтра в школу. Не очень утомляйся.

Александр пропустил Женю вперёд и закрыл дверь на задвижку. Они сели рядом за стол, включили компьютер и запустили «Поле чудес». Стали угадывать

слова. Через несколько минут Женя заметила, что Саша нервничает.

— Что с тобой? — спросила она. — Чего ты крутишься?

— Да опять он стоит, зараза! — смущённо ответил Александр.

— Ну, знаешь!

Они посидели ещё немного. Теперь стала нервничать Женя, поглядывая на Сашины брюки.

— Что? Всё ещё стоит?

— Да. Он весь вечер может стоять. Пока не добьется своего. Он у меня страшно упрямый!

— Ну, ты и козёл!

— Сядь ко мне на колени.

— То есть?

— Ну, штаны вниз и садись на него!

И Александр опустил свои спортивные штаны. Женя взглянула на его «высокое мужское достоинство», расстегнула брюки и осторожно присела. Он обнял её, и они продолжили игру. Только соображать стало как-то труднее. Женя ёрзала, ощущая в себе твёрдый горячий фаллос. Александр же пытался сосредоточиться, но мысли его разбегались в разные стороны. Им всё же удалось отгадать пару слов, но на третьем слове терпение Саши закончилось, и он начал судорожно двигать бёдрами. Женя сидела облокотившись на стол и угадывала букву за буквой. Будто её происходящее вовсе не касалось.

— Сашка, твоя очередь, букву давай!

— Подожди, я занят, — произнёс Александр сквозь сжатые зубы. — Сейчас, сейчас, у... у... о... о... о...

— «у» или «о»? Мычи яснее.

— О... о... ооо!

— Нет такой буквы.

Александр затрепетал и облегчённо вздохнул, разжав зубы.

— Балда! Не «у» и не «о», а «х»!

— Верно. Угадал.

— И слово это «халат». Я выиграл!

Женя встала, и Александр натянул штаны.

— Всё? Успокоился?

— Порядок. Теперь ты можешь посмотреть видео-шлем, а я полежу на тахте. Надоели мне эти игры.

Он поставил диск, надел Жене шлем, а сам завалился на диван.

— Там в фильме будут вопросы: «Что дальше сделает герой или героиня?» Ты должна выбрать вариант ответа. Тогда сценарий пойдёт по выбранному тобой пути. И так несколько раз. В результате конец фильма каждый раз новый. Поняла? Возможны двадцать вариантов развития сценария. Я просмотрел только восемь.

Саша отдыхал, а Женя смотрела фильм. Вдруг в дверь постучали.

— Саша, открой! — слышался голос Юли.

— Сейчас!

Александр встал, подошёл к двери и отодвинул задвижку.

— Что это вы закрылись? — подозрительно спросила Юля.

— Да так... Само собой как-то вышло.

— Целовались, наверное?

Александр скромно потупился. — Было дело...

— А я хотела предложить вам кофе. У меня отличное бисквитное печенье.

Как вы, не против?

— Я нет. Женька! будешь пить кофе? — прокричал Александр в ухо Жене.

Она закивала головой. — Сейчас, досмотрю, немного осталось.

Потом они сидели на кухне, пили ароматный кофе и мирно беседовали.

— Заходи к нам почаще, — сказала Юля, прощаясь с Женей.

— Хорошо.

Александр проводил её до гостиницы и вернулся. Каникулы закончились. Начиналась последняя четверть. «Женька осталась в Найске и это здорово» — думал Саша. — «Аней не получилось, так с Женькой буду дружить. Женька «свой парень». Всё понимает! А, главное, любит меня».

Глава V.

1. С Лебедевым.

Сергей и Андрей сидели в лаборатории и занимались дипломными проектами. Сергей работал на компьютере, Андрей листал учебник по физиологии. В лабораторию вошёл профессор Лебедев.

— Привет, друзья-приятели. Работаете. Как дела?

— Ничего. Продвигаются потихоньку, — ответил Сергей.

— А я принёс вам приятную новость. Вернее Андрею. Пришло положительное решение из Госкомитета по открытиям и изобретениям на твою заявку. Считай, что открытие у тебя в кармане. Так что поздравляю, коллега.

И Леонид Иванович протянул Андрею листок бумаги с текстом заключения. Андрей осторожно взял его и прочёл.

— Ну, слава богу! — воскликнул он. А я уже начал беспокоиться. Нет и нет ничего. Четыре месяца ходила заявка!

— Четыре, это немного. Могли и через полгода прислать отказ. Ведь нужно получить положительные отзывы из Института генетики, из Академии медицинских наук, проверить патентную чистоту открытия, правильность оформления заявки. Если у тебя нет возражений по формулировке открытия, предложенной в заключении, то пиши в Госкомитет, что ты согласен. Тогда через месяц получишь авторское свидетельство на своё открытие. А там и премию от Международного комитета.

— Поздравляю, — сказал Сергей, пожав Андрею руку. — Это дело надо бы отметить!

— Сейчас подготовлю письмо в Госкомитет и сбегаю в магазин, — ответил Андрей.

— Давай я сбегаю, — предложил Сергей.

— Андрей вынул из кошелька пятёрку и протянул другу.

Вскоре Сергей вернулся с бутылкой сухого вина и фруктами. Лебедев с Андреем уже отпечатали на принтере нужную бумагу.

Сергей достал из стеклянного шкафа три стакана и наполнил их вином. — За твой успех, Энди!

— Тебе здорово повезло, что заявка прошла с первого захода, — заметил Леонид Иванович. — Это бывает нечасто. Другие годами переписываются, доказывая свою правоту.

— Сходи, поставь богу свечку, — пошутил Сергей.

— Бог тут не причём. Просто Андрей не пожалел времени на оформление заявки. Всё написал чётко и ясно. Представил все документы, подтверждающие открытие. Всё сам проверил и вот результат налицо, — заявил Лебедев. — Кстати, я тут недавно прочёл в журнале статью одного горе-философа, который доказывает, что существование бога вполне возможно с точки зрения современной физики. Я не берусь точно пересказать его статью, но смысл таков.

Идеалисты утверждают, что мысль обладает энергией, энергией созидания. Современные учёные — астрофизики также считают, что весь космос заполнен энергией. По теории Эйнштейна, любая масса может быть превращена в энергию и обратно. Вспомни его знаменитую формулу: энергия равна массе тела умноженной на скорость света в квадрате. Следовательно, вся масса Вселенной возникла из разлитой в Космосе энергии. Мы знаем о неустойчивости вакуума, о его постоянном «кипении». Знаем критическую величину плотности энергии вакуума, при которой рождается вещество, знаем о волнах в вакууме, о Хиггисовых полях, но, в принципе, мы знаем о вакууме ещё далеко не всё. Если действительно энергия мысли и энергия вакуума едины, — пишет автор, — то мысль может творить вещество, а Космос может мыслить. И тогда правы идеалисты, утверждающие, что мир, Вселенная возникли по замыслу её творца, который не материален в нашем понимании и состоит из мыслящей энергии Космоса. Тогда и Земля, и все существа, населяющие её, есть божественное творение.

Далее это философ пишет, что он, конечно, далёк от мысли, что эта разумная мыслящая субстанция — Космос вмешивается в дела людей на Земле, тем более в судьбу каждого человека. По-видимому, у неё более глобальные интересы и задачи в масштабе всей Вселенной. Но вполне возможно, что мыслительная энергия людей, попадая в ближний космос, воспринимается его энергией, вливается в неё. Иными словами, живая материя, мозг, вырабатывает космическую энергию, а космическая энергия воспринимается живой материей, живой клеткой. Значит, существует некий энергообмен между Космосом и живыми существами.

Таким образом, — делает вывод этот учёный, — материалисты пока что не в состоянии доказать, что мысль не может творить, создавать материю. Наоборот, похоже, что энергия Космоса может мыслить и творить, а значит, бог существует. Бог не имеющий плоти, бог разлитый повсюду, окружающий нас и всё, что существует во Вселенной. Бог — творец, бог — мысль, бог — идея, бог — великий космический разум. Это, конечно, не значит, что человеку нужно преклоняться перед ним, славословить, восхвалять, выпрашивать у него всяческие земные блага. Это глупо. Лесть, поклонение, мольбы приятны людям власть имущим, но не богу. Это им нужна покорность подданных, деньги, слава. И за моралью нашей бог не следит — разбирайтесь между собой сами! У бога другие заботы. Он существует вне пространства и времени, вне нашего бытия

и сознания. Он вечен и бесконечен. Он не имеет ни начала, ни конца. Он — вечное движение и превращение энергии! Вот смысл его статьи.

Что вы, ребята, думаете об этой «философии»?

— Всё логично, — заявил Сергей, — но при условии, что энергия Космоса способна мыслить и что она сродни энергии мысли и что она и есть бог. А это никак не доказывается. Таким образом, если бог и есть, то ему совершенно безразлично человечество. Тем более каждый из нас в отдельности (существуют людишки и ладно). Всемогущий и всемилостивейший он допустил столько несправедливости, столько горя на Земле, что мы вправе усомниться в его существовании! Одна Вторая мировая война чего стоит! Двадцать семь миллионов убитых! Руины сотен городов! Сотни тысяч детей — сирот. Ясно, что у бога другие интересы. Богу — богово, а Кесарю — кесарево. Наша Земля — это песчинка в мироздании и влияние бога на ней никак не проявляется. А если это так, то доказать существование бога или его отсутствие практически невозможно.

Вот я, например, берусь утверждать, что под нами на большой глубине лежит большой камень. Я верю, что он там есть. Но ты, Андрей, можешь не согласиться со мной. Мы можем спорить по этому поводу сколько угодно, но никто никому ничего не докажет потому что камень никак себя не проявляет. А главное, нам обоим совершенно наплевать есть он там или нет, ибо знание о нём совершенно бесполезно!

— А мне кажется, что есть очень простое доказательство невозможности существования бога, — заявил Андрей.

— Какое?

— Ответь мне, Серёга, ты веришь в чудеса?

— Я? Нет. Чудеса бывают только в цирке, у фокусников. Чудеса — это нарушение причинно-следственных связей в природе, нарушение законов физики или химии. А это невозможно. Если бы законы физики нарушались, мир, Вселенная были бы нестабильны, неустойчивы. Они вообще не смогли бы существовать!

— Верно, — поддержал Леонид Иванович. — До сих пор нам неизвестны случаи нарушения законов физики или химии. Они незбылемы на протяжении всего развития Вселенной.

— А законы физики или химии есть не что иное, как причинно-следственные связи в их количественном и качественном выражении, — продолжил Андрей.

— Согласен, — кивнул Сергей. — Следовательно, в природе невозможно нарушение причинно-следственных связей. Не может ракета взлететь раньше, чем заработает её двигатель. Причинно-следственные связи опираются на временные факторы, причина всегда идёт впереди следствия, и время не может течь в обратную сторону. Но причём тут бог?

— А притом, что бог — это чудо! Он сам творил чудеса, согласно Библии, и сам является чудом. Он лежит вне законов физики или химии, вне причинно-

следственных связей. Следовательно, его существование невозможно. Не признавать чудеса и признавать бога нелогично, это абсурд. Вот и все доказательства.

— Интересно... Я вынужден с тобой согласиться... Нелогичность допустима только в нашем сознании. Только мысленно можно игнорировать причинно-следственные связи и фантазировать. Следовательно, бог может существовать только в нашем сознании, — резюмировал Сергей. — Но бог людям нужен, особенно слабым людям. Сильный человек всё делает сам и надеется на себя, слабый — молится богу и надеется на его помощь.

— Ну, вот вы и ответили горе-философу, — произнёс Лебедев. — Его «теория» базируется на бездоказательных допущениях: «если мысль обладает энергией созидания», «если энергия мысли и энергия вакуума едины», «если мыслящая энергия разлита в Космосе». Не слишком ли много «если»? Мы-то с вами знаем, что мысль это процесс, процесс обработки информации в нашем мозгу. Если нет мозга, то нет и мысли. Науке неизвестна «мыслящая энергия». Есть только мыслящая материя: естественный или искусственный интеллект, мозг или суперкомпьютер. Есть инопланетные цивилизации, искусственный космический разум, но это всё порождение высокоорганизованной материи, а не наоборот. Здесь идеалисты опять путают причину и следствие.

— Да, теперь всё встало на свои места, — заметил Андрей.

Они допили вино и отправились по домам.

2. У подруг.

Уже несколько дней Евгений Робертович ходил под впечатлением встречи с двумя прекрасными дамами. Он вспоминал, как ему было хорошо с ними, как радовалась его душа, когда он ощутил себя мужчиной и овладел Нонной. Ему хотелось встретиться с ними снова, но он боялся, что ещё не готов, не накопил мужской силы, и что это свидание будет не столь удачным, как предыдущее. Он вспоминал прелестные формы Нонны — она была, худощава, стройна и женственна. И не менее прелестные формы Инны. Та была чуть ниже ростом, пышнее, особенно в бёдрах, но тоже очень привлекательна. Нона была золотисто-рыжая блондинка, Инна — осветлённая шатенка с пышными локонами. И голос у Ноны был тёплый мягкий, а у Инны высокий, сильный. Они были разные, но обе очень привлекательны.

Сегодня Евгений Робертович решил позвонить подругам. Завтра должен приехать Гарик. Неудобно уходить из дома в день приезда сына. Значит, сегодня или послезавтра. Но откладывать визит не хотелось. В шесть вечера он позвонил. Трубку взяла Нона.

— Здравствуйте Нона Васильевна. Это беспокоит вас Раковский, Евгений Робертович. Извините старика, но прошлая наша встреча произвела на меня неизгладимое впечатление. Живу теперь надеждой вновь увидеть вас.

— Так в чём же дело? Приходите в гости. Мы будем рады.

— Тогда я подойду через полчаса.

— Хорошо, мы ждём.

Через полчаса Раковский был у женщин.

Они как раз собирались ужинать.

— Я тут бутылочку вина прихватил, — сказал Евгений Робертович, — если вы не против, то давайте понемногу...

— Очень кстати. Мы не против.

Они выпили за встречу и разговорились. Сначала говорили о медицине, потом так, «за жизнь». Евгений Робертович рассказал подругам, как он остался вдовцом, как жил с Мартой во Флориде и, как уехал оттуда — бежал от одиночества.

Потом в разговор вступила Инна.

— А вы не хотите послушать, как я познакомилась с отцом моей дочери? — спросила она.

Евгений Робертович кивнул. — Расскажите, сударыня. Это интересно.

— Он лежал у нас в клинике. Молодой 29-летний брюнет, симпатичный. А мне тогда только-только двадцать исполнилось. Я была стройна, красива и уже год работала медсестрой в урологии. Много пациентов прошли через мои руки. Десятки раз я вводила световод в уретру и почти не реагировала на мужской пенис. Работа, есть работа. А с этим, Володей, всё получилось иначе. Эрекция у него возникла спонтанно. Смотрю, парень застенялся, покраснел, а сделать ничего не может. «Извините, — говорит, — вы очень молоды и привлекательны».

«Ничего, — отвечаю, — всё нормально. Лежите спокойно». Взяла световод и стала вводить. А парень задышал как-то странно. «Что, больно?» — спрашиваю. Он головой мотает. Я дальше ввожу потихонечку и мне тоже как-то не по себе. Возбуждение какое-то охватило. Я замерла и тут же испытала оргазм. Всё во мне сжалось, завибрировало. Врач смотрит на меня и не может понять, что со мной происходит. А я буквально влюбилась в этого Володю. Смотрю на него, как дура. Он смотрит на меня и шепчет: «Простите, я не хотел. Так получилось». А врач со мной тогда опытный был, старенький. «Ничего страшного, — говорит, — и работай дальше. Просто пациент слишком чувствительный попался».

Ну, а потом всё пошло как по маслу. Уже никаких особых эмоций не было. Раздробили мы ему камень, небольшой, в левой почке, промыли песок и отпустили.

А на следующий день он пришёл ко мне в подсобку и стал извиняться. Стоит, лицо розовое, уши горят, а глаза вниз смотрят. Я как взглянула на него, так тоже порозовела. Бормочу чего-то невнятное, мол, всё нормально, не стоит

беспокоиться. Я не в обиде, а сама думаю, как бы с ним подружиться? Парень вертится рядом, говорит, а сам всё на дверь поглядывает. Потом вдруг закрыл её на задвижку и меня в объятиях как стиснет! И целовать начал, страстно, неистово. А в подсобке мешки с постельным бельём лежали. Так мы на эти мешки и грохнулись. И ничего уже больше не сказали друг другу. Оба всё понимали, оба хотели одного и того же. Полное слияние душ. И тут я снова испытала оргазм, да не один! С тех пор так и пошло у нас каждый день. Мужчина он был отменный. И ни о чём мы с ним особо не говорили. Только глянем друг на друга влюблёнными глазами и на мешки. А о чём говорить? Всё и так ясно. Влюбились мы друг в друга по уши! Две недели он лежал в клинике, почки промывал, и две недели каждый день у меня был праздник. Ну, а потом выписался он, и мужчины стали мне как-то безразличны. Вскоре выяснилось, что я беременна. Через девять месяцев родилась дочь, Оксана. Вот так и закончилось моё знакомство с Володей.

— Ну, а после этого вы не виделись? — спросил Евгений Робертович.

— Встречались ещё пару раз здесь, дома. Но Нона каждый раз отчитывала меня, что я доставляю ей неудобства. Он был женат, и к нему я пойти не могла.

— Да..., — произнёс Евгений Робертович. — Жизнь — сложная штука. Особенно отношения между мужчиной и женщиной. Некоторые всё время говорят о любви, а любви-то и нет. Так, один секс. А другие ничего не говорят, но жить друг без друга не могут.

Посидели ещё, поговорили, и женщины стали петь русские народные песни. Оказалось, что они давно спелись и дуэт звучит отлично. Евгений Робертович начал подпевать им, и хор зазвучал по-новому. Вечеринка превратилась в тёплую задушевную встречу трёх близких друзей. Время подходило к одиннадцати.

— Ну, что, пора ложиться, — сказала Нона.

Включили ночник, разделись, и старый профессор ощутил себя на седьмом небе. Женщины целовали его грудь, плечи, лицо. Затем Инна взяла губами слегка набухший пенис старца и стала ласкать его языком. Евгений Робертович почувствовал прилив желания. Тогда Нона уселась верхом и долго «ехала» пока Евгений Робертович не застонал от сладострастия.

— Ну, как вы, довольны, профессор? — спросила она, ложась рядом.

— Всё в норме. Я очень доволен, дорогие мои.

— Если вы будете ходить к нам регулярно, ваша половая функция восстановится. В сексе, для стариков, главное регулярность. Но и злоупотреблять не следует! Не чаще чем, раз в неделю. Иначе вред здоровью. Истощение организма. Да и сердце поберечь надо.

Ночь Евгений Робертович проспал как убитый. А утром ушёл вместе с женщинами. Он чувствовал небольшую слабость в ногах, но на душе было легко. Впереди были новые встречи, новая жизнь. И он ничуть не жалел, что оказался в Найске. Что променял свою виллу на дружбу со столь пленительными особами.

3. В школе и дома.

Первого апреля Александр с утра отправился в школу. Ученики были оживлены, здоровались, улыбались, болтали друг с другом, рассказывая, кто как отдохнул. Вскоре появилась и Аня в сопровождении Яны Добровольской. Она поздоровалась и села на своё место. Саша внимательно наблюдал за ней. Теперь они сидели за разными партами. Аня тоже взглянула на Сашу, но не кивнула ему, а опустила глаза.

«Ничего, мне и без тебя было неплохо, — подумал Александр. — Женька — девка, что надо! С тобой бы так классно не получилось». И тут же он поймал себя на мысли, что Аня всё ещё не безразлична ему, что он соскучился по ней. Аня чем-то околдовала его. Ему снова захотелось услышать её звонкий смех, напоминающий колокольчик, увидеть её счастливые глаза, её улыбку. Ощутить её стройное тело в своих объятиях. Потанцевать с ней.

Прозвенел звонок и в класс вошёл учитель математики.

— Здравствуйте ребята. Поздравляю вас с началом учебных занятий в последней четверти года. Через пару месяцев она закончится и, я надеюсь, что вы все успешно перейдёте в одиннадцатый класс. А сегодня у нас новая тема: «Основы векторной алгебры».

Он включил видеоплеер и невидимый лектор стал объяснять ученикам, что такое скалярные и векторные величины. Александр смотрел на экран и временами украдкой поглядывал на Аню. Она показалась ему немного бледной и грустной.

На перемене он прошёл мимо неё и поздоровался. — Привет Ёлкина.

— Привет Губерт.

— Как отдохнула?

— Ничего. Нормально. А ты совсем бросил секцию?

— Так меня же выгнали...

Аня помолчала. — И в бассейн больше не ходишь.

Саша пожал плечами. — Каникулы были. Решил отдохнуть. В океанариум ездил, на лыжах катался.

— Я видела... Опять с «сестрой»?

— Это моё дело. Ты же гуляешь с Ванечкой.

— Это тоже моё дело.

— Вот и договорились.

И они разошлись в разные стороны.

Последние два урока была физкультура. Преподаватель в зале опустил с потолка сетку из крупной ячейки, ученики подтащили к ней надувные батуты, и началась игра. Задачей каждого играющего было стащить соперника с сетки. Заставить его упасть на батут. Самым верным способом было обхватить соперника за шею и повиснуть на нём. Но тогда обычно падали двое. Да и не просто

было повиснуть на противнике. Он тоже норовил сбросить тебя. А ещё можно было удрать от противника, прыгая по сетке, как обезьяна. Но противник мог поймать тебя за ноги и выдернуть их из ячеек. Игра эта нравилась ребятам. Выигрывал тот, кто остался на сетке последним.

Мальчики разделись до плавок и приготовились. Раздался свисток преподавателя, и парни рванулись к сетке. Девочки остались болеть на скамейке. Александр по-обезьяньи быстро взобрался наверх и оттуда стал выбирать жертву. Вон справа Витя Костриков, он ещё лезет. Несколько прыжков и Александр над ним. Падение вниз и руки Витька срываются с сетки. Руки Саши тут же цепляют канат, а противник падает на батут. Один соперник готов.

Следующий Слава Морозов. Он левее и выше. Александр устремляется к нему. Срывает обе ноги с ячеек и Слава повисает на руках. Александр поднимается, стараясь спиной помешать сопернику поставить ноги в ячейки, отжать его от сетки. Слава скользит вниз, пытаясь ухватить Сашу за шею. Однако не успевает сомкнуть руки, и падает на батут. Второй тоже готов.

И тут Александр замечает, что над ним висит Олег Лобов, он прижимается к сетке в последний момент. Олег скользит вниз, и ноги его проходят за Сашиной спиной, скользнув по плечам. Но Олег повисает на руках. Александр отжимается от сетки. Ноги Олега болтаются. Александр лезет вверх. Олег пытается уйти в бок, но и Саша уходит в бок. Олег, видя бесполезность попыток, отпускает руки и повисает на Саше сзади. Теперь надо стряхнуть его. Но руки Олега крепко обхватывают шею. «Вот чёрт! Влип!» — думает Саша. А девочки кричат, что есть силы: — Сашка, держись, держись!

Руки Олега мешают дышать. Александр подаётся вперёд, потом сильно толкает Олега тазом. Тот дёргается, но продолжает висеть. Ещё толчок, ещё. Ноги Олега болтаются, руки слабеют, но он всё ещё висит. Трудно дышать. Сил уже мало, но вот груз падает. — Ура! — кричат девочки. — Молодец Губерт!

Саша, сквозь пот застилающий глаза видит, что на сетке остался всего один соперник. Это Семён Иванов. Они начинают медленно сближаться. Семён выше. Значит, будет атака сверху. Семён опытный противник. Александр лезет вверх. Вот они рядом. Поворачиваются друг к другу. Семён дышит тяжело. Ему тоже досталось. Александр первым выбрасывает левую руку и хватается за сетку напротив шеи Семёна. Локтем отжимает её. Лезет под Семёна. Лезет изо всех сил. Тот хватает его за шею правой рукой. Александр делает рывок вверх и рука Семёна соскальзывает. Он хватается Сашу руками за талию. Повисает. Но ноги у Саши в ячейке и он резко сгибается в пояснице. Семён отходит от сетки и всё же пытается ухватиться за неё, но тщетно. Всё. Игра окончена. Противник повержен. Девочки хлопают в ладоши. Саша медленно спускается вниз. Сегодня ему повезло. Он впервые стал победителем в этом соревновании.

Дальше на сетку полезли девочки. Саша отдыхал на скамейке и наблюдал за поединком. Прежде всего его интересовала Аня. Раньше она выступала на сетке неплохо. Однако сегодня разочаровала Сашу. Двигалась она как-то вяло, и уступила в первом же поединке.

«Она явно не в форме, — подумал Александр. — Что-то с ней неладно. Какая-то она бледная, даже зеленоватая. Как будто её укачало».

Окончился урок физкультуры. Аня поднялась со скамейки и вдруг упала. Девочки столпились возле неё, посадили на скамейку. Подошёл учитель физкультуры.

— Что с тобой, Ёлкина? Тебе нехорошо?

— Ерунда. Всё пройдёт. Уже лучше, — ответила Аня.

Учитель покачал головой. — Тебе надо обратиться к врачу.

— Ладно.

Ребята переделались и вышли из школы. Александр дождал Аню на улице. Вскоре она вышла с Яной.

— Что с тобой? Ты заболела? Зачем тогда пошла в школу? — спросил Александр.

— А твоё какое дело? — ответила Аня.

— Да на тебе же лица нет! И двигаешься ты как сомнамбула. Давай я тебя провожу. А то снова упадёшь.

— Меня Яна проводит.

— А мне ты не доверяешь?

— Нет. Иди своей дорогой.

— Но ты же больна!

— Я здорова.

— Нет больна! Я же вижу!

— Да не больна я... беременна!

Александр на несколько секунд потерял дар речи. Потом, опустив голову, спросил: — Это Ванечка постарался?

— Не ты же!

— Всё равно тебе надо к врачу. У тебя токсикоз.

— Сама знаю. У Яны есть таблетки от токсикоза. Её мама врач.

— А родители знают?

Аня отрицательно покачала головой.

— Ты им не скажешь?

— Нет. Зачем? Всё равно в мае сделаю выкидыш. Тренер даст таблетки.

Саша покачал головой. — Дедушка говорит, что прерывать беременность вредно.

— Жить вообще вредно, можно когда-нибудь умереть. Не я первая, не я последняя. Все так делают. Сейчас в спорте результат возможен только на грани риска. Без риска ничего не добьёшься.

Они подошли к Аниному дому и расстались.

А вечером Саша встретился с Женей. Они сходили в городской сад, покатались на качелях, побродили по улицам Найска и зашли в кафе. Там было тепло, играла музыка, молодёжь танцевала, пила коктейли, ела мороженное. Александр танцевал с Женей и невольно сравнивал её с Аней. Роста они были примерно одинакового, обе щупленькие, стройные, но у Ани глаза красивее, и голос у неё звонче, и вообще в ней больше наивности, детства. Она ещё ребёнок по сравнению с Женькой. Женька просто «свой парень», почти что жена. А Аня — любовница. Но, в общем-то, хороши обе, и нужны обе. С Женькой просто, а к Ане нужен подход, она капризная.

Александр поцеловал Женю в порозовевшую щёчку и предложил. — Пошли на улицу, погуляем. Уже темнеет.

Они вышли из кафе, прошли сотню метров, и Саша потянул Женю в подъезд. Возле лифтовой площадки было светло, а ниже, за поворотом, полумрак и спуск в подвал.

— Давай туда! — предложил Александр и потащил Женю за руку. Дверь подвала оказалась заперта. Они остановились возле и стали целоваться. Александр расстегнул свою куртку, её куртку и прижался. Он ощутил тепло её тела, объятия рук и жаркие поцелуи на своих щеках.

— Я хочу тебя, — сказал Саша, глядя Жене в глаза.

Его зрачки светились в полумраке зелёным светом.

— Нет... Я не могу здесь. Я уже говорила тебе, что больше не могу заниматься любовью в парадной.

— Но мы уже занимаемся ею.

— Это не то, что ты хочешь. Мне надоело удовлетворять твои животные инстинкты, где попало, и вздрагивать от каждого звука. Мне не доставляет это удовольствия. Я хочу делать это, как все нормальные люди — в постели.

— Но у нас нет своей постели.

— Тогда и не приставай.

— Но ты уже завела меня!

— А как же ты терпел, когда меня не было?

— Тогда я сам решал свои половые проблемы,... в ручную.

— Вот и решай сам.

— Значит, ты меня больше не любишь?

— Сашенька, ну будь умницей, ну постарайся понять. Нет у меня желания. Мне нравится обнимать тебя, целовать, но то, что ты предлагаешь, мне не нужно. Я наелась.

— ... Так может... ты беременна?

— Всё может быть. Через неделю станет ясно.

— У тебя через неделю месячные?

— Да.

— Но у тебя же есть таблетки для выкидыша.

— Были.

— Что значит были?

— Я съела их в Москве. После зимних каникул. Тогда я забеременела... от тебя. Через три дня произошёл выкидыш... Самочувствие было паршивое, но родители посчитали, что это простуда.

— И что теперь делать?

— Не знаю.

Женя помолчала, потом сказала, — пошли отсюда. Придётся тебе подождать, пока мы не переедем в наше «королевство» медиков. Там у нас с тобой не будет интимных проблем.

— Ну, ты иди. Подожди наверху. Я скоро...

Через несколько минут Александр вылез из подвала.

— Порядок! Скорей бы переехать в наше «королевство». Там всё будет предусмотрено для интимных дел. Сергей считает, что люди не должны испытывать дискомфорт в сексуальном общении. Тогда не будет и психических травм и эксцессов на сексуальной почве. Ведь многие мужчины, да и женщины, пьют из-за того, что несчастливы в личной жизни. А сколько нервных расстройств, самоубийств, изнасилований! Молодёжь особенно подвержена психическим травмам на почве сексуальной неудовлетворённости. Самый могучий инстинкт всего живого на Земле некоторые пытаются опозлить, ограничить, запретить, а судят о нём люди, которые сами не знают, что такое настоящий секс. Которые ограничены, зашорены и полны предрассудков, называемых ими моралью. Но что аморального в сексе, если он нужен обоим, если всё совершается без насилия и по обоюдному согласию? Никакого вреда от секса нет и быть не может. Всё это идёт от физиологии, от природы. Это раньше были венерические болезни, невозможность прервать беременность. Теперь всё это в прошлом. Теперь секс — это праздник души и тела. Это жизненная потребность любого человека. Человек чувствует себя нормально, если нормально удовлетворяются все его физиологические потребности. Тогда он нормально работает и учится. Тогда он психически здоров.

— Я вижу, Сергей хорошо тебя просветил.

— А ты не согласна?

— Если бы была не согласна, то не гуляла бы с тобой.

Александр обнял и поцеловал Женю.

Вскоре они подошли к гостинице.

— Ну, козлик, пока.

— Пока.

И они расстались.

4. Управление климатом.

Через три дня после отъезда Георгий Евгеньевич вернулся в Найск. Возвращался он самолётом и Сергей поехал в аэропорт встречать его. Вместе с ним увязался и Саша.

Через полчаса самолёт приземлился и Георгий с двумя большими увесистыми саквояжами появился на трапе. Сергей подъехал к месту стоянки.

— Здрости. Давайте я помогу.

И он подхватил один из саквояжей. Саша ухватился за второй, но тот оказался тяжёлым, и они донесли его до машины вместе с Георгием. Погрузили багаж и поехали в гостиницу. Там Георгия уже ждали Евгений Робертович, Рита, Валера и Женя.

— О! Вот и батя приехал! — сказал Валера. — А ты наши лэпторы привёз?

— Привёз, привёз.

— А учебные программы на дисках?

— И программы привёз.

— А спортивные костюмы? — спросила Женя.

— Костюмы тоже привёз.

— Это хорошо, а то я забыла тебе сказать по телефону.

Валера и Рита принялись распаковывать вещи. Кроме лэпторов и компакт-дисков, там оказались видеоплеер, телекамера, два аудиоплеера, бельё, верхняя одежда, сменная обувь, полотенца и прочие необходимые в быту вещи. Валера сразу извлёк свой и Женькин компьютеры и включил их, соединив в сеть.

— Давай сыграем в морской бой. Ты садись сюда, а я сяду напротив, чтобы ты не видела мои корабли. Чур, я первый хожу!

— Вечно ты жилишь, Валерочка. Давай бросим на морского.

— Ладно.

Они уселись за стол друг против друга и начали игру. Саша сел рядом с Женей и стал подсказывать ей, куда бить. Между тем Георгий говорил Сергею, Рите и Евгению Робертовичу.

— Еле успел всё сделать. Гонялся по Москве как Бобик. Сначала получил документы на Валеру и Женю из школы. Потом стал собирать вещи. А их оказалось немало. В чемоданах всё не увезти. Пришлось взять контейнер. Туда погрузил свой компьютер, посуду, постельное бельё, одежду, обувь. В общем, всё, что необходимо сейчас. Остальную мебель перевезу, когда построим общину и получим в ней квартиры. А ещё отправил грузовым поездом наш вертолёт, автомобиль и катер с Ивановского озера. Лодку подарил соседу по даче, Михал Александровичу. Катер притащил вертолётom и сразу поставил на платформу. Теперь недели через две всё придёт в Найск. В последний день успел побывать в Космическом центре и получить от них данные для продолжения работы по программе «Глобус». Сказал, что уезжаю в Найск на постоянное место жительства.

— А что это за программа? — спросил Сергей.

— Это программа управления климатом планеты. Я участвую в ней как космобиолог.

— А разве можно управлять климатом? — спросил Александр.

— Климатом можно и нужно управлять. Им можно управлять с орбитальных спутников Земли и с космических станций.

— И что, разве уже управляют климатом?

— Пока нет, но готовятся. Для этого надо запустить на околоземную орбиту целую сеть космических отражателей. Каждый такой отражатель — это зеркало диаметром в километр. Оно будет изготовлено из тонкой плёнки с алюминиевым напылением и сможет разворачиваться в любой плоскости.

— Ну и что это даёт?

— А это даёт нам устройство, которое будет посылать на Землю солнечный зайчик размером с километр. Отражатель будет как бы второе Солнце. Он станет дополнительно нагревать участок земли. В результате там повысится атмосферное давление, разойдутся облака, изменится ветер. Конечно, одного такого отражателя мало, чтобы повлиять на климат планеты, но если их будут сотни и тысячи, то можно вполне эффективно управлять погодой. Эти же отражатели смогут работать и как затенители Солнца, если их поместить между Солнцем и Землёй.

— А как же запустить такой отражатель? Он же очень большой!

— А запустят его в виде рулона плёнки высотой в десять метров и диаметром в пять метров. Для этого полотнища отражателя складывают гармошкой. Всего получается сто слоёв. А затем их скатывают в рулон. Этот рулон помещают в капсулу. Вот такая конструкция и отправляется в космос.

— Ну и что же дальше? Ведь в космосе её надо как-то развернуть.

— Совершенно верно. Когда рулон выведен на околоземную орбиту, капсула с помощью пиропатронов разрывается и отбрасывается. Рулон освобождается от капсулы, а по периметру его торчат три небольших ракетных двигателя с системой ориентации. Они-то и разворачивают полотнище. Потом из специальных баллончиков в полости полотнища подаётся газ. Эти полости-рёбра выполняют роль жёсткого каркаса, и полотнище окончательно расправляется и натягивается. Вот и вся премудрость.

Предполагается в течение каждого года запускать по сто отражателей. Таким образом, через десять лет их будет уже тысяча. Тогда и станет возможным управление климатом планеты. Сначала отражатели будут разгонять облака только там, где атмосферное давление быстро понижается, чтобы предотвратить возникновение ураганов. Ну, а затем, когда отражателей станет значительно больше, будут предотвращать затяжные дожди в одних районах, засухи в других, станут освещать города по ночам, словом отражатели заработают на благо человека в полную силу. Можно будет дать дополнительное тепло и свет в приполяр-

ные районы, повысить урожаи в средней полосе, затенить засушливые регионы. Можно будет управлять движением воздушных масс планеты и сделать климат на ней более благоприятным для человека и растений.

— Но это же очень дорого — сотни спутников в год!

— Положительный эффект от управления климатом окупит все затраты. По моим прогнозам, урожайность всех видов зерновых и овощей на планете увеличится на 10–20%. А это очень ощутимый эффект. Снизятся потери от стихийных бедствий ураганов, наводнений. Это тоже ощутимый эффект. Так что «игра стоит свеч!»

— И вы будете работать по этой программе здесь, в Найске? — спросил Сергей.

— Да, конечно. Как только придёт сюда мой суперкомпьютер. Я могу подключиться к Мировому банку данных где угодно. У меня право неограниченного доступа к информации.

Между тем Рита накрыла на стол. Пора было ужинать. Сергей с Сашей тоже сели перекусить.

— Ну, что, молодёжь, хватит вам отдыхать. Завтра идём оформляться в школу, — сказал Георгий Евгеньевич, обращаясь к Валере и Жене.

— Только мы хотим ходить в ту же школу, что и Саша, — заявила Женья. — В другую я не пойду.

— Это можно устроить, но тогда и жильё придётся снять в том же районе.

— Конечно. Мы должны жить неподалёку, чтобы ходить друг к другу в гости.

— Постараюсь что-нибудь найти, — задумчиво произнёс Георгий. — Однако гарантировать не могу.

— Ты уж постарайся, пап, — сказала Женья.

Они поужинали, и Сергей с Сашей поехали домой.

На следующий день с утра Георгий Евгеньевич привёл Валеру и Женю в школу. Через несколько минут подошёл и Александр.

— Ну, давай, веди нас к директору, — предложил Георгий.

Все поднялись на второй этаж. Раковские прошли в кабинет директора, а Саша остался у двери ждать. Минут через двадцать Раковские вышли.

— Порядок, 11-й «А», — заявил Валера, показывая пластмассовую карточку-пропуск.

— А у меня 9-й «В», — заявила Женья.

— А я в 10-м «Б», — сказал Саша. — Пошли теперь поглядим, какие у вас уроки.

Они спустились в вестибюль и оказались перед большим световым табло. Валера нажал кнопку 11-й «А» и прочёл:

социология 1–2–3 ч, каб. № 12

история 4–5 ч, каб. № 23»

Женя нажала кнопку 9-й «В» и получила ответ:

математика 1–2–3 ч, каб. № 27
физкультура 4–5 ч, бассейн»

Ой, а у меня купальника нет!

— Я сейчас съезжу в гостиницу и привезу к концу первого урока, — ответил Георгий. Встретимся в вестибюле.

— Хорошо.

— Тогда «по коням», — скомандовал Александр. — Через две минуты звонок. Встретимся на большой перемене в буфете.

Ребята разошлись по своим классам, а Георгий отправился в гостиницу за купальником Жени. Сегодня ему предстояло подыскать подходящую квартиру и, в случае удачи, переехать в неё из гостиницы.

5. Сотворение мира.

Полдня Георгий просидел в квартирном бюро. Квартиры были, но всё не подходящие. То комнат мало, то район удалённый, то квартира без мебели. Удача улыбнулась ему в конце дня. В квартирное бюро поступило сообщение, что продаётся четырёх комнатная подземная квартира на улице Ленская. Хозяева готовы освободить её через три дня. Мебель они оставляют в квартире. Георгий помчался на улицу Ленская, что неподалёку от улицы Ермака, на которой жили Саша, Сергей и Юля. Квартира Георгию понравилась. Большая гостиная, три спальни, кухня-столовая, прихожая, ванна-бассейн. Один минус — нет комнаты под рабочий кабинет и детской. Но несколько месяцев можно и потерпеть.

Он договорился с хозяевами о цене и позвонил в квартирное бюро, что квартира куплена.

А через три дня состоялось новоселье. В подземной квартире на минус 8-м этаже собрались все Раковские, а также Сергей, Юля и Саша. Работал стереовизор, показывая различные природные ландшафты, играла негромкая музыка. Вскоре все сели за праздничный стол. В начале разговор крутился вокруг общины, школы, но потом Георгий решил сменить тему.

— А хотите, расскажу вам, как меня на пенсию провожали?

Все присутствующие ожидающе взглянули на Георгия. Он обвёл всех взглядом и начал.

— По началу всё шло как обычно. Торжественное собрание в Центре космонавтики. Напутствия, награждение, подарки, цветы. Но вот дело дошло до банкета. Все собрались в банкетном зале, только приступили, как с «Голиафа» видеोगрамма. Я думал тоже что-нибудь прощальное, ан, нет! Небольшое напутствие от экипажа и фильм про... сотворение мира.

— Как это? — не понял Александр.

— Ну, это шутка, конечно. Но доля правды в ней есть. Оказалось, что фильм им передали астронавты с Юпитера. А им он пришёл из Галактики, из созвездия Орион, с далёкой планеты Ювей. Я предлагаю его посмотреть.

Раковский поставил видеодиск, и на экране стереовизора все увидели вращающуюся двойную звезду, планетарную систему вокруг неё и одну небольшую планету, четвёртую по счёту. Планета стала приближаться, и вот уже видна её красноватая поверхность, горы, безоблачное небо и сплошная пустыня. Только на полюсах белые шапки. По краю их разрывы, в которые проглядывает море и зелень. Одна из шапок стала приближаться, увеличиваться и стало видно кучевые облака, освещённые двумя солнцами, небольшие озёра, речушки и море, вернее океан. Северный, но не ледовитый!

При дальнейшем приближении к поверхности все увидели цветущий сад и в нём стройного загорелого юношу с длинными шатеновыми волосами до самых плеч, с очень знакомым лицом. На нём не было никакой одежды, и стоял он посередине лужайки. На заднем плане была видна обнажённая девушка, которая собирала плоды с дерева, похожего на яблоню. Под деревом ползал загорелый малыш годовалого возраста. За деревьями виднелась бесконечная водная гладь. Не было никаких теней. Только яркий солнечный свет заливал всё вокруг. Подросток смотрел в камеру и говорил на каком-то непонятном тарабарском языке. Следом шёл синхронный перевод.

— Здравствуй папа. Меня зовут Амад. Я живу на планете Ювей. Это очень горячая планета. Большая часть её поверхности покрыта раскалённым песком и только на полюсах есть вода, и есть жизнь. Мы живём на полюсе, который называется Раем. У нас тут вечный день и наше двойное солнце никогда не заходит. Я знаю, что ты живёшь на планете Земля и у вас другое солнце. Мой учитель Зуес, сын бога Явех, показал мне твою планету и тебя тоже. Теперь я знаю, как выглядит мой отец. Зуес сказал, что через 8 земных лет я буду таким же, как ты в 25, поскольку я твоя генетическая копия. Я не понимаю, что это значит, но знаю, что я и моя жена Аве существуем благодаря тебе и великому богу Явех, который создал меня, Аве и всё, что нас окружает. Вот этот сад, траву, деревья, птиц, рыб в море, красивых животных и ещё много, много всего. 17 земных лет назад на планете Ювей не было жизни. Но великий Явех и его помощники получили геномы всех земных растений и животных, и в своих космических лабораториях вывели сорта, которые могут жить на планете Ювей. Моя Аве на год моложе меня. Явех сделал её из моих хромосом и она как бы моя копия, только

женского пола. Она родила мне сына, которого мы назвали Якоб, а скоро она родит мне дочь.

Нас, людей, здесь очень мало. Я с женой, негр Мугаба с женой и монгол Вонг с женой. У Мугабы родился уже второй сын, но ему ещё только три месяца. Зуес велит нам каждый год рожать по ребёнку, чтобы население планеты Ювей увеличивалось. Животных и птиц здесь уже много. Они плодятся быстрее. Мы все дружим с ними. Но Зуес запрещает мне дружить с жёнами Мугабы и Вонга. Мы недавно решили обменяться своими жёнами и уже один раз поменялись с Мугабой, но, когда учитель Зуес узнал об этом, он страшно рассердился и запретил нам меняться. Он сказал, что это большой грех, поскольку наш род испортится, и родятся дети не такие, как хочет Явех. Тогда Мугаба стал тайком встречаться с женой Вонга и поссорился с ним. Вонг рассказал всё Зуесу, а Мугаба побил его. В наказание Зуес принёс злую муху, которая укусила Мугабу. Мугаба убил муху, но Зуес сказал, что принесёт много мух и всяких гадов, если мы не будем его слушаться.

Оказывается, на другой стороне нашей планеты, на южном полюсе, полно всяких тварей, которые способны отравить нам жизнь. Там они постоянно обижают друг друга, кусают, убивают. Зуес говорит, что там Ад и руководит им его брат Сатн. Но к нам, через великую пустыню этим тварям не добраться. Теперь мы опять помирились и дружим друг с другом, только жена Мугабы всё время пристаёт ко мне, когда его нет. Пока я держусь, но это трудно. Она очень соблазнительна, хоть и чёрная. Боюсь, что когда-нибудь я нарушу запрет Зуеса и он меня покарает.

А ещё я боюсь Мугабы. Он тоже может меня побить. Он страшный убийца. Мало того, что он убил муху, он украл у курицы яйцо и разбил его. В нём оказался цыплёнок, который вскоре умер. Потом Мугаба убил большую змею за то, что она съела лягушку. Он ударил её по голове палкой, но бог Явех его не наказал. А наш учитель Зуес говорит, что нельзя убивать животных ради удовольствия, но есть их разрешает. И мы съели эту змею.

Он научил нас ловить рыбу сачком, варить яйца в горячем песке, а скоро научит нас пользоваться огнём. Я тоже один раз убил лягушку и потом очень сожалел об этом. Я играл с Аве и гонялся за ней. Она смеялась и убегала. Я нечаянно наступил на лягушку. Мне было очень жаль бедную тварь, но Зуес сказал, что в этом нет греха. Это просто несчастный случай.

Папа, расскажи мне, как ты живёшь и есть ли у тебя дети? Какой ты сейчас? Я хочу побольше узнать о тебе и о твоей планете. Если я буду хорошо себя вести, то Зуес покажет мне тебя ещё раз. А теперь посмотри на мою Аве и других жителей планеты Ювей.

Камера ушла в сторону и все увидели молоденькую симпатичную девушку, очень похожую на Амада. Ясно было, что они брат и сестра. Девушка была беременна и роды были уже не за горами.

Потом камера показала несколько животных — обитателей чудесного райского сада. Это были косуля, козочка, ослик, обезьянка, страус, овечка и вот опять люди — здоровый чёрный Мугаба со своей единокровной женой и сынишкой, и низенький узкоглазый Вонг со своей жёлтой половиной. Та тоже была беременна. Женщины лежали на берегу моря, забавляясь с крупным чернокожим младенцем, а парни строили стену из песка.

Потом на экране опять появился Амад.

— Папа, я хочу сказать тебе, что нам здесь хорошо. Зуес заботится о нас. Он кормит нас и учит. Мы умеем говорить, писать, считать, и много знаем про нашу планету и про наших богов. Но он говорит, что так вечно продолжаться не может. Что он устал с нами и у него много других дел. Что скоро он покинет нас и будет навещать лишь изредка. Мы уже большие и должны сами себя обслуживать. Он поможет нам родить детей, научит, как надо ухаживать за ними и улетит на небо. Нам жаль расставаться с ним, но если у нас будут дети, то нам будет веселее. У Вонга тоже есть сын, а теперь будет двойня, две дочери. У нас у всех будет много детей и мы будем счастливы. До свидания, папа. Не забывай меня и Аве. Привет всем землянам.

Планета стала постепенно удаляться. Сад исчез, и сплошной океан раскинулся до горизонта. Но вот показались острова. Они были покрыты хвойным лесом, берёзами, клёнами. Сплошная облачность повисла над ними, да молнии непрерывно то тут, то там разрезали небо. Потом были ещё острова. Но это были голые скалы, покрытые мхом и травой. Лишь множество птиц оживляло унылый пейзаж. Вечные сумерки и дожди царили над полюсом. Это были места, где ещё не ступала нога первобытного человека. Затем экран погас.

— Ну, как фильм? — спросил Георгий.

— Интересно, — восхищённо произнесла Юля. — Но как ваш геном оказался на очень далёкой планете?

— Я тоже не сразу понял. Но потом вспомнил, что лет 20 назад, во время моей первой встречи с инопланетянами на «Голиафе», они попросили всех мужчин станции сдать сперму. Тогда они сказали, что проводят научные исследования. Так мой геном мог попасть к другим цивилизациям. Помню, что на станции в это же время среди космонавтов были несколько негров, два китайца и три японца. Так, что у астронавтов с Юпитера были геномы всех основных рас Земли.

— Значит, на планете Ювей есть мои брат и сестра? — произнёс Валерий. — Они ровесники мне и Женьки. А почему именно твой геном инопланетяне решили использовать для заселения планеты белой расой?

— Этого я сказать не могу. Возможно, они проверили его на наличие скрытых вредных мутаций и нашли, что их мало. Ведь при браке между родными братом и сестрой геном их должен быть безупречен. Иначе вырождение. А может, они решили, что я наиболее типичный образец белой расы. Это надо спросить у них.

— Значит, на планете Ювей все белые будут похожи на тебя?

— В начале да. Но со временем мелкие мутации изменяют облик многих жителей, и они перестанут быть похожими друг на друга. Кроме того, наверняка произойдёт кровосмешение разных рас, и появятся дети от смешанных браков. Жителей планеты Ювей ждёт та же эволюция, что произошла на Земле.

— Так может, и на Землю жизнь была занесена так же как на Ювей?

— Это не исключено. Но где-то же она должна была зародиться впервые!

— Значит, мы произошли вовсе не от обезьян? — спросила Женя.

— А никто и не говорит, что мы произошли от обезьян. Ни одна обезьяна не могла превратиться в человека, поскольку это совершенно другая ветвь приматов. Другое дело, что человекообразные обезьяны генетически близки человеку, но это говорит только об общем генетическом предке, об антропойде или антропойдах. Они не были людьми, но не были и обезьянами! И от них, в результате мутаций генома произошли человекообразные обезьяны и человек. Но не современный человек, а древний питекантроп. И только последующая эволюция питекантропа привела сначала к неандертальцу, а затем и к современному кроманьонцу. При этом мы всё дальше генетически отходили от нашего человекообразного предка.

Гости посидели ещё немного и стали прощаться. Так началась новая страница в жизни Раковских.

Глава VI.

1. Сеанс.

В пятницу, выходя из института, Сергей и Андрей увидели в вестибюле объявление:

Спешите, спешите!

Проездом и только один раз!

В субботу, в 12.00, в актовом зале института состоится сеанс гипноза и телепатии в исполнении известного гипнотизёра, психоаналитика и экстрасенса, г-на Вульфа.

Вход свободный

— Может, сходим? — предложил Сергей.

— Давай. Это интересно, — согласился Андрей. — Я слышал про его опыты. Он владеет телепатией и способен выполнять движения, повинуюсь мысленным приказам.

— Хорошо. Я заеду за тобой. Только надо бы придумать какое-нибудь задание Вульфу. Может он согласится его выполнить?

— Да. Надо подумать. Потом созвонимся.

Придя домой, Сергей рассказал Юле про визит экстрасенса.

— Ой, я тоже хочу посмотреть, — сказала она.

— А с кем мы оставим Вику?

— Давай забросим её к Раковским, а на обратном пути заберём.

— Нет, это неудобно. У них могут быть свои планы на воскресенье. Да она с ними и не останется. Будет капризничать.

— Тогда может Саша посидит с ней?

— Я тоже хочу посмотреть экстрасенса. Я поеду с тобой, — заявил Александр. Сергей и Юля переглянулись.

— Ладно, езжайте без меня, — сказала Юля. — Потом расскажите.

В субботу Сергей позвонил Андрею.

— Ты придумал задание для Вульфа?

— Нет, а ты?

— Я придумал. Только, по-моему, очень сложное.

И Сергей продиктовал Андрею свои пометки на листке бумаги.

— Да, сложновато и длинновато. Надо бы подсократить.

И они стали обсуждать другие возможные варианты. Вскоре обсуждение было закончено.

В воскресенье к 12-ти Сергей и Андрей были в зале. Задание для Вульфа лежало у Сергея в кармане. Народу было много. Кроме студентов присутствовали преподаватели, врачи клиники. Андрей пришёл с Зоей, а Сергей прихватил с собой Сашу.

Ровно в 12 на сцене появился ректор института и представил присутствующим знаменитого экстрасенса. Вульф был невысок, худощав, с большой седой лысоватой головой, немолод и слегка сутулился. Первые полчаса он посвятил лекции о научных основах гипноза, психотерапии и экстрасенсорике. Он рассказал как, будучи недавно во Франции, в центральном банке, в присутствии комиссии, написал на простом листе бумаги цифру — 100000 евро и, после короткого разговора, подал бумажку кассиру. Тот взглянул на неё, отсчитал сто тысяч и вручил Вульфу. Бумажку же спрятал в сейф. Когда члены комиссии спросили у кассира, почему тот выдал этому господину такую сумму, тот ответил, что получил от него чек на сто тысяч. Тогда члены комиссии попросили кассира проверить чек. Кассир достал его и чуть не упал со стула. Он увидел перед собой чистый листок бумаги с цифрой 100000. Кассир более 20-ти лет проработал в банке и не имел никаких нареканий по службе. Он не мог понять, каким образом его так провели. И лишь после того, как члены комиссии объяснили ему, кто его обманул, и представили Вульфа, мужчина пришёл в себя, принял назад деньги и расписался в акте комиссии, как участник эксперимента.

Потом Вульф перешёл к практическому показу своих способностей. Для начала он предложил студентам избрать жюри, которое смогло бы подготовить для него задание и контролировать правильность его выполнения.

Через десять минут жюри избрали. Затем из зала стали поступать записки с различными заданиями для экстрасенса. Сергей отнёс свою и стал ждать. В это время гипнотизёр демонстрировал сеансы гипноза для желающих быть загипнотизированными. На сцену выходили студенты и студентки и после двухминутного общения с гипнотизёром засыпали и падали от его лёгкого толчка назад, там их подхватывали ассистенты и клали головой и пятками на два разнесённых стула. Они лежали как брёвна, не прогибаясь, хотя до этого никогда не тренировались специально.

Между тем, жюри закончило отбор заданий и объявило, что на сцену приглашается студент пятого курса, Сергей Майоров. Сергей даже вздрогнул от неожиданности. Он не очень-то надеялся, что жюри выберет именно его задание. Андрей быстро снял с руки часы и передал Сергею. Тот на ходу надел их рядом со своими и поднялся на сцену. Вульф в это время находился за кулисами и привёл себя в рабочее состояние. Через минуту он вышел и объявил, что задание,

выбранное жюри он намерен выполнить с завязанными глазами. Сергей испугался. Он знал, что задание сложное и выполнить его с завязанными глазами невозможно. Это выходило за рамки человеческих возможностей. Но всё уже было объявлено публично, и отступать было поздно.

Вульф завязали глаза сначала узкой белой повязкой, потом широким чёрным шарфом и он подозвал к себе Сергея.

— Дайте, молодой человек, мне вашу левую руку, — попросил он.

Сергей протянул ему руку. Вульф взял её за запястье пальцами правой руки.

— Давайте войдём с вами в контакт. Вы будете мысленно делать те движения, которые я вам предложу. Вы готовы?

- Да, — ответил Сергей.

— Мысленно поднимите руку вверх. Теперь отведите в сторону. Повернитесь направо, ... налево. Так, хорошо. Согните руку в локте. Мысленно! Только мысленно. Пошевелите пальцами. Так. Сигналы хорошие. Я могу с вами работать. Начинаем выполнять задание.

А задание Сергея и Андрея состояло в следующем. На правой руке у Сергея было двое часов, его и Андрея. Вульф должен был снять часы Андрея, выйти в зал, найти Андрея, вернуть ему его часы, подняться на сцену и поднять правую руку Сергея вверх.

Сергей обратил внимание на то, что Вульф очень возбуждён. Он весь как бы наэлектризован, движения резки, кисти рук и губы подрагивают. От него пахло каким-то лекарством. Лицо бледное, потное. Сергею стало жаль старца. В его возрасте такое нервное напряжение небезопасно.

— Я не чувствую ваших команд! — заявил Вульф.

Сергей опомнился и начал мысленно представлять себе, как гипнотизёр ищет часы на руке. Вульф схватил его правую руку, отодвинул свитер, нащупал часы Сергея и тут же начал снимать их. Часы Андрея он не заметил.

— Нет, нет, — мысленно командовал Сергей. — Другие часы, выше.

Вульф остановился на секунду, но не понял команду и, сняв часы Сергея, положил их на столик жюри. Сергей мысленно дал команду взять часы назад. Вульф нехотя выполнил её. Сергей стал представлять себе, как Вульф надевает их на руку, застёгивает ремешок, но Вульф не смог выполнить эту команду. Он не видел ремешка и пряжки. Тогда Сергей дал команду положить часы на столик. Вульф тут же выполнил её. Потом, по мысленному приказу Сергея, он снял с руки вторые часы и замер. Сергей командовал вперёд, затем налево и Вульф помчался по сцене, повернул, спустился в зал. Там он бросил руку Сергея и пошёл впереди него. Сергей едва успевал мысленно командовать: «Направо». «Вперёд».

Вульф почти бежал по центральному проходу. Сергей стал искать глазами Андрея. «Где он? Я не вижу свой ряд. Ага. Есть. Но Вульф уже рядом. Направо!»

Вульф развернулся и ринулся вправо, но команда Сергея чуть запоздала, и Вульф налетел бедром на подлокотник кресла.

— Ааа! — взвыл он и схватился рукой за ушибленное место. — Что же вы так командуете, молодой человек!?

— Извините, — сказал Сергей. — Вы так спешите...

— Подождите, сейчас я выключу боль. Минутку.

Сергей увидел, как напряглось его лицо, заострились скулы.

— Всё. Командуйте дальше, только чётче.

Сергей мысленно погнал его вперёд вдоль ряда. Вот и Андрей. Стоп. Вульф замер, повернулся к Андрею, схватил его за руку и поволок на сцену. Такой команды Сергей не давал, но Вульф уже не слушал его. Видимо, это было стереотипным заданием всех его предшествующих выступлений.

Он сам нашёл дорогу назад. Поднялся на сцену, волоча за собой Андрея. Публика разразилась аплодисментами. Вульф тут же сунул в руку Андрею его часы. Сергей дал команду подойти к столику и взять его часы. Вульф выполнил команду. Потом Сергей потребовал вернуть ему часы, и Вульф сунул часы в его руку. Последней командой в задании была команда поднять правую руку Сергея вверх. Но Вульф поднял вверх обе руки, Сергея и Андрея. Публика опять захлопала в ладоши.

— Задание выполнено! — провозгласил председатель жюри.

Сергей хотел возразить, но у него не было микрофона.

— Вы не всё сделали правильно, — сказал он Вульфу.

— Да, да, я знаю, я буду учиться, я научусь, — зашептал он Сергею. — Не давайте меня. Спасибо вам, спасибо!

Сергею стало жаль старика. По лицу его струился холодный пот и дышал он как загнанная лошадь. «Нелегко ему достаются эти эксперименты, — подумал Сергей. — Ладно, пусть всё остаётся, как есть. Не буду ничего говорить. Это задание невозможно выполнить с завязанными глазами. Вульф не знал этого. Он не виноват».

Потом Вульф проделал ещё несколько номеров с угадыванием мыслей на расстоянии. Он попросил желающих загадать какое-нибудь простое желание, сильно захотеть чего-нибудь.

Первая девушка встала со своего ряда и подошла к сцене. Вульф сосредоточился и произнёс: — Вы хотите пить.

Девушка кивнула головой и села на место.

Подошёл парень. Вульф задумался. — Вы хотите обнять свою подругу, — произнёс он. Парень согласился.

Третья девушка вызвала лёгкий смех в зале. Вульф сказал, что она хочет выйти замуж. Девушка слегка покраснела, но согласилась.

На этом сеанс знаменитого экстрасенса и гипнотизёра закончился.

Сергей, Саша, Андрей и Зоя вышли из зала.

— Как это он делает? — нетерпеливо спросил Александр.

— Он улавливает наши биотоки, — ответил Сергей. — Если мыслеприказы

достаточно сильные, то они формируют довольно приличное биополе вокруг нас. Многие тонко чувствующие люди способны улавливать желания своих собеседников, особенно близких людей. Им не надо слов. Они читают мысли друг друга. Ты не замечал такого за собой?

— Не припомню чего-то, — пожал плечами Саша.

— А у нас это часто бывает, — сказала Зоя, взглянув на Андрея. — Я чувствую без слов все его желания, стоит ему посмотреть мне в глаза.

— Особенно тонко чувствуют это животные. Например, собаки. Они не умеют говорить, но понимают друг друга и хозяина без слов. Конечно, тут играет роль и поведение, но сильные мыслеприказы животные способны улавливать на расстоянии в несколько шагов. Просто их надо правильно тренировать. Этим пользуются дрессировщики в цирке.

— Вот бы мне научиться этому, — произнёс Александр.

— Тренируйся, учишь и ты всего достигнешь.

Они сели в Серёгину «Самару», подвезли к дому Андрея с Зоей и вернулись в свою «пещеру».

2. Плоды любви.

Пошла вторая неделя апреля. Александр ходил в школу, и каждый день встречался с Валерой и Женей на большой перемене. Они занимали очередь в буфете, потом садились за столик, ели, обменивались новостями и впечатлениями. Школьные дела у них шли неплохо, только Жене приходилось частенько оставаться на шестой час из-за математики. Саша и Валера тоже иногда оставались вытягивать «хвосты», но это было нечасто. После школы Александр возвращался домой либо с Женей, либо с Валерой, либо с обоими сразу.

Валера и Женя записались в школьный бассейн и посещали его во второй половине дня три раза в неделю. Валера всерьёз увлёкся плаванием и показывал неплохие результаты. Тренер был доволен им и говорил, что у него отличные данные. Саша тоже посещал бассейн. Там он встречался с Аней, но контактов у них не было. Аня избегала его. Самочувствие у неё улучшилось, и никто не заподозрил бы, что она беременна.

После школы Женя часто приходила в гости к Саше. Они играли в компьютерные игры, гуляли по Найску. Погода стояла хорошая, и подростки частенько заходили на аттракционы. Качались на качелях, крутились на воздушных каруселях, катались с американских горок. Пару раз Саша катал Женю на своём горном велосипеде. А когда наступал вечер, они сидели в кафе, слушали музыку, танце-

вали, и Александр украдкой целовал Женю. Близости между ними не было. Женя не допускала этого, а Александр не настаивал.

Валера был сам по себе. У него появилась своя кампания. Это были те же парни, которые гоняли с ним зимой на снежокатах, только теперь они переключились на спортивные мопеды. В этом отношении в Найске было куда лучше, чем в Москве. Там можно было кататься только по дворам, да переулкам, где не было большого количества машин. На улицу на мопеде не сунешься! Собьют в момент. Да и не разрешалось. Поэтому мопеды в Москве не пользовались популярностью. Зато в Найске, особенно по окраинам, для мопедов было раздолье. Ребята гоняли наперегонки, заезжали в тайгу и ездили там по просёлочным дорогам и тропам. Мопеды были мощные, спортивные, жаль только, что скорость автоматически поддерживалась в пределах 40–45 км/ч.

Валера быстро освоил новый вид техники и стал просить отца подарить ему спортивный мопед. Ему надоело кататься на чужих. Георгий Евгеньевич посоветовался с Ритой и решил купить. Он приветствовал спортивные увлечения сына. Так у Валеры появился свой железный «конь». Пришлось купить и экипировку. Это был чёрный спортивный костюм с красным шлемом. В костюме были предусмотрены налокотники, наплечники и наколенники, краги. Надев его, Валера напоминал собой мощного хоккеиста. Погода в апреле стояла хорошая, температура днём поднималась до плюс десяти, в городе было сухо, а дороги в тайге быстро подсыхали. Валера носился на мопеде с ватагой таких же как он сорванцов, шестнадцати — семнадцатилетних подростков, и был счастлив. Ему открылся совершенно новый мир увлечений и мир природы, который был недоступен в Москве. Каждый раз он возвращался домой грязный, предельно усталый, но довольный.

Сегодняшний вечер Саши и Жени мало отличался от предыдущих. Они посидели в кафе, потанцевали, потом вышли на улицу и побрели куда глаза глядят. Был прекрасный тихий вечер. Солнце уже клонилось к закату, лёгкий ветерок доносил с тайги запах сосен, кедров, можжевельника. С реки временами слышался треск ломающегося льда. Александр с Женей вышли на набережную. Лёд уже почернел, покрылся длинными трещинами, у берега поверх льда выступила вода.

— Скоро начнётся ледоход, — сказал Александр. — Может и наводнение будет. Говорят, лет десять назад вода поднялась на четыре метра и затопила всю нижнюю часть города. Такое здесь бывает. Раньше, когда не было набережной, река постоянно выходила из берегов. Теперь берега подняли, укрепили и наводнения редки.

— Поцелуй меня, — попросила Женя.

Александр обнял её щёки и чмокнул в нос.

— Не балуйся. Целуй, как следует.

— Но здесь люди. Давай отойдём куда-нибудь.

— В кафе ты не стеснялся.

— Там молодёжь. Там все целуются. Там можно.

Они зашли в парк и сели на скамейку. Женя сразу взобралась к Саше на колени. Темнело. Народу по близости не было. Он обнял её и стал нежно целовать в щёки, в губы. Она отвечала ему тем же.

Нацеловавшись вдоволь, они встали и пошли по аллее.

— А как у тебя дела? Месячные были?

— Не, — помотала головой Женя.

— Вообще ничего?

— Вообще. Наоборот, меня иногда подташнивает, хочется солёенького.

— Значит, ты беременна?

— Да.

— Значит, надо доставать таблетки?

— Не надо.

Саша вопросительно посмотрел на неё. — Почему?

— Я решила оставить ребёнка.

— Ты что, сбрендил? Ты собираешься рожать?

— Да.

— Рожать в 15 лет?!

— Мне будет уже 16.

— Но зачем тебе ребёнок? Ты же учишься в школе!

— Мне жалко его убивать.

— Надо было предохраняться!

— А чего же ты не предохранялся?

— А я откуда знал, что ты не захочешь делать выкидыш?

— А я откуда знала, что забеременею?

-_Здрасти! — сказал Александр и покрутил пальцем у виска. Потом решительно заявил. — Не нужен тебе ребёнок. Ни тебе, ни мне. Ты представляешь, что будет, когда родители узнают, что ты беременна? Да ещё узнают от кого! Помнишь, что было во Флориде, когда дедушка узнал про нашу близость?

— Помню, — потупясь произнесла Женя. — И всё равно я оставлю ребёнка.

— Ну и дура! — не выдержал Александр. — У тебя что, не будет другого времени родить? Я что, на Марс завтра улетаю? Кончишь школу и рожай, сколько хочешь! Я, может даже... женюсь на тебе.

— Мне всё равно женишься ты или нет, я хочу этого ребёнка. Я больше не стану делать выкидыш! Мне жаль убивать нашего малыша.

— А кто его будет воспитывать? Ты?! За ребёнком уход нужен, а ты, то в школе, то в кафе, то на танцах, то в бассейне. Я-то вижу, как Юля со своей Викой мается. Но она уже взрослая, а ты? У тебя ещё ветер в башке, сквозняк! На меня, во всяком случае, можешь не рассчитывать. Я не собираюсь становиться отцом в 17. Мне и Вики хватает. Она мне как дочь, или как младшая сестрёнка. Впрочем, это не важно, я люблю её и больше мне никто не нужен.

— Я на тебя и не рассчитываю. Мне мама поможет. И папа.

— Да, как же! Держи карман шире! Они отругают тебя, а потом заставят сделать аборт. Они же понимают, что такое маленький ребёнок, да ещё у школьницы! Ни одна девчонка в нашем классе не родила ещё. Выкидыши делают, а рожать не собираются. Они не дуры!

— А я не скажу родителям, что беременна, пока не станет заметно. Пока они сами не догадаются. А там уже поздно будет что-либо делать. Придётся рожать.

— Женька, не дури! Если ты меня не слушаешь, я с тобой поспорю. Я в эти игры не играю. Отцом я не буду!

— Будешь, будешь, куда ты денешься, козлик!

— Я всё твоим родителям расскажу.

— Ага. И расскажешь, как ты ночью ко мне в гостиницу бегал?

Александр задумался.

— Мне не хочется портить отношения с твоими родителями. Они много сделали для меня, и я им очень благодарен. Особенно дяде Жоре. Но если ты меня вынудишь, то придётся им всё рассказать. Так и знай. А таблетки я тебе всё равно достану. Ты подумай хорошенько. Надумаешь, приходи. А иначе мы в ссоре. Всё, пока.

Александр круто повернулся и зашагал домой. Женя села на скамейку и заплакала. Уже стемнело. Вдоль набережной зажглись фонари. Их свет достигал кустов, деревьев и создавал сказочные тени. Никого вокруг не было. Жене стало страшно одной. Она встала и пошла на освещённую улицу. По ней мчались вереницы машин, шли прохожие. Она шла, и ей было очень одиноко и грустно. Но она была упряма и ни за что не собиралась отступить от задуманного. Она твёрдо решила рожать.

3. Новая семья.

Евгений Робертович с нетерпением ждал очередной встречи со своими подругами — Нонной и Инной. Через пять дней он опять позвонил им.

— Девушки, я к вам сегодня приду. Вы не возражаете?

— Конечно нет! Приходите Евгений Робертович. Мы будем рады.

— Зовите меня просто Джон. Я привык к этому имени в Америке. «Евгений Робертович» — это слишком официально. Ведь мы же с вами друзья, не правда ли?

— Хорошо, мы постараемся привыкнуть к вашему новому имени. Будем звать вас мистер Джон!

— Никаких «мистеров». Здесь в России это смешно.

— Хорошо, Джон, приходи. Мы ждём тебя, — ответила Нона.

— Вот это другое дело. Это мне нравится.

В шесть вечера Евгений Робертович был у подруг. Они встретили его, как всегда, приветливо, а Нона даже расцеловала.

— Ты единственный мужчина в нашем доме, — сказала она. — Мы уже порядком надоели друг другу, а ты вносишь в нашу жизнь разнообразие и какую-то мужскую ауру. С тобой мы чувствуем себя женщинами в лучшем смысле этого слова. Не бабами — готовыми поорать, поскандалить, а именно женщинами, готовыми к ласке, к сочувствию, к пониманию.

— Именно такие женщины мне и нужны. Именно за это я вас и ценю, дорогие мои.

Они сели за стол, выпили вина, и началась беседа. И тут впервые женщины услышали от Евгения Робертовича подробный рассказ про строящуюся под Найском общину медиков и биологов. О строительстве они знали и раньше, но сейчас они видели перед собой человека, который занимался этим строительством непосредственно, который стоял у его истоков, был организатором. Дамы были крайне удивлены, что Джон в возрасте семидесяти пяти лет продал свою виллу во Флориде и квартиру в Вашингтоне, чтобы заняться строительством медико-биологической общины для молодёжи.

— Неужели вы не могли найти себе спутницу жизни там, в Америке, и жить с ней на своей шикарной вилле? Да за вас бы и молодая пошла с таким-то богатством! — воскликнула Инна.

— Вот именно! Молодая-то может и пошла бы, а втихаря наставляла бы мне «рога» с любовником. Именно этого я и боялся! Богатство не способно сделать человека счастливым, оно не может заменить истинной и бескорыстной дружбы, верности, преданности. Я хочу, чтобы меня любили не за моё богатство. Марта нанесла мне большую душевную травму и всё из-за денег. Она изображала любовь, преданность, а оказалась змеёй, готовой предать, ужалить в любую подходящую минуту. Я долго думал над всем этим и пришёл к выводу, что буду счастлив только отказавшись от своего богатства. Тогда люди смогут относиться ко мне бескорыстно, как к равному, и только тогда, возможна искренняя дружба. И я не ошибся. Сознайтесь, поехали бы вы жить на мою виллу и стали бы дружить со мной там, в Америке?

— Сейчас бы поехали, — ответила Инна.

— Это когда мы уже подружались, стали близкими людьми. А раньше? Скажем, встретились бы мы на каком-нибудь курорте и узнали бы вы, что я очень богат. Стали бы вы за мной ухаживать, добиваться дружбы?

— Нет, — ответила Нона. — Это не в моих правилах. Я выбираю друзей и подруг, равных мне по общественному положению, по материальному достатку. К миллионеру я бы не подошла. А вдруг он подумает, что мне нужно его

богатство, а не он сам? А вдруг попрекнёт когда-нибудь, что я живу за его счёт? Нет, от миллионеров я держусь подальше.

— Вот именно! Я давно заметил, что люди очень меняются, как только узнают кто я такой. Всё было хорошо, пока мы встречались на работе, в клинике, в институте. Больные и медперсонал хорошо ко мне относились. Но стоило пригласить кого-нибудь на мою виллу и отношения сразу менялись. Либо начиналось преклонение, заискивание, либо возникало отчуждение, замкнутость, неискренность. Одни мне завидовали, другие хотели от меня чего-то, появлялись корыстные интересы. Поэтому я и держал в Вашингтоне небольшую квартиру для друзей. В ней их не давило моё богатство, они не испытывали неловкость. А про виллу я помалкивал. Но когда с работой было покончено, когда меня отправили на пенсию, я перебрался во Флориду и там, в полной мере испытал всю чашу одиночества. Вот почему я ухватился за идею строительства общины, вот почему продал шикарную виллу и переехал в Найск. В сущности, я обыкновенный человек и всю свою жизнь служил людям. И не стоит мне отгораживаться от них на старости лет высокими стенами золочёной клетки. Теперь я вновь воссоединился с семьёй сына. Имею внуков и вполне доволен жизнью. В Найске у меня появились друзья-пенсионеры и, наконец, я встретил вас, дорогие мои. Я ещё не построил общины, но уже нашёл своё счастье. Да, я счастлив здесь. А если вы согласитесь переехать в общину, то мы заживём одной большой дружной семьёй.

— Но мы можем и здесь жить одной дружной семьёй, — заявила Нона. — Что мешает вам перебраться жить к нам, в нашу уютную квартирку?

— Спасибо за приглашение, но всё же здесь я немного оторван от своих близких, от внуков. В общине наши квартиры были бы рядом. А, впрочем, я подумаю над вашим предложением. Возможно, я буду приходить к вам почаще. У меня возникла мысль, что вы поможете мне написать Устав общины?

— Ну, в этом мы, наверное, плохие помощники, — заметила Инна.

— А от вас требуется не писать, а излагать свои мысли, свои предложения. Писать буду я. У меня уже есть наброски. Я обсудил их с Гариком, с его супругой, но этого мало. Мне хотелось бы расширить круг участников обсуждения. Ведь мы должны будем принять Устав общины на общем собрании.

— А что, другие общины живут без уставов? — спросила Нона. — Наверное, можно взять и позаимствовать у них всё, что нам нужно.

— Это верно. Нарботано уже немало, но мне не хочется просто копировать других. У нас специфическая, медико-биологическая община и в уставе должны найти отражение вопросы здорового быта, обучения, нравственности. Причём, нравственность врача заметно отличается от нравственности обычного человека. Врач ежедневно сталкивается с болезнью, смертью, с рождением новой жизни, со взаимоотношением полов. Он ко всему относится философски и более прагматично, чем многие прочие смертные. У него нет иллюзий, предрассудков и за-

шоренности. Он воспринимает человека и как материальную субстанцию, и как духовную. Он лечит и плоть, и душу больного. Наша плоть и душа едины, и необходимо в равной мере заботится о том и о другом. Мы должны в равной мере удовлетворять и духовные, и физиологические потребности человека. И в этом нет ничего греховного или скотского. Скотство начинается там, где физиология преобладает над духовностью, где ради удовлетворения животных инстинктов причиняют душевную боль и страдания другим людям. В нашем Уставе это должно быть записано красной строкой. А ещё в нём должно быть много полезных советов, как сохранить здоровье физическое и духовное. Как надо жить, чтобы жить долго и счастливо. Ведь пьянство, наркомания — это болезнь души, которая часто вызвана неправильным образом жизни, недостатком внимания, женской ласки, любви. Люди пьют и пускаются в разврат, чтобы удовлетворить свои естественные физиологические потребности в половом общении. Но при отсутствии любви на трезвую голову это делать противно, а пьяному всё нипочём. Вот и пьют, дурманят себя, пропивая стыд и совесть. В нашей общине не должно быть отвергнутых мужчин или женщин. При поступлении в общину, каждый совершеннолетний должен пройти тест на психологическую совместимость. Он должен быть достаточно контактным, доброжелательным и лёгким человеком. И тогда не будет одиноких, никому не нужных мужчин или женщин. У каждого мужчины будет любимая и у каждой женщины будет любимый.

— Но ведь любовь проходит, привязанности меняются, — возразила Инна.

— Да, к сожалению, не все постоянны в своих симпатиях, но если человек способен любить, то ему не грозит одиночество. Пусть он полюбит со временем другого человека и будет счастлив с ним.

— А тот, кого он бросил, тоже будет счастлив? — лукаво спросила Нона.

— Нет, конечно. Но любой разрыв не случаен. Значит, что-то было не так в характерах, в отношениях бывших друзей. Значит, кто-то виноват больше, а кто-то меньше, но виноваты, как правило, оба. Конечно, абсолютно все счастливы в общине не будут, но они будут свободны в своём выборе и со временем могут найти своё. Во всяком случае, у них больше шансов стать счастливыми. Я не наивен и не пытаюсь осчастливить всех поголовно, но если процент счастливых в общине будет больше, чем за её пределами, я сочту свою задачу выполненной.

Ну, так как? Вы согласны участвовать в разработке Устава?

— Интересное предложение, — сказала Нона. — Лично я согласна принять участие в обсуждении Устава. Тем более что все вечера у нас с Инной свободны. Другой раз не знаем, чем заняться. Пасьянсы раскладываем, телевизор смотрим. А тут новое интересное дело. Приходите к нам, Евгений Робертович, почаще, посидим, поболтаем.

— Поболтать я люблю, но как мужчина, к сожалению, уже не смогу вас часто баловать.

— Ничего, потерпим. Мы уже привыкли обходиться без мужчин. Надеюсь, на сегодняшний вечер это не распространяется? — спросила Нона.

— Я сам надеюсь на это. Хотя, откровенно говоря, желание у меня сейчас как-то притупилось. Длительные серьёзные разговоры мешают полноценному половому общению.

— Тогда не будем больше трепаться, — сказала Инна. — Духовно мы уже пообщались достаточно. Ближе к телу!

— Не возражаю, — ответил Евгений Робертович и стал раздеваться.

4. Будни.

Окончились очередные занятия в школе. Александр и Валера вышли на школьное крыльцо. Женя осталась на шестой час.

— Ты в бассейн сегодня идёшь? — спросил Саша.

— Иду. Сегодня у меня тренировка.

— А сейчас что собираешься делать?

— Не знаю. Может, на мопеде погоняю немного с ребятами.

— А меня возьмёшь? Я на велике за тобой поеду.

— Ха! Так ты меня и догонишь на велике!

— Ну, на багажник меня посадишь. Мне хочется на стройку съездить посмотреть, что там делается.

— На стройку? Можно и на стройку. Я там тоже давно не был.

— Тогда сейчас зайдём ко мне, я скажу Юле, что еду с тобой.

— Зачем заходить? Позвони ей.

И Валера достал из кармана телефон.

Александр позвонил Юле, и они зашагали к дому Раковских.

— Послушай, Сань, я всё хочу спросить, вы что с Женькой поссорились? Раньше не «разлей водой» были. Всё вместе, вместе. А теперь на перемене почти не разговариваете, после школы не гуляете. Женька ходит как в воду опущенная. Молчит.

— Да. Повздорили немного...

— Из-за чего?

— Так тебе всё и скажи!

— Ну, как хочешь... Тогда и на мопеде не поедешь. Вдруг ты её обидел! Сестра всё-таки.

Александр задумался. Потом, глядя вниз, произнёс.

— Она сама виновата...

— В чём?

— Забеременела.

— Да ну?! Вот это новость! Значит, вы не предохранялись?

— Не до того было...

— Ну, тут вы оба виноваты. А больше ты, Санька. Мог бы и презервативы надевать. Теперь ей придётся выкидыш делать. Дерьмо же ты, однако! Задурил девке голову.

— Она сама на меня вешалась... А теперь не хочет выкидыш делать. Рожать собирается.

— Да что ты?! Серьёзно?

Александр кивнул. — Ты бы поговорил с ней, Валера. — Может тебя она послушает.

— Ладно. Я ей мозги прочищу! А, в крайнем случае, деду скажу. Он ей матку вывернет! Хорошо, что ты мне всё рассказал. Вдвоём мы из неё дурь выбьем. Только надо бы таблетки достать.

— Это я, наверное, смогу сделать. Есть у меня одна школьная знакомая, которая тоже беременна и собирается в мае делать выкидыш.

— Так ты и там постарался?

— Нет, там не я. Там другой, старшеклассник.

— А, тогда ладно.

Они подошли к дому Валеры, зашли во двор, и Саша увидел новенький мопед. Он был красный, с чёрными шипованными шинами, блестящими ободами, приземистый, стремительный, с толстым трубчатым багажником, приборным щитком и фарой.

— Вот он, мой конёк-горбунок, — сказал Валера, любовно поглаживая руль. — В любую горку вывезет. Мощи в нём аж шесть лошадей! Трёхступенчатая автоматическая коробка передач, двухцилиндровый роторно-поршневой двигатель.

— А где же бензобак? — поинтересовался Саша.

— Какой бензобак! Деревня! Он на пропане ездит. На жидком пропане. Забудь про бензин, сосулька столетняя!

— Ну, тогда баллон должен быть газовый.

— У него рама служит баллоном. Видишь, какие трубки мощные? В них два литра пропана помещается, да ещё литр в трубках багажника. Пять часов можно ехать без перерыва.

— А аккумулятор где?

— Какой аккумулятор? Зачем? Генератор есть и хватит. Ногой кикстартер тиснул и завёл. Всё просто. Пошли ко мне, я переоденусь и возьму два шлема.

— А ты не боишься, что его тут свиснут во дворе?

— Зачем?

— Чтоб покататься.

— Кроме меня, его никто не заведёт. Нужна моя школьная карточка. На неё настроен компьютер мопеда.

— Я тебя лучше здесь подожду.

— Ну, как хочешь, я сейчас.

Валера убежал, а Александр принялся рассматривать двигатель и прочие агрегаты мопеда. Он ещё не был знаком с этой техникой.

Через пять минут Валера вышел. Он был в чёрном кожаном костюме и в красном шлеме.

— На, держи, — протянул он второй шлем Саше. Затем Валерий сел за руль, достал свою пластиковую карточку и сунул в щель компьютера. Александр уселся сзади на багажник. — Держись крепче, у него приёмистость хорошая, — обернувшись сказал Валерий и нажал ногой кикстартер.

Мотор взревел, Валера толкнулся ногами и дал газ. Мопед рванулся, и Александр чуть не опрокинулся на спину.

— Поосторожней, не дрова везёшь!

— Может и не дрова, но всё равно дерево, — сострил Валера.

Александр промолчал.

Через десять минут они были на окраине Найска, возле строительной площадки. Валера подрулил к вагончику Саймонса. Александр поднялся и обнаружил там Костю Гребня.

— Привет.

— О! Губа! Привет. Каким ветром тебя занесло?

— Да вот, решил посмотреть как тут у вас дела? А Джеффри-то где?

— В конторе. Там подрядчик какой-то приехал. Специалист по крыше. Скоро купол монтировать начнём.

— Да? Значит, кольцо уже заканчиваете? Ну, мы пойдём, посмотрим, а потом я опять зайду.

— Давай. Я с вами не могу. Тут всё время прорабы звонят. Вопросы задают. Саймонс мне шпаргалку оставил в компьютере, что и как делать, и все монтажные чертежи, так что я им консультации даю. Распечатываю бумаги разные на принтере. А если чего не знаю, звоню Саймонсу.

— Ясно. Работай. Мы тут мопед оставим. Пока.

Александр и Валера пошли вдоль опорного кольца, прошли внутрь через проезд и увидели, что строители начали монтаж центральной мачты-опоры. Она поднялась уже метров на пятьдесят. Внизу трёхпалое бетонное основание в виде конуса, выше лифтовая площадка, а дальше ствол будущего 150-ти метрового «дерева». Оно ещё не было похоже на дерево. Ещё не было камуфлирующих облочочек и вся внутренность опоры, хитросплетение перекладин, выглядела как скелет гигантской рептилии. От него шли стальные троса-оттяжки. Мелькали огни электросварки, слышался стук, лязг, визг пневмоинструмента, шум механизмов. Рядом с мачтой-опорой экскаватор рыл котлован для бассейна. Поодаль автокран закладывал фундамент монплизира.

Но вот в воздухе показался вертолёт. Он нёс очередную 25-метровую сек-

цию мачты. Подлетел и, зависнув над концом опоры, стал медленно снижаться. Александр заметил маленькие фигурки рабочих на верху. Они махали руками, показывая пилоту, куда ставить секцию. Потом ухватились за неё руками и слегка развернули на тросе. Вертолёт медленно снизился и секция встала на своё место. Рабочие засуетились, соединяя секцию с мачтой огромными болтами вокруг фланца. Один полез по внутренней лестнице вверх и вскоре отсоединил трос вертолёта. Тот развернулся и улетел в сторону Найска.

Александр с Валерой побродили по стройке, и вышли к вагончику. Снова зашли к Косте.

— Ну, как тебе тут? Нравится? — спросил Александр.

— Ещё бы! Тут я при деле. Тут интересно.

— Саймонс тебя не обижает?

— Не. Мы с ним живём душа в душу. — Костя лукаво подмигнул. — Он собирается усыновить меня и увезти на другую стройку. Где-то под Санкт-Петербургом тоже будут общину строить. Но сначала мы поедем в отпуск на Канары. Ты представляешь? Я поеду на Канары! Буду отдыхать как миллионер. Только вот с усыновлением пока затыка. Не женат он, а власти требуют, чтоб полноценная семья была. Жениться ему надо срочно, хотя бы формально, а он не хочет. Я ему предложил такой вариант: он женится на моей Таньке для виду, забирает её и меня из детдома, и мы все вместе едем на Канары. И ему хорошо и я доволен и Танька. Джефри обещал подумать. Танька, конечно, ему и нахрен не нужна, но зато нужна мне, а я нужен ему. Получится неплохая кампания! Как ты считаешь?

— Это твои проблемы. Ты и решай. Если Танька не против фиктивного брака с Саймонсом, то всё о'кей.

Они поговорили ещё немного и распрощались. Александр был доволен, что у Кости всё складывается как нельзя лучше. И под настроение решил попросить Валеру дать ему прокатиться на мопеде.

— На, только не газуй сильно, иначе он понесётся как сумасшедший, — сказал Валерий.

Александр сел за руль, чуть-чуть прибавил газу и отпустил сцепление. Мопед дёрнулся и заглох.

— Когда трогаешься — газу больше, а когда поехал — убавь. Хочешь остановиться, выжми сцепление и нажми на тормоз, — наставлял Валера.

— Всё понял, — сказал Александр.

Со второй попытки ему удалось тронуться с места, но газ он не сбросил и мопед помчался по кочкам, по грязи, пытаясь выбросить Сашу из седла. Александр растерялся и забыл где и что надо нажимать. На его счастье, вокруг было пусто и ничто не мешало ему двигаться в любом направлении. Наконец он сбросил газ, и мопед пошёл мягче, тише. Саша выжал сцепление, и когда скорость упала, вспомнил, где тормоз. Остановился. Подбежал Валера.

— Ну, ты и рокер! Слезай, а то навернёшься.

— Я ещё разок, можно?

— Только осторожно.

На этот раз у Саши получилось лучше. Он сделал несколько кругов и довольный слез с мопеда.

— Ничего сложного. Только привыкнуть надо.

Валера снова сел за руль и они поехали назад в город. Через час обоим надо было идти в бассейн.

Глава VII.

1. Развод.

Сергей уже час сидел в лаборатории, когда, наконец, появился Андрей.

— Чего опаздываешь? — спросил Сергей после взаимных приветствий.

— Да к бабе Зине забежал, проведаль сына.

— Игоря? — Да. Игоря и Бима. С Игорем поиграл, с Бимом погулял. Погонял его как следует. А то Ольга с ним не играет. Водит на поводке взад-вперёд, а собаке нужна нагрузка. Он же молодой здоровый пёс!

— Ну и как там Игорь?

— Да растёт озорник. Папой меня называет. Носится по квартире как метеор! На Биме катается. Ухватит его за шею, а пёс таскает его повсюду. И оба довольны.

— А Ольга знает, что ты навещаешь сына?

— Конечно.

— И она не против?

— Нет. Может ещё надеется, что я вернусь к ней? В январе я подал заявление на развод, в феврале нас вызвали в суд, но на суд она не явилась. Теперь вот сегодня, после обеда надо снова идти.

— Опять вызвали?

— Да.

— А если она опять не придёт?

— Тогда на третий раз нас разведут без её согласия.

- А Зоя знает, что ты идёшь разводиться сегодня?

— Нет. А зачем её нервировать? Когда разведут, скажу. А в общем-то мне наплевать разведут нас или нет. Всё равно я буду жить с Зоей. Не обязательно же регистрироваться! Сделал один раз глупость и хватит.

— Как она себя чувствует то?

— Ничего. Беременность протекает нормально. Но она и Катю нормально носила. Так что осложнений не предвидится. Если первая беременность проходит нормально, то и вторая обычно тоже без осложнений.

— А как с её матерью у тебя? Помню, ты очень боялся, что не поладишь с тещей.

— Всё нормально. Первое время она на меня косилась, не доверяла. Уходила в свою комнату. А теперь привыкла. Дочка довольна, внучка довольна, а это

главное. Если бы у нас с Зоей были ссоры, тогда другое дело. По-моему я даже нравлюсь своей теще!

— Да ну?! Тогда ты редкостный экземпляр, — пошутил Сергей.

Они поработали час и поставили чайник. Пора было сделать перерыв и перекусить. В это время в комнату вошёл начальник лаборатории Кондеев в сопровождении лаборантки Люды и двух молодых студентов.

— Здрассти, коллеги. Извините, что нарушил ваше уединение. Чаёк попиваете? Прекрасно. А я вот вам смену готовлю. Эти двое молодых людей — трёхкурсники. Они заменят вас в новой НИР по управлению наследственностью. Хочу поручить им некоторые эксперименты.

— Присаживайтесь, — сказал Сергей. — Может, чайку выпьете?

— Спасибо, не откажусь.

Люда сбегала в соседнюю комнату и принесла несколько чашек. Все сели вокруг стола. Молодые студенты с интересом поглядывали на старшекурсников.

— Познакомьтесь, — сказал Кондеев, — это Миша Бойцов, а то Петя Григорьев. Оба отличники, оба влюблены в генетику и жаждут деятельности. Я долго к ним приглядывался на лабораторных занятиях, да и Лебедев их рекомендует. Конечно, им до вас ещё далеко, но вы-то уже не бойцы. На вас дипломный проект висит, а там каникулы и тью-тью!

— Но мы хотели бы остаться в институте преподавателями, — заметил Сергей.

— Или научными сотрудниками в клинике, — поддержал Андрей.

— Это не ко мне, — заявил Кондеев. — Это говорите с ректором института или с директором клиники. Они решают кадровые вопросы. Главное, что работа по новой теме уже началась с первого квартала и мне нужны помощники.

— А нас-то вы не хотели в начале подключать к исследованиям! — заметил Сергей.

— Да кто вас знает, разве сразу определишь, кто на что способен? Ты, Серёга, не обижайся, но летний отпуск я из-за тебя потерял! Твою модель переделывал!

— Зато у вас сейчас есть в запасе другая модель, учитывающая динамику мутаций.

— Это верно. Тут ты молодец. Я думаю использовать её в новой теме. Как говориться, «нет худа без добра».

Они допили чай и Кондеев стал показывать молодым студентам лабораторию, знакомить с оборудованием. Сергей и Андрей снова засели за компьютеры.

Вскоре Андрей стал собираться в суд.

— Сюда ещё вернёшься? — спросил Сергей.

— Да. Думаю там не долго задержаться.

Вернулся он через полтора часа.

— Ну, как? — спросил Сергей.

— Всё. Я холост!

— Значит, Ольга пришла?

— Да.

— Ну, давай, расскажи.

— Подожди. Я тут бутылку прихватил. Надо же отметить событие.

— А закусить-то нечем! Я как раз в столовую собирался.

— А я пирожков по дороге купил и яблок.

— Ну, тогда нормально. Только дверь надо закрыть, а то ходят тут всякие Кондеевы... Работать мешают!

Сергей закрыл дверь на ключ и достал из шкафа стаканы. Андрей открыл бутылку крымского муската и налил грамм по сто.

— За твою победу! — произнёс Сергей.

— Да... Хотя особой радости я не чувствую. Победы нет. Просто закрыл ещё одну страницу биографии. Расставил всё по местам.

Они выпили.

— Ну что Ольга? Как она вела себя?

— Да мы почти и не разговаривали с ней. Судья попросил объяснить меня, почему распалась наша семья, почему я требую развода? Ну, я сказал, что полюбил другую женщину, что у нас будет ребёнок. Ничего плохого про Ольгу не говорил. Сказал только, что мы не сошлись характером.

— Ну а Ольга что?

— А Ольга начала поливать меня. Что я распутный мужик, что я изменял ей, что таких надо судить как уголовников и сажать в тюрьму. Что я бросил сына и не помогаю ей материально. Что никогда не любил её. В общем, закатила истерику. А когда судья спросил её, согласна ли она дать мне развод, Ольга ответила, что не даст ни за что.

— Ну и как же отреагировал судья?

— А он спросил Ольгу, зачем же ей такой плохой муж? Если я чудовище, то почему она за меня так держится?

— А она?

— Ну, Ольга поняла свою оплошность и стала выкручиваться. Сказала, что я не всегда был чудовищем. Поначалу я претворялся порядочным человеком. Но потом она поняла кто я на самом деле. Тогда судья спросил почему же Ольга не подала на развод сама, когда убедилась, что я ей изменяю.

— Ха!... Верно, почему?

— Ну, она тут вовсе запуталась и начала нести какую-то чушь. Потом расплакалась, сказала, что её не понимают, ей не сочувствуют, всё время путают. Что судья сам непорядочный человек и выгораживает преступника. После этого ей перестали задавать вопросы. Судья с присяжными удалился на совещание, а мы с Ольгой остались вдвоём. Она сидела и плакала. Мне стало жаль её, но что я мог поделать? Чем помочь? Я сказал ей, что не в обиде на неё. Она подняла глаза и в них была боль. Она смотрела на меня, и мне стало не по себе. Я понял, что это

боль кричит в ней, что она всё ещё любит меня. Мне стало стыдно, что я счастлив в личной жизни, а она нет. Но сделать уже ничего нельзя.

Судьи совещались недолго. Для них это обычная банальная история. Судья решил развести нас. Зачитали решение, в котором объявили, что наш брак с Ольгой расторгнут. Вот и всё. Мы вышли из зала суда вместе, а потом разошлись в разные стороны.

— А народ-то был в зале?

— Нет. Никого это дело не заинтересовало. А Юля твоя дружит с Ольгой? Звонит ей?

— Да нет. Не помню, когда и звонила. У них дружба тоже как-то разладилась. Раньше они часто были вместе. А теперь у Юли ребёнок, у Ольги ребёнок. В институте они больше не встречаются. Так что у каждой своя жизнь.

Прятели допили бутылку вина, и вышли на улицу. Только что прошёл небольшой дождик, и солнце выглянуло из-за туч. Изумрудная зелень пробивалась сквозь старую пожухлую траву. На кустах сирени набухли почки. Скворцы, грачи и вороны важно расхаживали по мокрым газонам, подбирая всё, что там осталось после растаявшего снега. В природе пробуждалась новая жизнь, а у Андрея закончилась старая.

— На курсы-то сегодня придёшь? — спросил Сергей, имея ввиду курсы монтажников-высотников.

— А выпивши разве можно?

— А сколько ты выпил то? Полбутылки портвейна? Это на твою-то массу! К шести часам мы оба будем как огурчики! Сейчас погуляем часок и протрезвеем. Я, в общем-то, в норме.

Друзья побродили по набережной реки, посмотрели на плывущий по воде лёд и отправились на занятия.

2. Экскурс в историю.

Стоял тёплый апрельский день. Приближались майские праздники. Евгений Робертович, не спеша, шёл по городу. Он был в шляпе, в белом плаще и с тросточкой. Весело щебетали птицы, на кустах лопались почки, газоны нарядились свежей изумрудной зеленью. Евгений Робертович шёл к Юле, Сергею и Саше.

Он дошёл до их дома на улице Ермака и спустился на минус третий этаж. Позвонил. Дверь открыла Юля.

— Здравствуй, красавица. Вот гулял и решил зайти в гости.

— Здравствуйте, Евгений Робертович, проходите. Мы вам всегда рады.

Старик разделся в прихожей и прошёл в гостиную.

— Вы что же, одна, голубушка?

— Нет, с Викой. Вон играет в манеже.

— А где же ваш суженный?

— А, его днём с огнём не сыщешь. Он в институте пропадает. Дипломный проект пишет, в спортзал бегает, в бассейн. Вечером на курсах занимается, учится на монтажника-высотника со своими другом, Андреем. Мы видимся только вечером и утром.

— Так, так. А где же разбойник Александр?

— А разбойник должен сейчас из школы прийти, если не позвонит, что с Валерой куда-нибудь умотал. Они теперь часто вместе на мопеде катаются за городом.

— Так, так. Значит, мужчины вас покинули.

— Я уже привыкла. Вот моя радость, моя подружка, — сказала Юля указывая на Вику. — С ней не соскучишься.

Вика сидела в манеже, держась за сетку, и внимательно разглядывала гостя. Потом закричала и протянула руки Юле. Та подошла к ней. Евгений Робертович тоже приблизился. Взял малышку на руки, поцеловал в нежную щёчку. В это время дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился Александр.

— Привет, дед!

— Здравствуй, внучек. Как дела, как успехи?

— Нормально.

— Чем собираешься заняться?

— Перекушу сейчас, отдохну немного и пойду в бассейн с Валерой. Может и Женька с нами пойдёт. Собиралась. Только у неё семь пятниц на неделе. То ей хочется, то не хочется.

— Да. Чего-то она капризничает частенько. Нездоровится ей. Не пойму в чём причина?

Александр промолчал и решил перевести разговор на другую тему.

— Дед, мы сегодня по истории 20-й век проходили, что это за кризис был в России в 90-х годах? Чем он вызван? Учитель чего-то темнил, темнил. Говорил, что во всём виноваты коммунисты. Что это они довели страну до кризиса. Но толком я ничего не понял.

— Этот кризис, внучек, был вызван попыткой сразу перейти от развитого социализма к развитому капитализму. Попыткой необдуманной и неудачной. Победившие на выборах демократы решили, что если передать государственную собственность в частные руки, то промышленность заработает лучше, эффективнее и начали ускоренную приватизацию. Наивное решение! В экономике так просто вопросы не решаются. Надо было семь раз подумать, прежде чем идти на такие реформы. Но демократы, окрылённые, вернее опьянённые, своей победой над коммунистами, не хотели ничего слушать. Им не терпелось

поскорее ввести рыночную экономику, и в результате они получили дикий криминальный рынок.

— А как же надо было делать? Вводить рынок постепенно?

— Конечно. Постепенно и под строгим контролем государственных органов. Нельзя было пускать в рынок криминальные структуры. Нельзя было выпускать управление экономикой из рук государства. Вот Китай избежал этой катастрофы потому, что компартия Китая никогда не выпускала из своих рук управление государством, управление экономикой. Все предприятия и учреждения находились под строгим партийным, и государственным контролем и криминалу был поставлен надёжный заслон. Деньги вкладывались в развитие производства, а не в игорный бизнес, налоги собирались полностью, а воров и жуликов сажали в тюрьмы. В результате экономика Китая вошла в рынок окрепшей, динамичной и всё время наращивала темпы развития.

— Но почему же у нас всё так получилось? Что, демократы не понимали, как надо строить рыночную экономику?

— Многие не понимали. Дело было новое и пользу от рыночных реформ, прежде всего, увидели криминальные структуры, вернее отдельные нечестные дельцы, жаждущие наживы, которые потом уже слились в криминальные структуры и прорвались к власти на волне антикоммунистической истерии. Они первые ругали на чём свет стоит коммунистов, хотя в большинстве своём коммунисты были честные и порядочные люди. Им не могли простить сталинские репрессии, подавление инакомыслия, хотя сами коммунисты осудили эти репрессии на 20-м съезде партии, развенчали культ личности Сталина, убрали его из мавзолея и приняли меры, чтобы эта позорная страница в истории коммунистического движения никогда больше не повторилась. Сами коммунисты начали демократические реформы в стране во времена Горбачёва, но двигались они медленно, а экономика начала давать сбои из-за потери управления. Уже тогда началась криминализация экономики. Тогда уже появилась частная собственность, и начался полуправильный бизнес, уклоняющийся от налогов. А демократы ругали коммунистов за нерешительность, за медленное продвижение реформ, за провалы в экономической политике, и, в конце концов, добились отстранения коммунистов от власти вполне демократическим путём. Однако это только усугубило ситуацию. Развал экономики продолжался всё возрастающими темпами.

— Но почему экономика пошла по криминальному пути? Ведь в других капиталистических странах этого не было.

— А потому, что у нас не было нормальных, цивилизованных законопослушных предпринимателей. Частное предпринимательство у нас было уничтожено в 1917 году. Правда, после гражданской войны коммунисты были вынуждены ввести НЭП — новую экономическую политику разрешавшую мелкое частное предпринимательство. Это было необходимо, чтобы как-то выйти из экономического кризиса, из разрухи, но это была временная мера. После смерти Ленина

период НЭПа закончился. Таким образом, мы могли сформировать рынок только из представителей криминального мира. Именно преступники оказались самыми предприимчивыми людьми в России. Справедливости ради надо отметить, что и несовершенство Российских законов оставляло многочисленные лазейки для неуплаты налогов, для расцвета криминального бизнеса. Как грибы росли частные банки, которые, не вкладывая ни копейки в производство, получали огромные прибыли за счёт банковских махинаций с прокручиванием денег, за счёт строительства финансовых пирамид. Миллиарды средств уплывали за границу, началось невиданное в истории разграбление богатейшей и могущественнейшей страны.

Демократы опомнились от своей победной эйфории только тогда, когда грабить было уже нечего. Когда общество раскололось на сверхбогатых преступников и сверхбедных трудящихся, которые месяцами не получали зарплату за свой труд. К этому прибавилось и то, что государство ввело невиданные в мире высокие налоги на все виды производства. Плюс неопытность новоявленных предпринимателей в управлении частным бизнесом. В результате массовые банкротства, увольнение рабочих и служащих, безработица.

— Но почему же в других капиталистических странах этого не случилось? Почему они развивались нормально и процветали?

— Ты ошибаешься, дружок, не все капиталистические страны процветали в конце 20-го века. Хорошо шли дела только у двух десятков стран из более чем ста пятидесяти стран мира. Но и они не всегда преуспевали. Капиталистическая экономика капризна. Ею надо очень умело управлять, а управлять научились не сразу.

На заре капитализма всегда было много криминала. Первоначальное накопление капитала — самый криминальный этап в развитии капитализма в Европе и Америке, в Азии и Африке. Это потом, когда грязные первоначальные деньги отмыты и приумножены, возможно законопослушное предпринимательство. Современные предприниматели — высокообразованные люди, окончившие «гарварды», «оксфорды», «кембриджи» и т. д. Но их далёкие предки в большинстве своём были малограмотными пиратами, ворами, грабителями, взяточниками.

— Ну и что? Предками современного кроманьонца тоже были жестокие неандертальцы. Но мы же не судим современных людей за то, что их предки были жестокими дикарями.

— Верно. Не может сын отвечать за грехи отца, тем более деда или прадеда. Награбленное первоначальное богатство, как правило, не было таким уж и большим и не раз переходило из рук в руки. И лишь грамотное эффективное управление капиталом позволило его приумножить. Многие наследники состояний быстро распрощались с ними из-за неэффективного управления, из-за безудержных кутежей и растрат. Так что винить современных капиталистов не в чем. Таковы исторические законы развития общества и мы не можем произвольно менять их.

Коммунисты попытались искусственно изъять из общества класс предпринимателей, и что из этого вышло? Им пришлось всё время подавлять его, поскольку дух предпринимательства всегда жил в народе и его нельзя было истребить. Он органически присущ человеку. На смену одному репрессированному поколению поднималось другое и его тоже приходилось силой загонять в рамки коммунистической морали. Таким образом, коммунисты обрекли себя на постоянное подавление инакомыслия, на подавление демократических свобод. Особенно жестоко это проводилось при Сталине, благодаря его диктаторским замашкам. Нельзя навязывать человечеству какую-либо теорию развития вопреки реально протекающему историческому процессу. Она обречена на провал.

— Но если Сталин был таким злодеем, почему народ не возмутился и не скинул его?

— Народ — это не единое целое. Инициативных, думающих, предприимчивых людей в народе не так уж и много. Остальная масса слепо идёт за вождями, за лидерами. По натуре они исполнители — честные и не очень, добросовестные и не очень, но работники. Большинство народа верило в светлое будущее своей страны, в идеологию коммунизма. Тем более что экономика СССР развивалась бурными темпами, превышающими темпы экономического развития капитализма. Подавлялся только класс предпринимателей и его идеологические сторонники. Вернее, не класс, класса уже не было, а то, что зарождалось в народе непрерывно — частное предпринимательство, жажда свободы экономической, идеологической и политической. Её-то больше всего и боялись коммунисты. Окрылённые успехами в строительстве социализма, они самоотверженно строили тоталитарное общество с жёсткой политической, идеологической и экономической системой. Только её они считали правильной и справедливой, только она имела право на существование. И они добились больших успехов в построении этой системы. Тоталитарная система, при умелом руководстве, способна создать большой экономический и военный потенциал страны, построить идеологически сплочённое общество.

Необходимо отметить, что сама по себе рыночная экономика и демократия не гарантируют от тоталитаризма и диктатуры. Демократия вполне может периодически сменяться диктатурой. Пример тому фашистская Германия, Италия, Испания, диктатура в Чили и т. д. Но исторически, к счастью, сложилось так, что фашистские диктатуры в Европе возникли одновременно с коммунистической диктатурой в СССР. Они боялись её как единственную силу, способную остановить национал-шовинизм, т. е. фашизм. С демократическими странами Европы фашисты расправились легко, а вот коммунистическая диктатура оказалась им не по зубам. История словно специально приготовила фашизму противоядие в лице коммунизма. Несомненно, что фашизм рано или поздно изжил бы себя как первобытная, человеконенавистническая идеология, но карта Европы была бы уже иной. Потребовались бы десятилетия, если не столетия, чтобы изба-

вится от господства фашистской Германии над огромной частью планеты. И это не обошлось бы без борьбы, без многочисленных жертв. Так что, если бы демократам удалось расшатать коммунизм в СССР перед Второй Мировой войной, то они пожали бы в качестве плодов фашизм! и вряд бы были этим довольны. Ведь фашисты объявили всех славян людьми второго сорта, подлежащими частично уничтожению, а оставшиеся в живых должны были превратиться в рабов, гнущих спину на своих немецких хозяев. Об этом господа демократы предпочитают не говорить.

— Ты хочешь сказать, дед, что нет худа без добра, что коммунисты, и даже Сталин, имеют немалые заслуги перед человечеством?

— Да, Советский Союз был великой державой, а перед Сталиным преклонялись даже самые авторитетные политики, такие как Черчилль, Рузвельт, Труман. Преклонялись и боялись его. Демократия в те времена была несовершенна, слаба. Она ещё только зарождалась и развивалась как идеология. Человечество в большинстве своём не воспринимало демократические идеалы. Оно не доросло до них интеллектуально. Как говорится: «каждому овощу своё время». Сейчас пришло время расцвета демократии, но тогда человечество, народы были к ней не готовы. Вот чем и объясняются трудности её становления, репрессии и многочисленные жертвы среди демократов. Но иначе просто не могло быть. Если ты борешься за что-то новое, прогрессивное, будь готов к непониманию, к сопротивлению, к репрессиям. И не жалуйся — ты сам выбрал этот путь. Причём, это касается не только политической и идеологической борьбы. Такая же ситуация с новым бывает и в науке, в технике. Хотя эта борьба там не принимает столь жестокие формы. Старое без боя не сдаётся и отмирает постепенно. Это закон исторического развития общества, а на закон обижаться бессмысленно.

Александр перекусил, и прилёг на диване. Евгений Робертович, попросившись с Юлей, с Викой, отправился домой. Через полчаса Саша встал, накинул куртку и вышел на улицу.

3. Ложные потребности.

Начался солнечный май. После праздника всё вокруг пробуждалось от зимнего сна. На кустах появилась нежная зелень, на деревьях набухли почки. Лица людей повеселели. Они ждали лета, отпусков, строили планы на будущее. У школьников заканчивалась последняя четверть, и в школе было шумно и весело.

На перемене в конце занятий Александр подошёл к Ане Ёлкиной.

— Привет Ёлочка. Как самочувствие?

- Нормально.
- Когда у тебя соревнования?
- А тебе зачем?
- Да так, хочу поболеть за тебя.
- Первый тур начинается 25 мая.
- Послушай, а таблетки для выкидыша у тебя есть?
- А что?
- Да, понимаешь, мне надо парочку...
- Ты тоже беременный?
- Нет, не я, — ответил Саша и опустил глаза. — Одна моя знакомая.
- «Сестра» что ли?
- Не важно. Так есть или нет?
- Значит, мои подозрения оправдались. Ты трахался с ней!
- Александр молчал.
- И сколько она беременна?
- Второй месяц.
- И она хочет сделать выкидыш?
- Александр кивнул.
- Таблеток у меня ещё нет, но тренер обещал выдать 15 мая.
- На меня возьми парочку. Я заплачу сколько надо.
- Конечно, за удовольствия надо платить.
- Прозвенел звонок на урок, и они расстались.
- После уроков Саша, Валера и Женя шли по улице и оживлённо разговаривали.
- Ну, кнопка, ты надумала делать выкидыш? — спросил Валерий.
- Нет, — твёрдо ответила Женя.
- Хватит дурить. А то я деду всё расскажу. Сашка уже договорился на счёт таблеток. У тебя срок до 15 мая. Время ещё есть, так что давай, решайся.
- Нет, Лерочка. Я решила, что буду рожать. Я хочу этого ребёнка.
- Да брось ты дурить! Закончишь школу, Сашка тебе ещё с десяток настроит! Только рожай!
- Десяток нельзя. Мы же не в сельской местности живём.
- А в Сибири ещё нет ограничений на рождаемость. Или ты забыла, что мы живём в Найске?
- Ой, верно. Значит, здесь можно иметь много детей? Как здорово! Хорошо, что мы сюда переехали.
- А тебе надо много?
- Ага. Я люблю малышей.
- Ну и дура. Погрязнешь в семейных заботах, надорвёшь здоровье. Кому это надо? У меня лично будет не больше двух. Лучше, чтоб парни.
- Я тоже планирую не больше двух, — заявил Саша. — Мне детский сад на дому не нужен.

Женя с укоризной посмотрела на него, но промолчала.

Они подошли к дому Раковских и Александр, хотел было, распрощаться, но Валерий остановил его.

— Пошли к нам. Пообедаем, потом на мопеде покатаемся. На стройку съездим. Там скоро купол начнут монтировать. Здорово интересно будет.

Александр спустился к Раковским. Дома были Рита и Евгений Робертович. Рита быстро накрыла на стол. Сели обедать.

— Чем занимаешься, дед? — спросил Валерий.

— Над Уставом работаю.

— Что-то ты долго его крапaeшь.

— А мне спешить не куда. Хочу сделать его интересным и полезным.

— Ну, ну. А ты не хочешь купить мне видео-шлем?

— А зачем он тебе? У нас же есть стереовизор, есть компьютер. Или тебе виртуальной реальности захотелось?

— Конечно. У Сашки есть, у многих ребят в школе есть, а у меня нет. Обижаете, предки.

— Порнофильмы ему захотелось посмотреть, — вмешалась в разговор Женя. — Я видела, какие он сайты Интернете просматривал.

— У, шпионка! — воскликнул Валерий. — А хотя бы и так. Что? не имею права? Я что, не мужик?

— Ага, сначала видео-шлем, а потом секс-куклу ему подавай, — опять встряла Женя.

— Да, внучек. Как мужчина я тебя понимаю, но это для нас сейчас дороговато. Мы тебе недавно мопед подарили. Неужели тебе мало?

— Это было месяц назад. Он, конечно, мне нравится, но видео-шлем тоже нужен. Вы с отцом такими деньжищами заправляете, а на видео-шлем разориться не можете.

— Дело в том, что эти деньги не наши. Это кредиты банков. То, что было наше, мы уже вложили в строительство. Теперь у меня только пенсия, а у Гарика пенсия и зарплата. Вот и все наши доходы.

— Но с кредитов-то можно чуть-чуть на себя потратить. Этого никто и не заметит.

— Ошибаешься. Каждый месяц банки проверяют счета и если обнаружат не целевое использование кредита, то наложат штраф или заморозят кредит. Тут всё под контролем. Так что лишних денег у нас нет.

— Чёрт! Оказывается мы нищие, а я думал, мы миллионеры, — произнёс Валерий сквозь зубы.

— Ничего, внучек, это нестрашно. Твои потребности надуманы. Ты прекрасно можешь обойтись без видео-шлема и без секс-куклы. Просто тебе надо завести подружку. Наше общество часто формирует у его граждан ложные потребности. Фирмам-производителям необходимо, чтобы их товары расходились. На это на-

целена вся индустрия рекламы. Все средства массовой информации: радио, телевидение, газеты, журналы занимаются рекламой товаров. Причём, не самых нужных — те и так раскупают, а зачастую мало нужных или вовсе не нужных. На это нацелены выставки, демонстрация мод, кинофильмы. В результате человеку вдруг хочется купить то, о чём он раньше и не думал, без чего вполне обходился.

— Ну и что в этом плохого? — спросил Валерий.

— А то, что зря растрачиваются огромные материальные ресурсы. Масса «не модных» или «не престижных» товаров не покупается, и их попросту уничтожают. Эти зря затраченные усилия могли бы пойти на создание жилья, новой техники, эти деньги можно было бы вложить в науку, в культуру, а они сгорели, пропали впустую. Вот к чему приводят ложные идола вещизма, стремление быть «не хуже других», гонка за модой.

— Но ведь люди тратят свои деньги. Тратят куда хотят. Это их дело.

— Верно, но не совсем. Они могли бы потратить эти деньги с большей для себя пользой, если бы хорошо подумали. Ведь лишних денег не бывает. Если есть свободные деньги, их можно вложить в акции предприятий, положить в банк и иметь с них доход. Это хорошо и для вкладчиков и для предприятий. Но людям навязывается идеология вещизма, идеология потребительства. Люди хвастаются дорогими и мало нужными вещами и считают, что они кого-то «переплюнули», кого-то «обскакали». Некоторые представители молодёжи считают, что жизнь должна состоять из сплошных удовольствий, что всё продаётся и всё покупается. Не надо никаких ограничений. Живи, кути, сори деньгами, бери от жизни всё. В связи с этим я хочу вам привести одно высказывание философа Шопенгауэра: «Не в богатстве счастье, ибо высшие, самые разнообразные и наиболее прочные наслаждения, это духовные. Некоторые люди в тысячу раз больше хлопочут о богатстве, чем об умственном развитии, хотя вполне очевидно, что то, чем является индивид, гораздо важнее для нашего счастья, нежели то, что он имеет».

— Ладно, дед. Я понял. Могу и подождать. Только на день рождения шлем вы мне всё равно подарите.

— Хорошо. Я скажу Гарику о твоём желании.

После обеда Валера с Сашей поиграли немного в компьютерные игры и поехали на стройку.

Ехали минут двадцать. Вскоре мопед остановился возле вагончика Саймонса. Там дежурил Костя.

— Привет. Опять один? — спросил Александр.

— Нет. Саймонс возле третьей тяговой лебёдки крутится. Проверяет её работу. Скоро аэровоз прилетит, блин. Начнём купол монтировать.

— Когда?

— Десятого. Запаздываем немного. На пять дней, блин. Но это не страшно. Ещё можем нагнать, если из-за погоды задержек не будет. Аэровоз сегодня вылетает из Сан-Франциско с первой секцией купола. У него одна дозаправка

на Алеутах. А потом прямо в Найск. Саймонс уже получил «добро».

— А как у тебя дела? Ты говорил, что Джефри хочет тебя усыновить.

— Да вроде всё идёт как надо. Я познакомил Джефри с Танькой, и та согласилась на фиктивный брак. Они уже подали заявление, блин. Теперь её тоже отпускают из детдома. Вон она возле Джефри крутится, видишь?

Александр посмотрел в указанном Костей направлении и заметил силуэт Татьяны.

— А она знает, что Джефри гомик?

— Знает. Я ей всё объяснил. Это её не пугает. Ведь ей не Джефри нужен, а я. И на стройке ей нравится. Теперь я тут, в вагончике её... Диванчик тут мягкий. А с Джефри она уже подружилась. Так что всё о'кей! Хочешь, подойди к ней.

— Нет. Не стоит ворошить прошлое. Ну, пока. Мы тут ещё ходим немного.

— Пока.

Александр с Валерой пошли вдоль опорного кольца в сторону входной арки. Монтаж кольца уже закончили. Все наружные стены его были облицованы гранитной плиткой ещё на заводе. Только швы портили всё дело. И сейчас рабочие закрывали их белыми пластиковыми полуколоннами с украшениями в коринфском стиле. Возле арки отделка была уже закончена, и Александр был покорён красотой их будущего жилища.

Парни прошли внутрь. Тут стены кольца были облицованы мрамором, а перед ними уже укладывались мраморные плиты внутренних двориков с бассейнами. Вся остальная площадь была выровнена, и сейчас самосвалы завозили песок и гравий для внутренних дорожек. Мачта-опора была смонтирована полностью, и снизу её облицовывали пластиком под ствол дерева. Кругом кипела работа. Возводились стены павильона «монплизир», ручей и берега бассейна бетонировались. На газонах живописными группами высаживались деревья и кустарники. Работали в основном школьники и студенты.

Ребята обошли внутренность кольца и остались довольны.

Вскоре они вышли наружу и Александр сел за руль мопеда. Он уже неплохо овладел вождением. Сегодня Валера разрешил подвезти его к дому. Через двадцать минут они расстались, и Александр зашагал в свою «пещеру».

К его удивлению, Сергей оказался дома. Он держал в руках капроновый фал длиной метров пять, и вязал на нём узлы.

— Привет, сосулька. Нагулялся?

— Да. А чего это ты делаешь?

— Тренируюсь. Завтра у меня экзамен на монтажника-высотника. Вот смотри, как надо вязать страховочный узел.

И Сергей, взяв конец, обвязался им вокруг пояса.

— А ещё есть много других нужных узлов. Вот, например, узел-удавка. Так вяжется прямой узел, а так вяжется морской. Раз, два, три. Понял? А вот гордень, а это — шкотовый. А так вяжется брас.

— Даа... В этих узлах запутаться можно, — произнёс Александр, с интере-

сом глядя на Сергея.

— А вот бочоночный узел. Им можно вязать разный инструмент, подаваемый наверх. Но узлы это ещё не всё. Нужно знать, как ставить блоки на крыше, как передвигаться вдоль отвесной стены вверх, вниз, вправо, влево на беседке, как крепить инструмент к амуниции. На высоте нельзя ошибаться, ронять что-либо. Всё чревато самыми неприятными последствиями. Зато платят хорошо. Завтра надо получить квалификацию и тогда через недельку можно будет оформляться на стройку. Говорят, там скоро купол начнут ставить.

— А Андрей тоже с тобой?

— Конечно. Он неплохо по стенам лазает. Главное, не бояться высоты. Я сначала мал-мала трусил. Но теперь всё нормально. Страшновато чуть-чуть вначале. А когда работать начнёшь, забываешь о страхе. Так что, сосулька, мы скоро будем богаты. Летом можно и путешествие организовать куда-нибудь.

— Летом мы новоселье справлять будем в общине.

— Ну, не всё же лето! Август у нас будет свободен. Ты хочешь в Америку съездить на машине?

— Если Раковские поедут, то да.

— А мы и их пригласим. Георгий свою «Самару» из Москвы уже получил. И вертолёт тоже. Теперь в океанариум все вместе будем летать.

— Это здорово!

После ужина все сидели на диване и смотрели телевизор. В половине одиннадцатого Сергей и Юлия ушли в спальню. Александр посидел ещё немного, пощёлкал разные программы и тоже пошёл к себе. Он слышал, как Юлия сладко постанывала в своей комнате, потом всё стихло, а вскоре молодые прошли в ванну.

«Им-то хорошо, — подумал Александр. — Трахаются каждый день и довольны, а у меня какая-то скучная жизнь пошла. С Женькой поссорился, Аня на меня не смотрит. А больше мне никто не нужен. Не могу я без любви заниматься сексом с кем попало. Лучше уж сам с собой...»

4. «Свой в доску».

Все последние дни Евгений Робертович вдохновенно работал над Уставом общины. Ему хотелось сделать его не сухим и скучным, а интересным, полезным, запоминающимся. К счастью он не был бюрократам и не умел писать деловым суконым языком. Георгий и Рита иногда просматривали его писанину, посмеивались, давали советы, но уклонялись от тесной совместной работы. Георгий был занят своими научными проблемами и часами сидел за суперкомпьютером, да и строительство общины

отнимало немало времени. У Риты тоже было полно дел по хозяйству. Да и за детьми надо было присматривать. Они находились в том возрасте, когда за ними нужен глаз да глаз. Она наблюдала за Валерой и Женей и не узнавала их.

В Валеру словно бес какой вселился. После школы он часами пропадал неизвестно где, гоняя на своём мопеде. Женя наоборот, чего-то хандрила. Ей нездоровилось, и она часто сидела дома, не занимаясь ничем. Уходила в свою спальню и лежала, уставившись в потолок. Их прежняя дружба с Сашей прервалась, и Рита не могла понять почему. Она чувствовала, что Женя переживает какую-то душевную драму. Возможно, она всё ещё влюблена в Сашу, но чем ей помочь и как? Она звонила в школу, интересовалась успехами детей, их поведением. Автоматический секретарь отвечал ей стандартными фразами: «Отставания от программы нет. Дисциплина нормальная». Особых причин для беспокойства вроде бы не было, и Рита снова окуналась в домашние заботы.

А Евгений Робертович всё чаще навещал своих подруг, Нону и Инну. Последний раз он был у них три дня назад, но его снова тянуло в их тёплую кампанию. В пятницу к вечеру он закончил очередной раздел Устава и позвонил.

— Ноночка? Здравствуй, лапушка, разговор есть. Сегодня я закончил очередной раздел и хочу с вами посоветоваться.

— Заходи, Джони, мы всегда рады тебя видеть.

К семи вечера Евгений Робертович был у подруг. Он поцеловал их обоих, переоделся в домашний халат, и женщины усадили его ужинать. За бутылкой сухого вина начался разговор.

— Ну, так что ты хочешь нам показать, Джон? — спросила Нона.

— А вот что. Весь Устав я решил написать, используя цитаты из произведений мировой классической литературы и народную мудрость: пословицы, поговорки.

— Это интересно, — заявила Инна.

— Вот тут я с помощью Гарика выбрал из сайта Интернета всё, что касается морали. — И Евгений Робертович положил на стол свежую распечатку. — Прочтите и оцените, пойдёт или не пойдёт в таком виде.

Нона и Инна взглянули на лист и прочли следующее.

НОРМЫ МОРАЛИ И ПРАВДЫ

Каждый член общины в своей жизни должен руководствоваться моральными и нравственными принципами, выработанными человечеством на протяжении всей своей трудной истории. Нарушение этих принципов ведёт к деградации человеческой личности и осуждению его окружающими. Эти принципы дошли к нам из глубины веков и выражены в следующих пословицах и поговорках.

1. Прав тот, у кого больше прав.

2. На то и власть, чтобы жить всласть.

3. Не в свои сани не садись.
4. Каждый сверчок знай свой шесток.
5. Своя рубашка ближе к телу.
6. Трудом праведным не наживёшь палат каменных.
7. Рука руку моет.
8. Ты мне, я тебе.
9. Те, кто создают правила, живут по исключениям.
10. Не унижив других, себя не возвысишь.
11. Закон — что дышло, как повернул, так и вышло.
12. Не в деньгах счастье, а в их количестве.
13. Сытый голодного не разумеет.
14. Если нельзя, но очень хочется, то можно.
15. Чужая душа — потёмки.
16. Любовь зла, полюбишь и козла.
17. Зачем любить, зачем страдать, коль все пути ведут в кровать.
18. С миру по нитке — голому машина.
19. Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт.
20. Ударили по левой щеке — подставь правую.
21. Не писай против ветра, себя обольёшь.
22. Кто слаб и болен, тем и заяц не доволен.

Что это такое? — недоуменно спросила Нона. — Это же бред какой-то! Где вы откопали эти «принципы»?

Евгений Робертович лукаво ухмыльнулся. — В Интернете, дорогая.

— И вы серьёзно думаете руководствоваться ими в своей общине?

— А почему бы нет?

— Но они же совершенно аморальны!

— Да уж..., — сказала Инна. — Представляю, что там будет за жизнь, если все члены общины станут руководствоваться этими принципами.

Евгений Робертович усмехнулся. — Я разыграл вас, дорогие мои. Это как раз те принципы, которыми не должны руководствоваться члены нашей общины. Они тоже будут в Уставе, но после тех принципов, которые сейчас общеприняты. Вот список этих принципов.

1. Не в силе правда, а в правде сила.
2. У злословящего мелкий ум и чёрное сердце.
3. Грязь в душах порождает грязь вокруг, а грязь вокруг калечит души. Лишь красота спасёт мир.
4. В жизни бывает либо счастье, либо деньги, а вместе — редко.
5. Никакая ненависть не бывает столь непримиримой, как зависть.
6. Неприлично то, что неприятно для окружающих.

7. Жизнь сама по себе ни благо, ни зло: она вместительна и блага и зла, смотря по тому, во что вы её превратили.

8. Самое заветное желание подхалима — свалить своего начальника.

9. Во все времена были люди, которые ради истины готовы взойти на костёр, но были и такие, которые не прочь погреть у этого костра руки.

10. Кто внешним видом ведёт себя гадко, тот показывает не только лень, но и низкие нравы.

11. Тот, кто жил для вещей — всё теряет с последним дыханием,

Тот, кто жил для людей — после смерти живёт среди них.

12. Обычно о своих достоинствах кричат те, у кого их немного.

13. Плотно набитый мозг — опасная вещь, если сочетается с пустым сердцем.

14. Чужое взять — себя потерять.

15. Дружбу помни, а зло забывай.

16. Дары и мудрых ослепляют.

17. Бранью правду не добудешь.

18. Богаче всех тот, чьи радости требуют меньше всего денег.

20. На чужом несчастье счастья не построишь.

21. Критика не девушка, её нельзя любить, её надо принимать как горькое лекарство.

22. Заслуженная слава окрыляет, чрезмерная — заносит.

23. Деньги не приносят счастья, но приносят достаток и уверенность в завтрашнем дне.

24. Платье согревает тело, а дружба — душу.

25. Хитрость есть оружие слабого.

26. Богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, с аппетитом сосущей свою собственную грудь.

27. Не рой яму другому, сам в неё попадёшь.

28. Лишь посредственность боится быть непосредственной.

29. Привычка находить во всём только смешное, есть верный признак мелкой души и подлых нравов.

30. Соврав однажды — кто тебе поверит?

Евгений Робертович отложил листок и вопросительно взглянул на подруг.

— Ну, вот это другое дело. С этим можно согласиться, — сказала Нона. — Это действительно наша мораль. Она способна сделать человека счастливым.

— На счёт счастья у меня отдельная страница в Уставе. Это очень важный вопрос и я не хочу мешать его с остальными.

Женщины согласились.

Они допили вино и уселись на диване смотреть стереовизор. Евгений Робертович обнял обеих женщин, и они прижались к нему, склонив головы. Стало хорошо и спокойно.

Глава VIII.

1. Автомобиль-амфибия.

В очередной прекрасный майский день Саша, Валера и Женя после уроков встретились на школьном крыльце. Сегодня никто из них не остался на шестой час, и они возвращались из школы вместе.

— Пошли, погуляем по городу, — предложил Валерий. — Перекусим в кафе и двинем куда-нибудь. Погода отличная, тепло. Город-то мы ещё мало видели.

— Пошли, — согласился Александр.

Женя молча пошла с ними. Они посидели в кафе, подкрепились, и не спеша, двинулись по улице в сторону городского парка, протянувшегося вдоль набережной. Шли и разговаривали о школе, учителях, рассказывали смешные случаи на уроках, анекдоты. Понемногу и Женя втянулась в разговор и повеселела.

Вскоре они вышли на набережную и повернули в сторону противоположную порту. Вода уже спала после весеннего половодья, и река снова вошла в свои берега. По ней скользили катера на подводных крыльях, плыли самоходные баржи с песком, гравием, лёгкие резиновые лодки рыбаков жались к берегу.

Противоположный берег был пологий песчаный, а за ним простиралась бескрайняя тайга. Там почти у самого берега заготавливали лес и грузили в баржи. Издали слышался визг электропил, рокот обдирочных комбайнов, очищавших стволы от коры и сучьев, шум трелёвочных тракторов, увозивших стволы к ближайшему пирсу возле которого стояла баржа.

Вскоре высокая гранитная набережная закончилась, и пошёл ровный покатый берег, склон которого был выложен бетонной плиткой. Ребята сели на нагретые солнцем плиты и стали наблюдать за погрузочными работами. Однако вскоре внимание Саши привлекло белое облачко возникшее на повороте реки. В середине его он разглядел какой-то предмет похожий на автомобиль.

— Гляди, — сказал он Валере, — что это там мчит по воде? Вроде как на воздушной подушке, но не совсем. Видишь мощные серебристые струи?

— Ага. Две по бокам и одна широкая сзади... Пусть подойдёт поближе, тогда разглядим... А! Всё ясно! Это глиссер-амфибия. Я такие на Москве-реке видел, — заявил Валера.

— Как это глиссер-амфибия?

— Ну, глиссирующий автомобиль-амфибия. Он может и по воде и по суше гонять. Ему всё равно.

— Так он что, на воздушной подушке?

— Нет. На колёсах.

— А как же он на колёсах по воде гоняет?

В это время автомобиль-амфибия приблизился настолько, что стали видны белая с зелёной полосой кабина водителей и два широких передних колеса, которые выступали за обводы корпуса. Сверху и спереди они были прикрыты обтекателями. Колёса мчались по воде, а из под них летели серебристые струи. Задних колёс не было видно. Они находились под днищем кузова. Струи воды вылетали прямо из под него.

Автомобиль-амфибия промчался мимо со скоростью не менее 100 км/ч. Он словно летел по воде, чуть касаясь её колёсами. Шлейф водяной пыли повис в воздухе.

— Красиво..., — восхищённо сказал Александр. — Куда это он погнался?

Валера пожал плечами. — Кто его знает? Они по всем рекам гоняют. И на берег выходят, когда надо. На таких автомобилях разъезжает скорая помощь по таёжным посёлкам, пожарная команда, милиция, начальство всякое, геологи, топографы.

Тут Александр заметил, что автомобиль, пройдя с полкилометра, сбавил ход в районе речного порта и грузно опустился в воду. Через минуту он подошёл к причалу. Видно было, как в него сели люди. Автомобиль отвалил от пирса и стал набирать ход. Передок его приподнялся и показались колёса. За ними постепенно вырастал бурун. Вот уже и задняя часть автомобиля вышла из воды. Скорость нарастала, автомобиль приближался. На этот раз он прошёл совсем близко от ребят по мелководью, развернулся и, сбросив газ, снова сел в воду. Описав дугу, он приблизился к противоположному берегу и с ходу вылез на него. Через минуту он скрылся в мелком кустарнике, вынырнул на крутом косогоре и ушёл в тайгу по просеке, проложенной лесорубами.

— О! Видал? — спросил Валерий. — Ему что вода, что земля, один хрен.

— Ну, по земле-то он так не гоняет, как по воде, — заметил Саша.

— Конечно, земля-то неровная! А когда он по шоссе прёт, то не хуже, чем обычный автомобиль.

— Как же он на колёсах по воде-то бежит? — недоумевал Александр.

— Ты же видел как. Крутит колёсами и бежит. У него на шинах специальный протектор. Он им как лопатками воду загребаёт и отбрасывает назад. Получается водяное колесо. Если его вращать очень быстро, то оно не тонет, а глиссирует по воде. Вот и вся хитрость.

— Здорово придумали. А как же он выходит на режим глиссирования из погружённого положения? Если колёса крутить в воде, то они наверх сами не вылезут.

— Конечно. Только воду будут молоть без толку. Для этого у него сзади есть винт. Когда он отходит от пирса, то включает винт. А спереди у него наклонный нос. Возникает подъёмная сила, и передние колёса сами выползают из воды. Сопротивление движению падает, поскольку большая часть автомобиля уже на воздухе, и он идёт всё быстрее. Понял?

— Понял. Это значит, что он может двигаться и по мелководью, и по болоту?

— Нет. По болоту он глиссировать не может. А идти как вездеход может, только медленно.

Они поднялись и пошли дальше вдоль берега. Вскоре закончилась бетонная плитка, и начался обычный песок с мелкими камушками. Парни стали выбирать плоские камни и метать их в воду с закруткой. Камни летели вдоль воды, ricochetили от неё и делали «блинчики». Это занятие увлекло ребят. В чемпионы вырвался Валера. Ему удалось сделать до шести «блинчиков», Саше до пяти. А Жене не везло, больше четырёх «блинчиков» никак не получалось.

Потом они повернули обратно. И тут Александр увидел четвёрку скутеров. Они шли со скоростью выше ста километров. Все гонщики были в разноцветных неопреновых гидрокостюмах и шлемах на голове. Все крутили виражи от одного берега реки до другого.

— Во, рокеры! — сказал Александр. — Гоняют без всяких правил. Так не долго и столкнуться с каким-нибудь быстроходным катером.

— Тут не опасно, — заметил Валера. — Вся река просматривается. Вот дальше, за поворотом, там сложный изгиб. Я там зимой на снегоходе гонял. Надо будет попросить предков, пусть мне скутер подарят. Отличная вещь!

— То тебе видео-шлем, то скутер подавай, — с усмешкой сказала Женя. — Подружку тебе надо завести, тогда может, успокоишься хоть немного.

— Где её взять, подружку то? — вздохнул Валера. — Все мало-мальски привлекательные девчонки уже с парнями.

— А ты присмотри какую-нибудь симпатичную дурёху из младших классов, или отбей у старшеклассника, — посоветовал Александр.

— Да, попробуй, отбей! — возразил Валера. — Ты много девчонок отбил у старшеклассников?

Александр вспомнил про свои неудачи с Таней, с Аней и промолчал. На обратном пути он вывел друзей на старое кладбище, где похоронены его мать и отец. Валера и Женя молча постояли над могилами давно умерших предков, о которых знали лишь понаслышке.

— Оказывается наши корни тут, в Найске, — задумчиво произнёс Валерий. — Я и не знал. То-то нас сюда занесло. Зов могикан! Ну что же, может здесь наше счастье, на земле обетованной.

К ужину друзья добрались до дома Раковских и расстались. Прошёл ещё один день их жизни в Найске. Самый обычный день. И они не жалели, что прожили его. Впереди было лето полное надежд, приятных событий и приключений.

2. Роковое свидание.

Работа над Уставом захватила Евгения Робертовича. Через три дня он закончил очередной раздел и позвонил своим подружкам, Нонне и Инне.

— Нонусик, у меня готов очередной раздел. Очень интересный. Речь пойдёт о счастье. Я выписал всё, что говорили о нём самые мудрые и великие.

— Приходи, Джони, обсудим. Только разве может быть счастье без любви?

— Нет, конечно. Но про любовь у меня тоже всё выписано.

— Это интересно. Однако я думаю, теория — хорошо, а практика лучше.

— Я согласен с тобой, лапушка.

— Ждём.

Через полчаса Евгений Робертович был у двух прекрасных дам. После взаимных приветствий и поцелуев профессор разложил перед женщинами листы бумаги.

— Вот что у меня получилось.

Нона и Инна взглянули на первый лист и прочли следующее.

СЧАСТЬЕ

Каждый человек стремиться к счастью, но не каждый его достигает. Козьма Прутков сказал: «Если хочешь быть счастливым — будь им». Однако в жизни всё не так просто. Счастливым вечно быть нельзя. Главное — не чувствовать себя несчастным, обиженным, обездоленным. Состояние спокойствия и удовлетворения — тоже приятное состояние. Оно сродни счастью, хотя и не так эмоционально насыщено. Но что же такое счастье? Есть много мыслей по этому поводу. Вот некоторые из них.

1. Счастье — это когда тебя понимают.

Да. Найти поддержку и взаимопонимание с окружающими — это очень важно. Важно, чтобы к тебе относились доброжелательно.

2. Счастье — это когда утром хочется на работу, а вечером домой. Дом и работа — это как две половинки одного каравая и каждая из них должна быть одинакова вкусна. Не может быть двух половинок разного вкуса от одной буханки. Так и счастья не может быть, если где-либо, дома или на работе человек чувствует себя несчастным.

3. Кто склонен к унынию и думает только о себе, тот никогда не будет счастлив.

Да. Пессимисты по натуре и эгоисты по воспитанию не могут быть счастливы. Для счастья надо иметь весёлый нрав и доброе сердце.

4. Счастье молчит, а несчастье кричит.

Верно. Молчаливое, тихое счастье — самое обычное состояние человека. Для того чтобы человек чувствовал себя счастливым, он просто не должен чувствовать себя в чём-либо ущемлённым. Иными словами, необходимо в полной мере удовлетворять его потребности. Оказывается их не так уж и много. Чего хотят

все нормальные взрослые люди?

- здоровья и безопасности;
- удовлетворения своих физиологических потребностей;
- материального достатка;
- любви и семейного благополучия;
- уверенности в своём будущем;
- уважения, ощущения значимости, необходимости в обществе.

Практически все эти потребности вполне удовлетворимы. Об этом заботится и государство и сам индивидуум. Но главное, конечно, в руках самого человека. Государство создаёт лишь условия для удовлетворения его потребностей. И если человек уважает законы, честно трудится и правильно себя ведёт, то он всего может достичь.

Вы спросите, а как же любовь? Неужели и её можно достичь правильным поведением? Конечно. Именно любовь делает человека поистине счастливым. Она может сгладить, компенсировать все мелкие неудачи. Что же говорили о любви великие?

ЛЮБОВЬ

1. Любовь, как и огонь, должна непрерывно поддерживаться.

«Дровами» для любви являются красота, взаимопонимание, доброта, ласки и секс.

2. Любовь скорая, что вода поляя.

Здесь говорится о том, что в любви не надо спешить. Не надо форсировать события. Чувства влюблённых должны созреть. Сперва идёт любование, наслаждение красотой, потом ласки и наслаждение близостью духовной, а потом уже близость физическая. Она является апофеозом любви духовной, её высшей точкой. Если не пройти все эти этапы, то любовь может зачахнуть так и не расцвётя. Это конечно схема, возможны и счастливые исключения, но чаще эти исключения несчастливые.

3. Любить за что-то невозможно, любят за всё сразу, оптом.

4. Любовь — это такое чувство, когда самый последний жлоб готов не забирать, а отдавать.

5. Искусство любви необходимо всем возрастам. Оно оставляет мужчин — мужчинами, а женщин — женщинами до глубокой старости.

Здесь говорится об искусстве оболщения, искусстве возбуждения сексуальных желаний, которые приносят наибольшее эмоциональное наслаждение влюблённым. Понятие любви шире, но оно включает секс, как неотъемлемый атрибут близости физической и духовной, слияния тел и слияния душ.

6. Скванность, зажатость в сексе это вовсе не дефицит сексуальности. Чаще всего это дефицит воспитания, непонимание психологии интимных отношений.

В определённой мере скованность, холодность, робость в сексе — следствие недостатка знаний и низкой сексуальной культуры. А последняя, является частью культуры общечеловеческой. Вопреки распространённому мнению, что сексуальные фантазии это удел неврастеников, исследования показывают, что у психически здоровых людей эти фантазии достигают наивысшего уровня и чем сильнее любовь, тем больше фантазий. Независимо от пола наибольшая степень эротического фантазирования наблюдается у людей образованных, культурных и информированных, более эмоционально развитых и более здоровых физически и психически.

7. Способ удовлетворения своих сексуальных потребностей является личной проблемой каждого, но ни как не общественной.

Общество со своей моралью не имеет права вторгаться в интимную жизнь человека, поскольку мораль — понятие общественное, а секс — дело личное. Здесь всё приемлемо, что не вредит здоровью и приятно обоим.

8. В отношении к женщине мужчины разделены на два лагеря. Для одних женщина — начало высшей духовной и земной жизни. Они готовы идти на жертвы ради Любви и Женщины. Это мужчины высокой культуры и силы чувств. Для других женщина — только предмет сексуального развлечения, удовлетворения полового инстинкта, воспроизводства детей. На глубокие чувства они не способны.

От первой категории мужчин — всё благородство и бескорыстие любви, нежность, одухотворённость, пылкость. От второй — вся похабщина, грубость, грязь, цинизм, насилие, сутенёрство и проституция.

9. При ухаживании мужчины ведут себя так, как это позволяет им женщина.

10. Если подруга требует от тебя дорогих подарков — это уже не любовь, а проституция. Будь осторожен, друг!

Нона отложила листы и с интересом взглянула на Евгения Робертовича. — Ты неплохо поработал, Джон. У меня нет возражений.

— Моя заслуга здесь невелика. Я просто собрал и отфильтровал всё, что создано другими. В том числе сексопатологами и психотерапевтами.

— Ну, мы ещё обсудим это, а сейчас давайте ужинать.

Инна накрыла на стол, достала бутылку вина, и потекли разговоры.

— Вот ты пишешь, Джон, что для счастья нужна любовь. Я согласна, не должен человек жить один, без любимой или без любимого. А что ты думаешь про наши с тобой отношения? Мы знакомы недавно. Не было у нас долгих ухаживаний, любования, платонической любви. Мы как-то сразу понравились друг другу и занялись сексом. Ты, наверное, осуждаешь нас?

— Ничуть. Просто мы уже в таком возрасте, когда жизненный опыт позволяет нам быстро узнать и понять другого человека. Но всё равно мы в начале знакомства присматривались друг к другу, старались получше узнать. Потом

мы любовались друг другом в океанариуме, сидя за столом или ведя беседу, как сейчас. И лишь после этого начались ласки и близость. Все эти периоды, довольно длительные в юном возрасте, сжались у нас в несколько дней. Возраст и опыт способствуют взаимопониманию. У нас уже нет юношеской застенчивости, стыдливости, скованности. Мы всё видели и всё знаем. Потому без лишних слов мы перешли к делу. И наша любовь от этого не пострадала. Наоборот, я ещё больше привязался к вам, дорогие мои.

— Джон, чтобы ты не чувствовал себя старым и чтобы у тебя сегодня всё получилось, я купила тебе таблетки для улучшения потенции. На, прими одну.

И Нона протянула Евгению Робертовичу пачку таблеток.

— Ааа, «Виагра», знаю про них. Для молодых мужчин они вполне безопасны. Но в моём возрасте применение лекарственных стимуляторов эрекции вообще-то не рекомендуется. У них есть побочные действия. Они вызывают спазм сосудов. Может повыситься давление. И для сердца лишняя нагрузка.

— Ну, Джон, всего одну таблетку и ты почувствуешь себя молодым. Ты же здоровый мужчина!

— Да вообще-то сердце у меня иногда пошаливает, но так, слегка. Ладно, давай. Будем надеяться, что всё обойдётся. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского! И Евгений Робертович запил розовую таблетку вином.

— Ну, так на чём мы остановились?

— Мы остановились на любви, но тут уже всё ясно. А вот на счёт уважения, чувства значимости, необходимости в обществе. Его добиться не так то просто. Некоторые добиваются его всю жизнь, но безуспешно.

— Согласен:

Именно желание значимости толкает одних людей на упорный труд, великие дела и поступки;

других заставляет одеваться по последней моде, подчас отказывая себе в самом необходимом;

третьих — добывать деньги всеми законными и незаконными путями и покупать дорогие «престижные» вещи;

а неудачников толкает в болото пьянства и наркомании.

История пестрит любопытными примерами того, как известные и уважаемые люди старались ещё больше поднять чувство своей значимости, своего величия. Даже Джорж Вашингтон хотел, чтобы его титуловали «Его Величество Президент Соединённых штатов». Колумб домогался титула «Адмирал Океана и вице-президента Индии». Екатерина Великая отказывалась вскрывать письма, на которых не значилось: «Её Императорскому Величеству». Император Николай второй именовал себя «Мы, Николай — второй». Миллионеры финансировали экспедицию Бирда в Антарктиду с условием, что цепи ледяных гор будут названы их именами. А Виктор Гюго питал надежду на то, что Париж будет переименован в его честь. Даже Шекспир, величайший из великих, пытался добавить блеска

своему имени приобретением гербового щита для своего рода. Вот что делает с людьми слава. Даже великие сходят с ума, добиваясь ещё большего признания.

— Хм, — усмехнулась Инна, — мы с Ноной не великие и слава нам не кружит голову. Нам вполне достаточно того признания, которое мы имеем. Мы знаем, что делаем нужное и полезное дело и большие нам благодарны. Нам приятно видеть улыбки на их лицах, слышать добрые слова. А большего нам и не надо. Мы, в общем-то, счастливы с Ноной. У нас всё есть, а теперь у нас появился ты, Джон, и мы рады каждой нашей встрече. Видеть у себя в доме приличного мужчину, слышать твой голос для нас уже удовольствие. Ты сразу нам приглянулся, Джон, мы нашли в тебе родственную душу.

— Давайте-ка потанцуем, девоньки, — предложил Евгений Робертович, а то вы меня совсем захвалили.

Нона включила музыку, и Евгений Робертович повёл её по кругу, обняв за талию. Сегодня он чувствовал что-то особенно притягательное в этой женщине. Она прижалась к нему, и Джон ощутил себя мужчиной. Таблетка начала действовать.

— Я уже хочу тебя, дорогая, — страстно зашептал он. — Такого со мною давно не было.

— О! Я сейчас, милый.

И Нона стала раздеваться, кружась и танцуя одна. Евгений Робертович скинул ботинки и тоже разделся до пояса, но снизу. Он не хотел показывать свою седую старческую грудь и остался в свитере. Так он выглядел моложе. На лобке волосы были ещё чёрные, а восставший фаллос напомнил ему время, когда от одной только мысли о близости закипала кровь. Инна ревниво следила за ними.

— О, Джон! Ты великолепен! — произнесла она. — Давай-ка, затрахай эту рыжую бестию! Задолбай её в хвост и в гриву!

Старый профессор почувствовал прилив энергии. Он снова был молод. Страсть охватила его сухое, жилистое тело. Внутри всё сжалось в комок мышц и комок нервов. Он опрокинул Нону на кровать и вскоре забылся в трепетном восторге.

Однако разрядка никак не наступала. Он не накопил ещё достаточно семени, чтобы быстро излить его и это заставляло его работать, работать и работать. Прошло уже минут пятнадцать. Нона перестала стонать и лишь шумно дышала. Евгений Робертович весь покрылся испариной, дыхание стало прерывистым как у загнанной лошади. «Скорей бы кончить, — думал он, — сил уже нет! Ещё немного, ещё, ещё! Ааа..., ааа... наконец-то!»

И вдруг боль в сердце. Профессор замер тяжело дыша. Однако боль в сердце не отпускала. «Надо отдышаться, но воздуха не хватает! Что это? Никак не отпускает! Надо бы принять валидол. Он в плаще».

— Инна, голубушка, мне плохо, дай валидол скорее... сердце!

— Но у нас нет валидола.

— Там, в плаще... скорее...

Инна бросилась в прихожую, нашла в кармане плаща валидол, быстро ринулась в комнату.

— На, Джони, прими.

Нона уже пришла в себя и стала выползать из под старца. Вдвоём с Инной они уложили его на кровать, повернули на спину.

— Полежи спокойно, Джон, не волнуйся. Всё пройдёт.

— Дышать... дышать трудно... Не отпускает... Скорую надо, скорую! Перебои.

Инна бросилась к телефону, вызвала скорую помощь. Нона стала одевать профессора, дала ему таблетку нитроглицерина.

Скорая прибыла минут через десять. Тут же сделали укол, сняли кардиограмму.

— У него инфаркт, — сказала врач. — Надо срочно в клинику.

Два дюжих санитаров погрузили профессора на носилки, отнесли вниз и закатали в машину. Врач уже приготовила капельницу. Евгений Робертович был бледен, губы посинели, дыхание было частым, поверхностным. Нона и Инна сели в машину и поехали с ним.

— Ну, как тебе, Джон?

— Немного лучше... Боль стихает...

— С ним нельзя разговаривать, — сказала врач. — Любое напряжение для него может оказаться смертельным. Сейчас он уснёт, я ввела ему снотворное.

— А он будет жить?

— Будущее покажет. Возможно инфаркт не обширный. На сердце он раньше не жаловался?

— Нет. Всё было нормально.

— Ну, тогда есть надежда, что выкарабкается.

Скорая подъехала к клинике и Евгения Робертовича, уже сонного, унесли в отделение реанимации. Нона оформила документы и вместе с Инной отправилась к себе домой.

— Я не знаю его адреса и телефона тоже. Он всегда сам звонил нам. Надо бы сообщить его родственникам о несчастье, но как?

— Сейчас я позвоню в справочное, и узнаю его адрес и телефон, — сказала Инна.

Через полчаса в квартире Раковских раздался звонок. Трубку сняла Рита.

— Я слушаю вас.

— Здравствуйте. Это квартира Раковских?

— Да.

— Я приятельница Евгения Робертовича. Меня зовут Нона Васильевна. К сожалению, я должна огорчить вас. Вашему дедушке стало плохо с сердцем, и его увезли в клинику.

— Да что вы?! Как же это? Ведь он никогда не жаловался на сердце.

— Он просто не говорил вам, но в кармане носил валидол. Вы не расстраивайтесь сильно. Врач сказал, что положение не безнадежно. Он должен поправиться. Завтра позвоните в справочное. Будем надеяться, что всё обойдётся.

Нона положила трубку. — Ах ты, боже мой! Это всё из-за меня! Это я дала ему таблетку. Он ещё не хотел её брать.

— Ну, кто же мог подумать, — ответила Инна. — Эти таблетки давно рекламируют.

— Не всякой рекламе можно верить. Лучше обращаться в справочный информационный канал Интернета. Там вполне объективные сведения о всех лекарствах, и о всех товарах, составленные специалистами и независимыми экспертами.

Так неожиданно печально закончился этот день.

3. Дискотека.

На следующий день Валера, придя из школы, узнал, что состояние дедушки стабилизировалось, но он по-прежнему находится в реанимации и вход к нему запрещён. Георгий и Рита ходили в клинику и беседовали с лечащим врачом. Он сказал, что опасность миновала, но Евгению Робертовичу нужен покой. Если всё будет нормально, то его переведут в палату интенсивной терапии через три дня. Тогда можно будет его навестить. Настроение у Валеры сразу улучшилось, и он стал думать, чем бы ему заняться сегодня. Вскоре появилась Женья.

— Ты где пропала? — спросил Валерий.

— На шестой час оставалась.

— Опять с математикой не лады?

— Да. И Сашка тоже сегодня хвост сдавал. У него физика не тащится.

— Хвостатики вы! Сразу видно, что произошли от обезьяны.

— А ты, Лерочка — от бульдога!

И довольная своим острым язычком, Женья села обедать.

Валера помолчал, подумал и, наконец, придумал, чем заняться вечером.

— Кнопка, у меня есть идея. А что если нам сегодня вечером сходить на дискотеку?

— Кому это «нам»?

— Ну, ты, я и Сашка. Втроем.

— Хорошо. Но танцевать я буду с Сашей, а не с тобой.

— Это почему?

— Сестра с братом не танцуют. Найди себе подружку и танцуй с ней.

— Так я за этим туда и иду. Мы только до дискотеки вместе дойдём, а танцевать с тобой я не собираюсь.

— Ну, тогда пошли. Только Саше нужно позвонить.

— Звони.

— Ты думаешь, что я стану сама приглашать его? Нет уж, звони ты.

Валерий достал из кармана телефон и позвонил.

— Сань, привет. Ты что сегодня делаешь вечером?.. Не знаешь... У меня, вернее у нас с Женькой есть предложение, сходить на дискотеку... Ну да, вторём... Да... Женька тебя приглашает... А чего тут думать?.. Договорились? Тогда встретимся в семь вечера у нас. Пока.

Около семи Александр был у Раковских. Он пришёл в коричневом замшевом костюме, который в прошлом году подарил ему Георгий Евгеньевич, но который нельзя было узнать. Костюм был весь изрезан в длинную бахрому. Брюки заканчивались бахромой, пиджак был изрезан снизу, а рукава на локтях имели овальные вырезы, через которые просвечивала кожа. Пуговиц на пиджаке не было, а его полы соединялись тремя громадными булавками с красивыми металлическими накладками.

— Саня! Ты ли это?! — воскликнул Валера. — Где ты приобрёл это чудо? На какой барахолке?

— Сам ты барахолка. Этот костюм мы вместе с Юлей резали. Он стал мне мал. Пуговицы не сходились и брюки короткие. А теперь всё о'кей!

— Шикарно! — сказала Женья. — Блеск! Ещё мои клипсы надень и будешь состоящий плейбой.

Александр надел клипсы на мочки ушей и взглянул в зеркало. Всё было великолепно. На него смотрел молодой человек лишь отдалённо напоминающий Александра Губерта.

— Волосы надо тебе осветлить сверху, — посоветовала Рита.

— Это долго? — спросил Валера, — мы опаздываем.

— Это совсем не долго, — ответила Рита. — Пока вы с Женей одеваетесь, всё будет готово.

Она взяла пузырёк с перекисью водорода и, смочив в нём расчёску, причесала Саше волосы.

— Вот и всё. Скоро волосы посветлеют.

Валера надел свой чёрный кожаный костюм в кнопках и молниях, а Женя короткое красное платье с гофрированной юбочкой и аппликацией на левой груди. Накинув куртки, они и отправились в дансинг-холл на привокзальной улице.

Александр впервые был в дансинг-холле. Большой зал оглушил его музыкой, пестротой нарядов, сутолокой танцующих, запахом духов, пота, вина и дезодоранта. Гомон толпы сливался с грохотом оркестра, и всё это заставило его поначалу растеряться. Женя тоже стояла растерянная. Один Валера равнодушно разглядывал толпу молодёжи. Он уже дважды побывал на дискотеке в Москве и понял, что ничего нового в Найске не увидит.

При входе в зал стояла милиция. Александр понял, что здесь заботятся о безопасности и порядке. Это ему понравилось. Он огляделся. На сцене расположился

небольшой оркестр, создававший так много шума. Там же находился диск-жокей, объявлявший танцы и эстрадные номера. В правой стене зала пара дверей вела в буфет. С левой стороны по углам были двери с буквами «М» и «Ж», а посередине широкие двери с надписью «СЕКС–ХОЛЛ». Александр уже слышал в школе от парней, что в дансинг-холле есть комната для секса и это было одной из причин, почему он хотел побывать на дискотеке. Двери, в буфет и в секс-холл, постоянно закрывались и открывались, пропуская парочки туда и обратно.

Вот вновь грянула музыка, и толпа ринулась на середину. Но Александр не спешил танцевать. Он остановился с Женой у колонны и наблюдал. Валера тоже стоял рядом, и пожирал танцующих глазами. Сколько разных красивых фигур, сколько взволнованных, раскрасневшихся лиц!

Девушки были одеты во всё «мини-мини». Накрашенные, со множеством бижутерии на руках, груди, в волосах, они вызывали прилив желания у мужчин. Парни тоже были разодеты довольно экстравагантно и не хуже девушек вызывали эротические чувства. Их расхлёстанные и изрезанные куртки, голые животы и руки, брюки в обтяжку, немислимые причёски и украшения — всё должно было покорять женские сердца. Всё говорило об их молодости, горячности и сексуальности.

Вот мимо проплыла парочка лет двадцати, и Александр заметил на левой груди у девушки табличку, вроде визитной карточки. Он попытался прочесть, но не успел. Первое слово было «ЛЮЛА». Ниже: «Бюро...». Вскоре ещё одна девушка с табличкой поравнялась с колонной. «Бюро интимных услуг мадам...». Дальше Александр опять недочитал.

— Что это у них за таблички? — спросил он Валеру.

— «Бюро интимных услуг мадам Кондрашёвой» — ответил Валерий.

— Так это кто? Проститутки?

— Оне самые.

— И дорого?

— Трояк, — ответил Валерий.

— Всего-то?

— А они тут дешёвые. Тут богатой публики нет. Школьники, да дебилы всякие, у которых дырка в кармане. Я про этот бордель всё знаю. В Москве тоже такие есть. Александр насчитал уже шесть девушек с табличками, когда возле колонны остановилась седьмая. Её парень лет, 18-ти, галантно раскланялся и ушёл. Валерий тут же обратил на неё внимание.

— Ты свободна?

— Да.

— Тогда разреши пригласить, — сказал он.

— А у тебя деньги есть?

— Конечно.

— Тогда пошли.

Александр во все глаза глядел на путану. Блондинка, среднего роста, стройная, в облегающем светлом платье, она казалась ему воздушной. На груди висела табличка с надписью «ЛАНА». Вскоре она скрылась с Валерой в толпе танцующих.

— Пошли, потанцуй, — дёрнула Сашу за рукав Женя. — Ты что, проститутку не видел? Впялился как в чудо заморское. Мне на них и смотреть-то противно.

Александр пошёл танцевать. Он закончил первый танец и снова вернулся к колонне. Валеры нигде не было. Начался новый танец. На этот раз диск-жокеей объявил солистку из публики, которая пожелала спеть популярную песню. Саша отметил, что голоса у неё нет, но поёт она с душой и мотив не врёт. Он танцевал и искал глазами Валеру. Наконец он заметил его и пошёл на сближение. Тот танцевал со своей блондинкой и говорил ей что-то. Александр с ходу толкнул Валеру в бок. Тот оглянулся и погрозил кулаком. Вскоре танец закончился, но Александр уже не выпускал Валеру из виду. Он заметил как Валерий, взяв подругу под локоть, прошёл с нею в секс-холл. «Всё, — подумал Александр, — Валерка влип!»

Вновь загремела музыка, и Александр повёл Женю на центр. Он решил исполнить соло. Вскоре вокруг них образовалась толпа. Александр танцевал, а Женя слегка подтанцовывала ему. Саша крутился волчком, выделявая немислимые «па». Наконец музыка кончилась и он потный, запыхавшийся под аплодисменты отошёл к колонне. Следующий танец он решил пропустить.

— А ты знаешь, куда Валерка пошёл? — спросил он Женю.

— Видела. Не слепая.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Это его дело. Ничего противозаконного он не делает. Все вы парни — козлы. Вам бы только до тела добраться!

— Согласен. Так может и мы сходим туда? Посмотрим как там...

— Туда не смотреть ходят.

— Ну, мы тоже, не только смотреть...

В это время к колонне подошла девушка лет 15-ти. Возле неё вились четыре парня постарше. Пахло запахом виски. Парни были в явном подпитии. Один из них прижал девушку к колонне и стал целовать.

— Ну, Володя, перестань. Держи себя в руках, — сказала девушка.

— А зачем? — развязно произнёс Володя, — ты лучше полюби меня. Мне будет приятно.

Парни захихикали. Начался новый танец и парень повёл девушку на круг. Как заметил Александр, танцевал он неважно. Володю всё время вело куда-то в сторону. Но вот из секс-холла вышел Валера и его подруга. Возбуждённые, румяные они сразу влились в толпу танцующих. Глаза Валеры блестели и ничего не замечали, кроме подруги. Как только очередной танец закончился, они скрылись в буфете.

Девушка с Володей вновь оказалась у колонны. Трое парней спорили, кто будет с ней танцевать на этот раз.

— Ни с кем я больше танцевать не буду, — сказала девушка. — Вы мне надоели. Я хочу домой.

— Сначала нам туда, — вкрадчиво произнёс высокий парень, указывая на дверь секс-холла.

— Туда я не пойду.

— Пойдёшь, милочка. А куда ты денешься? Или ты хочешь, чтобы мы тебя в кустиках трах-тара-рах? Так мы там до утра тебя будем трахать. А ночи-то холодные, длинные! А ты-то будешь голенькая... Простудиться можно.

— Подонки! — в слезах воскликнула девушка. — Я вас не приглашала. Мы с Володей сюда пришли.

— А Володя наш друг. Мы не можем бросить его одного. Это не товарищески. Так что или со всеми здесь, или в парке под кустиком. И не вздумай верещать, сучка. Придушим, и не пикнешь. Пошли, Вова, веди свою подружку. Давайте-ка паровозиком, чух, чух, чух... чух, чух, чух...

Володя взял девушку за плечи, за ним выстроились остальные и «паровозик» тронулся прямо в «СЕКС-ХОЛЛ».

— Пошли за ними, — сказал Александр Жене. — Если она станет сопротивляться, вызовем милицию.

Войдя в комнату, Александр огляделся. Просторный зал, полумрак, мягкая обивка стен, по периметру загородки, ширмы, матрасы, стулья, скамеечки, обитые дерматином. У двери дремлет охранник. Рядом автомат с презервативами. По углам двери в «М» и «Ж». Вокруг парочки. Кто на матрацах, кто на скамейках. Позы самые разнообразные. Одни ещё только целуются, другие уже отдыхают и лишь некоторые сопят, постанывают и дёргаются. Но внешне в полумраке всё выглядит вполне пристойно. Все более-менее одеты, и если бы не сладкие стоны да не сопенье, можно было бы подумать, что молодые тут просто отдыхают в объятиях друг друга или играют в казаки-разбойники, усевшись верхом.

Однако долго разглядывать было некогда. Александр увидел, как три подвыпивших парня завели девушку в «стоило», нагнули, один зажал её голову между ног, два других встали по бокам, заломив руки за спину, а Вова пристроился сзади.

— Они же насилуют её, — заволновалась Женья. — Надо что-то делать.

— Скажи охраннику.

Женья подошла к охраннику и показала на группу парней. Охранник пожал плечами.

— Я не вижу никакого насилия. Она не сопротивляется, не зовёт на помощь. Я не могу вмешиваться.

— Но её запугали. Я сама слышала. Она боится их.

— Если так, то она ничего мне не скажет. А парни могут и побить за то, что вмешиваюсь в самое неподходящее время. Лучше им не мешать.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Ничего. Если она сама не хочет себе помочь, то ей никто не поможет. В следующий раз будет умнее. Не будет связываться с такими подонками.

Тем временем, Вова кончил и его место занял второй. Потом третий. Саша и Женя вышли. Дальше смотреть на это б...ство не хотелось. Желание танцевать пропало. Они стояли возле колонны и слушали музыку, разглядывали танцующих. Здесь смешались все возрасты, от 14-ти до 30-ти.

Вскоре они заметили Валеру с его подружкой. Те вышли из буфета и прошли через середину зала в противоположную дверь. Саша хотел окликнуть его, но Валера подмигнул им и скрылся в секс-холле.

— Ну вот, опять ушёл, — с досадой произнёс Александр. — Так он до ночи будет шастать туда-сюда. Может, пойдём домой? Или погуляем на улице. Душно тут.

— Надо его подождать, — сказала Женя. — Надо оторвать его от этой шлюхи. И потом, как он пойдёт домой один? Ещё влипнет в какую-нибудь историю.

В это время четверо пьяных парней и их жертва вывалились из холла. Ноги у парней заплетались, а морды расплылись в улыбке.

— Вот и всё, а ты боялась, Муся. Мы же хорошие ребята! А ты хорошая девочка. Всё было вполне пристойно. Никто тебя не насиловал. Верно?

Муся кивнула. Лицо девушки было заплакано, ресницы поплыли, помада размазана по щекам. Саше стало жаль её. Но что можно сделать, если она сама пошла с ними и не звала на помощь. Он и Женя проводили её сочувствующим взглядом.

— Я бы этих подонков убила бы, — сказала Женя. — Пусть они пугают меня как угодно. Я бы такой скандал закатила, что все бы они оказались за решёткой. Таким нельзя давать спуска. Я бы рожу каждому расцарапала! И ничего бы они со мной не сделали. Испугались бы.

Они прождали ещё минут двадцать, когда, наконец, Валера вышел со своей пассией. Девица подошла к колонне, и Валерий протянул ей деньги.

— Приятно было познакомиться, — сказал он.

— Мне тоже. Приходи почаще, ковбой. Я и дома клиентов принимаю. Вот моя визитка — ответила девица и, чмокнув Валеру, отвалила.

— Ишь, как она тебя: «ковбой»! — заметил Саша.

Валера блаженно улынулся. — Девица — пять баллов!

Женя скептически ухмыльнулась.

— Теперь ты каждый день будешь к ней бегать?

— Не каждый, но... наверное, позвоню.

— А почему ты дал ей шесть рублей? — спросил Александр.

— А потому, что я её два раза. Они трояк за раз берут. Да ещё в буфете на неё потратился. Но я не жалею. Главное — удовольствие проучил! А вы так и не зашли в секс-холл?

— Нет, — ответила Женя.

— А чего? Неужели постеснялись?

— Не было настроения, — сказал Саша.

— Не понимаю. Зачем тогда было сюда идти? Танцевать и в кафе можно. А впрочем, это ваше дело...

Они оделись и вышли. Уже стемнело. На небе зажглись звёзды. Прохладный ветерок трепал волосы, охлаждал покрасневшие щеки. Они шли молча, и каждый думал о своём. Настроение Жени и Саши было испорчено. Зато Валера был полон благодушия и грёз.

Перед домом Раковских Александр обнял Женю и поцеловал. Она ответила ему долгим поцелуем.

— Пока, козлик.

— Будь.

И Александр быстро зашагал к своему дому.

4. Аэровоз.

Наконец настало 10-е мая. Обычный субботний день, но к этому событию готовились все, кто имел хоть какое-нибудь отношение к строительству общины. Сегодня должен был прилететь первый аэровоз и доставить первую секцию купола. В одиннадцать Александр и Сергей; Георгий Евгеньевич, Валера и Женя поехали на стройку. День был погожий. Лёгкий ветерок дул с северо-запада. На небе редкие облака. По пути заехали в клинику навестить Евгения Робертовича. Он лежал уже в двухместной палате вместе с другим выздоравливающим пенсионером.

— Ну, как дела, папа? — спросил Георгий.

— Ничего, сынок, уже лучше. Только вставать пока не разрешают. Кардиограмма неважная, но постепенно улучшается. Перебои мучают. Врачи сказали, что если перебои не прекратятся, нужно делать операцию.

— Но это несложная операция?

— Нет. Введут зонд через бедренную артерию прямо в сердце и прижгут там участки миокарда, которые образовали паразитный контур нервного возбуждения. Операцию делают без наркоза.

— Тогда надо сделать.

Они поговорили ещё немного и отправились на стройку. Возле вагончика увидели Костю. Саша подошёл к нему.

— Привет, Гребень.

— Привет, Губа.

— Ну, как, всё нормально?

— Да. Всё по плану. Летит, блин. Саймонс уже вёл переговоры с экипажем. Им всего 60 километров осталось. Через час будут здесь.

— И как же он будет швартоваться? Мачта не помешает?

— Не. Его должны взять на тяговые лебёдки. У нас их шесть штук, по периметру. Каждая по 50 тонн берёт.

— А Татьяна тут?

— Конечно. В вагончике кашеварит. Обед готовит, блин. Привыкает к домашнему хозяйству. Мы же теперь в детдом не ходим. На хрена нам это? Раньше я туда к Таньке бегал, а теперь мы у Саймонса живём. Сначала начальство возмутилось, почему мы на ночь не приходим, мы же числимся в увольнении, ну, а потом Саймонс поговорил с директором и всё уладил. Теперь он каждый вечер докладывает по телефону, что всё в порядке. Если хочешь, зайди к ней, я не ревнивый.

— Не, неудобно... Я тут с друзьями.

И Саша отошёл к машине Георгия Евгеньевича, возле которой стояли остальные Раковские.

— Ну что? — спросил Валера.

— Через час будет здесь, а может и раньше. Пошли пока посмотрим внутри.

Возле красивых железных ворот их встретила охрана.

— Сюда посторонним нельзя.

— Я Раковский, — сказал Георгий Евгеньевич. — А они со мной.

— О! Тогда проходите. Господин Саймонс велел пропускать вас и господина Губерта.

— А господин Губерт вот, — показал он на Сашу.

Охранник вежливо поклонился. — Только постарайтесь выйти отсюда до прилёта аэровоза. Он с грузом, а под грузом стоять нельзя.

Они побродили внутри кольца, посмотрели на строительство спортивных сооружений, разбивку газонов и вышли.

Вскоре по громкоговорителям объявили, что приближается аэровоз. Просьба всем наблюдателям отойти от опорного кольца на двести метров. Швартовка будет с правой стороны мачты. Саша узнал голос Кости. Взоры присутствующих обратились на восток. Там вдаль показалось странное сооружение. Оно напоминало букву «П» серебристо-белого цвета. Александр насчитал с каждой стороны по пять длинных сигар-дирижаблей расположенных одна над другой. Вверху между ними была ещё одна сигара. Снизу дирижабли соединяла блестящая металлическая конструкция вытянутой прямоугольной формы, а под ней на тросах висел сегмент купола. Он казался игрушечным по сравнению со всей остальной громадиной.

Тут Александр заметил, как к вагончику подошёл Саймонс. В руках у него был радиотелефон, на груди — бинокль.

— Пошли к нему. Он нам всё объяснит, — предложил Саша.

И Раковские направились к Саймонсу. В это время охрана стала отодвигать зрителей за двухсотметровую отметку. Саймонс заметил гостей и приветствовал их, помахав рукой. Они подошли, поздоровались.

— Волнуешься? — спросил Георгий Евгеньевич.

— Да. Уже в который раз возвожу купол, а всё равно волнуюсь как мальчишка. Народ каждый раз новый, неопытный.

— А аварии у тебя были?

— Нет, бог миловал. Я знаю всего одну аварию при монтаже купола. Она произошла при строительстве общины в Палермо.

— А что там случилось?

— Аэровоз ветром снесло на опорное кольцо. А сегмент купола уже опустили широкой частью вниз. И он ударил по кольцу. От кольца отломился кусок, а сегмент покорёжило так, что часть стёкол разбилась. Одному рабочему осколком попало в голову. Тот, бедняга, умер в больнице.

— А случаи обрыва сегмента были? — спросил Александр.

— Нет. Если сегмент оборвётся, то тут будут одни развалины, а аэровоз улетит вверх километров на 20. Придётся экипажу прыгать с парашютом или выпускать газ из оболочек.

Тем временем аэровоз быстро приближался. Александр разглядел, что прямоугольная металлическая конструкция под дирижаблями коробчатая, с дыркой внутри.

— А зачем этот металлический прямоугольник под аэровозом? Он же много весит.

— А это алюминиевый короб для балласта. В него можно закачать 200 тонн воды. Когда сегмент купола отцепят, потребуется балласт, чтобы компенсировать подъёмную силу аэровоза. Кроме того, это платформа, за которую крепится аэровоз и груз. Там есть специальные электрические лебёдки, якорные и швартовные устройства, винторулевые колонки.

Вскоре громада аэровоза зависла над опорным кольцом. Она медленно снижалась. Видно было, как её сносит ветром то вправо, то влево от мачты. Воздушные винты дирижаблей были развёрнуты вертикально и натужно гудели, прижимая аэровоз к земле. Сегмент купола был подвешен на трёх тросах. Один трос в вершине сегмента и два в нижней широкой части по углам. Вот платформа снизилась до двухсот метров. Александр заметил фигурки людей на её борту. Они сбросили шесть тонких капроновых концов.

— Принять швартовные концы! — произнёс Саймонс в радиомикрофон, и его команда эхом разнеслась по всей стройке.

К упавшим на землю концам побежали рабочие. Вскоре они ухватились за них и потянули к лебёдкам. Концы были тонкие, лёгкие.

— Неужели они удержат аэровоз? — спросил Александр.

— Это проводники, основные троса на тяговых лебёдках, — ответил Саймонс.

Они подошли к одной из лебёдок, и Саша увидел, как проводник с карабинчиком на конце зацепили за огон стального троса.

— Первый готов, — доложил рабочий.

— Второй готов, — послышалось в радиотелефоне.

— Четвёртый готов, — доложили с четвёртой лебёдки.

Вскоре все шесть лебёдок были готовы подать троса на аэровоз.

— Подать троса! — скомандовал Саймонс.

Барaban лебёдки, возле которой стоял Саша, начал вращаться и стальной трос пошёл вверх, к платформе аэровоза.

Через двадцать минут все троса были поданы.

— Передать управление лебёдками аэровозу! — приказал Саймонс.

Рабочий нажал на пульте красную кнопку. Загорелось зелёное табло: «Дистанционное управление включено».

— Теперь аэровоз надёжно пришвартован к лебёдкам, — сказал Саймонс. —

На нём установлена система автоматического позиционирования. Она то и управляет лебёдками. Оператору необходимо только указать на мониторе точку над поверхностью земли, в которой должен находиться центр платформы и угол разворота платформы относительно земного меридиана.

Тем временем лебёдка начала вращаться, наматывая трос. Аэровоз продолжал снижаться, но его уже не мотало от ветра. Шесть стальных тросов прочно удерживали эту громадину. Его собственные воздушные винты смолкли, и стало тихо. Только шум лебёдки да порывы ветра нарушали эту тишину. Но вот лебёдка остановилась, и аэровоз стал разворачиваться носом к мачте-опоре. Сегмент купола, вернее, его вершина оказалась в нескольких метрах над ней. Противоположная широкая часть сегмента была на высоте 50–60 метров над опорным кольцом. Она стала медленно опускаться. Троса, на которых она висела, сматывались с лебёдок, установленных по краям прямоугольной платформы. Александр увидел, что горизонтальная часть сегмента купола снабжена небольшими роликами.

— А ролики эти зачем? — спросил он у Саймонса.

— Эти ролики опустятся в жёлоб опорного кольца. Они нужны для того, чтобы сегмент мог немного смещаться в жёлобе. Колебания температуры деформируют купол. В морозы он сжимается, в жару расширяется и если его намертво прикрепить к опорному кольцу, то он просто разрушит его. А вот верх сегмента нужно жёстко прикрепить к мачте-опоре.

Тем временем низ сегмента продолжал снижаться. Медленно, но верно он приближался к опорному кольцу: 20, 15, 10, 5, метров. Вновь заработала тяговая лебёдка, но не надолго. Двое рабочих подошли к углам сегмента на опорном кольце и руками показывали оператору, куда его двинуть. Наконец низ сегмента

скрылся из виду. Ещё несколько секунд и рабочие скрестили руки над головой. Это означало, что сегмент встал в жёлоб. Троса удерживающие его ослабли, зато трос лебёдки натянулся как струна. Теперь она выполняла роль груза подвешенного к аэровозу.

Александр перевёл взгляд и заметил рабочих возле острого конца сегмента на самом верху мачты-опоры. Они махали руками, показывая, что давай, мол, травы помалу. Снова загудела лебёдка и умолкла, смотав несколько сантиметров троса. Все напряжённо следили за самой ответственной частью операции. Теперь необходимо было насадить верхний конец сегмента на шпильку, торчавшую из фланца мачты-опоры. Шпилька эта была еле видна с большого расстояния. Саймонс поднял к глазам бинокль и стал смотреть.

Прошло несколько долгих минут ожидания, и вот конец сегмента медленно двинулся вниз: 3, 2, 1 метр. Остановка. Рабочие показывают, что нужно принять чуть правее. Снова щёлкнула лебёдка и через секунду затихла.

— Теперь лебёдками управляют с аэровоза вручную, — заметил Саймонс. — Система автоматического позиционирования даёт точность удержания порядка полуметра, а тут нужны сантиметры. Нужно попасть в «игольное ушко». Снова конец сегмента пошёл вниз и завис над самым штырём. Опять остановка.

— Конец слегка раскачивается, — объяснил Саймонс. — И мачта тоже. Рабочим надо уловить момент и посадить гнездо на штырь.

Все замерли в напряжённом ожидании. Сотни глаз глядели на рабочего застывшего с поднятой рукой на огромной высоте. Вот он махнул ею вниз и сегмент, чуть вздрогнув, быстро опустился на фланец. Рабочий покачнулся и ухватился руками за штырь уже торчавший с другой стороны гнезда.

— Всё, — сказал Саймонс. — Опустили, порядок.

Александр попросил у него бинокль. Он увидел, как второй рабочий поднял с фланца здоровенную гайку и, согнувшись, понёс её к штырю. Первый рабочий насадил на него огромную шайбу. Затем они вдвоём подняли гайку, надели на штырь и стали закручивать.

— Неужели у них хватит сил, чтобы закрутить её?! — усмехнулся Валера.

— Да нет. Они закрутят её не сильно. Потом, когда весь купол смонтируют, принесут специальный гидравлический гаечный ключ и затянут все гайки по настоящему, — ответил Саймонс.

— Тебя можно поздравить с успехом? — спросил Георгий.

— Да. Теперь уже можно. Первый сегмент установлен.

Все пожали Саймонсу руку. Джеффри взял радиомикрофон и его голос прогремел на всю стройку: — Установка сегмента завершена. Всем спасибо.

— А когда будут ставить второй? — спросил Сергей.

— Второй ждём через три дня. Он уже над территорией России. Где-то в районе Магадана, на высоте 2000 метров.

— А когда его станут монтировать, соединять с первым?
— Числа 14-го, думаю, начнём.
— Значит, мне с Андреем можно выходить на работу?
— А ты оформился в отделе кадров?
— Да, конечно. Показал им удостоверение монтажника-высотника.
— Ну, тогда выходите. Только вам потребуется помощник. Кто вам будет по-
давать сверху инструмент, болты, гайки?
— Об этом я и не подумал...
— Ищите себе помощника. У меня на стройке лишних людей нет.
— А можно я буду помощником? — спросил Александр.
— А тебе сколько лет?
— Шестнадцать.
— Маловат ещё. Хотя... официально оформлять рабочим мы тебя не станем.

Так что приходи.

— А мне можно? — пробасил Валера.
— Тебе вполне. Тебе ведь 18?
— Да, — соврал Валера.
— И я с ними приходите буду, — заявила Женья. — Мы втроём будем им помогать.

— Только без всяких шалостей наверху, — предупредил Саймонс. — Мне не охота из-за вас в тюрьму садиться.

— Нет, нет. Я буду следить за ними, — сказала Женья.

— Но у нас же занятия в школе до обеда! — вспомнил Валерий. — Мы только после обеда сможем приходите. Занятия 26 мая заканчиваются.

— А у меня дипломный проект, — заметил Сергей. — Так что я тоже оформился на полдня.

— Это не страшно, — сказал Саймонс. — Приходите после обеда и работайте. За месяц, я думаю, со швом вы управитесь. Всё равно последняя, двенадцатая секция купола прибудет только в конце июня.

— Вы думаете, мы провозимся месяц с одним стыком? — спросил Сергей.

— Да. Придётся установить 200 болтов с гайками. За полдня вы сможете за-
винтить не более десятка. Значит, потребуется 20 рабочих дней. А это месяц,
вместе с выходными.

Тем временем рабочие отсоединили троса связывавшие сегмент купола с аэ-
ровозом и те медленно уползли на платформу. Александр заметил, что с плат-
формы опускают длинный чёрный шланг внутрь опорного кольца. Через некото-
рое время спустили насос.

— Что это они делают? — спросил Александр.

— Воду будуд заливать в платформу, — ответил Саймонс. Им балласт нужен.
Обратно-то они без груза летят!

Вдруг снова заработала тяговая лебёдка, и коробчатая платформа опустилась

к самой верхушке мачты. Подали трап и несколько человек с аэровоза перебрались на мачту. Затем они скрылись внутри неё.

— Надо пойти пообщаться с ними, — сказал Саймонс. — Они сейчас вниз спустятся на лифте.

— А когда аэровоз улетит? — спросил Александр.

— Завтра утром. Примут балласт, отдохнут и полетят обратно в Сан-Франциско.

— Жаль, что мы завтра с утра у бабушки будем, — вздохнула Женя.

— Ничего, ещё не раз увидите всё это, — успокоил Саймонс. — Ну, мне пора. Всего хорошего, — сказал он и пошёл на встречу с экипажем аэровоза.

Раковские, Сергей и Саша сели в приземистую «Ладу» Георгия и поехали по домам. Давно пора было пообедать.

Глава IX.

1. Монтаж.

Очередной аэровоз прилетел, как и намечалось, 13 мая. После школы Валера, Женя и Саша помчались смотреть, как устанавливают второй сегмент купола. Они доехали на автобусе до лыжной базы (теперь это была база проката дельта-планов), а дальше отправились пешком. Собственно, дальше можно было и не ходить, всё прекрасно было видно и отсюда. Но им надо было увидеть Саймонса. Они шли, задрав вверх головы, то и дело спотыкаясь о кочки.

А посмотреть было на что. Огромный аэровоз, застилавший полнеба, был уже пришвартован к тяговым лебёдкам и сегмент купола медленно опускался широким концом в жёлоб опорного кольца. Они подошли к толпе зрителей, когда его край скрылся в жёлобе. После этого аэровоз замер и стал медленно разворачиваться. Края сегментов сближались. Вот рабочий поставил кранец между ними, и этот кранец был тут же смят огромной массой. Сегмент остановился и качнулся назад. Рабочий вынул кранец, и сегмент вплотную приблизился к краю другого сегмента. Раздался глухой удар, затем сегмент двинулся вниз и сел на опорное кольцо. Оба сегмента оказались состыкованы снизу.

Ещё минут двадцать ушло на установку острого конца сегмента. Наконец и он сел на штырь, торчавший из фланца мачты-опоры. Стекланный купол будущей общины стал заметно шире и красивее. Множество ажурных перекладин как тонкое кружево украшали его. Саша стоял и любовался этим произведением искусства и инженерной мысли.

Саймонса ребята нашли возле вагончика. С ним, на этот раз, были Сергей и Андрей. Поздоровались. Поздравили Саймонса с очередным успехом.

— Ну что, друзья-приятели, — сказал Джефри, обращаясь к Сергею и Андрею, — завтра можете выходить на работу. Ящики с болтами и гайками находятся возле опоры. Их подвезли вчера. Всего сорок ящиков. Пропуска возьмёте в конторе. Прораб Гриша вам всё объяснит.

— Пропуска мы уже получили, — сказал Сергей.

— Тогда пойдёте, я вас познакомлю с прорабом. Он подготовит вам снаряжение и инструмент. С помощниками своими вы договорились? Во сколько встретитесь?

— Сейчас решим.

Сергей тут же договорился с Сашей, что завтра тот со своими друзьями из школы идёт сразу домой, оттуда они заедут за Андреем и все вместе отправят-

ся на стройку. На шестой час решили не оставаться, даже если это потребуется. «Хвосты» можно сдать и после 26 мая. Для этого выделялись дополнительные дни в конце учебного года по 31 мая включительно.

Потом все прошли внутрь общины и познакомились с прорабом Гришей — высоким парнем лет тридцати, альпинистом с шестилетним стажем. Обо всём договорились и отправились по домам. Валера собирался погонять на мопеде вместе со своими сорванцами-приятелями, а Саша с Женей решили покататься на горном велосипеде с небольших горок в окрестностях Найска. Земля уже достаточно просохла, а свежая травка сделала её чистой, опрятной и нарядной как невесту.

На следующий день после школы ребята собрались у Сергея. Победали и отправились на стройку. По пути захватили Андрея. Аэровоз уже улетел и теперь только два сегмента купола, да мачта-опора торчали в вышине. Казалось, что они вот-вот упадут. До того воздушной и хлипкой выглядела вся эта конструкция.

Гришу они нашли возле одного из многочисленных тросов-оттяжек мачты-опоры. Он ломом подкручивал талреп, переговариваясь с кем-то по радиотелефону.

— Мачта слегка перекосилась, — сообщил он. — Нагрузили её с одной стороны, вот её и повело. Сейчасотрегулируем.

Он сделал ещё пару оборотов и получил команду «стоп».

— Порядок, — сказал Гриша, — пошли теперь за амуницией.

Они зашли в подсобное помещение, где Сергей с Андреем переоделись в комбинезоны монтажников-высотников, захватили по большому мотку капронового фала и шлемы.

— А вы, ребята, берите вот этот бородок и кувалду, — предложил Гриша.

— Зачем? — спросил Александр.

— А для того, чтобы совмещать отверстия на бортиках обоих сегментов. Бородок — он конусный гладкий. Вставляете в отверстие тонкий конец и забиваете кувалдой, пока оба отверстия не совместятся.

- А почему отверстия на бортиках не совмещаются? — спросил Андрей.

— Потому, что деформация у сегментов разная. Они же хлипкие пока не состыкованы. Это как яичная скорлупа — когда целая, то крепкая, а если по кусочкам, то слабая. Так и с куполом. Он станет прочным, когда его полностью смонтируют. Сегодня с утра я обнаружил, что снизу сегменты разошлись сантиметром на десять. Пришлось один подвинуть домкратом, отжать его от стенки жёлоба. Теперь низ и верх у сегментов состыкованы. Только в середине отверстия могут оказаться не соосными. Ваша задача соединить болтами бортики сегментов снизу и сверху, а там, где болты входить не будут — забить бородок и выровнять кромки.

— Ясно, — сказал Андрей.

Они дошли до мачты-опоры и стали таскать ящики на лифтовую площадку по ступеням наклонных лап.

— И какой болван выдумал установить лифтовую площадку на высоте третьего этажа? — недовольно пыхтел Сергей. — Зачем этот пустой свод под опорой?

— Здесь у нас ритуальный костёр, будет — сказал Александр.

— Так это твоя идея?

Саша кивнул.

— Вот теперь сам ящики и таскай.

— А чего они такие тяжёлые? — спросил Саймонс.

— Нормальные, по 48 килограмм, — ответил Саймонс. — В каждом ящике по пять болтов и пять гаек с шайбами. Один болт весит 5 килограмм, гайка — 3 килограмма, шайба 1 кг.

— Ого! А как же их завинчивать?

— Есть специальный гаечный ключ. Но заворачивать вы их будете потом, когда установите все 200 болтов и гаек. А сейчас нужно только наживить гайки на болты и завернуть вручную.

Они поднялись на стопятидесятиметровую высоту и оказались на вершине мачты-опоры.

— Вот это даа, — произнёс Валера. — Красотища!

На западе от них простирался Найск. На северо-востоке — отроги горных хребтов. На юге — извилистой лентой серебрилась река.

Ребята стояли на круглом пятиметровом фланце, из которого торчали штыри для фиксации острых концов сегментов. Два из них были уже заняты. По периметру, на концах штырей была натянута страховочная верёвка, заменявшая ограждение. В центре из фланца торчал конец мачты двухметрового диаметра, внутри которого находилась лифтовая кабина. Он ещё на три метра возвышался над мачтой, а дальше переходил в раструб дымовой трубы. Всё это отливало каким-то серым металлическим блеском.

— А из какого металла всё это сделано? — спросил Сергей.

— Всё сделано из титана, вернее из титанового сплава, — ответил Саймонс. — Всё сделано на века, а веками без коррозии и без покрытий может стоять только титан.

— Почему только титан? — не согласился Андрей. — Нержавеющая сталь тоже стоит веками.

— Да, но у неё значительно больший вес. Всё было бы гораздо массивнее. Только титан даёт высокую прочность при малой массе конструкций. Потому они и выглядят такими ажурными, воздушными.

— А алюминий, вернее дюралюминий? — задал вопрос Саша.

— Дюралюминий не выдержит века. Он постепенно кородирует без покрытий. Кроме того, он недостаточно прочен.

— Значит и сегменты купола сделаны из титана? — уточнил Андрей.

— Конечно. Соединяемые металлы должны быть однородными. Иначе начнётся электрохимическая коррозия. Ведь в стык между фланцем и сегментами

купола будет попадать дождевая вода, снег, пыль. Всё это приведёт к электрохимическому взаимодействию между разными металлами и к их разрушению, — ответил Саймонс.

Свежий прохладный ветер трепал волосы ребят, солнце скрылось за облако и стало не очень уютно на этой 150-ти метровой высоте. Женя поёжилась.

— Тебе холодно? — спросил Валера. — Встань за мачту, там не дует.

Женя передвинулась на два шага левее. К счастью, вскоре вновь выглянуло солнце и опять всё стало прекрасно. Саймонс попрощался и спустился вниз. Его ждали другие дела.

— Ну вот, ваше рабочее место, — сказал прораб Гриша. — Технология проста. На концы штырей крепим два блока. Через шкивы пропускаем верёвки. Один конец верёвки вы крепите к страховочному поясу, другой — держите в руке. Бухту бросаете вниз и травите свободный конец, пока не опуститесь на нужный уровень. Тогда крепите свободный конец к поясу и работаете. Голыми руками конец не держите, наденьте перчатки. Иначе можно содрать кожу с ладоней.

— Да знаем мы всё, — прервал Гришу Сергей. — Только что курсы закончили.

— Знаете, не знаете, а инструктаж перед работой необходим, — заметил Гриша. — Таков порядок. Я за вас отвечаю. А вы, молодёжь, тут не балуйтесь. Следите за действиями старших. Если они попросят что подать, вот вам тонкий фал. Привязываете инструмент или болт с гайкой и опускаете. Вязать надо вот так:

И Гриша показал каким узлом вяжется инструмент или детали. Саша попробовал, и у него получилось. Потом то же сделали Валера и Женя. Тем временем Гриша приладил оба блока на концы штырей с уже посаженными сегментами. Слева блок Сергея, справа — Андрея. Парни перекинули через шкивы свои верёвки и пристегнулись к страховочному поясу. Бросили вниз бухты. Они упали на поверхность сегментов и остались лежать, так как наклон был ещё небольшой.

— Тут можно и без верёвок работать, — сказал Сергей, ступая на край сегмента. — Он тут почти горизонтальный. Сашка, давай сюда болт с гайкой. Сейчас мы их соединим.

Александр открыл ящик и увидел аккуратно сложенные огромные болты с шайбами и навинченными гайками. Вдвоём с Валерой они привязали фал и понесли болт к Сергею. Тот принял его. Первые отверстия были на расстоянии 1,5 метра от штыря. Через пару минут первый болт был установлен.

— Давай следующий, — скомандовал Сергей.

Александр привязал второй болт так, чтобы остался длинный свободный конец, который он бросил Сергею. Тот поймал его и потащил болт с гайкой к себе. Вскоре и второй болт тоже был установлен.

Так за час они установили десять болтов и отошли от фланца на 15 метров. Наклон сегментов немного увеличился, но ещё можно было работать стоя на ногах.

— Всё, болты закончились, — сообщил Валера.

Сергей с Андреем поднялись на лифтовую площадку и вместе с ребятами опустились вниз. Взяли ещё два ящика.

Через час Сергей с Андреем установили ещё десяток болтов и на этом решили закончить.

— Неплохо сегодня поработали, — сказал Сергей, спускаясь в лифте. — Норму в два раза перевыполнили.

— Это пока болты хорошо входят и пока мы не опустились метров на сто, — заметил Андрей.

— Так их же ещё и закрутить все надо, — заметил Валерий. — На закрутку времени тоже немало уйдёт.

— Всё верно. Так, что сегодня мы сделали самую простую работу. Кто завтра будет обеспечивать нас? — задал вопрос Сергей.

Валера пожал плечами. — Втроём здесь делать нечего. Давай, Сашка, завтра ты приходи.

Александр кивнул.

Они вышли за пределы опорного кольца, сели в Серёгину «Самару» и поехали в город. Первый рабочий день закончился.

2. На высоте.

В школе на перемене Александр подошёл к Ане Ёлкиной.

— Привет. Сегодня 15-ое. Как с таблетками?

— Я сказала тренеру, он обещал выдать. Приходи на тренировку, получишь.

— Не, в секцию я не пойду. Не хочу видеть твоего Ванечку. Давай тогда встретимся вечером, в кафе «Кедр».

Аня пожалала плечами. — Давай.

— Часиков в семь тебя устроит?

Аня кивнула.

— А сколько они стоят?

— Две таблетки восемь рублей.

— Ого!

На этом они расстались.

После уроков Саша, Валера и Женя встретились на крыльце школы.

— Вам сегодня обеспечивать Сергея, малявки. Не забыли? — спросил Валера

— Знаю, — сказал Александр.

— Ну, тогда вам в одну сторону, а мне в другую.

И он зашагал вниз по улице.

Куда это он? — спросил Александр Женью.

Та пожалала плечами. — Может, к дедушке пошёл в клинику.

И они двинулись по улице к дому Саши.

— Послушай, сегодня мне обещали таблетки принести. Завтра я дам их тебе. Хватит тянуть. Он же растёт там!

И Александр поглядел на живот Жени.

— Ну и пусть растёт, — ответила она. — Таблетки мне не нужны.

— Не упрямысь. Иначе придётся всё рассказать родителям. Тогда они заставят тебя принять их, но нашей дружбе конец. Я не смогу бывать у вас в доме после того, как всё откроется.

Женя промолчала.

— А дедушке вообще нельзя ничего говорить, — продолжал Александр. — Ему сейчас вредно волноваться. Подумай об этом.

Женя молчала.

Вскоре они подошли к дому и опустились на минус третий этаж. Сергей уже ждал их.

— Давайте обедайте быстрее и поедем. Погода портится.

Они быстро поели и уселись в машину. По пути заехали за Андреем и через полчаса были на стройке. У вагончика увидели Костю.

— Привет, — сказал Александр.

— Привет, блин. Чего это вы приехали?

— А мы теперь тут работаем.

— Где?

— На монтаже купола. Сергей с Андреем болты завинчивают, а мы с Женькой помогаем. Опускаем их на верёвке.

— А, так это вы там на мачте вчера торчали?

— Да. На самом верху.

— Ну, я потом поднимусь к вам.

— Давай.

И Александр помахал Косте рукой.

Они прошли внутрь общины, получили амуницию, загрузили в лифт два ящика с болтами и поднялись на самую верхотуру.

На высоте погода была неважная. Порывы ветра то и дело заставляли ребят поёживаться. Небо нахмурилось. Мачта вздрагивала и покачивалась.

— Видимо, будет дождь, — произнёс Сергей, оглядывая горизонт с запада.

— Обещали во второй половине дня кратковременные дожди, — подтвердил Андрей.

Сергей с Андреем зарядили блоки, пристегнули карабины и стали спускаться вниз. Александр привязал к фалу первый болт с гайкой. Сергей держал в руке конец фала и тащил болт за собой. Тот скользил по стеклянным фрагментам сектора.

— О! тут можно и покататься! — сказала Женья и ступила на первый стеклянный четырёхугольник.

— Женька, кончай по стеклу ходить, — сказал Александр. — Вдруг оно лопнет!

— Да, как же! Оно даже не гнётся. Тут знаешь какая толщина? Сантиметра три будет.

И она начала пританцовывать на стекле. Александр взглянул на край сегмента и увидел под ним 150-ти метровую пропасть. Ему стало не по себе.

— Нам нельзя за ограждения заходить. Сергей заругает.

Но Женья продолжала спускаться, кружась в танце.

— Там, там, тарам-там-там. Там, там, парам-пам-пам, — напевала она в ритме вальса, всё дальше удаляясь от Саши. Сектор там был шире, но более покатый. Начал накрапывать дождь.

— Женька, дура, вернись!

— Если я разобьюсь, то и выкидыш не надо будет делать, — кокетничая, ответила она.

Александр был готов убить её от злости.

В это время Сергей заметил Женькины проделки.

— Это что ещё за фокусы! А ну марш назад! Без страховки ни шагу за ограждение. Или ты хочешь, чтобы нас с Андреем наказали, а вас выгнали отсюда?!

Женья нехотя повернулась и пошла наверх, но поскользнулась на мокром покато стекле и упала, стукнувшись коленкой.

— Ой! Чёрт! — произнесла она, встала и, прихрамывая, дошла до фланца на котором стоял Александр.

— Так тебе и надо! Это бог тебя наказал. Он всё видит!

Женья ступила на фланец и стала тереть ушибленное колено. Александр привязал второй болт и отправил его вниз.

— Ты нам бородак с кувалдой спусти! — крикнул Андрей. — Здесь уже бортики разошлись по высоте на сантиметр. Болты плохо входят. А ниже бортики ещё больше расходятся.

Александр привязал увесистый бородак и крикнул Андрею. — Тащи! — Следом он привязал кувалду. Вскоре всё это было внизу. И тут на лифтовой площадке появился Костя.

— Вот вы где! Ишь, куда забрались, блин! И что тут надо делать?

— Болты подавать.

В это время раздался глухой удар, за ним ещё, ещё. Это Андрей забивал кувалдой бородак в отверстия сегментов. Вся хлипкая конструкция заходила ходуном.

— О, — сказал Костя, — чувствую, сейчас мы рухнем!

Но удары вскоре прекратились. Александр привязал третий болт и отправил его вниз.

— Когда следующий аэровоз то прилетит? — спросил он у Кости.

— Семнадцатого должен. Он задерживается на сутки из-за погоды на Алеутах. Там циклон.

— А по пути он ещё может где-нибудь приземлиться?

— Под Магаданом есть посадочная площадка. Там аэровозы постоянно летают.

— Но там, наверное, грузовые, с гондолами, которые садятся на кольцо?

— Всеякие. И такие летают. Эти тоже грузовые, только для больших крупногабаритных грузов. Здесь половина аэровозов наши, а половина — американские. Они помолчали, и Александр привязал новый болт.

— Женька, займись-ка делом. Отправь его вниз. Мне с Костей поговорить надо. Женька приняла фал из рук Саши, а он с Костей отошёл за мачту. Там меньше дуло.

— Ну, как тут Танька? Где она?

— Да в вагончике, блин. Посуду моет. Мы только что пообедали.

— Значит, прижилась она здесь?

— Ещё как прижилась! — сказал Костя и досадливо сплюнул в пролёт.

— Что ты имеешь в виду?

— Да, понимаешь, блин, Саймонс теперь с Танькой живёт! Подсмотрел раз другой, как я её трахаю и самому, видать, захотелось. А Танька, стерва, ещё та! Подзадоривает его: «слабо, мол, гомику девку взять». Ну, а Джеффри, как всегда, в подпитии был, завёлся и выдрал её. На другой день ещё. А через пару дней Танька мне и говорит: «Я выхожу за него замуж и буду ему верна. Так что ты, Гребень, меня больше не трогай». И перестала таблетки противозачаточные принимать. Теперь она с Джеффри спит, а меня по боку, блин. А Джеффри на меня даже не смотрит. На хрена я ему сдался? Он теперь от Таньки балдеет. Плохо, если он откажется усыновить меня. Придётся опять в детдом возвращаться... После такой житухи там мне хреново будет.

— Значит, Танька Саймонса перевоспитала? Он больше не гомик?

— Выходит так. Только по мне-то лучше чтоб он гомиком оставался.

— Да, но у них же разница в возрасте большая. Ему уже за тридцать, а Таньке всего шестнадцать.

— Ну и что? Танька в него по уши втрескалась. Он как мужик в порядке и «колбасит» её будьте-нате!

— Но ведь, ты говорил, у них фиктивный брак будет?

— Хрен в нос! Теперь уже не фиктивный, а самый настоящий! Родить она ему хочет. А Джеффри и рад. Он и мечтать о ребёнке не смел. Говорит: «Если забеременеешь, пить брошу». Он теперь её на руках носит, пылинки сдувает, а на меня косится. Бойтся, что ребёнок от меня будет. Но Танька, стерва, меня больше не подпускает. Теперь я в другой комнате сплю. Хотел сегодня её в вагончике натянуть, да ни хрена не вышло.

— Даа... — протянул Александр. — Ну и дела! А ведь это твоя идея, Таньку из детдома вытащить.

— В том-то и дело. Обидно. Хотел её для себя приспособить, а вышло, что для Саймонса постарался.

В это время раздался какой-то странный звук. Будто что-то катилось по куполу. Александр выскочил из-за мачты.

— А, чёрт! — Услышал он голос Сергея. — Кто же так болты вяжет?!

Звук нарастал, потом послышался глухой удар и Александр увидел, как болт с гайкой и шайбой, рикошетом взмыл вверх и улетел за пределы опорного кольца метров на пятьдесят.

— Женька! Это ты болт вязала?

— Тебя же нет. Вот я и привязала его.

— Дура! Надо было меня позвать!

— Спасибо за дуру!

Женя встала в кабину лифта и собралась уехать вниз.

— Подожди! — крикнул Костя. — Я с тобой. Я видел, куда он улетел. Сейчас я его найду и подниму наверх.

И вместе с Женей Костя скрылся за лифтовой дверью. Александр остался один. Он привязал новый болт и опустил Сергею.

— Хорошо, что никого не прибило вашим болтом, — крикнул Сергей.

Минут через двадцать появился Костя. Он нашёл потерянный болт.

— А где Женька? — спросил Александр.

— Она обиделась и ушла домой.

— Вот чёртова девка!

Дождь покапал и кончился, туча прошла стороной, но погода была неважная. Сергей с Андреем подняли ещё два ящика болтов и Саша с Костей продолжили работу. Потом его вызвал по радиотелефону Саймонс.

Установили ещё шесть болтов, когда вновь начался дождь. На этот раз он сопровождался громом и молнией. Это была первая весенняя гроза.

— Надо сматываться! — крикнул Сергей. — Не дай бог, молния попадёт в мачту. Может Сашку задеть!

Вместе с Андреем они быстро поднялись на площадку. Потом втроём заскочили в лифт. Спустились и побежали под прикрытием сегментов к опорному кольцу. Дождь превратился в ливень. И тут молния шархнула в мачту, рассыпалась искрами по сегментам. В воздухе запахло озоном.

— Вовремя мы смылись оттуда, — сказал Андрей.

— Да. Повезло. В грозу работать на высоте опасно. Молния выбирает самые высокие предметы. Теперь эта мачта и купол будут служить громоотводом. Хорошо, что мачта заземлена. Пожар не возникнет и не убьёт никого в лифте.

Сергей с Андреем переоделись, затем все сели в машину и поехали по домам.

К семи вечера Александр был в кафе. Занял столик и стал ждать. Минут через десять появилась Аня.

— Давно ждёшь?

— Да нет. Садись. Что будем есть?

— Мороженное и кофе. Можно ещё слоёную булочку.

Александр сделал заказ.

— Таблетки взяла?

— Да.

— Давай.

Аня протянула ему закатанную в фольгу блямбочку. Александр опустил её в карман и протянул Ане червонец.

— У меня нет сдачи, — сказала она.

— Не надо.

Они посидели минут двадцать, потом Александр пригласил Аню на танец. Он видел, как заблестели её глаза.

— Как это тебя твой Ванечка отпустил одну?

— Он вовсе не мой. У нас с ним давно уже ничего нет. Мы друзья, партнёры, и только.

— Но ведь было же!

— У тебя тоже было. А может, ты и сейчас её любишь?

— Мы с ней поссорились.

— Из-за чего?

— Так... Она не хочет делать выкидыш.

— Значит, она тебя любит...

Александр пожал плечами. Вскоре они увлеклись танцем. Аня крутилась как заводная. Она раскраснелась и стала ещё прекраснее. Александр любовался её стройной фигуркой, её улыбкой, её блестящими глазами.

Потом они вышли на улицу.

— Я вижу, ты неплохо себя чувствуешь?

— Да. Сегодня мне хорошо. Я даже не чувствую, что беременна. Давно я не испытывала такого душевного подъёма. Давно так не танцевала. А помнишь, как мы с тобой целовались?

Александр кивнул.

— А ты не хочешь меня поцеловать?

Александр остановился и привлёк Аню к себе.

— Пошли в наш подъезд, — зашептала она. — Мы уже у дома.

Они зашли в подъезд, поднялись на лифте на самый последний этаж и стали целоваться. Лифт постоянно гудел, то поднимая, то опуская людей, но Саша и Аня не обращали на это внимание. Им было хорошо вдвоём.

— Мне пора домой, — наконец сказала Аня и побежала вниз по лестнице, стуча каблучками.

Александр постоял на лестничной площадке, потом медленно спустился вниз и побрёл домой. На сердце легла печаль.

3. Крепкий орешек.

Шестнадцатого, в пятницу, Александр на большой перемене встретился в буфете с Валерой и Женей.

— Всё, порядок, таблетки достал. — И он показал Валере завёрнутые в фольгу пару больших жёлтых таблеток. — Теперь надо эту мамзель уговорить, чтоб съела.

— Сейчас уговорим, — сказал Валера. — Кнопка, на бери таблетку и глотай.

— Не буду, — ответила Женя.

— Не заставляй меня прибегнуть к силе. Прими и запей кефиром. Завтра и послезавтра выходные, как раз и выкинешь его. Никто ничего и не заметит.

— Я сказала, не буду!

— Ну, послушай, дурёха, зачем нам скандалы? Всё можно сделать тихо, без шума и пыли. Всё равно родители заставят тебя принять.

— Не заставят.

Валера посмотрел на Сашу. — Что будем делать?

Александр пожал плечами.

— Ладно, пусть перекусит, а после школы поговорим.

После занятий Валера, Саша и Женя вновь встретились в вестибюле.

— Твоя очередь сегодня на мачту лезть. Пошли к нам, пообедаем, да и поедешь с Сергеем, — предложил Саша Валере.

— Пошли, — согласился Валерий.

Они дошли до Сашиного дома и спустились в его подземную квартиру. Сергей уже ждал их. Перед обедом Александр вновь подошёл к Жене.

— Ну, возьми таблетку. Ну, пожалуйста, не упрямясь. И всё будет нормально. Никаких проблем. Мы сможем опять быть вместе. Понимаешь? Эта твоя беременность портит всё дело. Ты мучаешь себя и меня.

— Нет, — покрутила головой Женя. — Я уже всё решила. Там наш ребёнок и я не стану его убивать.

Александр от досады сжал зубы и отошёл. «Вот чёртова девка!». Однако он проникся ещё большим уважением к этой несговорчивой девчонке. В душе ему тоже было жаль своего первенца.

Они пообедали, и Саша решил вместе с Валерой съездить на стройку.

— Поехали с нами, — предложил он Жене.

— С вами я не поеду, — сказала Женя. — Я лучше схожу к бабушке.

— Сходи с ней, — предложил Саше Валера, — поговори ещё.

Они расстались. Валера с Сергеем поехали на стройку, а Саша с Женей направились в клинику, проведать деда.

— Если ты не примешь таблетку, я всё расскажу деду.

— Не смей. Ему нельзя волноваться. Если ты это сделаешь, то будешь последний негодяй. Тогда между нами всё кончено.

Александр замолчал. В душе он и не собирался рассказывать, он просто хотел поугубить Женю. Это был небольшой шантаж.

Открыв дверь в палату, они обнаружили, что бабушка сидит на кровати, а рядом с ним на стульях сидят две женщины в белых халатах. Александр решил, что это врачи и попятился.

— Заходите, заходите! — крикнул Евгений Робертович. — Не стесняйтесь. Это мои хорошие знакомые, Нона и Инна. Знакомьтесь, — обратился он к женщинам, — это мои внучата, Саша и Женя.

— О, какие у вас симпатичные внуки, — сказала стройная рыжеватая блондинка. Они, наверное, погодки?

— Да. Саше 16, а Жене 15.

— Ну, мы не будем тебе мешать, Джон. Поправляйся. До понедельника.

- Всего хорошего, спасибо, что не забываете.

Женщины вышли.

— Я думал, что это врачи, — сказал Александр.

— Они и есть врачи, вернее Нона — врач, а Инна — медсестра. Они работают здесь, в клинике, на урологии. Поэтому и заходят каждый день. Так что я тут под постоянным присмотром.

— Так это ты у них был, когда у тебяхватило сердце? — спросила Женя.

— Да. У них в гостях. Они хорошие женщины, но одиноки. Не сложилась у них личная жизнь. Я тоже старый холостяк. Так что мы, можно сказать, нашли друг друга. Я думаю, ты меня не осуждаешь, внученька?

— Ну что ты, дедуля. Я всё уже понимаю, не маленькая. А как ты сейчас себя чувствуешь?

— Да ничего, лучше. Врачи разрешили сидеть. Только перебои в сердце остались. Видимо, придётся сделать небольшую операцию. В понедельник решим. А как ваши дела?

— Нормально, — сказала Женя, строго посмотрев на Сашу.

— У вас скоро начнутся каникулы?

— Да, 26-го последний звонок. Сейчас уже новый материал не дают. Повторяем старый, сдаём зачёты, вытягиваем «хвосты».

— А «хвостов» то много?

— Да нет. У меня всего два. У Сашки один. А Валерка уже все сдал.

— Молодцы, внучата.

Они поговорили ещё минут двадцать. Рассказали про строительство общины, про аэровокзал, про монтаж сегментов купола и распрощались с дедом.

На улице Саша опять попытался уговорить Женю.

— Ты понимаешь, что твоё упрямство может повредить бабушке? Подумай о том, что будет, когда он узнает, что ты беременна. У него слабое сердце, он старый и его надо беречь.

— Он не скоро узнает. К тому времени он будет вполне здоров. Пока ещё

ничего не заметно. И давай прекратим эти разговоры.

Александр вздохнул.

Вскоре они дошли до Жениного дома, вошли в подъезд, и Александр решил предпринять последнюю попытку.

— Ну, Женька, милая! Ну, кнопочка! Ну, будь умницей! Ну, представь себе, что это витаминка. Ты же принимаешь витамины?

Женя кивнула.

— Ну, прими и эту таблеточку. Ну, я очень тебя прошу. Ведь я же люблю тебя и хочу, чтобы наша дружба продолжалась. Мне будет плохо без тебя! Мне уже плохо! Вспомни, как хорошо нам было вдвоём, во время каникул, когда ты не была беременна. И всё это можно вернуть. Ну, давай...

И Александр, обхватив руками голову Жени, стал страстно целовать её лицо, губы, глаза. Женя стояла и молча плакала. Крупные слёзы катились из её глаз, но она не вытирала их. Она обняла Сашу, прижалась всем телом и замерла. Плечи её вздрагивали.

— Ну, давай! Ну, не упрямься! На таблетку. Открой рот и закрой глаза.

Женя закрыла глаза, Саша поцеловал её и осторожно положил таблетку в приоткрытый рот.

— Молодец. Глотай. Теперь глотай!

Женя сделала несколько судорожных глотательных движений и с отвращением выплюнула таблетку.

— Не могу... Не хочу... Что хочешь делай, а я не стану её глотать. Как ты не понимаешь, что если я убью твоего ребёнка, то я потеряю себя и потеряю тебя. Я не прощу себе этого и не смогу быть с тобой. Тогда всему конец. Всему конец!

Александр опешил. — Глупости всё это...

— Нет, не глупости. Я люблю тебя и не могу предать нашу любовь. Сашка, миленький, ну пойми же ты, наконец! Ведь там твой ребёнок! И ты хочешь его убить!

— Никакого ребёнка ещё нет... Там только зародыш...

— Есть. Уже есть! Он живой!

Александр опустил голову. Больше слов у него не было.

— Ладно. Пойду я.

Александр вышел из подъезда и подумал, что больше в этот дом он, видимо, не придёт. Скоро всё откроется, и Раковские не захотят его видеть. Помирятся ли они когда-нибудь? Остаётся последняя надежда на Валеру. Может ему удастся убедить её. Надо увидеть его сегодня. Два выходных — слишком большая пауза.

Александр пришёл домой, взял велосипед и поехал на стройку.

Он застал Валеру на своём рабочем месте. Тот привязывал очередной болт.

— Ну, как? — спросил он, глядя на Сашу.

Александр безнадежно махнул рукой. — Бесполезно. Как только я её не уговаривал! Она уже положила таблетку в рот, но проглотить не смогла.

— Ну, ничего, не расстраивайся. Я её уломаю. Затолкаю в неё таблетку!

Через полчаса работа была закончена, и Сергей с Андреем поднялись наверх.

— Порядок, план выполнен. Можно и отдохнуть. Завтра выходной. Встретим очередной аэровоз, разомнёмся в спортзале, а в воскресенье сходим на выставку местного авангарда. Ты хочешь на выставку, сосулька?

— Пошли, — вяло ответил Саша.

— А мы в воскресенье в «Аквариум» собрались. Поглядеть на местное чудо, — сообщил Валера. — Отец уже билеты взял на «Звёздные приключения». В Москве тоже подводный театр есть. Я там был несколько раз, только давно.

Сергей с Андреем и Валерой сели в машину, а Саша поехал домой на велосипеде. Через двадцать минут он добрался до своей подземной квартиры и стал ждать Валеркиного звонка. Они договорились, что Валера в любом случае, независимо от результата, позвонит ему.

Ждать пришлось долго. Александр уже поужинал и сидел в своей комнате, просматривая сайты Интернета. Наконец раздался звонок. Александр взял трубку.

— Слушаю.

— Старик, это я, — узнал он голос Валеры. — Я звоню с улицы, чтобы предки не слышали. Тут у нас такое творится! Они в шоке.

— Ты им всё рассказал?

— Да. Так получилось. Подрались мы с Женькой. Я хотел насильно ей таблетку в рот затолкать, а она мне по морде заехала. Истерику закатила. Родители, конечно, вмешались. Что да как? Слово за слово и всё открылось.

— И что теперь? — упавшим голосом спросил Александр.

— Теперь они настаивают на выкидыше. Только Женьку не сломаешь. Она крепкий орешек.

— А они знают от кого ребёнок?

— Знают. Женька им всё рассказала. Сказала, что любит тебя.

— А они что?

— А они сперва возмутились, сказали, что не ожидали от тебя такого «подарка», а потом вроде поутихли, но продолжают настаивать на выкидыше. Говорят, что пока есть время всё можно исправить. Отец реагирует более сдержано, а маман вся в трансе. «Это, — говорит, — через семь месяцев я стану бабушкой! Кошмар!» В общем, заварил ты кашу, старик.

— А почему я? Женька тоже участвовала.

— Потому что предохраняться надо было. Все трахаются, но не все залетают!

— Ладно, чего теперь об этом... Значит, мне к вам больше приходиться нельзя...

— Да, воздержись пока. Пусть предки поостынут. Может ещё всё образуется. Уговорят Женьку. Только у меня надежд мало.

— Ну ладно, пока. Завтра встречаемся в двенадцать. Посмотрим на очередной аэровоз. Заедешь за мной?

— Хорошо. Пока.

Александр положил трубку. Оправдались самые худшие его опасения. Всё открылось. Он был зол на Женьку, зол на себя. Но ничего не мог поделать. Эта щуплая 15-ти летняя девчонка оказалась стойкой как Жанна д'Арк. Она спасала своего ребёнка, свою душу и свою любовь.

4. Свидание.

Очередной, третий аэровоз прилетел в субботу. Валера и Саша встречали его возле опорного кольца. Они приехали вместе на Валеркином мопеде. Рядом возле машины стояли Сергей с Юлей и Андрей с Зоей. На руках Сергей держал Вику.

Настроение у Саши было неважное. Вчерашний инцидент с Женькой оставил в душе неприятный осадок. Ему хотелось развеяться, отвлечься от грустных мыслей, и он внимательно следил за посадкой аэровоза.

Всё повторилось, как и первые два раза. Аэровоз долго швартовался, затем опустил третий сегмент на место и стал принимать балласт. Больше ничего интересного не предвиделось. Александр подумал, что впереди у него безрадостный, скучный день. Может с Валеркой куда-нибудь сходить? Он уже собрался завести разговор на эту тему, как Валера вдруг неожиданно произнёс, взглянув на часы.

Ну, мне пора. Будь здоров, старик.

— Ты что, хочешь уехать один?

Валерий кивнул. — Да, надо в одно место... Я договорился.

— Так подвези меня до города, — попросил Саша.

— Не могу, спешу. Нам не по пути. Ты на машине с Сергеем поезжай.

— А тебе куда?

— Это секрет, — многозначительно произнёс Валерий.

— Раньше у тебя от меня секретов не было, — с обидой произнёс Александр и отвернулся.

— Ладно, только никому не говори, — сжалился Валерий.

Саша кивнул.

— У меня девушка есть.

— Ааа. Ну и что? К чему такая таинственность? — спросил Александр. — Показал бы её, познакомил. Гуляли бы втроём. Было бы веселее.

— Да не гуляю я с ней! — раздражённо произнёс Валерий. — Понимаешь, она не совсем девушка. Она... путана.

Глаза у Саши округлились. — Ах, вот оно что... Ну, ты даёшь!.. И где же ты с ней познакомился?

— Да на дискотеке, помнишь?

— Так это та самая?

— Ага... Любовь у нас с ней, понял? Сперва деньги брала, а теперь не берёт. Нравлюсь я ей.

Александр во все глаза смотрел на друга.

— А где же вы встречаетесь?

— Дома у неё. Она с бабушкой живёт в квартире двухкомнатной. Но бабушка нам не мешает. Привыкла уже. К ней и домой клиенты ходят. Только не нравится мне это. Не знаю, как её перевоспитать? Если бы она завязала со своей профессией, тогда было бы самое то! Другой девчонки мне и не надо. Она всё про нас мужиков знает. Умеет завести так, что всё ей отдашь, до последней капли! Понимаешь? И ласкает его и в рот берёт — ничего не стыдится. Мне с ней легко и просто.

Александр проглотил слюну. — А меня ты не можешь с ней познакомить? — нерешительно произнёс он.

Валера задумался.

— Но, это моя девушка. Поищи себе другую подружку. А то втрескаешься в мою, как тогда делить будем? Ну, пока!

— Пока, — нерешительно произнёс Александр, но вдруг предложил.

— А давай вместе поедем. Я тебя на улице подожду.

— Валера хмыкнул. — Поехали. Только ждать придётся долго. Часа полтора — два, не меньше.

— Что же там два часа делать..?

— Так мы же с ней не один раз... А в перерывах отдыхаем, кофе пьём, музыку слушаем, беседуем. У нас всё культурно.

— Неплохо устроился, — позавидовал Александр.

— А как же! У неё сервис по высшему классу!

— А как её звать?

— Лана... Вообще-то она Лена, а это её псевдоним.

Саша уселся на заднее сиденье мопеда и всю дорогу молчал.

Вскоре они доехали до дома Ланы.

— Ну, Санька, пока! Пожелай мне удачи.

— Давай... действуй... Я здесь погуляю.

Появился он спустя часа полтора.

— Ну, как? — спросил Александр.

— Нормально, — слегка смутившись, сообщил Валерий. — Пока мы пили кофе, она мне всю свою жизнь рассказала. Не сладкая у неё работёнка. Иной раз такие скоты попадаются! Обращаются как с куклой резиновой. Такие развратные... Суют свой член всюду, причём по наглomu! Ни ласк, ни поцелуев, ничерта! Голый секс. Они думают, что если заплатили, то могут обращаться с женщиной как с последней шлюхой.

— Могла бы и сменить профессию, выучиться на кого-нибудь, — заметил Александр.

— Зачем? Чтобы стать кухаркой или продавцом? Весь день стоять у плиты или за прилавком? Это её не привлекает.

— Ну, есть же и другие профессии, — возразил Саша.

— Конечно. Например, швея или парикмахер. Ах, как романтично!

— А путаной романтично?

Валера пожал плечами. — Ей нравится. По крайней мере, она сама себе хозяйка. Хочет — работает, хочет — отдыхает.

Они подъехали к дому Валеры.

— Ну, будь! — сказал он. — Спасибо за кампанию.

— Пока, — ответил Александр и пошёл домой.

Глава X.

1. Экскурсия.

В воскресенье Александр проснулся в неважном настроении. Он вспомнил, что его отношения с Раковскими испорчены, и это неприятно давило на сознание. Теперь к ним не зайдёшь, и с Валеркой можно будет встретиться только завтра в школе.

Значит, сегодня предстоит пустой и тоскливый день. Правда, вечером они с Сергеем и Юлей собирались на выставку авангардистов, но до вечера ещё уйма времени. Раковские же после обеда должны быть в «Аквариуме», значит, к деду они пойдут с утра. А что, если сходить посмотреть, как улетает аэровоз? Я ещё не видел, как он улетает, — подумал Александр и решил съездить.

Позавтракав, он сел на велосипед и отправился на стройку. Аэровоз висел на своём месте. На мачту с правой стороны прямоугольной платформы был опущен трап. С левой стороны опускался тонкий чёрный шланг. Александр прошёл внутрь опорного кольца и убедился, что шланг подсоединён к мощному электрическому насосу, который был опущен в ручей. Шланг оказался не такой уж и тонкий, как показалось издали. Возле насоса он увидел Саймонса, который разговаривал с рабочим.

— Долго ещё будете принимать балласт?

— Да пару часов осталось.

— А где ваш командир, мистер Маршалл?

— В город поехал. За продуктами, вместе с замом, штурманом и коком. Тут есть механик. Он за старшего.

— И где его можно найти?

— Да, в каюте. Хотите связаться? У меня есть радиотелефон.

— Нет. Спасибо. Я поднимусь к нему.

— А мне можно с вами? — спросил Александр.

— Конечно. Пошли.

И они направились к мачте-опоре.

— На чём это командир мог уехать? — спросил Александр.

— А у него здесь машина, на аэровозе. Её вчера вечером спустили грузовой стрелой.

— Неплохо они тут устроились. Машины с собой возят.

— А им всё равно, что возить. Чем возить балласт, лучше возить машины.

Вскоре на лифте они поднялись наверх опоры и ступили на трап, ведущий к аэровозу. Поднялись по трапу и вошли внутрь коробчатой конструкции. Перед ними был длинный коридор, отделанный декоративным пластиком, с левой стороны расположены двери с табличками на английском языке. На первой от угла двери была табличка с надписью «Ходовая рубка». Дальше «Каюта командира». Следующая — «Каюта помощника». Дальше каюты штурмана и механика. Саймонс постучал, но никто не ответил. Следующие три двери — каюты матросов. Дальше коридор кончался, и в торце была ещё одна дверь. Она была открыта. Саймонс вошёл, следом за ним вошёл Александр. Его взору предстал пульт управления со множеством световых панелей, цифровых индикаторов, кнопок, рукояток. За пультом сидел молодой человек с короткими чёрными волосами в форменной одежде лётчика. На противоположной стене висело множество металлических коробок, к которым подходили толстые кабели.

— Привет Томми, — произнёс Саймонс.

— Здорово, Джефри.

— Как дела?

— Да всё о'кей. Сейчас примем балласт и полетим. А ты хотел что-нибудь?

— У меня к тебе небольшая просьба.

— Я слушаю тебя.

— Через неделю вы будете в Сан-Франциско. Там на верфи по изготовлению сегментов купола часто бывает мой брат, Гарри.

— Я знаю твоего брата. Славный парень.

— Так вот я хотел бы передать ему кое-что. Небольшой сувенир из Найска. Здесь неплохая ювелирная фабрика. Они изготавливают серьги, кулоны, броши, перстни из местных алмазов. Качество отменное, а цены вполне приемлемые. Гораздо ниже, чем в Америке.

Я звонил ему, что купил для него перстень, а его жене кулончик. Пусть порадуется.

— Хорошо, я обязательно передам.

Саймонс протянул Тому небольшую коробочку, перевязанную лентой.

— Вот возьми.

Том сунул коробку в карман.

— А теперь, если тебя не затруднит, покажи нам свой воздушный корабль. Мой юный друг, Александр, родственник известного тебе Георгия Раковского, хотел бы ознакомиться с ним.

— О, это честь для меня. Пойдёмте. Всё покажу.

— Давай начинай с этой комнаты, — предложил Саймонс.

— О'кей. Эта «комната» — как ты её назвал, рубка механика. Здесь пульт управления главной энергетической установкой и всеми механизмами аэровоза. На противоположной стене смонтированы пускатели, транзисторные преобразователи, вентили, главный распределительный щит.

Они осмотрели рубку и прошли в следующую дверь, ведущую вглубь платформы. Там стояли ряды прямоугольных высоких банок, похожих на аккумуляторную батарею. Они были соединены многочисленными трубопроводами и кабелями.

— Здесь у нас электростанция на топливных элементах. Она питает электроэнергией все маршевые двигатели дирижаблей, подруливающие устройства и вспомогательные механизмы, — продолжал Том. — Работает она на жидком водороде и атмосферном кислороде. На противоположной стороне платформы у нас хранилище жидкого водорода в сосудах Дюара. Вот и всё. Пройдёмте теперь в ходовую рубку.

Все вышли в коридор и прошли в его начало. Зашли в небольшое помещение с иллюминаторами, выходящими вперёд и в левую оконечность платформы. Основное место здесь занимал большой плоский экран. Механик пощёлкал кнопками, и на экране возникло цветное стереоизображение участка строительства, над которым завис аэровоз.

— Вот, пожалуйста, четыре телекамеры с разных сторон осматривают участок земли под аэровозом. Изображение можно увеличить, уменьшить. Можно посмотреть вперёд, назад. Можно сделать так, чтобы один и тот же участок был виден под разными углами. Всё это необходимо при выполнении сложных монтажных работ. Здесь же находится пост штурмана, который следит за маршрутом полёта аэровоза, его местом и высотой. Вот единая рукоятка управления по высоте и курсу. Так что всё очень просто. А теперь поднимемся на палубу.

Гости по трапу из коридора поднялись наверх и оказались на длинной и узкой палубе. Впрочем, в передней части платформы она оказалась достаточно широкой. На ней разместились три легковых автомашины, грузовая стрела, лебёдки. Место для четвёртой машины было свободно. Возле стрелы возился матрос.

— Что, Сэм, машину свою хочешь опустить? — спросил механик.

— Да нет, командирскую скоро поднимать надо.

Александр осмотрелся. Он увидел над собой уходящие вверх троса и огромные тела дирижаблей, а под собой блестящий прямоугольник платформы, вертикально уходящий вниз. По углам платформы были смонтированы воздушные винты в поворотных насадках — подруливающие устройства — догадался Александр. По бортам он насчитал шесть вертикальных труб похожих на ракетные шахты. Возле них на скобах был уложены толстые кольца троса.

— А это что за штуки? — показал Саша на ближайшую вертикальную трубу.

— А это наши мёртвые аварийные якоря, — пояснил Том.

— Не понял, — произнёс Саймонс.

— А тут всё просто. Если у нас в пути возникнет серьёзная авария, не дай бог конечно, и надо будет срочно где-нибудь приземлиться, то мы выбираем подходящую площадку или озеро, опускаемся и выстреливаем в грунт мёртвые якоря. Они заглубляются на 10–15 метров и удерживают наш воздушный корабль.

— А как же они так глубоко уходят в землю? — не понял Саша.
— Так там небольшие, но очень мощные ракеты. Они развивают тягу более 300 тонн в течение трёх секунд. Этого времени достаточно, чтобы уйти в глину или в песок на 10–15 метров.

— А как их потом оттуда достать?

— Никак. Отдаём троса и улетаем. Эти якоря для разового использования.

— А почему их нельзя вытащить через те же дырки, в которые они вошли?

— Потому, что при попытке выдернуть, якорь разворачивается в грунте поперёк, так он устроен, и его держащая сила возрастает в сотни раз. Можно оборвать трос, но якорь вытащить невозможно. Это ещё никому не удавалось.

— Такой якорь я уже видел в подводной базе, на Багамах, когда отдыхал там прошлой осенью, — заметил Александр. — Там его загнали в известняки.

— Да, они много где применяются, — согласился Том. На морских судах и яхтах тоже есть аварийные якоря, использующие для заглубления энергию взрыва или реактивную тягу. Там их отдают при угрозе быть выброшенными на берег во время шторма. Когда обычные якоря не держат.

Они постояли на палубе, полюбовались видом на Найск и его окрестности.

— А что там за огонь на том конце платформы, — спросил Александр, указывая на небольшой факел поднимающийся из кормовой оконечности.

— А это горит испаряющийся водород. Термотанки, в которых он хранится, имеют достаточно хорошую теплоизоляцию, но небольшое количество водорода всё же непрерывно испаряется и его необходимо сжигать, чтобы не произошёл самопроизвольный взрыв водородо-кислородной смеси. Вот мы его и сжигаем, — пояснил механик.

— Но это же потери водорода!

— Эти потери не превышают 0,1%. Это мелочь по сравнению с общим количеством водорода на корабле.

— Ясно. А можно ещё вопрос?

— Задавай.

— А где базируется аэровоз во время бури, сильного ветра? Такую громадину ведь ни в какой ангар не загонишь!

— Есть такое место. Оно недалеко от Сан-Франциско. Называется — «Долина дирижаблей». Это довольно узкая долина между двумя высокими горными хребтами. Там почти никогда не бывает сильного ветра. Вот там и пережидают аэровозы непогоду. В долине смонтированы мощные швартовные устройства для посадки десяти аэровозов. Даже сверху дирижабли крепятся расчалками, которые заводятся с помощью вертолётов. Так что всё предусмотрено.

Они обошли платформу вокруг и распрощались с механиком. Уже снизу Саша наблюдал, как поднимают на аэровоз машину командира.

Вскоре приём балласта был закончен. Шланг и насос также подняли наверх. А ещё через полчаса были отданы швартовы. Вновь заработали все шесть тяго-

вых лебёдок, наматывая троса. Потом отдали проводники. Аэровоз уже натужно гудел всеми своими винтами, удерживая рвущиеся ввысь дирижабли. Потом он плавно пошёл вверх, развернулся и стал удаляться на восток.

Александр проводил его взглядом, сел на велосипед и поехал домой.

2. У дедушки.

После обеда Саша решил навестить деда.

— О, внучек, дорогой! — приветствовал его Евгений Робертович, сидя в кресле. — Рад тебя видеть. А почему ты один? Гарик, Рита, Валера и Женя были у меня с утра. Ты что, поссорился с ними?

— Да нет... Просто был занят.

— И чем же это ты был занят, если не секрет?

— Смотрел, как улетает аэровоз. А ещё я познакомился с механиком Томом. Он водил меня по всему воздушному кораблю.

— Ааа, значит, ты был на экскурсии?

— Да. Можно сказать и так.

— Ну и как? Понравилось?

— Ещё бы! Вот бы на таком аэровозе в Америку прокатиться! На самолёте не интересно. Он летит высоко и ничего толком не видно. А аэровоз летит на высоте один — два километра и довольно медленно, он плывёт над Землёй, и всё можно разглядеть.

— Да, — согласился Евгений Робертович, — заманчивое путешествие. Хотел бы я сейчас оказаться во Флориде, на своей вилле. Давно не видел её, красавицу.

— Ничего, дед, наша община будет выглядеть не хуже. И внутри там будет вполне южный климат и пейзаж. А кругом тайга, горы. Такого сочетания во Флориде не увидишь.

— Ты прав, внучек. Мне бы только поправится поскорее. Хочется поглядеть на купол, на аэровоз.

— Успеешь ещё. Они до конца июня будут летать.

Постепенно разговоры об общине привели их к вопросу её комплектования.

— Я вот тут лежу, и всё думаю, кого мы возьмём в общину? У меня даже список небольшой получился. Человек двадцать. У Гарика человек тридцать наберётся, у тебя человек десять, наверное. Но этого мало. Придётся принимать в общину малоизвестных людей из разных стран мира. Конечно, у всех у них должны быть письма-рекомендации от соответствующих медицинских учрежде-

ний и организаций, со всеми нужно будет побеседовать.

— Значит, у нас будет многонациональный, многоязычный коллектив?

— Да. Как на космических станциях, как в Мунтауне. И это хорошо. Не будет никаких национальных предрассудков, национального чванства. Так называемой «национальной гордости». Я не понимаю, что это такое «национальная гордость»? Как можно гордиться тем, что ты русский или еврей, украинец или грузин? Чем тут гордиться? Ты просто таким родился. Никакой твоей заслуги в этом нет. Так же медведь может гордиться тем, что он медведь, лопух — тем, что он лопух, а заяц — тем, что он заяц. Нужно гордиться своими собственными достижениями в искусстве, в своей профессии, но своей национальностью гордиться глупо.

— Но можно гордиться культурой, которую создала твоя нация, принадлежностью к великой нации, — возразил Саша.

— Это всё чужие заслуги. И не все представители культуры и науки России были русскими. Они жили в России, творили в России, но среди них были народы разных национальностей. Наука и культура по своей сути интернациональны. Конечно, в каждой культуре есть свои национальные особенности. Они идут из древних времён, когда народы и их культуры были разобщены. Так сложилось исторически. Но чем тут гордиться? Это просто многоцветие разных культур разных народов. И это хорошо.

— А ты, дед, кем считаешь себя по национальности? — спросил Александр.

— Я «интермен» — человек без национальности. Человек с планеты Земля. Моя мать, твоя сестра Соня, была наполовину еврейка, наполовину украинка. Мой отец, Роберт — наполовину поляк, наполовину немец. Родился я в Польше и детство провёл там. Я владею польским языком, воспринял польскую культуру. Но потом мы переехали в Россию. Я учился в Москве. Там женился на русской. Но она тоже не чистокровная русская. «Чистую кровь» сейчас ни у кого не найдёшь. Да и искать её незачем. Ничего это не даёт. Человек может считать себя кем угодно по национальности. Негр, родившийся в Париже, такой же француз, как и все прочие жители Франции. Он говорит по-французски, он любит французскую культуру и его сердцу дорога Франция. Другой страны он не знает и он вправе считать себя французом. Так же и любой еврей, родившийся и выросший в России, вправе считать себя русским. А лучше вообще не задумываться над этим. Это никому не нужно и ничего не даёт.

— Дедушка, а почему раньше евреев не любили? Я слышал, что в царской России устраивались еврейские погромы, а в фашистской Германии евреев выселяли из страны и даже убивали.

— Да, ты прав, внучек. С евреями во многих странах обходились довольно жестоко и не справедливо. Нет в мире страны, где не было бы антисемитов. И тут две причины. Во-первых, национализм коренной государствообразующей нации. В 19-м веке ещё можно было услышать, что Россия только для русских, Германия только для немцев, Армения только для армян, и т. д. Наряду с прогрессивными

демократическими интернациональными силами в любой стране существовали и националисты, пытающиеся разжечь национальную рознь, межнациональные конфликты и сделать на этом свою политическую карьеру. Во всех экономических и политических неудачах они пытались обвинить инородцев, выходцев из других республик. Они объявляли их врагами нации, и это очень просто объясняло все неудачи. Причём виноватыми оказывались не только евреи (жиды), но и украинцы (хохлы), народы Кавказа (чечмеки), юго-восточной Азии (чурки) и т. д. Национализм враждебен ко всем инородцам, а не только к евреям.

Однако, национализм, вернее национал-шовинизм, как официальная государственная идеология получил поддержку только в фашистской Германии, частично в Италии и Испании. Во всех других странах он подавлялся как враждебная, вредная для общества пропаганда. Россия всегда была многонациональной страной, и межнациональные конфликты были ей не нужны. Они подрывали целостность и могущество государства. Вот почему и коммунисты, и демократы исповедовали интернационализм, т. е. равенство всех наций и народностей, населяющих Россию, Советский Союз. То же самое мы видим и в коммунистическом Китае. Их лозунг в национальной политике: «Пусть цветут все цветы» говорит о том, что каждая нация, каждый народ имеет право на существование и развитие. Под цветами они понимают многоцветие национальных культур, которые обогащают общечеловеческую культуру. И это правильно. От того, что на Земле много наций и народностей, мы становимся только духовно богаче, интереснее.

Первобытный национализм всегда и везде подавлялся государством. Во всех государствах, кроме фашистских, существовали законы, запрещающие пропаганду национальной розни, разжигание межнациональной вражды и, благодаря этому, национализм не получал сколько-нибудь значительной поддержки в обществе. Он оставался лишь на бытовом уровне в малокультурных семьях. Иное дело с еврейским вопросом. Официально антисемитизм тоже был запрещён, но фактически он скрыто присутствовал в обществе и даже в высших эшелонах власти многих государств мира.

— Но чем это вызвано, в чём причина?

— А это второй момент, о котором я хотел сообщить тебе, внучек. Всё дело в том, что еврейский народ долгое время не имел своего государства. Так сложилась его история. Евреи были разбросаны по всему миру, и им грозило вымирание, ассимиляция с другими народами. Поэтому они стали создавать еврейские общины, пытаясь спасти свой язык, свою национальную культуру до лучших времён, когда они снова обретут свою историческую родину. И в этом, нет ничего предосудительного. Каждый народ имеет право сохранить свою культуру, свой язык. Но еврейские общины стали рассадником еврейского национализма, иначе говоря, семитизма. В них проповедовалась исключительность еврейской нации, её талантливость и незаслуженная враждебность к ней других народов. Евреев призывали держаться друг за друга, не бросать в беде, всячески помогать и поддер-

живать. Еврейский юноша обязан был жениться только на еврейке. Отступников ждала кара. Если еврей получал хорошую должность, высокий пост, то он обязан был продвигать и других евреев по служебной лестнице. В результате создавались еврейские кланы в институтах, государственных учреждениях, в редакциях газет и журналов, на радио и телевидении и т. д. Евреи окружали себя евреями и часто проворачивали разные незаконные делишки, пользуясь круговой порукой. Они оттесняли другие национальности и рвались к власти. Ни одна другая национальность не вела себя подобным образом. Русский не окружал себя только русскими, украинец — украинцами, латыш — латышами. Все другие нации вели себя как интернационалисты в многонациональной стране, и только евреи были националистами. Результатом стало то, что в противовес еврейскому национализму (семитизму) возник антисемитизм. Поведение евреев было вызывающим, и оно получало отпор со стороны других национальностей. В Советском Союзе коммунисты начали гонения на евреев, не пуская их на руководящие должности. Внешне это не было особенно заметно. Не было еврейских погромов, антисемитской пропаганды. Действительно талантливые учёные, артисты, педагоги, врачи занимались своим делом не испытывая никаких притеснений. Просто в отделах кадров учреждений сидели люди, которые следили за интернациональным принципом комплектования коллективов. Никакая нация не должна быть избранной, привилегированной. В заслугу ставились лишь деловые качества того или иного кандидата на замещение вакансии, при этом евреев старались не брать. Так что, друг мой, евреи сами оказались виноваты в том, что их недолюбливали в обществе. Они сами, своим семитизмом породили антисемитизм.

После образования в 1945 году еврейского государства Израиль, многие евреи стали съезжаться из других стран на свою историческую родину. И в этом нет ничего плохого. Начался массовый выезд евреев и из Советского Союза. Но здесь снова возникли проблемы. Среди многих прочих выезжали учёные и специалисты, имеющие доступ к государственным и военным секретам. А в ту пору военное противостояние стран социализма и капиталистических государств достигло наивысшей точки. Израиль был капиталистическим государством, а, следовательно, враждебным соцлагерю, и выезд в него евреев, работавших ранее с секретными документами, был крайне нежелателен. Поэтому в Советском Союзе чинились всяческие препятствия их выезду. Впрочем, это продолжалось недолго. После победы демократии в России, все препятствия к их свободному выезду были сняты. Постепенно исчез и антисемитизм. Ведь еврейской культуре и еврейской нации уже ничего не угрожало. Израиль стал хранителем этой культуры и нации. Отпала необходимость в создании еврейских общин на территории других государств. Они ещё сохранялись до конца 20-го века, но потеряли свой агрессивный национализм. Постепенно евреи стали такой же нацией, как и другие, равной среди равных. И теперь уже никто не обвинит их в семитизме. Так постепенно в мире был снят еврейский вопрос. Остались лишь его редкие отго-

лоски на бытовом уровне, как и прочие отголоски национализма. Надеюсь, что человечество уже больше никогда не вернётся к национализму и антисемитизму.

— И это правильно. Путь все народы, населяющие нашу Землю, чувствуют себя как дома в любой стране мира. Я тоже по национальности «интермен». Я не хочу вообще иметь национальность, — заявил Александр.

Он посидел ещё минут пять, и попрощался с дедом.

А вечером с Сергеем, Юлей и Викой они направились на выставку художников-авангардистов. Там была почти сплошная компьютерная графика. На экранах стереовизоров демонстрировались произведения молодых художников. Александр понял, что их фантазия безгранична. Особенно ему понравились фантастические пейзажи студента Юрия Саульского. Автор смело использовал графические композиции в качестве фона к своим картинам, воспевающим любовь. Поражали и космические фантазии Игоря Никольского. Понравились подводные пейзажи Кати Флёровой и много, много других работ.

На выставке можно было заказать фотопанно любого понравившегося рисунка, купить диск с работами любого автора и потом просматривать её на своём домашнем стереовизоре. Серей с Юлей купили работы Саульского и поехали домой. Выходной день оказался не таким уж и скучным, как это представлялось Саше в начале.

3. С Аней.

В понедельник в школе Саша заметил, что Аня Ёлкина отсутствует.

— Что с нею? — спросил он у Добровольской Яны.

— Вчера у неё был выкидыш, — шепнула Яна на ухо Саше. — Она ещё неважно себя чувствует.

- Ааа. И сколько она будет болеть?

— Завтра придёт. Ничего страшного.

Саша успокоился и стал заниматься.

На большой перемене в буфете к нему подошёл Валерий.

— Смотри, Женька-то, одна сидит за столом. Обиделась! Не хочет с нами знаться. Похоже, за ней какой-то старшеклассник уже ухлёстывает. Ничего парень, симпатичный. Твой конкурент. Не ревнуй?

— Нет, — зло сказал Александр. — Этот конкурент скоро поймёт, что Женька — крепкий орешек. Её так просто не охмуришь. Тем более что она беременна.

После школы они зашли к Майоровым, пообедали, и Сергей стал собираться на стройку.

— Сегодня вы мне не понадобятся, ребята, — сказал он. — Сегодня двое других монтажников начинают крепить третью секцию и у них уже есть помощник. Я договорился, что он будет и нашим с Андреем помощником. На два стыка один помощник. Это нормально.

— Отлично, — сказал Валерий. — Тогда мы займёмся своими делами. Зайду к Ланке. Тянет меня к ней со страшной силой. Как увижу, аж кровь закипает!

Александр слегка позавидовал ему и поехал кататься на велосипеде.

Во вторник Аня появилась в школе. Она была немного бледна, грустна, но вполне здорова. На перемене Саша подошёл к ней.

— Как самочувствие?

— Так себе... Пока что прилива сил не чувствуется. Наоборот, ещё есть слабость. А главное, как-то не по себе.

— Ничего. Всё скоро пройдёт.

— Будем надеяться... А как твоя «сестра»? Её кажется Женей звать?

— Хреново, — махнул рукой Саша.

— Что, плохо себя чувствует?

— Да нет. Просто она отказалась принять таблетки. Она хочет рожать.

Аня с сожалением посмотрела на Сашу.

— И что ты намерен делать?

— Ничего. Пусть рождает.

— Ну, ты слегка того, — покрутила Аня у виска пальцем. — Надо как-то уговорить её.

— Ничего не выходит. Я пытался. Теперь родители её обрабатывают. Только я сомневаюсь, что у них что-нибудь получится.

— Уже и родителям стало известно?

— Да. Её брат им всё рассказал.

— И как же ты теперь с ними общаешься?

— А никак. Всё, завязал.

— И с Женей тоже?

— Конечно. С ней у меня давно уже ничего нет. Так, одни разговоры.

— Ну и правильно. Проживёшь и без неё.

Чувствовалось, что Аня заметно повеселела после этих слов Саши. На большой перемене они пошли в буфет вместе. Валера присоединился к ним, а Женья вновь сидела за столиком вместе с долговязым старшеклассником, который слащаво улыбался ей.

После школы Александр решил проводить Аню до дома. Они шли втроём, вместе с Яной Добровольской и весело болтали. Александр шутил и рассказывал анекдоты. Девочки смеялись, особенно Яна.

— А ты не хочешь встретиться вечером? — тихо спросила Аня, когда они стали прощаться у её дома.

— А как же Ванечка? — ехидно спросил Александр.

— Ванечка перебьётся.

— Ну, давай... После бассейна. Ты пойдёшь сегодня туда?

— Да. Я уже три занятия пропустила. Надо сходить.

В четыре Александр был в школьном бассейне. В душевой к нему подошёл Валера.

— Ты что, решил себе новую подружку завести? — недовольно спросил он.

— Почему новую? Мы давно дружим с Аней. Она моя одноклассница.

— Значит, с Женькой решил завязать?

— Женька сама со мной завязала. Не разговаривает. Она и на тебя обижена.

— Ну, на меня-то ладно. А от тебя у неё ребёнок будет.

— Может она ещё решится на выкидыш? — неуверенно произнёс Александр.

— Нет... Любит она тебя, болвана. Сильно любит.

Они обмылись, надели плавки и прошли к воде.

Женская и мужская группы были в полном составе. Аня уже стояла на тумбочке, готовясь к прыжку. В зелёном купальнике, стройная, юная, она как будто сошла со страниц эротического журнала. Александр помахал ей рукой. Она улыбнулась и, грациозно взмахнув руками, нырнула. Валера и Саша с наслаждением наблюдали этот прыжок. Вот голова Ани показалась на поверхности, и она поплыла кролем, легко, изящно, стремительно.

— Красиво плавёт, — сказал Александр.

— Женька не хуже плавает, — заметил Валера.

Чувствовалось, что он переживает за сестру и ему не нравится новое увлечение Саши.

— Ладно, поплыли, — сказал он. — Мы что сюда на девок глазеть пришли?

И длинный Валера сиганул в воду. Саша выбрал свободную дорожку поближе к Ане и тоже нырнул.

Они плавали минут сорок. Тренер подходил к каждому по очереди и давал советы, что надо исправить в технике плавания, на что обратить внимание, какие группы мышц нагружать больше. Под конец устроили контрольный заплыв, и Саше на секунду удалось обогнать Валеру. Он очень старался, зная, что Аня наблюдает за ним.

К Валере подошёл тренер. — Ты чего-то не в форме сегодня, дружок. Тебе надо больше тренировать руки, грудные мышцы слабые, — заметил он. — Ты пытаешься плыть за счёт ног, а руками гребёшь вяло. Посмотри, какие рельефные грудные мышцы у Губерта. Он ниже тебя ростом, а плавёт быстрее, потому что у него сильный гребок.

— Просто я не очень старался, — заявил Валера. — Нет настроения. На соревнованиях я Сашку сделаю будьте-нате!

— Ну-ну, посмотрим, — сказал тренер и отошёл.

В раздевалке Саша, покосившись на Валеру, сказал. — Ты не ходи со мной. Давай выйдем порознь. Я хочу Аню проводить.

— Ладно, — недовольно ответил Валерий — и, закинув за спину спортивную сумку, вышел из раздевалки.

Аня ждала Сашу на школьном крыльце.

— Куда мы пойдём? — спросил он.

— Мне хотелось бы в кафе. После бассейна надо пропустить чашечку кофе. Восстановить силы.

— Пошли, — согласился Александр.

Они шли по улице, взявшись за руки, и разговаривали.

— Послушай, Ёлкина, а как твой Ванечка отнёсся к выкидышу?

— Нормально. Он всё понимает. Не могу же я беременная выступать на соревнованиях. Всё было решено заранее.

— А если бы это был мой ребёнок, ты бы тоже сделала выкидыш? — как бы невзначай спросил Александр.

— Конечно, — не задумываясь, ответила Аня. — Какая разница, чей он? Мне нужна хорошая спортивная форма, а не ребёнок.

Александр замолчал. Его как-то неприятно покорибила эта безапелляционность, этот прагматизм в суждениях Ани. Ему больше импонировало безрассудство Жени, пытающейся спасти своего ребёнка вопреки здравому смыслу. Он понял, что в душе солидарен с ней. Она стала ему ближе и дороже, чем Аня. Но Аня тоже влекла его своей молодостью, красотой, целеустремлённостью благодаря которой и преуспела в фигурном катании. Теперь он увидел перед собой уже не наивную девочку, какой она представлялась ему в начале их знакомства, а личность, которая готова пойти на всё ради достижения поставленной цели. Александр решил проверить, не ошибается ли он. Действительно ли Аня изменилась в последнее время.

— Послушай, а если тебе не удастся занять первое место на отборочных соревнованиях, что тогда будешь делать?

— Буду тренироваться ещё год. Пытаться ещё раз.

— А если опять не получится?

— Тогда не знаю что делать... Я просто не допускаю мысли, что может не получиться. Мы с Ванечкой должны победить. В нём я не сомневаюсь. Он — машина без нервов. Он всегда спокоен и уверен в себе. Он надёжен как скала. Подвести могу только я. У меня всё зависит от настроения. Да и физической выносливости ещё не хватает. Но я должна победить, во что бы то ни стало. Ванечка не простит мне срыва. Ведь я и его подведу. Мы пара. Понимаешь?

— Раньше у тебя не было такой целеустремлённости, — заметил Саша.

— Да. Но Ванечка заразил меня своим фанатизмом. Он уже видит себя чемпионом мира. И он будет идти к этой цели, не смотря ни на что. Спорт — его жизнь. А теперь и моя.

— Но ты же не любишь Фадеева?

— Почему? Он мне нравится. Конечно, с ним бывает скучно, но он неплохой

парень. Он наверняка будет хорошим мужем и отцом. Для семьи он как раз то, что нужно.

— Значит, ты уже решила связать с ним свою жизнь?

— Да. Видно Ванечка — моя судьба. Он любит меня, и я не могу его оттолкнуть. Это значило бы предать нашу дружбу. Если я брошу его, для него это будет жестокий удар.

— Зачем же тогда ты встречаешься со мной?

— А мне нужна отдушина. Нужно хоть изредка отвлекаться от изнурительных тренировок, от Ванечки, от его бесконечных разговоров о спорте. Ты тоже мне нравишься. Очень нравишься... Но ты не мой. У тебя есть Женя.

— А если ты мне тоже нравишься? Ты согласна ради меня бросить своего Ванечку?

— Нет... Лучше синица в руках, чем журавль в облаках. Да и не такая уж Ванечка синица. Это скорее орёл, вернее птенец орла. Орлом он ещё должен стать. А что выйдет из тебя?.. Я не знаю...

Они зашли в кафе, выпили кофе, съели по две порции мороженого и стали танцевать. Александр обнимал Аню, кружил её, наклонял, кидал на бедро и любовался ею. Но что-то было не так как раньше. Аня отдалилась, перестала быть такой желанной. Это была та Аня и не та. Она любила его, но не хотела ради него пожертвовать Ванечкой, пожертвовать спортивной карьерой. Всё встало на свои места. Иллюзии развеялись, и любовь к Ане как-то вдруг померкла, потускнела.

Они вышли на улицу. Вечернее солнце клонилось к закату. Прошли в парк на набережной. Дул лёгкий прохладный ветерок. Александр сел на скамейку. Аня уселась к нему на колени и поцеловала его. Они обнялись и слились в долгом поцелуе. Всё замерло в груди у Саши. «Я хочу её, — мелькнула мысль, — но это невозможно...»

В это время в кармане у Ани зазвонил телефон. Она испугано отпрянула от Саши, словно её засекли родители.

— Да, я слушаю.

— Анёк, это я, — послышался голос Ванечки. — Ты где?

— Возле дома. Дышу воздухом.

— Как самочувствие?

— Ничего. Слабость ещё осталась.

— Это скоро пройдёт. На тренировку завтра придёшь?

— Конечно.

— Ну ладно, пока. Смотри, не простудись. Вечером прохладно.

— Хорошо. Я сейчас иду домой. Пока.

Телефон умолк. У Саши пропало всякое желание целоваться.

— Беспокоится?

— А как же. Через пять дней соревнования.

— Ну, мне пора. Пошли, провожу.

Аня вздохнула. — Не вовремя он позвонил. Но мы ещё встретимся?
Саша пожал плечами. — Если ты хочешь... Я свободен как птица. И мне не нужно скрывать наши встречи.

У дома Ани они расстались.

В среду на большой перемене Валера встретился с Сашей. Они сидели в буфете и закусывали пиццей. Женя сидела за соседним столиком вместе с долговязым парнем.

— Деду сделали операцию на сердце, — сказал Валерий.

— Когда?

— Вчера.

— Ну и как он?

— Перебой прекратились, но пока постельный режим... Я с ним утром по телефону общался. Голос бодрый.

— И сколько ему лежать?

— Если всё будет нормально, через неделю выпишут.

Саша жевал пиццу с колбасой и помидорами и запивал её кофе.

— А что с Женькой? — спросил он. — Как родители себя ведут?

— Раньше уговаривали, а теперь молчат. Переваривают твой сюрприз.

— А вообще-то они разговаривают с ней?

— Разговаривают по необходимости. Да... заварил ты кашу, Санёк!

Саша опустил глаза.

— К Ланке-то сегодня пойдёшь? — спросил он, чтобы сменить тему.

Валера кивнул.

— Тебе она по-прежнему нравится?

— О! Ланка — это кайф! Что фигура, что характер. С ней интересно. Она без предрассудков. С нею просто и легко. Как будто мы уже сто лет вместе прожили. Я как увижу её, так на душе щекотно становится.

— И тебе не противно, что она трахается с кем попало?

— Она решила завязать с проституцией. Я ей поставил условие: либо я, либо другие.

— А на что же она жить будет?

— Вот это проблема... Пока у неё пособие по безработице есть, но оно маленькое, да и скоро кончится. Мы договорились, что в июне она устроится на курсы домашних нянь. Она детей любит. Там будут платить стипендию, да и я понемногу подбрасывать стану. Проживёт как-нибудь.

— А может ей ребёнка родить, тогда пособие хорошее будет.

— Это мысль. Но сначала надо забеременеть...

— Это уж твои проблемы. Хочешь, я буду помогать вам материально, если у вас всё это серьёзно? У меня остались кой-какие деньги на счёте. Георгий Евгеньевич в прошлом году положил.

— Неудобно тебя грабить...

— Брось, чего считаться? В общину переедем, они мне не понадобятся. Там будем жить на полном обеспечении.

— Ну, если так, то спасибо, Санёк. Нам бы пару месяцев перебиться. А потом я её в общину заберу. Женой будет, пусть хоть гражданской. А на счёт ребёнка — это ты хорошо придумал. Ребёнок её обрадует. Она и думать забудет про других мужиков. Ребёнка я ей сделаю! Больше ей не надо таблетки глотать, предохраняться. Ты гений, Санёк! Дети у нас красивые будут. Маман и папан будут довольны внуками.

Они доели пиццу, допили кофе и поднялись из-за столика. Женя проводила их грустным взглядом.

4. На стройке.

После школы Саша встретил Валеру на крыльце.

— Чем заниматься собираешься?

— Да погоняю на мопеде. Нагрузка нужна.

— Какая же на мопеде нагрузка? Сиди да едь.

— Ха! Смотря где ехать. Если по горам да оврагам, то всю душу вытряхнет! Мы же с парнями слаломом занимаемся. В мотобол играем. Гонки устраиваем. Интересно. Тут не знаешь, кто кого больше возит, мопед тебя или ты его!

— Ну, а я тогда на велике погоняю. Съезжу на стройку, погляжу как очередной аэровоз улетает, а потом в Медвежью падь подамся. Мне тоже нагрузка нужна. Вечером в бассейн пойдёшь?

— Надо. После гонок весь потный, грязный. Там и отмоюсь. — Тогда пока.

— Пока.

И друзья разошлись в разные стороны.

Придя домой, Александр взял велосипед и поехал на стройку. Ещё издали он увидел в небе серебристые сигары аэровоза, но когда подъехал, оказалось, что аэровоз уже улетел. Александр проводил его взглядом и зашёл в вагончик Саймонса. Его приветствовал Костя. Таня была там же. Она сидела возле небольшого кейса-телевизора плоский экран которого был откинут вместе с верхней крышкой, а в нижней части кейса был встроенный видеоплеер. Саша поздоровался. Таня взглянула на него и отвела глаза.

— Здорово, Губа, — ответил Костя. — Решил навестить нас?

— Да, проезжал мимо и решил проведать. Как вы тут, всё нормально?

— Нормально. Сегмент вчера поставили, а сегодня «пароход» отчалил. Теперь уже четыре сегмента стоят. Третью купола накрыли. Если всё без задержек пойдёт, в июне закончим.

— И тогда ты покинешь Найск?

Костя недовольно покосился на Татьяну. — А чёрт его знает! Пошли, выйдем...

Они вышли из вагончика и побрели вдоль стены опорного кольца.

— Понимаешь, блин, тут такая хреновина получилась... Саймонс с Танькой живёт, и скоро они поженятся. Тогда он должен будет усыновить меня, как обещал. Но Джефри уже сейчас косо на меня смотрит. Вот я и думаю: а нахрена я ему сдался, если у них будет нормальная семья? И Танька на меня взъелась. Я тут приставать к ней стал, по старой дружбе, так она окрысилась будто у нас и не было ничего такого. Святую из себя строит!.. Боюсь, что Саймонс опять меня в детдом отправит. Сейчас-то я ему ещё нужен, а как закончит строительство, так и спихнёт меня с рук долой. А всё это Танька — стерва! Изменила мне. Совратила хорошего мужика!

— Ну и что же ты собираешься делать?

— А хрен его знает... Только в детдом я не вернусь. Я уже свободу почувал. А там какой-то гомик — Винт, опять мною командовать станет. Нет, назад мне ходу нету. Хоть беги, куда глаза глядят! Да ведь поймают и вернут сюда же. Надо так убежать, чтоб не поймали. Если бы Джефри меня с собой в Америку взял... в Калифорнию. А там пусть бросает. Я и один проживу. Опять мелочь по карманам тырить стану, но в детдом не пойду.

— А ты поговори с ним. Может он тебя усыновит, как обещал?

— Лучше ты поговори. Я не сумею.

— Ладно, а где он? Да здесь где-то болтается. Наверно в подвале.

— А что ему там делать?

— А там комплекс по утилизации отходов сдают.

Они прошли ещё немного и остановились у больших ворот в стене, которые были распахнуты. Из ворот выехала грузовая машина с мусором.

— Там он, — сказал Костя. — Вон стоит, видишь?

Александр присмотрелся и увидел Саймонса.

— Подожди здесь, — сказал он Косте и спустился вниз по бетонным плитам.

В подвале под опорным кольцом было светло. Вдаль, пока видел глаз, уходила широкая лента транспортёра. По бокам стояли баки для мусора. Каждый из них имел надпись: стекло, дерево, пластик, пищевые отходы, чёрные металлы, цветные металлы, обувь, одежда, бумага.

Александр подошёл, поздоровался.

— А, привет, мой юный друг! Решил проведать своё будущее хозяйство или опять какая-нибудь новая идея тебя осенила? — спросил Саймонс.

— Нет. Идей больше нет. Просто хочу посмотреть.

— Ну, смотри. Хотя интересного тут мало. Всё элементарно просто. Вот кнопка пускателя. Нажимаешь её и лента транспортёра начинает двигаться. Над лентой установлены патрубки мусоропроводов всех квартир, размещённых

в опорном кольце. А здесь, находятся баки для мусора. Ежедневно двое рабочих разбирают мусор, сортируют его и вызывают машину с предприятия по переработке отходов.

— Значит, теперь отходы не выбрасывают на свалки?

— Эээ, дорогой! Ты отстал от жизни. Свалок давно уже нет. Ведь всё, что попадает в отходы можно снова использовать. Это дешевле, чем заново плавить металл, стекло, изготавливать пластмассу.

— Ясно. А куда девают пищевые отходы? Они-то ни на что уже не годны!

— Ошибаешься, дружок. Все пищевые отходы засыпаются в специальные бетонные траншеи и запахиваются, закрываются землёй. Через несколько лет они полностью перегнивают и служат прекрасным органическим удобрением для фермерских полей. Их направляют минеральными удобрениями и продают фермерам.

— Так что же, теперь вообще никаких отходов не существует?

— Никаких. Человечество вообще может не добывать больше металлы, не производить стекло, пластмассу. Всё это уже произведено в достаточном количестве и теперь только перерабатывается, чтобы вновь служить людям. Вопросы переработки вторсырья особенно остро будут стоять в космических поселениях будущего. Там всё, что привезено с Земли, должно использоваться на 100%. И эта проблема технологически уже решена.

— Здорово. А что это за мусор сейчас вывезли?

— А это для испытаний специально в мусоропроводы набросали. Обычный строительный мусор. Квартиры сейчас отделяют, вот и набралось. Я велел весь мусор в мусоропроводы сбрасывать. Надо дать нагрузку на транспортёр. Ещё вопросы есть?

Александр замаялся.

— Ну, спрашивай, чего мнёшься?

— Тут Костя беспокоится, что вы его обратно в детдом отправите...

Саймонс сразу стал серьёзным. Помолчал.

— Видишь ли... это непростой вопрос. Я действительно собираюсь отправить его обратно. Он мне больше не нужен. У меня теперь будет нормальная семья. Мы с Таней скоро поженимся и третий здесь лишний. Я же знаю про их прежние отношения. Пусть она уже не спит с ним, но он-то её любит!.. Ни к чему ему мучаться, да и мне спокойнее, если его рядом не будет. Знаешь, женское сердце доброе, мягкое... Вдруг она его пожалеет, приласкает, а потом разбирайся от кого у неё ребёнок. Как говорить, лучше от греха подальше, да и от соблазна тоже.

— Он очень не хочет снова в детдом, — со вздохом произнёс Саша. — Он уже глотнул свободы и не смирится с неволей. Он может надеть глупостей. Убежит, начнёт воровать, опять попадёт в колонию... Помните, у Антуана Де'Сент Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Вы дали ему свободу,

научили многому. Он почувствовал себя человеком. И вдруг снова детдом. Вы обманули его, обещав усыновить.

— Всё это не совсем так. Во-первых, Антуан Де'Сент Экзюпери говорил о животных. Нельзя бросать прирученных животных, они погибнут без человека. Костя — не животное и он не погибнет в детдоме. А если убежит и станет воровать, то это его выбор. На это его никто не толкает, он должен сам отвечать за свои поступки. Он уже достаточно взрослый парень. Во-вторых, я не обещал его усыновить. Согласно заявления, я взял его для временного совместного проживания с целью ознакомления с его характером, привычками. И только, если мы окажемся совместимы, и понравимся друг другу, то я могу усыновить его, опять же, если буду женат. Сейчас у него испытательный срок и окончательное решение за мной. Так, что никакого обмана. Просто мы не подходим друг другу. Так, что не надо его обнадеживать. Скажи ему, пусть готовится снова оказаться в детдоме. Считай, что он побывал в отпуске.

— Да... Как-то всё получилось не очень здорово...

— Ничем не могу помочь. Изменились обстоятельства. Так что извини, друг. Александр попрощался с Саймонсом и вышел. Костя стоял на прежнем месте.

— Ну, что? — спросил он.

— Полный облом. Ты прав, Саймонс хочет вернуть тебя в детдом. Говорит, что ты — третий лишний.

— Чёрт! Только устроился, зажил по-человечески, деньжата появились и на тебе! Да хрен с ней с Танькой! Не трону я её. С деньгами и в бордель сходить можно и в дансинг-холл. Найду себе девок. Мне место терять не хочется. Может он меня рабочим возьмёт?

Саша пожал плечами. — Может это и выход, только тебе ещё и школу закончить надо.

— Да нахрена мне эта школа? Десять классов вполне достаточно. Не всем же учёными быть!

— Может это и выход, но в августе Саймонса здесь уже не будет. У него отпуск, а потом новая стройка под Санкт-Петербургом.

— Да, хреново...

— Ну ладно, пока. Больше я ничего не могу для тебя сделать.

— Будь... — ответил расстроенный Костя.

Александр сел на велосипед и поехал на горнолыжную трассу. Там он до одурения крутил виражи, падал, снова крутил и вновь падал. Наконец усталый и грязный поехал домой. В шесть вечера надо было сходить в бассейн. Там он надеялся увидеть Аню.

Глава XI.

1. Печальный гуманизм.

В пятницу Александр покидал школу в приподнятом настроении. На большой перемене к нему подошла Аня Ёлкина и, как бы между прочим, предложила встретиться в воскресенье и погулять с нею перед соревнованиями. Саша был слегка удивлён, но согласился.

— А твой Ванечка не обидится? — спросил он.

— Нет. Ему хватит субботы. В субботу у нас последняя репетиция и я сказала ему, что перед соревнованиями хочу побыть одна. Надо собраться, успокоиться.

Теперь Александр прикидывал, куда они пойдут, и что будут делать. В вестибюле он неожиданно столкнулся с Валерой.

— Сань, дай червонец. Я к Ланке иду?

— На... На счёт ребёнка ей сказал?

— Да, порядок. Она больше не предохраняется.

— Ну, будь.

— Пока!

И Валерий заспешил в знакомом направлении. Александр постоял, подумал, и решил, что надо бы сходить к деду, проведать старика. Завтра у него опять будут Раковские. Он сбежал с крыльца и направился в клинику.

— О, внучек! — встретил его Евгений Робертович, сидя в кресле с газетой в руках. — Заходи, дорогой. А я тут лежу один. Соседа моего выписали. Скучновато. А где Валера, Женя?

— Они на шестой час остались. «Хвосты» вытаскивают, — соврал Александр. Не мог же он сказать деду правду.

— Значит, у них у обоих «хвосты»? А Валерий говорил, что «хвостов» у него нет.

— Он любит прихвастнуть своими школьными успехами.

— Так, так... Значит, он меня обманывал...

Саше стало неудобно, но он промолчал и присел на стул.

— Как ты себя чувствуешь, дед? Я слышал, тебе сделали операцию?

— Да. Ещё во вторник. Два дня сердце болело, но перебои прошли. Сегодня побаливает только при нагрузке, а так всё нормально.

— Значит, скоро тебя выпишут?

— Надеюсь. Надоело бездельничать. Меня ждут община, Устав. Работы мно-

го, а я тут валяюсь.

— Ничего, дед, успеешь ещё. Тебе вредно много работать.

— Ты знаешь, жизнь без работы, без цели для меня пуста и неинтересна. Это не жизнь, а какое-то прозябание, ожидание смерти. Человек сам наполняет свою жизнь смыслом. Он ставит себе реальные цели и добивается их. Даже очень больные люди стараются уйти в работу, наполнить жизнь содержанием. Николай Островский писал свой знаменитый роман «Как закалялась сталь» будучи парализованным. Потом он ослеп, но продолжал диктовать жене главы своего романа. Он не был писателем, но он был борцом и не мог смириться со своей физической беспомощностью. Многие люди уходят из жизни добровольно, когда теряют цель и смысл жизни.

— Да дед! я слышал, что тяжело больным, по их просьбе, врачи выдают специальную таблетку, приняв которую, они тихо умирают.

— Да, эвтаназия теперь разрешена законом.

— Но ведь убивать человека негуманно.

— Однозначного ответа здесь не существует. Смерть смерти рознь. Все мы смертны, но к каждому смерть приходит по-своему. Одни умирают незаметно во сне, прожив долгую и интересную жизнь. Другие же умирают в ужасных муках. Они ждут и не могут дожидаться смерти. Они рады ей, но не могут умереть без помощи врача. Конечно, убить здорового и ни в чём не повинного человека — страшный грех. Но как быть с безнадежно больным? Не являются ли садизмом попытки продлить его мучения под видом медицинской помощи? Что толку, что он проживёт ещё неделю, месяц, когда каждый день превращается в бесконечную пытку? Конечно, можно применять обезболивающие, наркотики, но они действуют лишь временно. Часто больные, взывая о смерти, умоляют врача дать им таблетку, от которой они больше не проснутся. И теперь врач может это сделать, не боясь понести наказание за убийство. Для этого требуется устное или письменное заявление больного, сделанное в присутствии консилиума врачей и юриста. Обязательно, должно быть решение консилиума о неизлечимости болезни и неизбежности летального исхода.

— А если врачи ошиблись? Вдруг больной поправится?

— Вероятность ошибки нескольких опытных врачей, при современных методах диагностики, ничтожно мала.

— Но она всё-таки существует!

- Теоретически да, но практически нет. Если это даже одна десяти тысячная (а она меньше), то не станем же мы мучить десять тысяч безнадежно больных людей, ради отсрочки смерти одного. Ведь даже, если он протянет ещё какое-то время, то всё равно умрёт несколько позже и возможно все его муки снова повторятся! Лучше уж умереть один раз, чем умирать дважды. Жизнь человека перестаёт быть ценностью для него и для общества, если она только биологиче-

ская жизнь, если нет жизни духовной, если нет радости жизни, жажды жизни! То же можно сказать и о детях, лишённых даже зачатков разума. Это не люди, это животные не понимающие кто они и что они. Такие дети не нужны родителям, не нужны они и обществу. И растить их — это не гуманизм, это иллюзия гуманизма. По-человечески их жаль, но наблюдать их беспомощность, их бесполезность, их скотство — тоже невыносимо. Животное понимает ласку, адекватно реагирует на изменение обстановки, способно к обучению, к дрессуре. Дети — полные идиоты не способны даже на это. Поэтому, решением консилиума врачей они также могут быть лишены жизни. К счастью таких детей немного. Современные методы диагностики позволяют установить синдром Дауна, когда ребёнок находится ещё в утробе матери. Тогда врачи предлагают ей сделать выкидыш и большинство женщин соглашаются.

— А я слышал, что сейчас не только тяжело больные, но и обычные старики могут самостоятельно уйти из жизни, если не хотят больше жить.

— Да. Человек вправе сам распоряжаться своей жизнью. Бывает, что и мукто особых нет. А просто беспомощность, плохое самочувствие, усталость, а главное — ощущение своей бесполезности, ненужности никому. Сильные духом люди не хотят быть в тягость другим. Обычно это очень старые и немощные люди. Тогда они просят врача помочь им уйти из жизни. Но врач не имеет права сам выдать таблетку. Таких стариков помещают в хоспис. Там им создают все условия для более-менее сносного существования, проводят психотерапию, но если и после этого они настаивают на добровольном уходе, то таблетка им выдаётся... Эту таблетку они вправе принять самостоятельно, когда захотят. Некоторые ходят с этой таблеткой в кармане не один месяц. Многие умирают, так и не приняв её. Но есть люди, которые принимают таблетку сразу. Я думаю, что уйду из жизни также.

— Ну что ты, дед! Тебе ещё рано умирать.

— Спасибо, внучек. Я и не собираюсь умирать в ближайшее время. Пока я нужен вам, я буду жить. А может и вообще не потребуется эта таблетка...

— А что это за таблетка? Как она действует?

О, это непростая таблетка. Приняв её, человек погружается в нирвану. Он испытывает состояние близкое к блаженству. Ему кажется, что он снова молод. Он видит своих родителей, близких, возвращается в места своего детства. Он летает над землёй и чувствует себя птицей. Потом он влетает в тёмный тоннель и долго летит по нему навстречу далёкому свету. Свет становится всё ближе, но лететь всё труднее. Наконец тоннель кончается и его сознание озаряет вспышка. Это последнее, что видит умирающий. Потом свет меркнет и всё проваливается в небытие. Человек умирает без мук, без страданий, умирает счастливым.

— Да... странная таблетка... Это какой-то наркотик?

— Верно. Это тот случай, когда можно законно применять наркотики.

— А вот с преступниками мне не совсем ясно. Смертная казнь отменена, но есть пожизненное заключение. Чем оно лучше смертной казни?

— Ты прав. Пожизненное заключение для многих преступников не гуманное, а более жестокое наказание. И они тоже имеют право на добровольный уход из жизни. Им тоже выдаётся таблетка, которой они могут воспользоваться, когда захотят. Бесцельная жизнь в тюрьме продолжающаяся годами, приводит к психическим расстройствам. Несмотря на наличие книг и телевизора, они полностью оторваны от жизни, от человеческого общества. И многие из них уходят из жизни добровольно.

— А я слышал, что где-то в Америке есть «Королевство жуликов». Там живут самые отпетые преступники.

— Да. Только это не королевство, а колония. Королевством её называют в шутку. И находится она не в Америке, а на острове Пасхи. Там полное самоуправление. В этой колонии только мужское население. Женщин туда не посылают, чтобы не рождались дети и не жили в этом аду.

— А ты считаешь, что там ад?

— Ад, но не для всех, а только для «шестёрок», которых нещадно эксплуатируют. Там они на положении рабов. Остальные заключённые: авторитеты, паханы, стража живут неплохо.

Правит там главный пахан, который выбирается районными паханами. Те же, в свою очередь, выбираются из местных авторитетов и стражников. Основное же население колонии составляют «шестёрки» т. е. низшее сословие. Они — главная рабочая сила.

— Значит «шестёрки» это простой народ? Так я понимаю?

— Да, верно. Они «пашут» на паханов и на стражу. Каждый пахан окружён многочисленными телохранителями, которые в любой момент готовы подавить недовольство «шестёрок». Нередко там случаются убийства и публичные казни бунтарей.

— Чем же они занимаются на острове? Что едят, пьют?

— Еду им привозят, как любым другим заключённым, а пьют воду добываемую из артезианских скважин. Всё остальное им приходится зарабатывать. Ведь многие из преступников — весьма талантливые люди и способны к обучению. Одни рисуют, другие лепят, третьи гравируют, четвёртые — искусные ювелиры. Изготавливают женские украшения, вазы, статуэтки, ножи с красивыми рукоятками, амулеты. Особо талантливые становятся мастерами и руководят другими рабочими. Мастеров ценят и стараются не обижать. Те же, кто не имеет никаких талантов, занимаются строительством, прислуживают паханам и стражникам, шьют одежду, обувь.

Некоторых достаточно молодых и симпатичных парней, приглянувшихся паханам, кастрируют, оскопляют (ампутируют пенис) и отправляют в гаремы. Каждый пахан имеет свой горем. Скопцов там хорошо кормят, чтобы

не были костлявыми, наряжают женщинами, мажут кремами, гримируют, учат танцам и любовным играм. Многие из них даже рады, что попали в горем. Психологически они перестраиваются и ведут себя как женщины, только рожать не могут.

— Но это же насилие! Как же можно такое терпеть?

— Там везде насилие. Там иначе не живут. Многие мужчины из низшего социального слоя нередко подвергаются сексуальному насилию со стороны авторитетов и стражи, а у каждого мастера есть законный гей. Кроме того, им приходится ещё и работать по 12 часов в день.

— Значит, там у них строгая иерархия и железный порядок. И это у преступников!

— На счёт иерархии ты прав, а вот насчёт порядка, я бы воздержался от похвал. Там царит произвол паханов и стражи. Да и среди «шестёрок» нередки драки, поножовщина, убийства.

— ... Я бы не смог там жить. Лучше уж воспользоваться таблеткой, которую выдают пожизненно заключённым.

— Таблеток у них нет, но самоубийства там не редки.

— А сбежать от туда можно?

— Нет. Остров охраняется многочисленными электронными системами наблюдения и стражей. Вокруг острова двенадцатимильная охранная зона. Подход любых плавсредств запрещён. Паханам не выгодно, чтобы их рабы бежали. Кто тогда будет работать?

— А народу там много?

— Это город средней величины с населением около 300 тысяч. Преступников везут туда со всего мира. Это рабовладельческое государство. Паханы — рабовладельцы живут там в прекрасных дворцах, в центральной части города. Дворцы окружены цветами, фонтанами, бассейнами. Стража живёт в кварталах прилегающих к центральному району. Там сплошные виноградники. Из винограда делают вино и коньяк. А дальше от центра — жилища для мастеров, авторитетов и бараки для прочих жителей. Между ними расположены многочисленные производственные цеха, мастерские, каменоломни. «Шестёркам» категорически запрещено появляться в центральных районах города.

— Так им и надо. Не хотели жить как люди в нормальном демократическом обществе, пусть теперь живут в рабовладельческом государстве. Оно соответствует уровню их развития, их сознанию. В обществе они жили волками, пусть теперь ходят в овечьей шкуре. Мне их не жалко, — заявил Александр. — Ну ладно, дед. Я, пожалуй, пойду. Поправляйся. Пока!

— До свидания, внучек. Спасибо, что навестил. Думаю, через недельку встретимся уже дома.

Александр вышел из клиники и отправился на аттракционы.

2. День рождения.

В субботу у Зои был день рождения. Андрей проснулся первым, но вставать не хотелось. Он потянулся, сладко зевнул и посмотрел на жену. Она спала, разбросав по подушке свои тёмные волосы. Андрей приподнялся и стал наблюдать за ней. Он знал, что утренний сон чуток, и если долго пристально смотреть на человека, он проснётся. Вскоре ресницы Зои дрогнули, она вздохнула и повернула к Андрею лицо.

— Поздравляю, — произнёс Андрей и нежно поцеловал жену.

Зоя обняла его шею, приоткрыла глаза и тоже поцеловала. Несколько минут они наслаждались ласками, потом Андрей спросил.

— Что тебе подарить, Зайчонок?

— Не знаю ещё. За завтраком обсудим.

Вскоре они встали, но решили сегодня не бегать на физзарядку. Сегодня день был особый, праздничный. Сделали несколько упражнений в гостиной и отправились в ванну.

— Ты знаешь, что мне хочется? — сказала Зоя, стоя под душем. — Я бы хотела, чтобы у нас в ванной был акустический аппарат для вибромассажа. У многих есть джакузи, но это дорого и действует оно иначе, чем акустический аппарат. Там гидромассаж, а тут вибромассаж.

— Я слышал о таких аппаратах — виброфонах, — заявил Андрей. — Есть виброакустические аппараты — витафоны работающие на воздухе. Там необходимо вибратор прикладывать к больному месту. А тут вибратор находится в воде, и вибрации охватывают всё тело или ту часть его, которая погружена в воду. Вибрирует сама вода. Это оказывает общеукрепляющее действие на организм. Улучшается кровообращение, массируются ткани и органы на всю глубину. Причём спектр вибраций весьма широк, что позволяет улучшить не только венозное кровообращение, но также и циркуляцию крови в микрокапиллярах. Это особенно полезно при варикозном расширении вен, атеросклерозе, тромбозе, остеохондрозе, артрозе.

— Я вижу, ты хорошо подкован в вопросах медицины, — улыбнулась Зоя, — но у нас с тобой этих болезней пока нет.

— Вот именно, что пока! Однако профилактика их необходима. И потом, это просто приятно. Так что я за.

— Ну, тогда одевайся. Пойдём, прогуляемся.

И супруги отправились в магазин покупать подарок.

Стоял прекрасный майский день. Солнце уже было довольно высоко. Всё вокруг было залито нежным утренним светом. Щебетали птицы, а прохожие казались сегодня особенно нарядными.

В магазине медтехники Андрей выбрал виброфон и попросил продавца проверить его. Продавец опустил вибратор в воду и включил прибор. Раздался звук,

напоминающий треск. Потом частота пошла вверх, и звуки стали переливаться на все лады. Получилось нечто похожее на соловьиные трели или рулады.

— Если хотите, то можете поставить и обычный диск с музыкой, какая вам нравится, — сказал продавец. — В описании прибора имеется перечень музыкальных произведений дающих наилучшие результаты при вибромассаже. Главное, чтобы в музыкальном произведении был широкий диапазон звуков и высоких обертонов. На ночь лучше ставить спокойную, мелодичную музыку, а утром можно поставить джаз или рок.

Продавец поставил диск, и вода покрылась рябью. Послышались чарующие звуки полонеза Агинского.

— Спасибо, — сказал Андрей, — мы берём.

— Только смотрите, не включайте прибор, когда вибратор не погружён в воду. В нём хрупкая керамика, которая может рассыпаться без нагрузки, — предупредил продавец.

— Хорошо, я понял, — ответил Андрей, принимая покупку.

Они вышли из магазина, и Андрей купил букет цветов в уличном киоске. — Это тебе, — сказал он Зое.

— Спасибо, дорогой.

Когда они вернулись домой, Нина Васильевна и Катя уже встали. Тёща хлопотала на кухне, готовя праздничный завтрак.

— Чем мы сегодня займёмся, Зайчонок, — спросил Андрей, — какие у тебя планы?

— Не знаю. Давайте подумаем. Ты что хочешь, доченька?

— Я хочу съездить в океанариум, потом сходить в театр-аквариум, потом покататься на аттракционах, потом...

— Ого! Не слишком ли много в один день? — смеясь, заметила Зоя.

— А я хочу показать тебе наше будущее королевство, свозить тебя на стройку, подняться на самый верх купола, — заявил Андрей.

— С удовольствием посмотрю. И Катюше будет интересно.

— Послушай, а может, пригласим Сергея с Юлей и Сашей в океанариум? Давно мы вместе не отдыхали.

— Если тебе хочется, пригласи.

Андрей позвонил Сергею и вскоре вопрос был решён. Они договорились встретиться на стройке.

Минут через двадцать перламутровая «Ока» остановилась у входа под своды купола. Из неё вышли Андрей, Зоя и Катя. Их взору представилось гигантское сооружение. Уже четыре сегмента накрывали 30% площади.

Вскоре появилась и Серёгина «Самара». Она остановилась возле «Оки» и из неё вылезли Сергей, Юля и Саша с Викой на руках.

— Здравствуйте, — сказала Юля. — Рада познакомится. Андрея-то мы давно знаем, а вас вместе ещё не видели.

Зоя подошла к Юле и протянула руку. — Много о вас слышала от Андрея. Тоже рада познакомиться. Какая у вас симпатичная дочурка!

— Мы и сами ничего, — улыбнувшись, ответила Юля. — А это Катя?

— Да, это наша дочь.

— Скоро у вас будет сынишка, — сказала Юля, поглядывая на небольшой животик Зои.

— Да. Катюша давно хочет братика. Через пять месяцев ждём прибавления в семье.

Они прошли через ворота внутрь купола и поднялись на лифте на самый верх. Оттуда, со 150-ти метровой высоты, открывался великолепный вид на Найск.

— Ого! Как тут здорово! — сказала Катя. — А какой большой наш город! И всё видно.

Черноволосая большеглазая Катя стояла рядом с Сашей.

— Не боишься? — спросил он.

— Страшновато, — созналась девочка. — Эта мачта немного качается. Она не может упасть?

— Нет. Скоро она перестанет качаться, когда установят все сегменты купола. А ты знаешь, что все мы скоро переедем сюда, и будем здесь жить? Скоро мы с тобой будем соседями.

Катя с интересом посмотрела на Сашу. — Папа говорил, что мы скоро переедем с нашей квартиры, но куда я не знаю.

— Вот сюда. Вон в то опорное кольцо. Там для всех сделаны квартиры. Ты хочешь, чтобы мы жили вместе?

— А ты будешь со мной играть?

— Конечно. У нас здесь будет много детей, молодёжи и все будут дружить друг с другом. Здесь будет весело. Будут вечера отдыха, танцы, представления и вечное лето.

— Тогда я согласна.

Полюбовавшись видом Найска и его окрестностей, все спустились вниз, сели в машины и поехали в океанариум. Через час были на месте.

На озере было полно отдыхающих. Они загорали и купались в тёплой зоне ГТЭС. Воздух уже прогрелся до 17 градусов, а вода была плюс 22. Надев пляжные костюмы, Майоровы и Гевко с удовольствием нырнули в воду. Потом все отдыхали на тёплом, нагретом солнцем песке.

Накупавшись и позагорав, решили посмотреть на подводную жизнь через систему прозрачных акриловых камер, установленных на разных уровнях. Катя видела подводный мир впервые и удивлялась живым рыбам, водорослям, крабам, аквалангистам и ныряльщикам, то и дело попадавшим в поле зрения. Александр, со знанием дела, объяснял ей названия рыб, водорослей, моллюсков.

Потом все захотели есть.

— Может, пройдем в ресторан? — предложила Зоя. — Мужчин надо хорошо

кормить. Голодный мужчина не предсказуем в своих поступках, — смеясь, заметила она.

— У меня есть идея получше, — заявил Сергей. — А что если нам самим зажарить шашлыки? Прямо в тайге, на свежем воздухе!

— Идея шикарная, но у нас нет мяса, специй, мангала, — ответила Зоя. — И потом это долго. Нужно не менее четырёх часов вымачивать мясо в вине или уксусе.

— Всё у нас сейчас будет, — заверил Сергей. — Мангал можно взять напрокат, а готовое мясо для шашлыков — в ресторане.

И вместе с Андреем они направились в ресторан.

Вскоре друзья появились с мангалом в руках и двумя килограммами мясных полуфабрикатов в сумке. Там же оказалась бутылка сухого вина, хлеб, а ещё Андрей нёс в левой руке пакет углей специально предназначенных для мангала.

— Порядок. Сейчас отойдём в тайгу и разведём костёрчик, — сказал он.

Они выбрали небольшую полянку, собрали сухих веток и развели костёр. Выпили по рюмке сухого вина для разговора. Ветки горели ярким пламенем, трещали и стреляли мелкими угольками. Катя впервые видела костёр, и ей всё это очень нравилось. Александр стал нанизывать куски мяса на шампуры. Сергей разжёг угли и положил их в мангал. Вскоре угли нагрелись и шампуры опустились в гнёзда. Андрей стал махать фанеркой, раздувая огонь. В воздухе разлился пряный аромат жаренных шашлыков. Юлия нарезала хлеб, Зоя расстелила газету, и все уселись вокруг «стола». Выпили ещё по рюмке, и Сергей протянул каждому его порцию шипящих, ароматных, подрумяненных кусков мяса. Саша уминал шашлык так, что сводило скулы. Вскоре все были сыты. От выпитого вина в голове у Саши слегка кружилось, и он прилёг отдохнуть. За ним последовали Сергей и Андрей. Теперь только женщины сидели у потухающего костра и разговаривали, разговаривали.

— Я слышала, вы собираетесь летом на своей машине путешествовать по Америке? — спросила Юлия.

— Да, у Андрея есть такие планы.

— Мы с Сергеем тоже частенько думаем об этом. Вика уже подросла и её можно взять с собой.

— Так давайте поедem вместе, — предложила Зоя. — Наши мужчины хорошо дружат между собой. И мы тоже можем стать подругами.

— Я не против, — согласилась Юлия. — Вместе веселее. Опять же взаимовыручка в дальней дороге не помешает.

Они поговорили о сроках, о маршруте путешествия. Потом разговор зашёл о жизни. Через час Юлия и Зоя чувствовали себя старыми знакомыми.

Первым проснулся Александр и стал играть с Катей в пятнашки. Вскоре проснулись и Сергей с Андреем. Свежий воздух, напоенный ароматами тайги, вернул всем силы, бодрость и прекрасное настроение. Солнце уже клонилось к закату.

— Неплохо вздремнули, — сказал Сергей потягиваясь. — Надо бы ещё разок искупаться и домой.

Они забрали мангал и двинулись к озеру. Искупались, сдали мангал в пункт проката и сели в машины. Через час они расстались у дома Андрея.

— Тебе понравилось, зайка? — спросил Андрей, раздеваясь в прихожей.

— Да. Это был прекрасный выходной. Жаль, что я раньше не была знакома с Юлей. Можно было давно устроить подобную вылазку на природу. А тебе, котёнок, понравилось?

— Да. Мне понравилось играть с Сашей. Я уже немного научилась плавать, — похвастала Катя. — Когда мы ещё поедем в океанариум?

— Может в следующую субботу или воскресенье, — ответил Андрей.

— Послушай, Энди, а ведь мы с тобой ещё не опробовали нашу покупку, наш виброфон. Давай устроим музыкальную ванну, — предложила Зоя.

— Давай. После солёной воды нам надо ополоснуться.

Они обмыли Катю и остались в ванной вдвоём. Андрей опустил в воду вибратор и поставил в аппарат свой любимый диск. Раздались звуки негритянского блюза и завораживающий голос Луи Армстронга. Пела сама вода, покрываясь мелкой рябью. Это был очень необычный звук. С какими-то дополнительными обертонами. Он окружал их со всех сторон. Андрей лёг в ванну и почувствовал, что звук проникает в него. Всё тело его поёт и вибрирует. Зоя легла рядом и молча наслаждалась непривычными ощущениями. Они обнялись, и Андрей почувствовал себя мужчиной.

— Давай, зайчонок, займёмся любовью!

— Только ты не очень... Как бы не повредить нашему малышу. Андрей обнял Зою и их тела соединились. Он наслаждался близостью и вибрацией тел, и в такт этим вибрациям вибрировали и пели их души. Вода в ванне звенела и колыхалась одновременно. Это был необычный концерт, концерт негритянской музыки и страсти, концерт любви и наслаждения.

Вскоре Андрей замер, тяжело дыша.

— Ой, у меня внутри какие-то толчки! — воскликнула Зоя. — Это наш ребёнок! Он ожил! Он проснулся! Энди! Это наш сын! Выключи музыку, послушай!

Андрей поднялся, выключил виброфон и прислонил ухо к животу Зои. Он тоже уловил слабые толчки.

— Прекрасно. За ужином это надо отметить! Сегодня у нас двойной праздник. Наш сын уже двигается.

Они вытерлись, вышли из ванной и сообщили Нине Васильевне, что ребёнок у Зои ожил, зашевелился.

Быстро накрыли на стол. Андрей достал коньяк.

— Твой братик уже шевелится, — сказал он Катюше. — Он растёт и с каждым днём становится всё больше и больше.

Катя подошла к маме погладила её живот, потом приложила ухо.

— Ничего не слышно.

— Он уже успокоился. В ванне на него действовала музыка. Она разбудила его.

Вскоре все сели за стол. Зоя и Нина Васильевна пили вино, а Андрей налил рюмку коньяка.

— За тебя, Зоя, и за нашего малыша, — торжественно произнёс он. — Ты самая прекрасная женщина на свете. Мне несказанно повезло, что я встретил тебя. Я счастлив с тобой, и со всеми вами, родные мои.

Потом он стал играть с Катей, а Зоя с Ниной Васильевной сидели и обсуждали свои женские проблемы.

3. Соревнования.

Наступило 25 мая. Александр шёл на свидание. Он встретился с Аней в сквере напротив её дома. Она выглядела серьёзной и озабоченной. Это и понятно. У неё начинались отборочные соревнования. Наступал очень ответственный момент в её жизни, который мог стать поворотным, с которым было связано столько надежд, тревог, волнений и ожиданий.

Сегодня вечером они с Ванечкой должны катать обязательную программу — наиболее трудную для Ани.

Саша заметил её состояние.

— Волнуешься? — спросил он.

— Не то слово. Просто трушу.

— Возьми себя в руки. Успокойся. Ты всё сумеешь.

— Хорошо бы.

— Ничего, я тебя сейчас развлеку. Пошли на аттракционы.

— Нет. Мне не до веселья.

— Ну, тогда в кафе. Потанцуем, послушаем музыку.

— Пошли.

Они зашли в кафе «Кедр», заняли свободный столик в углу и заказали мороженное. В кафе было уютно. Плотно задёрнутые шторы создавали полумрак. Зал освещали лампочки-свечи в красивых настенных бра.

— Потанцуем? — предложил Александр.

Аня встала из-за стола и обняла Сашу за плечи. Он сжал ладонями её талию и, глядя в глаза, медленно повёл по залу. Им нравилась спокойная мелодичная музыка. В углу зала Александр поцеловал Аню, она ответила ему поцелуем.

Окончился один танец и начался другой, третий. Аня танцевала, но была как-то скована, что-то мучило её. Наконец она произнесла, глядя в пол:

— Ты знаешь, что перед соревнованиями необходимо выйти на пик спортивной формы, быть готовой к рекорду.

— Знаю.

— Так вот, я думаю, что не всё ещё сделала для этого. Есть ещё одна возможность улучшить...

Саша пожал плечами. — Какая уж тут возможность, когда до соревнований осталась пара часов? Ты уже сделала главное — выкидыш. Больше тебе ничто не поможет.

И он замолчал, нервно покусывая губу.

— Не надо, не упрекай меня. Мне нельзя расстраиваться.

— Да ты и так уже вся расстроенная вконец... Так что ты предлагаешь? Теперь тебе может помочь только допинг.

— Вот именно! — выдохнула Аня.

— Хм, но где же его взять? У меня нет таких таблеток. Они мне ни к чему.

— Это не таблетки, ты не понял. Это твои мужские гормоны, — смущённо произнесла Аня, — андрогены, понимаешь?

Теперь смутился Саша. — С такими просьбами обращай к своему Ванечке, — резко ответил он и остановился посреди зала.

— Но ему нельзя. У него тоже соревнования. Он должен беречь свою мужскую силу.

— Так ты хочешь... чтобы это сделал я? — спросил Александр. Ему стало как-то не по себе от такого разговора.

Аня опустила глаза, потом тихо произнесла. — Да... Ты извини. Я, наверное, говорю не то. Это всё не главное. Главное то, что мы скоро, наверно, расстанемся. Расстанемся навсегда, если я выиграю... Второй тур отборочных в Красноярске. А там Москва...

— А ты не выигрывай, — зло сказал Александр.

— Издеваешься?

Ему стало неудобно за свой срыв. Он знал, что спорт для Ани — всё. Она не остановится ни перед чем, чтобы победить. И он не сможет удержать её. Он понял, что если оттолкнёт её сейчас, то никогда не простит себе этого.

— Извини, но я не представляю, где и как мы сможем это?..

— Я тоже, — призналась Аня. — Я думала, что ты придумаешь что-нибудь... Ты же мужчина...

— Ладно, надо подумать...

— Думай быстрее.

Они сели за столик.

— Жди меня возле кафе, я сейчас, — сказал Александр и, вскочив с кресла, скрылся за дверью.

Он прибежал домой, схватил велосипед и умчался, сказав Юле, что будет на соревновании фигуристов и придёт не скоро. Аня ждала его возле кафе.

— Садись сюда.

Аня послушно села на багажник.

Через десять минут они выехали на окраину Найска и помчались в сторону ущелья Белёк. Вскоре асфальт закончился, и началась узенькая тропинка идущая вдоль распадка. Когда-то зимой здесь была отличная лыжня, а сейчас колёса велосипеда увязали во влажной почве после вчерашнего дождя. Ехать стало труднее. Александр перешёл на вторую передачу и отчаянно крутил педали. Они проехали с километр, и Аня не выдержала.

— Куда ты меня везёшь?!

— Я знаю куда. Скоро приедем.

— Зачем так далеко? Неужели нет места поближе?

— В кустах что ли?

Аня промолчала. Она держалась за Сашу и смотрела по сторонам. Нежная зелень лезла отовсюду. Кусты уже распустились, и свежая трава покрыла всё чистым зелёным ковром. На пригорках цвела мать-и-мачеха, а на влажных полянках разливалось море светло-голубых подснежников. Птицы без умолку щебетали вокруг, и яркое тёплое солнце заливало окрестные склоны. К полудню воздух прогрелся до двадцати градусов, и Саша вспотел, крутя педали.

Наконец впереди показался большой камень. Тропинка повернула влево, и Александр остановился тяжело дыша.

— Слезай, приехали.

Аня ступила на мягкую влажную землю, от которой шёл пар.

— Пошли туда, за камень. С той стороны он пологий и тёплый.

Она покорно двинулась за Сашей. Место ей понравилось.

— Раздевайся, позагораем немного.

И он первым скинул рубашку и майку. Затем снял брюки и остался в облегающих белых трусиках. Постелив одежду на камень, Александр лёг на спину, подставив грудь солнцу.

Аня стала неторопливо раздеваться, украдкой поглядывая на Сашу, на его красивую спортивную фигуру, на рельефные мышцы и на трусы, за которыми чётко проступали очертания мужского начала. Он смотрел на неё, прищурив глаза. Казалось, что он закрыл их, но Александр всё видел сквозь опущенные ресницы.

Вскоре Аня осталась в одном узеньком бюстгалтере и тонких ажурных трусиках.

— Ложись рядом, — предложил Александр.

Она легла. Тёплое солнце приятно согревало кожу, нежный ветерок обдувал её. Он повернулся к ней и обнял. Поцеловал, ещё не веря, что это Аня и что сейчас она станет его. Теперь он слышал только щебет птиц, видел её глаза, её губы, её лицо совсем близко, и не видел страха в её глазах. Она смотрела нежно,

доверчиво, чуть улыбаясь, и это придало ему уверенность. Он просунул ладони ей за спину и расстегнул лифчик. Осторожно снял его. Отстранился, любуясь её нежной девичьей грудью. Потом опустил и отложил в сторону её ажурные трусики. Теперь она лежала перед ним обнажённая, беззащитная, юная. Александр не мог оторвать глаз от её стройного тела.

Потом он приблизился и опустился на неё, сгрёб в охапку и стал безудержно целовать лицо, шею, губы. Он прижался грудью к её груди, и она почувствовала, как в её тело вошла его упругая мужская плоть. Аня обняла его спину и слилась с ним в единое целое. Быстрые, бурные, страстные движения охватили тело Саши.

Это продолжалось несколько минут. Потом Александр затрепетал, замер, но не покинул её. Он начал медленно, нежно целовать её губы, её глаза, гладить волосы. Ей нравились эти нежные, тихие ласки. Руки его гладили её плечи, грудь его лежала на её груди и глубоко дышала. Она чувствовала, что он не хочет расставаться с её лоном. Ей тоже были приятны эти минуты. Она поцеловала Сашу, потом крепко обняла, прижала к себе.

— Нам пора, Сашенька, милый.

— Подожди. Ещё есть время. Скоро я буду снова готов.

И он вновь начал медленные ритмичные движения. Они были приятны, но слишком осторожны. И всё же, с каждой минутой они всё больше тревожили её сердце. Хотелось лежать и лежать так вечно, ощущая в себе это тёплое мужское естество.

Но вот движения Саши ускорились, и Аня стала задыхаться.

— Ааа... мама... мамочка... ааа!.. ааа!..

Саша понял, что достиг цели. Это был оргазм. В первый раз у него не получилось. Он кончил раньше задуманного. Слишком уж возбудили его её объятия. Но теперь он наверстал упущенное с лихвой. Он и сам купался в счастье обладания любимой. Однако теперь стоило чуть-чуть «притормозить». Он замедлил движения, и Аня понемногу успокоилась. Тогда он снова увеличил «обороты» и опять услышал сладкие стоны.

— А! мамочка... я умираю! Аа... ааа... аааа...

Александр чувствовал, как трепещет тело Ани, какой страстью наполнены её ответные движения. Ещё, ещё, ещё!

«Тебе нужны мои гормоны, — думал он, — на, получай! на, на, на!» Последние усилия и вот долгожданное облегчение. Александр замер, отдавая Ане остатки своих андрогенов. Потом минуты три отдыхал. Наконец отстранился. Аня лежала перед ним немая, ошеломлённая, плохо понимающая происходящее. Такого с ней ещё не было. То, что было у них с Ванечкой не шло ни в какое сравнение с тем, что она испытала сейчас. Это поразило её. Заслонило все мысли и чувства. Она забыла про соревнования, про время.

— Одевайся, нам надо спешить, — сказал Александр, натягивая брюки.

— Что это было?.. Я, кажется, потеряла сознание...

— Обыкновенный оргазм. Ты ещё девочка, если не знаешь этого. А твой Ванечка просто болван! Он ничего не умеет кроме своих коньков.

Только теперь Аня вспомнила про секцию, про соревнования.

— Ой! Сколько времени? Мы же опаздываем! Мне надо заехать ещё домой за костюмом и коньками.

— Одевайся. Я уже готов.

Обратно ехали быстрее, так как дорога шла под уклон.

— Где ты научился так фалить? — спросила Аня, сидя на багажнике. — Это твоя «сестра» тебя научила?

— Я и сам способный. Чего меня учить? — самодовольно ответил Александр.

— Врёшь. Это она. Останови велосипед, я пойду пешком.

— Не дури. Мы же опаздываем.

Этот довод образумил Аню, и она замолчала.

Они подъехали к её дому, и она скрылась в подъезде. Через пару минут вышла со спортивной сумкой через плечо.

— Подвези меня к зимнему стадиону. Времени уже в обрез.

Метров за сто она соскочила с велосипеда.

— Ты поезжай. Я не хочу, чтобы нас видели вместе.

Александр подъехал к стадиону один и прошёл на зрительские трибуны.

В раздевалке Аню встретил Ванечка. Он был в элегантном чёрном костюме и белой кружевной рубашке, но выглядел встревоженным.

— Что случилось? Где ты пропала? И телефон твой не отвечает!

— Я гуляла. Дышала свежим воздухом.

— Но телефон-то могла взять?

— Зачем? Мне хотелось побыть одной.

— А ты знаешь, сколько уже времени? Когда ты будешь разминаться?

— Сейчас переоденусь и буду.

— Давай скорее. Осталось десять минут.

- Мне хватит.

— Я думал, ты уже решила не участвовать в соревнованиях.

— Может быть, я так и сделаю, если увижу что не в форме.

— Не дури. Это нервы. Возьми себя в руки.

— Я постараюсь.

Через пять минут Аня вышла на лёд в коротком красном платье с белой розой на груди. Особого прилива сил она не чувствовала, но небольшая слабость, которую она ощущала после оргазма, уже прошла. Она откатала несколько фигур и решила, что сможет выступать. Соревнования почти не волновали её. Всё пережитое так вклинилось в память, что она никак не могла отвлечься от воспоминаний.

Трибуны зимнего стадиона встретили фигуристов аплодисментами. Аня увидела своих родителей. Они заняли первый ряд, поближе к судейской бригаде.

Папа помахал ей рукой. Она ответила слегка улыбнувшись. Потом она увидела Сашу. Он тоже помахал ей, но она не ответила ему.

Диктор объявил по стадиону первую пару. Аня знала, что они с Ванечкой четвёртые. Они сидели в раздевалке, и Ваня что-то говорил ей. Она кивала головой и слушала музыку, доносившуюся с катка. Ваня вроде был и не был рядом. Она не воспринимала его. Наконец он взял её за руку и повёл на выход. Каталась третья пара. Аня увидела, как девушка упала, но быстро поднялась и продолжила танец. Затем её партнёр сделал довольно грубую ошибку. «Они не займут высокого места», — подумала Аня. — А я? Нервы были спокойны, и Аня удивлялась этому олимпийскому спокойствию. Ванечка нервничал больше её. Она с тревогой посмотрела на него. «Как бы он не подвёл» — мелькнула мысль. Но в это время объявили их пару. Аня вышла на лёд и только тут начала волноваться. Однако это не был мандраж, лишающий воли. Это было волнение перед сложным экзаменом, который был ей по силам.

Они раскланились перед публикой и застыли в ожидании музыки. Вот раздалась первые аккорды, и Ванечка повёл её по кругу, набирая скорость. Первый несложный элемент выполнили удачно. Раздались жидкие аплодисменты. Затем второй, третий. Годос, волчэк, двойной аксель, поддержка, тройной тулуп, прыжок в два оборота...

Аня крутилась как заводная, а Ванечка вёл её всё быстрее и быстрее, всё увеличивал амплитуду прыжков. Он носил её на руках, вращал, бросал на лёд. У Ани захватывало дух. Так круто они ещё не выступали. Он словно почувствовал уверенность в ней и в себе. Он работал как машина, без сбоев, и Аня заразилась его уверенностью и спокойствием. Тело работало безотказно, усталости не чувствовалось, а пошла уже вторая половина программы. Ноги слегка одеревенели, но заученно выполняли нужные движения. Самые сложные элементы уже позади. Осталось чуть-чуть. Дорожка, переход, скольжение ласточкой, сближение, вращение вдвоём, стоп. Программа окончена. Бурные аплодисменты оглушили её. Ванечка устало раскланивался. Она тоже сделала реверанс.

На лёд полетели цветы. Аня собирала их и была на вершине счастья. Это было сравнимо лишь с оргазмом, который она пережила недавно. Такого счастливого дня в её жизни ещё не было. Ванечка тоже был счастлив. Он отдал Ане подобранные цветы и обнял её, потом поцеловал улыбаясь. Он буквально сиял от гордости и, казалось, что его рыжая шевелюра вот-вот вспыхнет огнём под лучами прожекторов.

На табло появились оценки судей. Средний балл 5,6 за технику и 5,8 за артистичность. Тренер похлопал Ваню по спине, а Аню расцеловал в обе щёки.

— Молодцы. Я не ожидал от вас такого успеха.

Он был горд, что вырастил такую блестящую спортивную пару.

В раздевалке их поздравили товарищи по команде. Аня увидела девушку, которая выступала перед ними и упала. Та тихо плакала в углу. Аня подошла к ней.

— Успокойся, Рая. Это досадная случайность. Ты хорошо катаешься и обяза-

тельно победишь осенью.

Вскоре в раздевалке появился Александр.

— Привет, — сказал он бывшим его сотоварищам.

— О! Губерт! Давненько не виделись! — раздалось в ответ.

Саша подошёл к Ане и протянул руку. — Поздравляю, Ёлочка.

Она улыбнулась и пожала ему руку. Фадеев недовольно покосился на Сашу, но промолчал.

Вошёл тренер. По стадиону был объявлен перерыв.

Никак Губерт к нам пожаловал? Рад тебя видеть. Смотрел, как выступают мои подопечные?

— Да.

— Ты извини, что я тогда на тебя накричал. Сорвался. Если хочешь, приходи тренироваться. Скоро часть моих воспитанников уедет в Красноярск, в Москву, так что будет объявлен дополнительный набор в секцию. Может и тебе найдётся подружка. Ты же хотел танцами заниматься?

— Спасибо. Я подумаю, — ответил Александр.

Ему не хотелось вспоминать старые обиды и он не знал, придёт или не придёт в секцию. «Что я здесь буду делать без Ани? Конечно, есть и другие девчонки, но Аню из сердца не выкинешь. Особенно после сегодняшнего. Я сам сделал всё, чтобы потерять её, — подумал Александр. — И всё-таки приятно, что она так успешно выступила. В этом есть и моя заслуга».

— Ну, я пошёл, будь здорова, — обратился он к Ане.

— И ты будь здоров. Не забудь, что произвольная программа у меня послезавтра. Ванечка неодобрительно покосился на Аню.

— Танцуй, танцуй от сюда, Губерт. Нечего антимионии разводить.

Саша смерил его презрительным взглядом и вышел. Он понял, что послезавтра Аня снова захочет с ним встретиться, и был рад этому. Рад, что сможет наставить Ванечке рога.

4. Последний звонок.

Наступило 26 мая — последний день школьных занятий перед долгими летними каникулами. У всех ребят в классе было приподнятое настроение. Сегодня должен был раздаться последний звонок, а за ним начиналось самое прекрасное время в году. Только Аня была грустна. Изредка она поглядывала на Сашу, но не решалась подойти. Она ждала, когда он сам подойдёт к ней. В память врезался вчерашний день, их близость после которой в душе у неё всё перевернулось. Она

стала другой, она готова была бежать за Сашей хоть на край света. Умом она понимала, что ничего особенного не произошло — обычная близость между парнем и девушкой, что Саша каким был, таким и остался, но сердце её страстно рвалось к нему.

Наконец Александр тоже обратил на неё внимание. Их взгляды встретились, и они подумали об одном и том же.

— Ты как сегодня? — спросил он на перемене. — Свободна?

Аня кивнула. — У меня с четырёх до шести генеральная репетиция, но до четырёх у нас есть время. А завтра у меня произвольная программа. Ты готов помочь мне?

Александр усмехнулся. — Всегда готов! — озорно ответил он, отдав пионерский салют. Аня слегка смутилась.

Последние два урока пролетели быстро. Уже никого не спрашивали, а повторяли пройденный материал, и все мысли Саши были заняты предстоящим свиданием.

Наконец прозвенел последний звонок. Ребята встретили его громким радостным «ура!». Все кинулись обниматься, поздравлять друг друга с переходом в одиннадцатый класс. Яна подбежала к Ане и расцеловала её.

— Ёлочка, поздравляю, как здорово! Уже каникулы! — И она ещё раз звонко чмокнула подругу. — Ты что, не рада?

Аня слегка улыбнулась. — Рада, рада, но у меня завтра соревнования.

— Пустяки. Ты выиграешь, обязательно выиграешь! Ты же прекрасно катаешься! И твой Ванечка — просто прелесть! Вы такая пара, такая пара!

Они возвращались из школы, как всегда втроём и Яна всё успокаивала и ободряла Аню. У подъезда они расстались, но Саша шепнул Ане. — Выходи минут через тридцать.

Он сбежал домой, перекусил и вернулся обратно на велосипеде.

— Садись, поехали!

— Туда же? — робко спросила Аня.

— Нет. Сначала заедем на стройку, а там видно будет. Ты же ещё не видала нашего строительства?

— Я была там с Ванечкой, но внутрь нас не пустили.

— А со мной везде пустят.

— Ух, какой ты важный!

Аня уселась на багажник, и они помчались на окраину Найска. У вагончика Саймонса Александр остановился.

— Постой здесь, я сейчас. — И он скрылся за дверью.

В вагончике была одна Таня.

— Привет...

— Привет.

— А где Саймонс, Костя?

- Костя пропал, а Джефри занят его поисками.
- Как пропал?
- Так. Ещё вчера. Сказал, что пойдёт в город, прогуляется, и исчез. Мы прождали его до двенадцати ночи, а потом сообщили в детский дом, что он не пришёл ночевать.
- Может, он загулял где? Нашёл себе подружку и развлекается...
- Сколько же можно? Мог бы и позвонить.
- Это верно...
- Саймонс сейчас уехал в милицию. Хочет, чтобы организовали розыск.
- Постой..., а последний аэровоз когда улетел?
- Вчера в двенадцать.
- А Костя когда отпросился в город?
- В десять.
- И с тех пор его не видели?
- Нет.
- А у охраны узнавали, выходил он или нет и во сколько?
- Саймонс интересовался, но охрана не помнит, чтобы он проходил.
- Странно... Ну, тогда я пошёл...
- Александр вышел из вагончика и сел на велосипед.
- Всё в порядке? — спросила Аня.
- Да... Вот только Костя пропал куда-то.
- Какой Костя?
- Да мой детдомовский приятель. Он тут на стройке работает, а живёт у Саймонса.
- И куда же он мог подеваться?
- А бог его знает... Он мог и в Америку удрать на аэровозе. В последнее время его посещали такие идеи.
- А в больницу, в милицию звонили, может какое ДТП?
- Саймонс сейчас занимается поисками.
- Но, если он удрал в Америку, то его должны обнаружить. Кушать то ему надо!
- Хрен его знает... Он маленький, хитрый. Зашхерился где-нибудь и сухари грызёт. На аэровозе есть, где спрятаться.
- Они въехали в распахнутые ворота опорного кольца и оказались под куполом. Александр увидел, что установлено уже пять тридцатиградусных сегментов. Вверху, на огромной высоте работали монтажники. Среди них были и Сергей с Андреем. Они опустились ниже всех и были ближе всех к ребятам. Александр помахал им рукой, но они его не заметили.
- О, как тут здорово, — сказала Аня. — И мачта такая высокая... Кажется, что она упирается в небо. Она напоминает мне сказочное дерево, у которого короткие ветки оканчиваются гигантскими листьями-площадками.

Они поднялись по одной из трёх лап-опор и оказались над бассейном с чистой прозрачной водой.

— Это не бассейн, а целый пруд, выложенный кафелем. И форма у него как у пруда, — заметила Аня. — Хочется раздеться и прыгнуть в него с высоты.

— Вода ещё холодная. Когда включают подогрев, тогда попрыгаем.

— Это ты попрыгаешь... Я буду прыгать в Москве, — с грустью произнесла она.

— А ты провали произвольную программу и останешься здесь.

— Издеваешься? — с грустной усмешкой спросила Аня.

Они поднялись наверх мачты-опоры и осмотрели общину с высоты птичьего полёта. Потом целовались в лифте, пока спускались вниз.

— Так, где мы сможем с тобой уединиться? — робко спросила Аня.

— Да где угодно, — ответил Александр. — Вон стоит одноэтажный домик на берегу бассейна. По плану это сауна с бассейном, но я называю его «мон-плизер», что в переводе с французского означает «моё удовольствие». Он будет очень красив, когда его закончат.

— Но там, кажется, работают строители...

— Да, верно... Ну, тогда мы можем зайти в любую квартиру. Их здесь 250 и все они пустые. Пошли?

— Нет, я не хочу в квартиру без мебели, без удобств. Лучше куда-нибудь на природу. Сейчас так хорошо на улице.

— Тогда поехали.

Они сели на велосипед и поехали в ущелье.

— Опять к камню? — спросила Аня.

— Не знаю. Я просто еду. А давай заберёмся на тот холм?

Аня согласилась, и Александр свернул налево.

Через несколько минут они были на холме поросшим редким кустарником. Левее были склоны хребта, правее ручей, протекавший по дну ущелья Белёк. В ущелье не было ни души. С холма было отлично видно всё строительство и всю красоту природы окружавшей их. Солнце ярко освещало живописную долину, и подростки залюбовались ландшафтом. Потом Александр обнял и поцеловал Аню.

— Давай, Ёлочка, согрешим? Место подходящее...

— Нет, Сашенька, надо подождать, милый. Соревнования завтра. Тебе надо беречь свою мужскую силу. Сегодня только поцелуй.

И она впиалась губами в Сашины губы. Потом повалила его на землю, и они замерли в объятиях друг друга... Это продолжалось целую вечность. Наконец, оба встали румяные, слегка помятые, но довольные.

— Фу, жарко, — признался Александр. — Надо было раздеться.

— Тогда мне было бы трудно удержать тебя. Ты такой сексуальный... как кролик.

— А давай добежим до вершины хребта. Там начинается Медвежья падь. Я слышал, что в ней идёт строительство стометрового трамплина.

— Давай.

И они пустились бегом вверх по склону.

Минут через пять, запыхавшись, они достигли вершины, и их взору предстала огромная долина, горнолыжная трасса, где они катались зимой, подвесная канатная дорога. И на всём этом пространстве кружили дельтапланеристы. Теперь только они пользовались подъёмником, и смело кидались вниз с того места, где зимой стартовали лыжники. Дельтапланы были разноцветные красивые. Они плавно и беззвучно парили в вышине, уходили сперва правее, потом возвращались, делали круг и опускались в долину. Вот один оранжевый дельтаплан пролетел совсем рядом над склоном, и парень помахал им рукой.

— Хорошо им, — произнесла Аня. — Я бы тоже хотела так же, но коньки и бассейн отнимают всё время.

Саша вздохнул и перевёл взгляд правее. В стороне от горнолыжной трассы он заметил двух гигантских универсальных роботов. Они по пояс возвышались над густым лесным покровом.

— Глянь-ка, вон видишь двух роботов? Это, наверно, они готовят склон под стометровый трамплин.

Аня посмотрела в указанном направлении. Она увидела, как один из роботов нагнулся и с корнем выдернул дерево. Потом взялся за второе и выдернул тоже. Затем он стукнул оба дерева корнями друг о друга, и с них полетели тонны земли. Стукнул ещё и ещё раз, пока корни не оголились. Потом он бросил деревья другому роботу. У того в правой руке была небольшая электрическая пила, вроде ножовки. Робот подошёл к брошенному дереву и стал отпиливать сучья. Пилил легко и быстро. Секунда, и здоровый сук падал на землю. Пять секунд, и корень отлетел от комля. Пять минут, и голый ствол ложился в штабель неподалёку. Вскоре подкатил грузовик с прицепом и остановился внизу, метрах в ста от первого робота. Тот быстро загрузил его, беря в охапку сразу по пять тонн брёвен. Грузовик фыркнул, развернулся и повёз груз по разбитой колее.

— А куда они сучья девают? — спросила Аня.

В это время второй робот сгрёб все сучья и стал топтать их ногами. Затем перевернул и снова утоптал. Потом взял канат и связал вязанку, которая с трудом уместилась на следующем прицепе.

— Теперь ясно, — сказала Аня.

В это время первый робот концом ботинка разравнивал землю, засыпая ямы от корней деревьев.

— Здорово у них получается, — произнёс Саша. — Этак они за неделю весь склон очистят.

— А что делать с корнями? — спросила Аня.

— И корни увезут. Всё пойдёт в дело. В мешок какой-нибудь затолкают и на грузовик.

— А мешок величиной с небольшой домик, — засмеялась Аня, и её смех колокольчиком зазвенел в ушах Саши.

Он взглянул на неё. Ему хорошо был знаком этот «колокольчик». Не раз, возвращаясь из школы, он шутил и рассказывал анекдоты только затем, чтобы услышать этот звонкий смех.

Аня взглянула на часы.

— Нам пора. Поехали.

Они спустились с хребта, сели на велосипед и порулили в город. По пути Саша заехал в общину.

— Как Костя, нашёлся?

— Нет, — ответил Саймонс. — А у тебя нет никаких предположений?

— Думаю, что он удрал в Америку. Ведь он исчез незадолго до отлёта аэровоза?

— Мне тоже приходила в голову эта мысль. Я связался с экипажем и попросил поискать его. Несладко ему придётся на большой высоте. Он может замёрзнуть, простудиться.

— А они вернуться назад, если найдут его?

— Вряд ли... Аэровоз уже далеко. Ветер попутный и они летят почти не тратя топлива. Посадка у них не запланирована. Так, что опустятся только в Калифорнии.

— Значит, обратно его вернут с очередным аэровозом?

— Видимо так...

— Ну ладно, тогда пока.

— Будь, — ответил удручённый Саймонс.

Возле дома Ани Саша остановился.

— Без двадцати четыре. Может тебя к зимнему стадиону подвезти?

— Не надо, успею. На тренировку можно и опоздать немного.

— Твой Ванечка будет нервничать.

— Ничего, ему полезно. У него нервы как верёвки.

— Тогда пока.

— Давай завтра пораньше встретимся. Соревнования в четыре, так что часиков в двенадцать, ладно? — предложила Аня.

— Хорошо, — кивнул Саша. — Я заеду. Пока.

И они расстались.

5. Финальный аккорд.

На следующий день в 12 Александр был у дома Ани. Она уже ждала его у подъезда.

— Привет, — сказал он, останавливаясь, — волнуешься?

— Конечно. Но не так, как в прошлый раз. Тогда я страшно трусила, а сегодня чувствую, что всё будет нормально. Главное, что ты рядом. Это меня успокаивает.

— Тогда поехали. Я тут захватил поесть и попить. Перекусим на природе.

Аня уселась на багажник, и они двинулись в сторону стройки.

— Хочу заехать, узнать про Костю, — пояснил Саша.

Вскоре они остановились недалеко от вагончика. Саймонс стоял рядом и разговаривал с прорабом Гришей.

— Почему не монтируете четвёртый стык?

— Монтажник заболел.

— Найди замену. Сам поработай за него. Надо сдать общину во время.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю.

Александр подошёл к Джефри. — Что нового на счёт Кости?

— Нашёлся твой Костя. На аэровозе объявился. Сутки прятался, а потом сам выполз. В туалет захотел. Оказывается, он между топливными элементами отсиживался. Там тепло и прятаться удобно. Ночью то он вылезал потихоньку, а днём его засекли.

— И что теперь?

— Да ничего. Его там пожалели бедного-несчастливого, накормили, поселили в каюте. В общем, летит в Америку. Так, что теперь ещё пять дней туда, потом неделю обратно, чёрт бы его побрал!

— Ничего. Главное, что нашёлся. Жив и здоров.

— Да. Это верно.

Они постояли ещё минут пять, посмотрели на работу монтажников, потом Саша распрощался с Саймонсом, и они с Аней продолжили путешествие.

— Куда сегодня поедет? — спросил Александр.

— Давай к ручью. Он весь зарос кустами. Там тихо и никого нет. Саша оставил велосипед в километре от общины, в тихом ущелье Белёк. Навстречу им попала только одна влюблённая парочка. Узкая тропинка дальше шла вверх по правому склону, а они спешили и свернули налево. Яркое светило солнце, птицы на все голоса заливались в кустах вербы.

Саша и Аня шли по высокой несмятой траве и чувствовали себя в джунглях. Вскоре послышался шум ручья. Он протекал метрах в ста от тропинки. Они облюбовали небольшую полянку между высокими кустами, мыском вдававшуюся в ручей.

— Мне здесь нравится, — сказала Аня и подошла к воде.

Чистая, прозрачная, она тихо журчала, перекатываясь через небольшие камешки и песок, устилавшие дно. Глубина была не более полуметра и каждая песчинка на дне была отчётливо видна. Саша наклонился, зачерпнул горсть воды и напился. Потом озорно брызнул Ане в лицо. Она погналась за ним и поймала его около вербы. Они вместе упали на траву и покатались, смеясь и целуя друг друга.

— Давай позагорает, — предложил Александр.

Они сняли верхнюю одежду и, постелив её, разлеглись под тёплыми ласковыми лучами. Потом Александр осторожно снял с Ани бюстгальтер и трусики.

— Разденься и ты, — предложила она.

Саша скинул трусы и предстал перед ней во всём своём мужском великолепии.

— Какой ты стройный, красивый, мужественный, — произнесла она не в силах оторвать глаз от его обнажённой фигуры.

— А Ванечку таким ты видела?

— Нет... Ты же знаешь, где и как у нас всё это происходило...

Александр опустился на колени, возле её бёдер, сорвал травинку, на конце которой был чуть раскрывшийся бутончик и стал водить ею по шее, по грудям Ани. Она смотрела ему в глаза и улыбалась. Он заметил, как набухли и заострились её соски. Затем он провёл травинкой по животу, и Аня тихо засмеялась.

— Щекотно... перестань...

Тогда он переместил стебелёк ниже и вошёл между лонных губ. Аня шумно задышала и развела бёдра. Он повторил, и Аня задышала ещё сильнее. Глаза её закрылись, а рот приоткрылся. Александр стал водить зацветающий стебелёк взад-вперёд, а Аня изнемогала от сладкой неги.

Наконец и ему стало трудно воздерживаться, и он решительно овладел своей подругой. Губы его впилась в приоткрытый рот Ани. Руки его сдавили её плечи и начались бурные ласки, поцелуи, крепкие объятия. Аня гладила и сжимала спину Саши, прижимала к себе его лохматую голову и страстно целовала.

— Милый мой, сладкий мой, Сашенька! Мальчик мой! Как хорошо мне с тобой! Какой ты нежный, ласковый... Как я люблю тебя!

А Саша сдерживался из последних сил. Ему было хорошо в объятиях Ани. Наконец судорожные движения охватили его тело. Аня застонала. Блаженство помutilo её разум. Всё исчезло вокруг, был только Саша: был в её теле, в её душе, в её руках. Он разбил её сердце, сломал волю и парализовал стыдливость.

Но вот Александр затих, тяжело дыша. Ему хотелось лежать и лежать так вечно, не двигаясь. Ласковое солнце согревало спину, жгло ягодицы, и это было приятно. Аня постепенно пришла в себя. Она поцеловала Сашу, погладила спину, плечи, волосы. Александр зашевелился, сполз на бок и лёг на спину, зажмурившись под яркими лучами.

Они отдыхали минут пять, потом Аня встала и направилась к ручью. Александр наблюдал за ней из под опущенных ресниц.

— Ой, какая холодная вода! — воскликнула она.

— Осторожно, не застудись.

— Я чуть-чуть.

Александр встал и подошёл к ручью, потрогал воду ногой.

— Градусов 13 будет. Нормально. — И он смело шагнул в ручей.

Аня озорно обрызгала его.

— Ах, так! Ну, Ёлка, погоди! Получишь у меня! — И Александр пустился за нею.

Минут пять они гонялись по зелёной траве между кустами, потом Саша поймал Аню и повалил на траву.

— Сейчас ты у меня попляшешь!

Но у него ничего не получилось. Он не накопил ещё мужской силы. Они боролись и целовались, смеялись и обнимались. Наконец, усталые разлеглись на своей одежде и отдались тёплым лучам весеннего солнца. Александр дремал, а Аня думала.

«Что такое любовь? Почему Саша стал так дорог мне? Конечно, он и раньше мне нравился, но я не воспринимала его как мужчину. Настоящим мужчиной я считала Ванечку. А теперь вдруг он, Сашка, затмил всех школьных парней, да так, что даже Ванечка померк, растворился в сознании. Почему так бывает? Сначала парень просто нравится, потом как-то выделяется из всех, становится ближе и вдруг появляется любовь, нежность, страсть. Она постепенно захватывает и вот он уже единственный, родной, близкий. Как жаль, что это последнее наше свидание. Жаль, что мы не успели вдоволь наобниматься, нацеловаться, налюбоваться».

Она села и стала смотреть на Сашу, на его красивую мужскую фигуру, на его солидные мужские органы. А он лежал, прикрыв глаза, и наблюдал за нею. Вот Аня стала кончиками пальцев нежно перебирать густые чёрные волосы на лобке, потом коснулась ствола пениса. Александр не мешал ей. Ему нравились эти нежные ласковые прикосновения. Затем Аня потрогала яички. Её тонкие пальчики приятно щекотали их, и Александр ощутил прилив желания. Оно разрасталось с каждой минутой. Аня же с интересом наблюдала за эрекцией и это поразило её. Она опустила на грудь Саши и стала тереться. Он обнял её и опрокинул на спину. Ветка вербы коснулась его ягодич, и от этого нежного прикосновения по ногам пробежали мурашки. Влюблённые слились в объятиях. Александр протянул руку и надломил ветку. Теперь она легла между ягодич своими нежными зелёными листочками. словно ток пробежал по жилам. Это были новые, непривычные и очень приятные ощущения. Александр замер на мгновение, а затем обрушил на Аню всю силу своей страсти. Она закрыла глаза и безраздельно отдалась блаженству.

Вскоре голова её стала беспорядочно метаться по траве, волосы рассыпались, стоны вырывались из груди и волны оргазма прокатывались одна за другой. Она

трепетала, а Саша, не замечая ничего, как демон неистовствовал в её теле. Прошло минут десять прежде, чем он почувствовал, что конец близок. Его руки судорожно сдавили хрупкие плечи девушки, голова уткнулась в тонкие волосы, а приоткрытый рот издал стон облегчения, извещая, что парень достиг наивысшего блаженства. Тело его замерло, он ослабел и обмяк, сражённый сладострастием.

Потом они снова легли на сбившуюся одежду и молча отдались лучам яркого солнца. Полежав минут десять, Александр встал, спустился к ручью, помылся и облил тело холодной водой. Это хорошо освежило его. Ане же не хотелось двигаться. Она забыла про соревнования, про Ванечку, про школу олимпийского резерва в Москве. Сейчас для неё было важно только то, что произошло с ней и что будет дальше. Она почти ни о чём не думала, она была просто ошеломлена тем морем эмоций, которое обрушилось на неё благодаря Саше.

«Остаться бы с ним на ночь, отвести душу, а там и за Ванечку можно выйти. Мне бы одной ночи с ним хватило на всю жизнь», — думала Аня, ожидая Сашу.

Он пришёл весь мокрый, и плюхнулся на живот. На теле его блестели капельки воды.

— Хорошо освежиться после тяжёлой работы, — пошутил он. — А сколько времени?

— Третий час.

— Пора подкрепиться.

Александр достал из сумки запечённого в фольге цыплёнка, пару солёных огурчиков, хлеб с маслом и бутылку «Байкала».

— Садись, не стесняйся, будь как дома.

Они разорвали цыплёнка пополам и с аппетитом принялись уплетать ароматные куски, закусывая огурчиком и запивая тонизирующим «Байкалом».

— Как настроение? — спросил Александр.

— Отличное. Я в жизни не была так счастлива, как сегодня. А ты доволен мною?

— Конечно, ты давно мне нравишься. Вот только Ванечка мешал. Ты могла бы забеременеть и от меня, если бы не он.

— Да. Я сделала глупость, но что теперь говорить? Не надо о грустном.

Они завернули кости в фольгу и снова разлеглись на тёплом белье.

Аня сорвала веточку вербы и стала водить ею по груди, по животу Саши. Он лежал, положив руки за голову, раскинув ноги, и наслаждался. Она пощекотала его яички. Александр перехватил ветку.

— Не надо, не мешай. Я хочу отдохнуть. — И он закрыл лицо майкой. Аня передвинулась в тень, к ногам Саши и стала рассматривать, изучать его фигуру, его мышцы, его нежную, слегка загоревшую кожу.

Прошло минут тридцать, но Ане спать не хотелось. Рядом с Сашей она не могла думать ни о чём кроме него.

«Интересно, крепко он спит или нет? Как мне хочется поцеловать его пенис».

Аня осторожно заползла между ног Саши и коснулась губами ствола. Потом стала ласкать языком слегка приоткрывшуюся головку. Александр проснулся, но не подал вида. Волосы Ани приятно щекотали его бёдра, а губы жадно ласкали уже твердеющую плоть.

Александр потерял ощущение времени. Руки его впились в плечи Ани, голова запрокинулась назад, и весь он изнемогал от сладострастия. Потом затрепетал и выплеснул всё, что в нём ещё оставалось. Аня тихо заскулила, разжала губы и выпустила фаллос.

— Фуу... Классный минет! — произнёс Александр, — Ты достала меня! Я балдел как турецкий султан!

Аня не отвечала, голова её стала подёргиваться, и он услышал тихие всхлипывания.

— Чего ты?

- Не хочу с тобой расставаться. Не могу. Давай пробудем здесь до вечера. Чёрт с ними с коньками. — И она принялась целовать живот, грудь и плечи Саши.

— Перестань! Ты что говоришь? Опомнись. Столько труда, столько сил потрачено ради этих коньков! Да у тебя в кармане первое место!

— Зачем оно мне, если не будет тебя?!

— Но жила же ты без меня. Проживёшь и дальше. Всё это так, баловство.

— Нет. У меня всё это очень серьёзно. Я хочу стать твоей женой, или любовницей. Мне всё равно кем, лишь бы ты был со мной. Ты мой Ромео, а я твоя Джульетта. Я умру без тебя.

— Брось, успокойся. Я самый обыкновенный парень. Я тоже люблю тебя, но у меня есть девушка и у неё будет ребёнок. Мы поссорились временно.

— Я знаю. Я не виню тебя. Я буду твоей второй женой.

— Но у меня нет ещё и первой! Да и не собираюсь я жениться. Может, когда вырасту...

— О, господи! Ну почему всё так несправедливо на свете?! Я люблю тебя, ты любишь Женю, Ванечка любит меня!

— Твой Ванечка лучше меня и старше. Вы хорошая пара. Ему только опыта надо набраться в любовных делах. Ты будешь счастлива с ним.

— Не знаю... Я ничего не знаю... Я полюбила тебя...

— Успокойся, возьми себя в руки. Я просто хотел доставить тебе удовольствие. Я не думал кружить тебе голову. Ты же умеешь мыслить трезво. Подумай, ведь я прав.

Полежав немного и поплакав, Аня успокоилась и отстранилась.

— Пошли, помоемся, да надо собираться, — предложил Александр.

— Не знаю, у меня какая-то слабость, апатия, как я буду выступать?

— Это пройдёт. Это от солнца. Мы немного перегрелись.

Они вымылись в ручье и оделись.

В начале четвёртого Саша расстался с Аней возле её дома, чтобы встретиться уже на зимнем стадионе.

В четыре он был на трибуне, в первом ряду. В руке у Саши был букет роз. Аня и Ванечка выступали шестыми. Александр залюбовался её черным кружевным платьем, через которое просвечивала стройная, до боли знакомая фигурка. Ванечка был в красной куртке тореадора и черных брюках с бахромой. В теле его чувствовалась мужская красота и сила. Зазвучала увертюра к опере Бизе «Кармен» и Ванечка быстро повёл Аню по кругу. Выступали они красиво. Не только отличная техника, но и музыкальность, грация исполнителей вызвали восторг зрителей. На лёд полетели цветы. Аня собирала их и когда подъехала к Саше, он через барьер протянул ей свой букет. Она взяла его и поцеловала Сашу.

— Я выступала для тебя. Прощай.

Все оценки были высокими. Первое место по сумме двух программ было присуждено Ивану Фадееву и Ане Ёлкиной.

А через день, 29 мая, Саша стоял на перроне и взглядом провожал уезжающих в Красноярск фигуристов. Им предстояли соревнования на первенство края. Лучшие из них должны уехать в Москву, в сборную олимпийского резерва.

Вскоре в толпе отъезжающих он заметил Аню. Она шла рядом с Ванечкой. С ними были ещё фигуристы, занявшие вторые и третьи места. Аня всё время оглядывалась. Позади шли её родители и родственники других ребят. Вот все остановились у вагона и стали прощаться. Затем тренер пригласил ребят в вагон. Саша стал наблюдать за окнами и вскоре увидел купе, в которое села Аня. Она села у окна и помахала родителям рукой. Они остановились рядом. Подошли родители Ванечки. Александр незаметно встал сзади. Аня увидела его и замерла. Потом приложила руку к губам и послала воздушный поцелуй. Поезд тронулся и вскоре вагон унёс её в новую неизведанную жизнь.

Глава XII.

1. Пустота.

Начавшиеся летние каникулы не принесли Саше ожидаемой радости. Неожиданно он оказался один, без друзей. Ему хотелось позвонить Валере, увидеть Женю, но он боялся, что трубку возьмёт Георгий Евгеньевич или Рита и станут задавать неприятные ему вопросы или отчитывать его. Не было больше Ани, и даже Костя удрал в Америку. Александр вспоминал всех, кто был ему близок, но не нашёл никого с кем можно было бы дружить и проводить время. Единственный с кем он поддерживал хорошие отношения, был дедушка, но он всё ещё находился в клинике. Саша навещал его, но это не вносило существенного разнообразия в его жизнь. А ещё были Сергей и Юля. Но это были домашние друзья, привычные, незаметные, постоянно занятые житейскими заботами. Сергей готовился к защите диплома и работал на стройке, а Юля хлопотала по хозяйству, нянчила Вику. И потом, они были гораздо старше его, в другой возрастной категории.

По утрам Александр бегал с Сергеем на физзарядку, и этого было достаточно для поддержания хороших отношений. Потом он садился за компьютер и лазил по Интернету, выискивая интересную информацию. Иногда просиживал часа два — три за компьютерными играми, но это тоже надоедало. Тогда Александр брал велосипед и отправлялся на горнолыжную трассу, где часа два гонял вверх и вниз пока не изматывал себя вконец. Дважды посетил школьный бассейн, там пообщался с Валерой, но на каникулы бассейн закрыли.

Так проходили день за днём, и радости от каникул Александр не испытывал. Наоборот, всё больше тяготился ими. 30-го мая он даже

пришёл в школу, чтобы повидать своих «хвостатых» одноклассников, которые остались сдавать зачёты.

Сегодня, в последний день мая, Александр решил после обеда съездить с Сергеем на стройку. С ними решила прокатиться и Юля. Они взяли Вику и уехали в Серёгину «Самару». Вчера улетел очередной аэровоз, и сегодня нужно было продолжить работы по монтажу купола.

По пути заехали за Андреем и через десять минут остановились возле опорного кольца.

— О, как тут красиво, — восхищённо сказала Юля. — Фасад уже отделали, да и купол смотрится по-другому.

Неподалёку строители устанавливали ажурную решётку, отделявшую наружные дворики от опорного кольца. Во дворики завезли свежую землю и бульдозер разравнивал газоны.

Сергей взял Вику на руки и прошёл в ворота, приветливо кивнув охраннику. За ним прошли остальные.

Внутренность королевства также приятно удивила Юлю. Она увидела бассейн, дорожки, горбатые мостки через ручей, замысловатые газоны с кустиками и молодыми экзотическим деревьями — пальмами, кипарисами, платанами; акkuratные внутренние дворики, спортивные площадки...

— Мачта то какой красивой стала! Вот только оттяжки её немного портят, — заметила Юля.

— А их скоро уберут, — ответил Сергей. — Закончат монтаж купола и уберут. Они станут не нужными.

Зашли в лифт и стали подниматься.

— А болты вам больше не нужны? — спросил Александр.

— Нет. Мы установили уже все 200 болтов, а сегодня начинаем закручивать гайки гидравлическим ключом.

— А что это за ключ?

— Поднимешься наверх — увидишь.

— А почему вы не взяли высотное снаряжение?

— Сегодня оно нам не понадобится. Мы будем работать на плоской части купола со страховочными концами.

— А мне можно попробовать закрутить пару гаек?

— Конечно. Первые две гайки твои.

Они поднялись на верх и вышли на площадку. Уже половина купола была установлена. На швах, на разных уровнях трудились монтажники. С лифтовой площадки два крепких парня подавали им болты с гайками.

Юля с Викой на руках встала у ограждения. Вика удивлённо моргала глазёнками, обозревая пространство. Высоты она ещё не боялась.

Сергей с Андреем обвязались страховочными концами, подняли тяжёлый гаечный ключ с мотком кабеля, и понесли его к первой гайке, ступая прямо по стеклу.

— Ой, мальчики, зачем же вы по стеклу-то идёте, а вдруг оно лопнет?! — воскликнула Юля.

— Не лопнет. Оно с десятков таких как мы выдержит. Стекло специальное, высокопрочное, рассчитанное на века, — ответил Андрей. — Оно не боится ни ветров, ни ливней, ни солнечных лучей, ни морозов. Его поверхность не мутнеет ни от трения с песчинками, которые гонит ветер, ни от мытья щётками. И через сто лет оно останется таким же гладким и прозрачным. Оно пропускает и ультрафиолетовые лучи, так что под крышей купола можно загорать.

— Это здорово, — заметила Юля.

Парни положили ключ возле первой гайки и вдвоём осторожно надели головку.

— Ну, иди сюда, Сашок, — пригласил Андрей, — будешь закручивать.

— Да мне его и с места не сдвинуть, — недоверчиво произнёс Александр.

— А двигать его не надо. Он уже на гайке и концом упирается в бортик. Вот тут у него выключатель гидравлического насоса. Включай и смотри, как муфта с головкой начнёт поворачиваться.

Александр подошёл к гаечному ключу и включил гидронасос. Прошла минута, но стрелка манометра не двигалась.

— А чего это он не работает?

— Всё работает. Гайка медленно поворачивается. Просто ещё нет большого усилия.

— Я пойду принесу вороток, — сказал Сергей, — а то винт тоже проворачивается. Руками его не удержать.

Вскоре Сергей притащил металлический штырь и вставил его в головку болта.

— Порядок.

Александр заметил, как стрелка манометра медленно поползла вверх, приближаясь к 50.

Между тем давление в гидроцилиндре всё возрастало. Через десять минут усилие достигло 300 кг, и Александр выключил гидронасос. Шайба Гровера, стоявшая под гайкой, была сжата в кольцо, а между сегментами купола не было ни малейшего зазора.

— А если её ещё подтянуть? — спросил Александр.

— Больше нельзя. При усилии на головке в 500 кг, начинает рваться резьба.

Сергей сбросил давление в гидроцилиндре и снял ключ с гайки.

— Давай перетащим его к следующей.

Вдвоём они подняли ключ и потащили к следующей гайке. Потом Александр помог Сергею надеть ключ на гайку, и всё повторилось.

— Молодец, Сашок. Ну, иди, отдыхай.

Александр довольный подошёл к Юле, взял на руки Вику и чмокнул её в розовую нежную щёчку. Юля перешагнула через бортик и осторожно ступила на стекло.

— Ой, как страшно! Это же такая высота!

И она снова вернулась на площадку. Потом они с Сашей спустились вниз и стали бродить по дорожкам своего королевства. Всё осмотрели и остались довольны экскурсией. Вика сидела на руках то у Саши, то у Юли.

— Давай поучим её ходить, — предложил Александр и они, взявши Вику за руки, стали водить её по дорожкам. Она бодро топала ножками и смеялась. Ей нравилось ходить. Потом Александр отпустил её руку и, забежав вперёд, поманил к себе. Вика ринулась к нему.

— Петровна, отпусти её, — предложил Саша, когда до него оставалось три шага.

Юля отпустила ручку Вики и та, наклонившись вперёд, сделала свои первые в жизни самостоятельные шаги. Александр подхватил её, подбросил вверх, расцеловал. Вика радостно засмеялась. Юля поставила дочку на землю и сказала, — беги к Саше! Где Саша? — Вика опять шатаясь сделала несколько неуверенных шажков и встала на четвереньки.

— Ну, вот и пошла наша дочурка, — радостно произнесла Юля.

— Плохо ещё ходит, — заметил Саша.

— Ничего, скоро научится. Начало положено... Даа, — мечтательно произнесла она, — скоро Вика будет жить здесь и забудет про нашу «пещеру». Здесь она сделала свои первые шаги, здесь и вырастет, в этом королевстве.

Они ещё немного позанимались с Викой, потом малышка захотела спать и начала капризничать. Юля уложила её в машину и оставила с Сашей. Поговорила с Саймонсом и тот пригласил её на свадьбу с Таней, которая была назначена на 15 июня.

— Приходите вместе с Сергеем и Сашей, мы будем рады вам, — сказал Джефри.

Прошёл ещё час, и Сергей с Андреем спустились к машине.

— Всё. На сегодня хватит. Закрутили десять гаек. Ещё девятнадцать дней работы и закрутим все 200. Поехали домой.

Они сели в «Самару» и вскоре были в соей «пещере». Александр опять сел за компьютер.

2. Альбом.

— Привет, — сказал Андрей, заходя в лабораторию.

Сергей был уже там. Он стоял возле принтера и ждал, когда из него выползет очередной лист бумаги. Андрей увидел красочные графики, рисунки и текст.

— Печатаешь дипломный проект?

— Да. Сегодня хочу закончить.

— Я свой уже отпечатал в пятницу и сдал в брошюровку. Сегодня его должны одеть в нарядные «корочки». А когда наша защита? Не узнавал?

— Надо будет уточнить у Лебедева, — ответил Сергей.

— Ты уже заканчиваешь?

— Да. Шесть листов осталось.

— А я тут принёс кое-что. Хочу похвастать и узнать твоё мнение.

— И что же это? — заинтересовался Сергей.

— Альбом. Наш с Зоей семейный эротический альбом. Помнишь, ты мне показывал свой, из Франции?

— Да, да. Как же, как же. Помню, помню... — произнёс Сергей, слегка смутившись.

— Так вот, и я решил сделать себе такой же... Конечно, качество не то, но всё-таки...

— Интересно взглянуть.

Андрей достал из кейса фотоальбом.

— Вот...

Андрей открыл первую страницу.

— О! Очень не дурно... Как в «Камасутре»! А какой ракурс! Снизу снимал? — Андрей кивнул. — Очень оригинально... А какая подсветка! Всё выглядит очень эротично. Таак... Давай дальше... Ты смотри! Интересно... Оригинальные позиции. И аппаратура у тебя неплохая... Дальше... А тут у вас любовные игры?.. Да вы прекрасная пара! И, главное — никакой порнографии. Всё в меру, гармонично, красиво. У тебя отличный вкус. Это отменная эротика.

— А ты знаешь, сколько я фотобумаги извёл? Сколько фотографий выбросил, пока добился желаемого результата?! — риторически спросил Андрей.

— Ничего страшного. Важен результат. Так, так... А здесь вы уже в эротическом белье. Твоя Зоя — просто блеск! Да и ты смотришься прекрасно. Только я бы поменял местами эти фотографии. Сначала вы предстаёте в эротическом белье, затем занимаетесь любовными играми, а потом уже и половые позиции можно поместить.

— У меня они расставлены в том порядке, в котором мы снимались. Но, наверное, ты прав, их надо действительно поменять местами. Эротическое белье мы купили позднее. И, ты знаешь, подчас намёк на возможную близость возбуждает сильнее, чем фотоснимки самой близости — половые позиции, хотя я старался всё сделать одинаково качественно.

— Послушай, а у меня есть идея. Может, ты дашь мне переснять кое-что из своего альбома? Просканируем его, а потом распечатаем на принтере.

— Не. Неудобно... Это же личное...

— А чего неудобного? Я дам тебе свой альбом переснять, а ты мне свой. Мы же друзья?

— Ну, разве что обменяться снимками...

— Давай, пока мы ещё в институте и пока в нашем распоряжении такой классный принтер, сделаем копии.

Андрей согласился, и Сергей стал сканером переснимать страницы альбома в память компьютера. Вскоре процесс был завершён.

— Эх, жаль бумаги у меня маловато! Может у тебя найдётся с десяток мелованных листиков? — спросил Сергей.

— Найдётся, — ответил Андрей.

Сергей зарядил принтер и начал распечатку. Вскоре из принтера один за другим полезли листы с чёткими цветными фотографиями.

— О'кей! Классно выходит! А свой альбом я принесу тебе завтра. Идёт? Ты завтра ещё будешь в институте?

— Да. Мне надо подготовиться к защите. Посмотреть кое-что.

В лабораторию вошёл профессор Лебедев.

— Привет, друзья. Работаете?

— Да, — ответил Сергей, прикрывая собой принтер.

Лебедев взглянул на выполняющий лист.

— Порнуху, что ли печатаете?

— Да нет, эротику, — смущённо заявил Сергей.

— Ну-ка дай взглянуть. Ооо... классные фотографии!

— Это мой семейный эротический альбом, — смущаясь, произнёс Андрей.

— Ааа... Тогда я пасс... Без разрешения смотреть не стану.

— Да смотрите, если интересно... Это мы с женой снимались фотоавтоматом.

Леонид Иванович взял последний лист.

— Ну! Это произведение искусства, а не фотографии. Почти как скульптуры Родена!

Андрей улыбнулся.

— Я думал, вы скажете, что это порнография...

— Нет. Я так не думаю. Это эротика, причём высокого класса.

Профессор просматривал лист за листом, не переставая восхищаться.

— А жена у тебя беременна?

Андрей кивнул.

— Снимки с беременной женой — это очень эротично. Это просто находка. Много видел я разных альбомов и фильмов, но твой среди лучших.

— А вы считаете, что такие альбомы и фильмы нужны?

— Безусловно. Они способствуют правильной сексуальной ориентации молодёжи. Развивают здоровую сексуальную фантазию. Ведь не секрет, что иногда сексуальные фантазии и сексуальное поведение молодёжи принимают извращённые формы. Это происходит потому, что отсутствует сексуальное воспитание, сексуальная культура молодёжи. Родители тщательно оберегают своё чадо от всякой информации на сексуальные темы, и ребёнок приобретает знания в далеко не всегда высокохудожественных сайтах Интернета. А то и на сайтах всяких извращенцев. В результате появляются гомосексуалисты и лесбиянки, а ещё садисты, мазохисты, педофилы. А хорошая эротика, где есть любовь, нежность, ласки и красота обнажённого человеческого тела, несомненно, нужна и полезна. Великие художники и скульпторы древности любили писать и ваять обнажённую натуру. И в этом нет никакой пошлости. Да ты и сам это понимаешь, раз сделал этот альбом. Поэтому я вас не осуждаю. Вы молоды и было бы странно, если бы вас не интересовал секс, эротика. Но зашёл я сюда не для того, чтобы смотреть эротические фото. Я хочу поздравить Андрея и вручить ему вот это.

— Что это? — заинтересовался Андрей, глядя на красочный бланк с гербо-

вой печатью. — «Свидетельство об открытии», — прочёл он. — Автор: Гевко Андрей Константинович.

Дальше шло название открытия, дата регистрации и подпись председателя Госкомитета России по делам открытий и изобретений. На следующей странице была сформулирована суть открытия, приведена схема связей 23-ей Y-хромосомы с другими аутосомами.

— Поздравляю, — сказал профессор. — Желаю дальнейших творческих успехов. Вознаграждение можешь получить в кассе.

Сергей также поздравил друга. — Надо бы это отметить, — сказал он.

— Отметим, — согласился Андрей. — Приглашаю всех в ресторан «Сибирь». В семь часов вечера вас устроит?

— Устроит, — согласились Сергей и Леонид Иванович.

— Ну, я схожу получу деньги, с вашего разрешения.

— Подожди минуточку, — остановил его Леонид Иванович. — Мне хотелось бы знать, когда вы сдадите свои дипломные проекты? Последний срок — 5 июня, а сегодня уже второе. Чем раньше сдадите, тем раньше защититесь и будете свободны.

— Я готов сдать хоть сегодня, — заявил Андрей. — Сейчас принесу из брошюровочной.

— Я, наверное, сдам завтра, — пообещал Сергей. — Сейчас отнесу брошюровать.

— Прекрасно.

— А когда вы нам назначите защиту? — Леонид Иванович?

— Вообще все защиты до 15-го июня. Вам я могу назначить на 6-ое. Вы будете готовы?

— Постараемся...

— Значит договорились. Завтра оба сдаёте свои дипломные проекты, а сегодня вечером встречаемся в ресторане.

Лебедев распрощался и вышел. Сергей пошёл в брошюровочную, а Андрей побежал в кассу получать авторское вознаграждение. Оно было ему очень кстати.

3. Примирение.

Четвёртого июня Евгения Робертовича выписали из клиники. Георгий Евгеньевич с Ритой приехали за ним на своей «Ладе». Дома старого профессора ждал праздничный обед. Валера и Женя с радостью встретили деда.

— Наконец-то ты дома. Снова нас пятеро. Без тебя как-то пусто было

и скучновато, — заявил Валера. — Теперь опять можно будет поговорить на разные темы. А то отец часто занят. Сидит за своим компьютером и решает мировые проблемы.

— Давайте все за стол, — предложила Рита, — отметим выздоровление нашего деда, а заодно и пообедаем.

— А что же Сашу не пригласили? — спросил Евгений Робертович. — Он тоже мой внук и часто приходил в клинику. Правда, в последнее время вы всё приходили порознь и я уже начал беспокоиться, не случилось ли чего, не поссорились ли вы? А?

В ответ наступило неловкое молчание.

— Чего молчите? Выкладывайте, что случилось?

— Может, пообедаем сначала, — предложила Рита. — Разговор будет длинный. Давайте отметим ваше выздоровление.

И она подняла бокал шампанского.

— Хорошо. Выпьем шампанского и побеседуем, — согласился виновник торжества.

Все осушили бокалы, только Женя слегка пригубила.

— А ты, что, внученька, скромничаешь?

— Она знает, чего она скромничает, — ответила Рита. — Это из-за неё всё...

— А что же случилось, если не секрет?

— Какой уж тут секрет! Шило в мешке не утаишь. Ну-ка, доченька, встань. Женя нехотя поднялась со стула.

— Поглядите, папа, на неё внимательно. Вы ничего не замечаете?

— Да, вроде нет...

— А вы внимательнее поглядите. Ведь она беременна! Уже два месяца.

— Да что вы? Как же это?.. От кого?

— От вашего любимого внука, от Саши. Оказывается, все каникулы они занимались сексом. Они любовники, видите ли!

Евгений Робертович заёрзал на стуле и откашлялся, не зная, что сказать.

— Как же это, внученька?

Женя молчала.

— Вы любите друг друга?

Женя кивнула. На глазах у неё навернулись слёзы.

— Так-так... Ну, ещё ничего страшного я не вижу... Ещё есть время принять меры и вызвать выкидыш.

— Да в том-то и дело, что не хочет она делать выкидыш! Уж, как только мы её не уговаривали! — воскликнула Рита. — Твердит своё: «буду рожать», и хоть ты тресни! Саша ей уже и таблетки достал, а она не хочет!

— Что это значит? Объясни, пожалуйста?

— Я уже сто раз им объясняла, что хочу иметь ребёнка от Саши, а они ни в какую! Пристали со своим выкидышем...

— С твоим выкидышем, — поправил Георгий Евгеньевич. Ты подумай. Родишь в 16 лет и свяжешь себя этим ребёнком. Ну, какая ты мать? У тебя ещё ветер в голове! Сквозняк!

— Никакого ветра у меня нет.

Георгий Евгеньевич развёл руками. — Ну, дочка... Ты подумай хорошенько, у тебя вся жизнь впереди. Может быть ты полюбишь другого, а твой ребёнок будет препятствием для вашей совместной жизни.

— Я никого больше не полюблю. Мне никто не нужен, кроме Саши!

— А ты ему нужна?

Женя промолчала.

— А давайте спросим у него, — предложил Евгений Робертович и набрал номер Сашиного телефона.

Александр возвращался домой на велосипеде, когда в кармане раздался гудок. Он узнал голос бабушки.

— Здравствуй внучек. Я уже дома. Меня выписали из клиники. Приглашаю тебя на праздничный обед в честь моего выздоровления.

— Спасибо, — промямлил Саша, — но я не смогу наверно...

— Это почему же?

— Да так, дела разные...

— Знаю я эти дела. Мне уже всё рассказали. Вот мы и обсудим твои дела, вернее, ваши дела с Женей.

— А чего их обсуждать? Что было, то было. Больше этого не будет.

— Значит, ты её бросил?

— Я не хотел, но так получилось... Пришлось. Ведь всё раскрылось.

— И ты считаешь, что поступил правильно?

— У меня не было выбора.

— Вот что, давай-ка подходи, мы ждём тебя. Надо обсудить ситуацию.

— ... Хорошо. Сейчас подъеду.

— Он скоро будет, — объявил Евгений Робертович, — а пока, внученька, пройди-ка в спальню. Я хочу посмотреть, как протекает твоя беременность.

Женя молча скрылась за дверями. Евгений Робертович прихватил свой медицинский чемоданчик и последовал за ней.

Через несколько минут он вышел, довольно потирая руки.

— Всё нормально. Беременность протекает очень благоприятно, но всё равно надо сходить в женскую консультацию. Встать на учёт.

Вскоре на пороге гостиной появился Александр.

— Здравствуйте...

— Здравствуй, — сказала Рита, неодобрительно посмотрев на гостя.

— Присаживайся, — предложил Георгий Евгеньевич.

Саша сел на стул в стороне от стола.

— На, выпей за моё выздоровление, и возвращение домой, — предложил

Евгений Робертович, протягивая фужер.

Саша осторожно пригубил. Все переглянулись.

— Он как Женя, не хочет пить до дна, — с усмешкой произнёс Евгений Робертович. — Ты, случайно, не беременный?

— Издеваетесь? — хмуро произнёс Александр.

— Да нет. Мы хотим выяснить твои отношения с Женей.

— Нет уже никаких отношений. Всё кончено. Ну, виноват я. Ну что дальше-то? Она могла бы и не афишировать это дело, если бы вовремя сделала выкидыш. Вы бы ничего и не узнали. Многие парни моего возраста встречаются с девчонками и ничего.

— Да я тоже не вижу в этом ничего страшного, — произнёс Евгений Робертович. — Вы оба хорошие ребята и очень хорошо, что вы дружите, вернее дружили.

— Если бы не Женька, не её упрямство, мы дружили бы и дальше.

— А почему вы не можете продолжать дружбу теперь? Вам что, запретили встречаться? Или ты больше её не любишь?

Саша удивлённо взглянул на деда. — Но она же беременна!

- Ну и что?

— И вы не против наших встреч? Вы не осуждаете нас?

— А почему мы должны вас осуждать? Ведь вы были счастливы вместе? Это плод вашей любви и не нам решать, оставить его или нет. Это ваше дело. Или ты настаиваешь на выкидыше?

Александр почесал затылок.

— Не знаю... В принципе, мне тоже жаль убивать его, но почти все так делают... Мне надо подумать... Вообще-то я люблю маленьких.

— Вот видишь! Детей любишь, а настаиваешь на выкидыше.

— Так её родители настаивают...

— Если у вас всё серьёзно, если у ребёнка будет отец, то пусть рожает, — заявил Евгений Робертович. — Это её право решать. Родители могут советовать, исходя из ситуации, а последнее слово за Женей и за тобой, Александр.

— Но тогда через семь месяцев я стану бабушкой! — воскликнула Рита.

— Ничего страшного. Зато ты сможешь дожить до правнука или правнучки. Я не вижу никаких проблем.

— А школа! Как она будет ходить в школу беременная?

— Она будет учиться в общине, по индивидуальной программе.

— ... И всё-таки я боюсь, что союз их будет непрочен, что Женя останется, в конце концов, одна. Они ещё так молоды!

— А в любви не может быть никаких гарантий, — ответил Георгий Евгеньевич. — Любой брак и в любом возрасте может распасться. Тут не застрахуешься. Но у них есть главное — они любят друг друга и дружат уже давно. Это говорит о постоянстве обоих. И если мы сейчас оттолкнём Сашу, то неизвестно,

как сложится личная жизнь у него и у Жени. Конечно, у каждого из них, в конце концов, может и появиться вторая половина, но будут ли они также любить друг друга, будут ли счастливы? Вот вопрос! Разорвав первую любовь, не всегда удаётся повторить её на том же уровне с другим или с другою. Возможна влюблённость, симпатия, привязанность, дружба, но любовь такая же сильная, как первая возможна далеко не у всех.

— Так что же? Вы считаете, что Женя должна рожать? — упавшим голосом спросила Рита.

— А что? Может это и правильно? — произнёс Валера. — Она ведь жить без Сашки не может. Извелась вся. Только он, по-моему, не очень-то по ней сохнет. А? Сань?

Александр заёрзал на стуле. — А что я? Мне тоже не сладко. Вы самые близкие мне люди и вдруг разрыв. Конечно, ко всему можно привыкнуть...

— Зачем же привыкать? Никто тебя не гонит. Мы можем остаться друзьями. Но любишь ли ты Женю по-настоящему? — спросил Георгий.

— Откуда я знаю? Нравится она мне...

— А больше тебе никто из девочек не нравится?

— ... Была одна в школе... Но она уже уехала из Найска в Москву. Её больше нет. Да если Женька у меня будет, то мне и не надо никого! Я же не дон Жуан какой-нибудь.

— Вот видишь, — сказала Рита. — Большой любви у него нет. Так, дружба, симпатия...

— Редко в жизни бывает, чтобы оба супруга любили одинаково сильно, — заявил Георгий Евгеньевич. — Разве у нас с тобой сейчас такая же любовь, какая была в начале? У нас тоже дружба, симпатия, привязанность. Так что это нормальное явление.

— Вот что, друзья мои, — произнёс Евгений Робертович. — Ничего мы сейчас не решим в отношении их будущих отношений. Они и сами ничего не знают. Давайте не будем требовать от них клятв и заверений. Не стоит превращать любовь и дружбу в обязательство. Эти чувства сильны до тех пор, пока человек чувствует себя свободным в своём выборе, пока он хозяин положения. Наша задача сберечь то хорошее, что у них есть. Не разрушить грубым словом или незаслуженным упреком. А выдержит ли их любовь все жизненные испытания, сказать мы сейчас не сможем. То, что Женя из-за любви к Саше и его будущему ребёнку проявила такую стойкость, то, что она борется за свою любовь и право материнства, говорит о её высоких моральных качествах. И дай бог, чтобы Саша ответил ей такой же взаимностью.

— Но где же они будут жить? — спросила Рита. — Не у нас же?

— Это они сами определяться, — ответил Георгий Евгеньевич. — Не обязательно прямо завтра начинать жить вместе, как муж и жена. Пусть дружат, встречаются, как встречались. Люди устают друг от друга, если они всё время вместе.

Пусть каждая их встреча будет праздником. А захотят они жить вместе, так выделим им в общине пару комнат. Но не будем спешить. Пусть сперва всё восстановится. Восстановится их дружба и наша дружба с Сашей. Нет возражений?

— Нет, — заявил Валерий.

— Ну и ладушки. А теперь я предлагаю выпить за дружбу и любовь между Женей и Сашей.

Оба тостуемых заулыбались и впервые дружелюбно, ласково взглянули друг на друга. Александр выпил фужер до дна.

— А теперь поцелуйтесь в знак вашего примирения, — предложил Георгий.

Саша подошёл к Жене и обнял её. Поцеловал.

— Горько! — закричал Валера.

Женя взглянула на него, усмехнулась и поцеловала Сашу.

— Ну, вот и порядок, свадьба состоялась. А теперь, Санёк, садись за стол. Будем обедать.

После обеда Валера спросил Сашу. — Ты что завтра делаешь?

Александр пожал плечами. — Хочу посмотреть на очередной аэровоз. Может Костя прилетит.

— Я пойду с вами, — сказала Женя. — Надоело мне быть одной.

Парни не возражали.

4. Защита.

К 9-ти утра 6-го июня Сергей и Андрей были уже в институте. Наступил торжественный момент его окончания — защита дипломной работы. Кроме них в аудитории находилось ещё человек пять студентов. Ровно в 9 в зал вошла Государственная комиссия из пяти человек. В составе её были профессора: Гевко, Фокин и Лебедев. Кроме них был представитель Медицинской академии и представитель Института генетики. Оба из Москвы. Секретарь комиссии — милостивая женщина лет 40 положила на покрытый зелёным сукном стол дипломные работы выпускников.

Председатель комиссии, профессор Гевко, взял верхнюю папку.

— На защиту приглашается студентка-выпускница Мальцева Елена Игоревна.

Сидевшая недалеко от Сергея тёмноволосая девушка встала и нетвёрдой походкой направилась к столу Государственной комиссии.

Лебедев раскрыл дипломный проект и прочёл отзыв научного руководителя, профессора Фокина. Темой дипломной работы девушки являлась методика восстановления утраченных конечностей.

После этого члены комиссии начали задавать вопросы. Девушка заметно нервничала и отвечала довольно сбивчиво.

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста, Лена. Здесь все хотят вам добра, здесь ваши друзья. Мы знаем ваши успехи в учёбе и уверены, что вы достаточно хорошо подготовлены, — ободрил её профессор Фокин.

После этого Лена стала отвечать более уверенно. Под конец она окончательно взяла себя в руки, успокоилась, и ответы её зазвучали вполне чётко.

— Достаточно, — сказал представитель Медицинской академии после двадцатиминутного экзамена. Каждый член комиссии поставил свою оценку и расписался в протоколе.

— Средний балл четыре и две десятых, объявил председатель. Поздравляю с успешной защитой.

Потом председатель комиссии расписался в дипломе об окончании института, которым ему услужливо подала секретарь, и вручил диплом девушке.

— Теперь вы дипломированный врач и должны дать клятву Гиппократа. Возьмите этот красивый лист и громко прочтите.

Девушка взяла лист и торжественно прочитала. Затем расписалась в журнале.

— А вот теперь вы можете лечить людей, объявил председатель комиссии. — Поздравляю!

Девушка улыбнулась и пожала председателю протянутую ей руку.

Позади Сергея из-за стола поднялся высокий черноволосый парень с букетом белых лилий. Он вручил Лене цветы, поцеловал и поздравил. Все присутствующие громко зааплодировали. Лена заулыбалась. На глазах у неё выступили слёзы счастья.

— Где думаете работать, если не секрет? — спросил Фокин.

— Поеду с мужем в Красноярск. Там есть место в краевой больнице.

— Прекрасно. Желаю удачи.

Лена с мужем вышли из аудитории.

— К столу приглашается выпускник института, магистр биологии, Майоров Сергей Владимирович, — торжественно произнёс председатель.

Сергей встал.

— Ни пуха, ни пера, — шепнул ему Андрей.

— К чёрту, — небрежно бросил магистр и двинулся по направлению к столу.

— Садитесь, молодой человек, — сказал профессор Гевко.

Сергей опустился на стул. В руках председателя он увидел пухлую папку своего дипломного проекта. Золотыми буквами на титульном листе было написано название темы: «Статистика мутаций 23-ей Y-хромосомы и вызываемая ими патология». Председатель зачитал отзыв научного руководителя, профессора Лебедева. Отзыв был прекрасный.

— Так... И когда же вы успели защититься, молодой человек? — спросил представитель Института генетики.

— В прошлом году, в Париже, на симпозиуме.
— Вас посылали в Париж?
— Да. Я участвовал в НИР по исследованию мутаций генома 23-ей Y- хромосомы и предложил свой метод исследования динамики мутаций.

— Очень интересно. Расскажите о нём.

Сергей стал рассказывать о своём методе.

— Так, так... Прекрасно. Спасибо, дальше не надо. Я знаком с вашим методом. Читал в Информационном бюллетене парижской Медицинской академии. Ну а какое же количество мутаций генома 23-ей хромосомы вы исследовали?

— Более шестисот.

— Вы можете назвать последствия некоторых из них?

— Конечно.

Сергей стал перечислять.

— Спасибо, достаточно. — А сколько аллелей 23-ей хромосомы вы знаете?

— Около пятидесяти.

— Назовите основные.

Сергей назвал.

— У меня больше нет вопросов, — заявил представитель Института генетики.

Пару вопросов задал профессор Лебедев. Вопросы были лёгкие, и Сергей бодро ответил на них.

— Ну что? Надеюсь, всё ясно с этим студентом? — спросил председатель комиссии.

— Да. Не будем терять время, — согласился представитель Медицинской академии.

Все члены комиссии единодушно поставили выпускнику пять баллов.

Председатель подписал и вручил Сергею диплом врача-генетика. Там уже стояла подпись ректора института и гербовая печать. После чего Сергей прочёл клятву Гиппократата.

— Где думаете работать, молодой человек? — спросил представитель Института генетики. — Если желаете, я могу ходатайствовать о вашем переводе в Москву.

— Спасибо, но я думаю остаться здесь, в Найске и поступить в аспирантуру при нашем институте. Буду участвовать в НИР «Моделирование саморазвития зародыша человека по заданному генотипу».

— Ну что же, похвально. И в Сибири нужны квалифицированные учёные.

Новоиспечённый врач, Сергей Майоров, поблагодарил членов комиссии и сел на своё место. Андрей пожал ему руку. — Поздравляю, желаю стать доктором наук.

— Спасибо, — растроганно произнёс улыбающийся Сергей.

После Сергея защитились ещё двое студентов. Один получил средний балл 4, другой 4,8. Наконец председатель комиссии вызвал к столу Андрея Гевко.

— Это ваш сын? — тихо спросил представитель Института генетики.

Профессор Гевко кивнул.

— Настоящий атлет! Даже в костюме чувствуется атлетическая фигура.

Андрей широким пружинящим шагом подошёл к столу. Сел.

— Тема вашего диплома: «Неизвестные ранее сцепления 23-ей Y-хромосомы и их влияние на онтогенез». Так? — Прочёл представитель Института генетики.

Андрей кивнул.

— Очень любопытно... По-моему этого нет в учебной программе...

— Это его собственное открытие. Он имеет официальное Свидетельство от Института государственной патентной экспертизы.

— Неужели? У вас отличные кадры. Один уже магистр, другой сделал открытие. А ведь это ещё мальчишки!

Председатель комиссии зачитал отзыв научного руководителя. Потом посыпались вопросы. Всех интересовало открытие Андрея. Выпускник подробно отвечал на них. Отвечал спокойно, уверенно.

— А вы не хотите переехать в Москву и продолжить работу в Институте генетики? — спросил его московский гость.

— Нет, спасибо. Я тоже буду поступать в аспирантуру при нашем институте.

— Да что же это такое! — возмутился представитель столичного ВУЗа. — В Москву и калачом не заманишь! Вот тебе и периферия, вот тебе и глубинка!

— А вы слышали, что под Найском строится община медиков и биологов? — спросил профессор Лебедев.

— Да. Что-то слышал.

— Так вот, там будут отрабатываться наиболее перспективные методы индивидуального обучения студентов, начиная со школьной скамьи. Скоро там откроют новые штаты преподавателей. Потому многие наиболее успевающие студенты и стремятся остаться в Найске. Наш институт расширяется.

— Ааа, вот в чём дело! Тогда мне всё ясно. Этак вы и от нас перетяните к себе лучшие кадры! Надо будет подумать. Мне у вас тоже понравилось.

Высокая комиссия единодушно поставила бывшему студенту Гевко оценку «отлично» и вручила диплом врача. После этого был объявлен перерыв.

В коридоре Сергея и Андрея остановил профессор Лебедев.

— Молодцы. Не подвели меня. Давайте подавайте заявления в аспирантуру и готовьтесь к экзаменам. Конкурс будет серьёзный, но у вас есть преимущества. Вы уже доказали свою высокую квалификацию и работоспособность. Надеюсь через три года увидеть вас в числе преподавателей нашего института.

— А когда экзамены? — спросил Андрей.

— В конце июля. Дату объявят. После экзаменов отпуск, а с сентября научная работа. Я уже заявил вас как предполагаемых исполнителей новой НИР.

Сергей с Андреем вышли из института. На улице их встретило яркое летнее солнце. Цвела сирень. Лёгкий ветерок трепал волосы. Столбик термометра на дверях института перевалил за двадцать.

Сергей вытащил из кармана телефон и позвонил Юле.

— Всё в порядке. Диплом в кармане.

— Как защитился?

— Нормально.

— А Андрей?

— Тоже.

— Тогда приглашаю вас на праздничный обед. Я уже позвонила Зое. Она согласна отметить вашу защиту у нас. Ничего не покупайте, мы уже обо всём позаботились.

— Прекрасно. Скоро будем.

И Сергей с Андреем ускорили шаг.

5. Неожиданный звонок.

Около шести вечера Александр сидел за компьютером и просматривал диски с лекциями за 11-й класс. Он только что купил их, и ему не терпелось узнать, что они будут изучать в новом учебном году. Под руки попался диск по курсу анатомии и физиологии человека. Александр поставил его в компьютер и просмотрел первую лекцию. Затем вторую, третью. На красочных рисунках были изображены скелеты, мышцы тела мужчины и женщины, их внутренние органы. Можно было увеличить изображение и рассмотреть строение каждого органа. Повернуть его в любую сторону. Саша увлёкся, когда неожиданно в кармане загудел телефон.

— Да...

— Привет, — слышался в трубке знакомый голос, — это я, Аня.

— Привет... — ответил Александр и слегка растерялся от неожиданности. — Ты где?

— Здесь, в Найске.

— Приехала?

— Да. Мы завтра уезжаем в Москву насовсем. Уже собрали вещи и продали квартиру.

— А Ванечка с тобой?

— Он остался в Москве. Меня тоже хотели оставить, но я уговорила родителей взять меня с собой, чтобы попрощаться с Найском.

— А чего раньше не позвонила? Уже скоро семь.

— Некогда было. Помогала родителям укладывать и упаковывать вещи. Мы приехали сегодня утром.

— Ты хочешь встретиться?

— А ты?

— Я тоже. Я найду за тобой.

— Давай минут через двадцать. Я отпрошусь у родителей погулять.

Через двадцать минут Александр был у дома Ани. Она выбежала из парадной и обняла его.

— Сашенька, милый, как я ждала этой минуты!

— А я уже и не надеялся тебя увидеть. Как дела? Как соревнования в Красноярске?

— Мы выиграли. Заняли второе место. Ванечка ошибся при исполнении сложной поддержки.

— Ну вот, а говорила, что он железный и нервы у него из веревок.

Аня печально усмехнулась. — Куда пойдём?

— Пошли в кафе. Перекусить надо. Я не ужинал ещё.

— И я.

Они зашли в кафе и сели за столик. Заказали пиццу, перекусили, послушали музыку. Танцевать не хотелось. Аня часто поглядывала на Сашу и, наконец, сказала: — Давай пойдём куда-нибудь, где мы будем одни.

— Куда? Где такое место? Уже поздно, скоро стемнеет. А, впрочем, поехали в моё «королевство». Ты будешь там королевой.

— Вот и отлично. А темнота нам не помеха.

Они вернулись к дому Саши, и он вынес велосипед.

— Садись, поехали. Я покажу тебе Найск с высоты. Вечерний Найск. Аня села на багажник, и они отправились в сторону будущего «Королевства медиков».

На стройке было пусто. Рабочий день давно закончился, и ворота опорного кольца были закрыты. Лишь одинокий сторож охранял территорию. Он узнал Сашу.

— Послушай, Митрич, пусти нас внутрь, я хочу показать своей девушке панораму вечернего Найска.

— Не положено.

— Но ты же меня знаешь. Мне можно. Ну, Митрич, пусти...

Митрич недоверчиво посмотрел на Аню. Крякнул, прокашлялся.

— Ладно, идите, только не балуйте там! И не лезьте, куда не надо.

Александр и Аня вошли на территорию слабо освещённую ночными фонарями. Вокруг всё казалось таинственным, призрачным. Они взглянули вверх и не увидели купола, он растворился в темноте. Подошли к мачте-опоре и поднялись на лифте на самый верх. Вышли на площадку.

Справа от них расстился Найск, залитый ярким светом, слева темнело ущелье Белёк. Солнце уже скрылось за высокими холмами, и только небо светлело на северо-западе. Над ними зажглись первые яркие звёзды. На юго-востоке восходила луна. Свежий ветерок шевелил волосы. Холодало. Аня поёжилась.

— Как, нравится? — спросил Александр.

— Да. Панорама прекрасная. Жаль, что я не взяла фотоаппарат.

Она плотнее прижалась к Саше, и он поцеловал её. — Пошли в лифт, там теплее.

Они вошли в лифт и стали целоваться.

— Давай снимем одежду, — предложил Александр.

— Прохладно...

— Ничего. Зато интересно гольшом прогуляться по куполу! Мы недолго.

Они быстро разделлись, Саша взял Аню за руку, и они осторожно ступили босыми ногами на толстое стекло. Под ними разверзлась 150-ти метровая пропасть. Стекла под ногами они не видели, а далёкие фонари внизу только подчёркивали высоту, на которой они находились. Ане стало жутко от этой бездны, и она прижалась к Саше. Над ними простиралось бездонное тёмное небо, и звёзды молча взирали на эту обнажённую парочку, воспарившую над пропастью. Ане казалось, что они с Сашей одни на целом свете. Нет ни людей, ни мирских забот, а только небо, звёзды и Саша, такой родной, близкий, желанный.

Александр наклонил голову и стал страстно целовать Аню.

— Королева моя, королева! — шептал он.

Аня изнемогала от неги, но прохладный ветерок охлаждал её чувства. Ей было довольно страшно на высоте, довольно холодно и очень хорошо с Сашей.

Он решил не затягивать ласки. Аня опустила спину на стекло, которое ещё хранило остаток дневного тепла. Александр встал на колени, потом обнял её и слился с ней воедино. Он приподнял её голову, поцеловал в шею, в губы и погрузился в nirvanу. Несколько минут интенсивных движений, и он выплеснул в Аню порцию своих мужских гормонов. Потом отстранился и встал: большой, красивый, мужественный. Она увидела его обнажённую фигуру на фоне звёзд, и ей показалось, что он бог. Что это он сотворил и небо, и Землю, и этот купол, и эту бездну. И всё это ради неё, ради этих коротких минут близости.

— Одевайся, а то, простудишься, — сказал Александр и подал Ане руку.

Она встала и прижалась к нему.

— Пошли отсюда, пора спуститься на Землю. На небесах хорошо, но слишком холодно.

Они быстро оделись в лифте и спустились вниз.

— А ты не боишься забеременеть? — спросил Александр.

— Я приняла таблетку, — ответила Аня. — Ты знаешь, я мечтала, что мы проведём с тобой всю ночь где-нибудь в тёплой постели, а ты затащил меня на крышу, на холод, да ещё раздел догола.

— Зато мы совокуплялись выше всех в Найске! А на счёт постели я не против, но где её взять? А, впрочем... Есть одна мысль... Вагончик Саймонса! Вот только Митрич, зараза... Ну да, была не была!

Они вышли из ворот и подошли к Митричу.

— Послушай, дед, эта девушка приехала из Москвы. Приехала ко мне и завтра уезжает. Уезжает навсегда. Мы хотим побыть вдвоём, понимаешь? У нас последняя ночь. Открой нам вагончик... Я очень прошу!

— Не положено... Тут надо «добро» Саймонса.

— Ну, где же я тебе его возьму?!

— А ты, милоч, позвони ему.

— Да не знаю я его телефон.

— А я подскажу.

Митрич назвал Саше номер телефона. Александр позвонил и объяснил ситуацию. Джефри был мужик понятливый и «добро» было получено.

— А ты, Митрич, спать не будешь?

— Не. Не положено. Я тут похожу, посижу, покимарю в полглаза, а спать не стану. Охранять вас буду.

— Ну, спасибо Митрич! Ты человек!

Они вошли в вагончик, включили электрогрелку, телевизор. Александр вскипятил чаю, разыскал печенье и они перекусили совсем по-домашнему.

— Диванчик здесь узковат, но ничего. Сейчас мы его разложим. Накрыть бы его чем-нибудь... А вон, кажется у Джефри здесь постельное бельё. Точно! Подушка, простынь, одеяло. Это то, что нам надо!

Александр застелил постель, и они легли.

— А как там Ванечка в Красноярске к тебе не приставал?

— А чего ему приставать? Мы с ним все ночи спали вместе.

— Как это?..

— Да очень просто. Нас поселили в гостинице, в двухместных номерах. Ванечку с Гаджи, а меня с Раечкой. Ну а вечером мы поменялись. Рая ушла к Гаджи, а Ванечка пришёл ко мне.

— Ну и как он? — упавшим голосом спросил Александр.

— Как мужчина? Да вполне нормальный. Первые три ночи вообще не давал мне спать, всё колбасил и колбасил. Потом стал потише. Угомонился. Видно и его организму нужен отдых.

«Так вот почему он ошибся при выполнении сложной поддержки, — подумал Александр. — Упадок сил из-за нехватки гормонов».

В это время у Ани загудел телефон.

Анна, ты где? — послышался голос матери.

— Я гуляю с Сашей, мы на привокзальной улице, — не моргнув глазом, соврала она.

— Пора домой, уже десять.

— Мам, можно я ещё погуляю. На улице так хорошо.

— Нет, нет. Уже поздно.

— Но я же не одна. Я с Сашей. Это мой одноклассник, я говорила тебе о нём. Он очень приличный парень. Он меня охраняет. Мы хотим погулять до утра.

— Ты с ума сошла!

— Ну, один-то раз, ведь мы больше с ним не увидимся! Ты понимаешь? Я уже в одиннадцатом классе, сколько можно меня опекать?!

Телефон на минуту замолчал. Слышно было, что родители советуются между собой.

— Ладно, гуляйте. Только не простудитесь. Ты легко одета.

— Хорошо, мам, спасибо. Мы на вокзале будем греться.

Александр тоже позвонил Юле и предупредил, что он встретил одноклассников, и они решили отметить окончание учебного года. Так, что будут гулять до утра.

Эта ночь была почти бессонной. Ими овладела какая-то необузданная страсть. Бесконечные поцелуи, объятия и близость лишь изредка прерывались сладкой дремотой. Вся постель была смята, перевернута и покрыта бесчисленными пятнами. Александр придумывал всё новые и новые половые позиции, и Аня покорно отдавалась ему. Душа её отогрелась, насытилась и устала от бурных Сашиных ласк. А ему хотелось запомнить Аню на всю жизнь, залюбить, задолбать её в усмерть! И ему это почти удалось. Не раз Аня «умирала», задыхаясь в Сашиних объятиях. Лишь под утро Александр угомонился.

Светало. Она вышла по малой нужде и вернулась. Александр спал, свернувшись калачиком без одеяла. Аня долго смотрела на него, потом стала будить.

— Сашенька, милый, проснись. Уже утро. Нам надо ехать домой.

Александр открыл сонные глаза и сел. Потом стал искать трусы. Аня нашла их и подала ему. Потом нашла майку. Так постепенно нашлась вся одежда, и вскоре Александр был готов. Они вышли из вагончика и вдохнули свежий утренний воздух. Саша поёжился, зашёл в туалет и вышел, дрожа от холода. Митрич спал, укутавшись в тулуп, прислонившись к вагончику, сидя на ящике из под пива. Возле него стояло несколько пустых бутылок.

Саша тихонько закрыл вагончик, сунул ключ Митричу в карман, сел на велосипед и они с Аней поехали в город. Возле её дома простились. Дрожа от холода, недавние любовники обнялись, поцеловались и обещали до конца жизни помнить друг друга.

Потом Александр тихо вернулся домой никем не замеченный и завалился спать. Ещё одна страница его жизни была закрыта.

Глава XIII.

1. Здоровье.

Прошло три дня после выписки Евгения Робертовича из клиники, и он снова решил навестить своих подруг. Самочувствие было хорошим, а прогулки по свежему воздуху, утренняя зарядка быстро восстановили силы. Профессор позвонил Ноне и предложил встретиться, отметить его выздоровление.

- Конечно, Джон! Ты совсем забыл нас, — услышал он в ответ.

Подруги встретили его приветливо.

— Проходи, дорогой. Давно в нашем доме не звучала мужская речь. Они расцеловались. Евгений Робертович поставил на стол бутылку шампанского и коньяк, вручил дамам цветы.

— О, ты нас балуешь, дорогой! — воскликнула Инна.

— Это ещё не всё, вот вам по коробке конфет. Гулять, так гулять.

Вскоре все сели за праздничный стол. Выпили шампанского за здоровье старого профессора, но молодого душой мужчины.

— Как ты себя чувствуешь, милый? — спросила Нона.

— Да всё нормально. Перебои прекратились, болевых ощущений при нагрузке нет. Принимаю вот эти таблетки для поддержания сердца. Кстати о здоровье. Я собираюсь поместить в Уставе общины рубрику «Здоровье». Там будут даны советы, как членам общины сберечь и укрепить своё здоровье. Я уже подобрал все необходимые рекомендации. Разрешите, я зачитаю их?

— Конечно, давай, но сначала выпьем по рюмке коньяка за твоё здоровье.

Евгений Робертович не стал возражать. Затем достал из портфеля распечатки.

— Вот, дорогие мои, зачитываю:

«Кто смолоду не хочет работать на здоровье, тот в старости будет работать на лекарства». — Это изречение я любил повторять у себя в клинике молодым врачам. А вот ещё одно.

«Не тот стар, кто далёк от колыбели, а тот, кто близок к могиле». — Здесь говорится о том, что немощный и больной человек равноценен старцу, а здоровый человек в любом возрасте молод.

«Здоровый организм умеет всё обратить себе на пользу, если оно не чрезмерно». — Это мой жизненный опыт, мои наблюдения. В молодости, пока организм здоров, ему не вредно ни голодание, ни переедание, ни недосыпание, ни пере-сыпание. И никакая пища ему не вредна, и большие физические нагрузки и ги-

покинезию он переносит хорошо, и половое воздержание, и половые эксцессы ему не страшны. Но всё это должно быть не чрезмерно, не постоянно. Тогда испытания только тренируют организм, будят его защитные силы и он становится ещё крепче.

«До тридцати лет человек сам себе враг, а после тридцати — либо врач, либо дурак». — Это сказал Сенека. Это его жизненный опыт. До тридцати лет человек может гулять, кутить, перегружаться, на здоровье это мало сказывается, а после тридцати пора остепениться и начать вести здоровый образ жизни. Иначе не миновать проблем со здоровьем. Особенно важно правильно питаться. Вот что сказал по этому поводу А. П. Чехов, который, как известно, был неплохим врачом.

«Если вы встаёте из-за стола слегка голодным — вы наелись.

Если вы встаёте из-за стола сытым — вы переели.

Если вы встаёте из-за стола переевшим — вы отравились!»!

Сказанное Чеховым подтверждают опыты на животных. Находясь на специальной урезанной диете, подопытные животные жили почти в два раза дольше, чем животные контрольной группы. Заметных результатов можно достичь при снижении калорийности пищи на 50%, причём в первую очередь пища должна быть обеднена жирами и углеводами.

— Но почему же тогда мы так любим калорийную и сладкую пищу? — спросила Инна.

— А дело в том, что в молодости организм растёт, много двигается, и все эти калории нормально усваиваются. Не возникает никаких отрицательных последствий. В зрелом же возрасте потребности в калориях снижаются, но организм всё равно требует сладкую и жирную пищу. Он делает запасы в виде жировых отложений на «чёрный день». Ведь в истории человечества почти не найти времени без воин, без засух, без наводнений, которые не уносили бы тысячи жизней. Человек редко ел досыта, чаще недоедал, и организм приспособился делать запасы. Потому-то он и не отвергает сладкую и жирную пищу. Но если её чрезмерно много, то повышается уровень холестерина в крови. Он откладывается на стенках сосудов в виде бляшек и сужает их. В результате нарушается кровоснабжение органов и тканей. Это может привести к инсульту или инфаркту. Вот почему жирный человек — это больной человек.

«Учись довольствоваться малым» — сказал Сенека. А Квинтилиан добавил: *«Я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть».*

А ещё важно больше двигаться, заниматься каким-либо полезным трудом. Умеренные физические и умственные нагрузки способствуют долголетию. *«Трудись, пока позволяют силы»* — изрёк Овидий.

Ну и гигиена тела тоже важна. Надо избегать инфекционных заболеваний, поскольку любое из них подрывает наше здоровье. *«Человек по своей природе — животное чистое и изящное»* — как-то высказался Сенека. И он был прав. Тот,

кто внешне неряшлив — имеет грязную душу и низкие нравы. А такие люди живут недолго. Вот и всё, дорогие мои.

— А вот пословицу: «В здоровом теле здоровый дух» — как ты её понимаешь, Джон? — спросила Нона.

— Это глупое изречение. *«Здоровое тело — продукт здравого рассудка»* — сказал Бернард Шоу.

— Ну, ты прямо энциклопедия! Сыпешь цитатами направо и налево!

— Так тема эта мне близкая... Ну да хватит о делах, не пора ли нам, девоньки, потанцевать? Давайте ещё по рюмашке и включим музыку!

Они выпили ещё раз и начались танцы. Евгений Робертович танцевал то с Ноной, то с Инной. Он чувствовал прилив сил и энергии.

Этот вечер прошёл на редкость удачно. Профессор чувствовал себя молодым и здоровым.

Потом они легли втроем, долго ласкали друг друга и уснули довольные встречей.

2. Костя.

Саша, Валера и Женя встретились в 10 утра, как договорились накануне. Решили съездить на стройку и вообще погонять по окрестностям Найска. Погода была хорошая. Светило солнце, цвела сирень, только слегка похолодало от северного ветра. Александр не знал расписания прилёта аэровозов, но надеялся ещё раз увидеть это грандиозное зрелище.

Валера сел на мопед и посадил сзади Женю, а Саша резво крутил педали горного велосипеда. Однако ещё издали он заметил, что аэровоза сегодня над общиной нет. Возле общины они остановились. На их глазах высокий автокран устанавливал на крыше опорного кольца большие бетонные короба. Короба были засыпаны свежей чёрной землёй.

— Что это он делает? — спросил Валерий.

— Он сооружает теплицу на крыше, — ответил Александр. — Ты что забыл? По проекту на крыше опорного кольца должна быть теплица для выращивания овощей. Это идея твоего папы.

— Отец, как всегда, в своём репертуаре, — покачал головой Валерий. — Одно слово — космобиолог!

Метрах в ста от автокрана, другой автокран устанавливал остеклённые металлические рамы, которые рабочие соединяли между собой. Получалась сплошная галерея теплиц. Она неплохо украшала опорное кольцо, делало его выше, воздушнее.

На куполе Александр насчитал уже 9 сегментов. Значит, был ещё один очередной аэровоз. Его наблюдения подтвердил Саймонс, которого они встретили у входных ворот.

— Вчера улетел. Костю твоего привёз, — сказал он в ответ на вопрос Саши. — Пойди, поговори с ним. Вон он, возле вагончика стоит, на вас смотрит.

Саша, Валера и Женья подъехали.

— Привет, Гребень. Ты уже здесь?

— Да. Позавчера прилетел, блин.

— Ну и как настроение?

— Хреновое. Хотел ещё раз в рейс слетать, да Джеффри не отпустил. Ещё и за ухо меня отодрал, зараза. Собирался в детдом отправить, да экипаж аэровоза за меня заступился. Хорошие ребята. Я их всю дорогу песнями развлекал. На аэровозе у штурмана электрогитара оказалась, так я там концерты давал. Им наши русские песни во как понравились! — И Костя поднял вверх большой палец. — В общем, решили они меня к себе в команду взять, юнгой. В Сан-Франциско договорились с руководством фирмы. Сказали, что я сирота, детдомовский, что меня там обижают, ну и прочее... Фирма дала согласие оформить меня матросом-юнгой. Теперь только за детдомом дело. Если меня отпустят, всё будет о'кей! Командир аэровоза заявление написал, чтобы меня забрать, и вместе с Саймонсом отвёз его директору детдома. За одно и меня с собой прихватили, показать, что я жив и здоров. Но директор, курва, сразу согласия не дал. Сказал, что надо подумать, посоветоваться с московским начальством. В общем, решили, что Саймонс подержит меня у себя, пока рассматривается мой вопрос. В детдоме-то я тоже не очень нужен. Боятся они, что сбегу. Вот теперь опять у Саймонса обитаюсь. Хреново, конечно. Хотелось бы снова на аэровозе полетать, да делать нечего, придётся ждать.

— Тебе понравилось путешествовать?

— Ещё бы! Я повидал за эти две недели столько, сколько за всю жизнь не видел. И наши сибирские просторы, и горы, и Тихий океан, и Алеутские острова, но больше всего мне понравился Сан-Франциско. Вот это город! Громадина! Не то, что Найск. Да и климат там южный. Тепло, красиво. Залив прекрасный. Над заливом мосты высоченные. Под ними корабли, яхты плывут. Словами всё не передать. Это видеть надо.

— Но летели-то вы высоко. Не очень-то разберёшь, что там внизу.

— А на аэровозе бинокли есть и оптическая стереотруба с 20-ти кратным увеличением. Я через неё всё очень чётко видел. А в Сан-Франциско меня на экскурсию возил командир на своей машине. А ещё мне завод по производству сегментов купола понравился. Там прямо часть горы забетонирована в виде купола, а наверху литейная машина и прокатный стан расположены. Отливка и прокат балок для сегментов купола идут одновременно.

Прокатный стан наверху, вместе с литейной машиной медленно поворачиваются по кругу и балки сразу отливаются в том месте, где нужно. Всё продумано

до мелочей. Сотни сварщиков специальными автоматами варят один за другим сегменты, а потом их остекляют. Два башенных крана у основания купола и один сверху подают стёкла. Когда сегмент готов, прилетает очередной аэровоз, зацепляет сегмент своими тросами, поднимает, и гуд бай Америка! А на его месте закладывают новый.

— Да, Гребень, тебе повезло! Ты неплохо устроился, — сказал Валера.

— Кто везёт, тому и везёт! Не надо ушами хлопать. — И Костя похлопал себя по ушам.

Ребята попрощались с Костей и подъехали к Саймонсу. Рядом с ним стояла Татьяна.

— Ну, что, поговорили?

— Да, пообщались.

— Решил я оставить парня при себе пока не будет решения детдомовского начальства. Однако сроки поджимают. Если через две недели вопрос не решится, то последний аэровоз установит последний сегмент и гуд бай! Больше полётов не будет. А там и я сдам общину Раковским, и мы с Татьяной отправимся в свадебное путешествие. Костя нам не нужен.

Саймонс обнял Таню за плечи, заглянул в глаза. — Верно я говорю, моя девочка?

Татьяна расцвела в улыбке.

— Пятнадцатого у нас бракосочетание, прошу почтить нас своим присутствием. Мы с Таней приглашаем вас троих. Сергея с Андреем мы уже пригласили. Вон они на куполе болты крутят.

Саша, Валера и Жёня посмотрели в сторону купола, и увидели маленькие фигурки парней, орудующих большим гаечным ключом. Они висели на беседках, на тридцатиметровой высоте.

— А папу с дедушкой? — спросил Валера.

— Им я позвоню, если не увижу в ближайшие дни. Но думаю, они скоро появятся. И папу, и маму твою пригласим и дедушку. Не беспокойся. Вы тут самые близкие мне люди. Как же без вас? Да и у Тани кроме вас тут никого нет. Про детдом она и вспоминать не хочет. Верно я говорю?

Татьяна кивнула. Ей нравилось, что Джеффри во всём советуется с ней. Считает её взрослой. В последние дни она просто купалась во внезапно свалившемся на неё счастье. Она уже чувствовала себя женой состоятельного бизнесмена и хозяйкой на его вилле в Калифорнии. Джеффри показал ей фотографии виллы, её окрестности, море и Татьяна загорелась жаждой путешествия в Америку. Будущий супруг казался ей большим добрым волшебником, который всё может, которого все уважают и все слушаются. Ведь на стройке он был самый главный. А ещё она чувствовала, что беременна. И это радовало её. Ведь ребёнок свяжет их прочнее всяких формальностей брака. Она считала, что вытянула в жизни счастливый билет, который на долгие годы сделает её жизнь прекрасной. Считала

дни оставшиеся до свадьбы и представляла, как обрадуется Джеффри, когда узнает о ребёнке. Эту весть она решила преподнести ему в день свадьбы в качестве свадебного подарка. Ведь ничего другого у неё не было.

Поговорив минут десять, Валера, Саша и Женя поехали кататься в окрестности Найска. Саша опять осваивал Валеркин мопед, а Женя его горный велосипед.

— Ты смотри, осторожнее, — напутствовал её Александр. — Не забывай, что там у тебя ребёнок!

Они носились по горкам, занимались слаломом и были довольны своей беззаботной жизнью.

К обеду, усталые, но довольные, прикатили в квартиру Раковских, где Саша снова стал своим человеком. Даже больше, чем своим. Теперь к нему относились, уже как к близкому родственнику — зятю.

3. Нечёткие желания.

Александр сидел за компьютером и составлял календарь праздников общины, когда зазвонил телефон.

— Привет старик. Чем занимаешься? — раздался голос Валеры.

— Да вот мучаюсь с расписанием праздников. Надо определиться, наконец, с днём рождения общины, с днём урожая, с днём посвящения в воины, с неделей дружбы между общинами и с другими праздниками. Я уже подготовил сценарии праздников, танцы, парад, ритуалы и прочее. Хочу показать всё это деду.

— Тогда заходи. Мы как раз тут все занимаемся вопросами комплектования. Рассылаем по электронной почте приглашения тем, кого считаем достойными для проживания. А ещё я открыл сайт в Интернете по нашей общине. Там будут публиковаться все объявления, в том числе и о праздниках. Захвати с собой диск и приходи, обсудим.

Через двадцать минут Александр был у Раковских. Теперь вся кампания была в сборе. Евгений Робертович с Георгием и Ритой просматривали длинные списки кандидатур с их краткими аттестациями. Поднимали документы на тех или иных кандидатов, если возникали вопросы. Валера сидел за компьютером и вставлял в фирменный бланк очередную фамилию приглашённого. Затем его адрес в E-mail и посылал электронное письмо. Женя сидела рядом и следила, чтобы Валера правильно набирал фамилии, имена и отчества претендентов.

— Мы решили, что официальные торжества по поводу открытия общины можно назначить на 15-ое июля, — сказал Евгений Робертович. — Это и будет днём её рождения. 30-го июня Саймонс официально сдаёт общину заказчику. Я

с Георгием и представители городской администрации подписываем приёмный акт. Затем состоится банкет.

— Так и надо сделать 30-ое июня днём рождения общины. — заявила Женья.

— Не выйдет. Община к тому времени ещё не будет заселена. Поэтому праздник её рождения придётся отложить пока не приедет хотя бы половина её обитателей. Официально прожить в общине можно после сдачи её комиссии, т. е. с первого июля. Думаю, что до пятнадцатого мы успеем подготовить праздник. Пригласим артистов, режиссёра-постановщика, обсудим твой сценарий, подправим его, если требуется.

— Да, но костюмы-то где мы возьмём? По сценарию на празднике все должны быть в нарядах индейцев.

— Об этом надо позаботится уже сейчас. Заказать местным театральным мастерским набедренные повязки, головные уборы с перьями, пригласить гримёров на праздник. Я сегодня же свяжусь с театральными мастерскими, — пообещал Георгий Евгеньевич. — А сейчас давай твой диск, посмотрим, что там у тебя положено по ритуалам и костюмам.

Александр подал диск Валере, тот вставил его в компьютер, и все увидели эскизы праздничных костюмов индейцев, которые Александр скопировал из разных страниц Интернета, их ритуальные маски, предметы культа.

— Ну, это уж слишком круто. Такое нам не осилить, — покачал головой Георгий. Эти костюмы помпезны и дороги, сложны в исполнении. Нам такое не потянуть. Ни времени, ни денег не хватит, чтобы всех обеспечить.

— А всех и не надо. Это костюмы для вождя и шамана. Это для вас и Евгения Робертовича. А я себе сам вот такой сделаю. Это костюм молодого воина. У меня уже и пластмассовые перья есть. Я знаю, где их можно недорого купить. А замшу для мокасинов я в секонд-хенде приобрёл. Совсем не дорого. Теперь ещё фурнитуру надо достать и костюм будет готов.

— Сашка! И мне нужен такой же! — воскликнул Валерий.

— У меня и на твой материала хватит. Вместе сделаем.

— А мне какой костюм подойдёт? — спросила Женья.

— А вот тут у меня женские костюмы и украшения. — И Александр показал следующую страницу.

— Ого! А где же я найду столько бус и браслетов?

— Да это всё искусственное, недорогое.

— А кто меня так разрисует?

— Я могу тебя разрисовать, ответил Александр. — Только грим нужен. Это тоже недорого. Закупим на всех сразу.

Рита, стоявшая рядом, всплеснула руками. — Ну и видок у меня будет в таком наряде!

— Ничего, — сказал Георгий. — Иногда не мешает сменить имидж. Все мы привыкли видеть друг друга в одном и том же, и поднадоели друг другу, а тут всё

совершенно новое, необычное. Быть может, в этом наряде мы друг другу больше понравимся. На то и праздники, чтобы человек мог на время сменить свою постоянную оболочку, переуплотиться. Не зря же в старину устраивали карнавалы!

— Даа... скоро для нас начнётся совершенно новая, необычная жизнь, — задумчиво произнёс Евгений Робертович. — Разве я мог когда-то подумать, что буду жить в общине под Найском, в «Королевстве врачей и биологов»? А теперь совсем скоро это станет реальностью. Трудновато, конечно, будет на первых порах менять весь привычный уклад жизни, приспосабливаться к новому, но зато интересно.

— И ты не жалеешь, отец, что ввязался в это дело? — спросил Георгий.

— Пока нет. Оно наполнило смыслом мою жизнь.

— А я вот до сих пор не могу понять хочу я жить в общине или нет, — заявила Рита. — Нет у меня чёткого желания. Плыву вместе с вами в одной лодке и надеюсь на лучшее. А что мне остаётся?

— Я тебя понимаю, — согласился Евгений Робертович. — И не одна ты так поступаешь. Многие люди, принимая жизненно-важные решения, не имеют чётких желаний, не могут определиться надо это им или нет. Так бывает, например, при вступлении в брак. На ком жениться, на Рае или на Тане? А может быть на Вере? И при выборе профессии возможны те же раздумья, обусловленные нечёткостью желаний. Выбрать какую-то надо, но какую? И при выборе политической партии бывают колебания. Кто лучше, коммунисты, социалисты или демократы? Платформы похожи. За кого голосовать? Даже при выборе одежды не всегда есть чёткое желание купить что-то одно. Вроде и то и это неплохо. Но если при выборе одежды мы почти ничем не рискуем, то выбор спутника жизни или политической ориентации может круто изменить всю жизнь. И часто это делается за кампанию. Как друзья, так и я. Иногда приходится выбирать и религию. Папа католик, а мама — мусульманка, что лучше? Хотя с религией проще. Её выбирать осознанно часто вообще не приходится. Если вокруг все православные, то автоматически выбирается православие. Выбирается неосознанно, просто потому, что хочется во что-то верить. Можно сказать, что нечёткие желания правят людьми, правят миром. Поэтому в нём столько хаоса.

Человек буруеваем страстями и желаниями. Желаниями чёткими и нечёткими, ясными и неясными. Чёткие желания побуждают его к вполне определённым, мотивированным поступкам. Но с нечёткими желаниями дело обстоит сложнее. Именно они могут стать предметом идеологических и политических спекуляций, а то и причиной серьёзных правонарушений.

— Как это? — не понял Валера.

— А очень просто. Нечёткие желания легко превратить в ложные потребности и в ложные цели. Это достигается с помощью идеологической и психологической обработки. Возьмём, к примеру, рекламу товаров. Жил себе человек спокойно и до поры до времени у него не было желания купить тот или иной товар.

Он считал, что этот товар ему не нужен. Но у него всегда было желание «быть не хуже других». И вдруг он узнаёт из рекламы, что сейчас престижно иметь эти вещи. И вот у него уже возникает потребность купить то, без чего он прекрасно обходился. Это называется воспитанием потребностей. Сперва неясное желание, раздумья брать или не брать, и, наконец, решение — брать!

То же самое возможно и в области идеологии. Сначала отсутствие чётких идеологических концепций, потом случайное или неслучайное знакомство с носителем той или иной идеологии. Желание заполнить хоть чем-нибудь идеологический вакуум в сознании. Затем уже сознательная ориентация на те или иные идеологические установки, догмы. И, наконец, борьба за свои идеалы. А ведь выбор идеологической ориентации во многом зависит от среды, в которой воспитывался индивидуум, от взглядов родителей, товарищей и от умения его новых знакомых убедить, превратить нечёткие желания в чёткие действия.

Особенно хорошо удаётся массивованная идеологическая и психологическая обработка населения через средства массовой информации, через печать, радио, телевидение. Тогда целая страна может быть заражена национализмом, великодержавным шовинизмом или религиозным фанатизмом. Любому человеку, не лишённому честолюбия можно внушить, что он недостаточно свободен, что его недостаточно ценят, что он получает меньше, чем заслуживает, что его зажимают и не дают раскрыться. И это будет правдой, поскольку везде есть конкуренция и любой из нас недостаточно свободен и недостаточно раскрыл свои способности. Но на основании этого человека толкают на путь борьбы за ложные идеалы типа: «свободы», «независимости», «равенства», «братства», которые красиво звучат, но никогда не достижимы в реальной жизни. Никогда не будет полной свободы, полного равенства людей и их братства, ибо полная свобода — это анархия, развал государства. Полное равенство — это уравниловка без учёта способностей и заслуг личности. А всеобщее братство — это христианская любовь ко всем, непротивление злу — насилию. Это притворная, показная добродетель полная лицемерия. Даже между родными близкими людьми, любящими друг друга бывают серьёзные разногласия, тем более, никогда не будет полного согласия между разными людьми и народами.

— Так что же, значит не стоит бороться за свободу, за равенство всех людей и за братские отношения между ними? — спросил Валера.

— Мне не нравится слово «бороться», оно отдаёт насилием. Лучше сказать стремиться к свободе в рамках разумного, стремиться к политическому равенству граждан и равенству всех перед законом. Можно говорить только о юридическом равноправии и о равных стартовых возможностях для всех людей вступающих в сознательную жизнь. А всеобщее братство я заменил бы на терпимость к различным идеологиям и религиозным концепциям. Часто за красивыми, но абстрактными лозунгами и призывами стоят вполне чёткие и конкретные желания лидеров этих движений нажить политический капитал, сделать

карьеру. Расколоть многонациональную страну и ухватить себе кусочек «пожирнее». Красивые лозунги служат им для одурачивания масс, воспитания ложных потребностей и ложных идеалов. И с помощью этих масс их лидеры приходят к власти.

Теперь, конечно, народы стали немного умнее, чем раньше. Свобода печати, радио, телевидения позволяют вовремя срывать маски с карьеристов и политических авантюристов всех мастей, но в отсутствии подлинной демократии в прежние времена не раз удавалось дурачить народы идеями национал — патриотизма, религиозного фанатизма или классовой борьбы, и это всегда оборачивалось против самих же народов. Их правители прославляли пафос борьбы, страданий и смерти за идеалы. Считали непримиримость и фанатичную одержимость — высшей добродетелью. Но не может добродетель быть замешана на крови. Только борьба против всякого фанатизма и фетишизма, отпор религиозным и идеологическим мракобесам, жаждущим крови и власти, является истинной доблестью и геройством. Человек свободен в своих убеждениях, и никто не имеет права силой навязывать ему свои взгляды. Любой человек имеет право на искренние заблуждения, и никто не имеет право наказывать за убеждения, если они не ведут к насилию, к беззаконию или духовному порабощению других людей.

— А какая власть будет у нас в общине? — спросил Александр.

— Демократическая, выборная, — ответил Георгий. — Перед праздником рождения общины мы проведём выборы вождя, шамана и членов правления. Нам надо уже сейчас обсудить и согласовать возможные кандидатуры.

— Ну, вы тут согласовывайте, а мы пойдём, погуляем, покатаемся на аттракциончиках, — заявил Валерий. — Всё равно мы ещё не голосуем по возрасту. Сашка, Женька, идёмте!

— Пошли, — согласился Александр.

И молодёжь удалилась, оставив старших решать сложные вопросы будущей жизни общины.

4. Прогулка.

Во дворе возле мопеда Валера остановился.

— Знаете что? Съезжу-ка я за своей подружкой. Пора, наконец, вас с ней познакомить. Вчетвером нам будет веселее.

— Это с Ланкой, что ли? — удивился Саша.

— С ней. Я понемногу приучаю её к прогулкам. А то сидит дома как затворница. Дальше магазина никуда. Раньше-то ей просто не с кем было гулять.

С клиентом ведь гулять не пойдёшь. Ему другое надо. А теперь она с этим делом завязала, ну и скучает одна.

— А ты уверен, что она завязала?

— Говорит, что всех отшила, теперь только со мной любовью занимается. На курсы домашних нянь устроилась. С первого июня ходит на занятия. Нравится ей. Там готовят нянь для ухода за детьми от года до шести лет. Программа большая. Через год из неё выйдет классная гувернантка! Она всю дошкольную подготовку вести будет. Учить малышкой читать, писать, считать, рисовать. Английский давать им будет.

— А сама-то она английский знает?

— Да более-менее. Конечно не так как мы. Разговорной практики не хватает, но я её поднатаскаю. Да и на курсах их учат. Она девка способная.

— Значит, у вас всё серьёзно? — спросила Женя.

— А ты как думала, кнопка? Заяц трепаться не любит. Я сказал, что перевоспитаю путанку, значит перевоспитаю. Моё слово твёрже гороха!

— И зачем тебе это надо? Неужели других девчонок нет?

— Другие мне не нужны. Мне с Ланкой хорошо. Я хочу жениться на ней. Ну, да ладно, некогда мне с вами трепаться. Я поехал, а вы поезжайте за мной.

Валера сел на мопед, рванул газ и скрылся за поворотом. Александр усадил Женю на велосипед, и они не торопясь, поехали к дому Ланы.

Минут через пять были на месте. Остановились у подъезда и стали ждать. Время шло, а Валера с Ланой не появлялись. Александр хотел было уже позвонить в квартиру, но Женя позвонила Валере по мобильному.

— Ну, скоро вы? Мы уже полчаса вас ждём.

— Сейчас. Ланка марафет наводит. Причёсывается.

— Сколько же можно чесаться?

— Да она недавно начала. Не до этого нам было, понимаешь?

— Не мог подождать...

— А зачем? Я не люблю ждать. Зато теперь у меня на душе спокойно и мы готовы ехать куда угодно.

Через десять минут Валера и Лана вышли на улицу.

— Вот, познакомься, это моя сестра Женя. А это её парень, Сашей звать.

— Очень приятно, — сказала Лана, оглядев Женю.

Ростом они были почти одинаковы, однако Лана превосходила Женю зрелостью и пышностью форм.

— Ну, что, пошли на аттракциончики, летаем? — предложил Валерий, и сев с Ланой на мопед, поехал вперёд. Саша с Женей порулили сзади.

Проехав вниз до парка, они остановились.

— Только не очень долго, — попросила Лана. — В прошлый раз меня укачало.

На аттракционах они побыли около получаса. Съехали с американских горок, покрутились на спруте, покачались на качелях, и Лана запротестовала.

— С меня хватит. Я уже накаталась. Поедемте куда-нибудь на природу.
— Давайте на лесное озеро? — предложил Валера.
— Это далековато, да и что там делать? — возразил Александр. — Вода ещё так себе, не прогрелась. Если бы были неопрениновые костюмы, тогда можно было покататься на водных мотоциклах, а в одних плавках холодно.

— А ты купи себе плавки с начёсом, — посоветовал Валера.

— У него и свой «начёс» хороший, — сказала Женя.

Лана усмехнулась.

— Я предлагаю съездить в ущелье Белёк, — заявил Александр. — Там тихо. Ветра нет и народу нет. Позагораем возле ручья.

Предложение было принято. Валера, не спеша, ехал впереди, везя на багажнике Лану. Саша резво крутил педали, а сзади, ухватив его за шею, подпрыгивала на кочках Женя. Вот и знакомый изгиб ручья.

— Стой! — крикнул Саша. Валера затормозил. — Давай влево, через заросли.

Они спешили и свернули с тропинки. Минут десять продирались через кусты вербы, потом вышли к ручью.

— Вот здесь нет ни ветра, ни людей.

— А мы не люди? — язвительно спросил Валера.

— Мы не в счёт. Мы свои. Располагайтесь.

Женя разлеглась на мягкой высокой траве.

— Подождите, у меня же есть одеяло, — сказала Лана. — На земле сыро. Она достала из сумки плотное шерстяное одеяло, бутылку лимонада, игральные карты, плеер, бутерброды. Валера с Сашей расстелили одеяло между кустами, так, чтобы солнце освещало его целиком.

— Всё, порядок, можно загорать. Раздевайтесь, — скомандовал Валерий.

Парни разделись до плавок, девушки до купальников. Разлеглись на одеяле, включили музыку.

— Надо лимонад в ручей поставить, пусть похолоднее будет, — сказал Валера и побежал с бутылкой к воде.

Сначала лежали просто так. Александр рассказывал Лане про общину. Потом предложил: — Давайте в картишки, что ли перебросимся?

С часик поиграли в подкидного. Потом опять отдыхали и рассказывали анекдоты. Затем взялись за бутерброды с лимонадом. Солнце постепенно клонилось к западу, и на одеяло напозла тень от кустов. Саша хотел поправить его, но Женя сказала, что в тени лучше. А Валера вдруг, подмигнув Лане, сообщил, — мы пойдём, прогуляемся по окрестностям, надоело лежать.

Они поднялись и пошли вниз по течению. Ветви кустов поглотили их.

— Ну, а мы, что? Так и будем лежать? — тихо спросила Женя.

— А куда нам идти? На одеяле тепло и сухо, — ответил Саша и тут вспомнил, что с момента примирения с Женей они ещё не имели близость. Сейчас, наконец, наступил подходящий момент. Они посмотрели в глаза друг другу и обнялись.

— С этим делом не следует спешить. Надо сперва «дойти до кондиции», — сказал Александр и скинул плавки. Женя сняла купальник.

Александр заметил, что груди у Жени заметно выросли и вполне оформились. Они стали весьма привлекательны.

Женя опустила на одеяло, и Александр прильнул губами к её правой груди. Он стал ласкать языком сосок и тот набух, заострился. Потом он долго целовал её груди, шею, щёки, затем крепко обнял свою подругу, и тела их соединились. Женя уже изнемогала от страсти, а Александр всё медлил, целовал её в губы и медленно, осторожно двигал бёдрами. Он хотел до конца прочувствовать прелесть обладания любимой девушкой.

— Сашка, ну давай же! Хватит тянуть резину! Кончай быстрее, пока Валерка с Ланой не вернулись!

Александр понял, что пора действовать, и вскоре упоительная пучина страсти поглотила их. Женя стонала, а Сашка как демон неистовствовал в её теле.

Наконец он замер и отстранился. Потом встал, спустился к ручью и обмылся. Капельки воды засверкали на загорелой коже. Затем подошёл к Жене, натянул плавки и лёг рядом.

— Тебе понравилось, кнопка?

— Ты молодец. Я давно не испытывала такого...

Александр усмехнулся. — Сходи, помойся, а то одеяло испачкаешь. Из меня столько вылилось!

Женя встала, подмылась в ручье и тоже надела купальный костюм. Они лежали и молча смотрели в голубое бездонное небо. Говорить ни о чём не хотелось.

Вскоре появились Валера с Ланой. Они были все мокрые.

— Мы искупались в ручье, — сказала Лана. — Это Валерка затащил меня. Вода ещё холодная, но зато так освежает!

— А плавки-то у него сухие, — усмехнулся Александр.

— Так мы голышом купались. Зачем мочить одежду? Здесь же нет никого.

И она, достав полотенце, начала вытираться. Потом обтёрла Валеру, и все стали собираться домой.

Вскоре подъехали к дому Ланы. Она поцеловала Валеру и, махнув рукой, сказала: — До завтра, ковбой!

— Гуд-бай! — произнёс Валера, садясь на мопед.

— Она всё такая же нимфоманка? — спросил Александр, когда Лана скрылась из виду. — Тяжело тебе, наверное, одному?

— Да нет. Теперь у неё и другие интересы появились. Гуляем мы с ней везде. Она стала интересоваться музеями, театром, концертами. И потом, она же беременна...

— И давно? — поинтересовался Саша.

— Дней десять наверно. Месячных в конце мая не было, вот она и проверилась.

— Значит ребёнок твой...

- Конечно. Я теперь за нею слежу. Чтобы ни-ни!
- Тогда поздравляю. Через девять месяцев и ты станешь отцом.
- Спасибо, — улыбнулся Валера. — Может, наши дети будут дружить в общине?
- Конечно, — согласилась Женя. — А я буду присматривать за ними, за обоими.
- И Ланка будет.
- А мы по очереди. Чтобы не так утомительно было.
- Вскоре подъехали к дому Раковских, и Саша распрощался со своими друзьями.
- На свадьбу-то к Саймонсу идёте? — спросил он, садясь на велосипед.
- А как же! — Тогда до завтра! — Пока.

5. Свадьба.

Пятнадцатого июня состоялось бракосочетание Джеффри Саймонса и Татьяны Ершовой. День выдался тёплый, по настоящему летний. Всё вокруг благоухало цветами, ветер доносил запах сосны и кедра с горных долин, прохожие провожали свадебный кортеж улыбками.

После недолгой торжественной церемонии во дворце бракосочетания, все направились в банкетный зал ресторана «Кедр». Народу было немного: Раковские в полном составе, плюс Сергей да Андрей с Зоей, а ещё Костя и Саша. На регистрации была и Юля с Викой, но на банкет она не осталась, слишком шумно для малышки. Пригласил Саймонс и нескольких прорабов со стройки. Вот и вся кампания.

Больше всего внимание гостей привлекала невеста. Она была так юна и так прекрасна в праздничном подвенечном наряде, что даже Саша и Костя, знавшие её давным-давно, залюбовались ею. Александр просто не мог поверить, в то, что это та самая Таня, которую он знал в детском доме, с которой не раз танцевал арагонскую хоту и в которую был не на шутку влюблён своей первой юношеской любовью. Сам он выглядел тоже неплохо. Георгий Евгеньевич подарил ему новый стильный костюм из черной кожи, взамен замшевого, который стал Саше мал, и который они с Юлей изрезали, превратив в какое-то индейско-папуасское чудо. Косте тоже купили неплохой костюм по такому случаю, и теперь он выглядел намного солиднее, чем раньше.

Гости сели за праздничный стол и торжество началось. Вернее, продолжилось после регистрации. В углу зала расположился небольшой оркестрик, который, до начала танцев негромко исполнял джазовые вариации Дюка Эллингтона,

создавая музыкальный фон. Дирижёр исполнял одновременно роль тамады, действуя по хорошо заученному сценарию. Прозвучал первый тост «За жениха и невесту!», раздались крики «горько» и свадьба покатилась по наезженной колее.

Саймонс, с чёрном нарядном фраке, с розою в петлице, целовал Таню, а все аплодировали и завидовали ему. Потом начались танцы. Первый танец исполнили жених с невестой, а вернее, уже законные муж и жена. Александр понял, что Саймонс плохо танцует. Если бы не Таня, которая взяла управление в свои руки, то ничего бы не получилось. Затем к ним присоединились другие пары. Сергей и Андрей по очереди танцевали с Зоей. Александр заметил, что она беременна, но это не портило её. Двигалась она весьма грациозно. Ему захотелось потанцевать с Таней, но он не решился пригласить её и пригласил Женю.

Размявшись, гости опять сели за стол и потекли разговоры. Рядом с Джеффри оказался Георгий Евгеньевич. По другую сторону сидел Евгений Робертович. Всё смешалось. Тамада объявлял тосты, музыкальные произведения, дирижировал, руководил, но всем уже стало наплевать на его руководство. Кто танцевал, кто беседовал за столом, кто выпивал, кто закусывал. Атмосфера была самая непринуждённая и демократичная.

— А вы знаете, что в Китае, в горных районах строят дома как бы перевёрнутые? — спрашивал подвыпивший Саймонс у Евгения Робертовича.

— Нет, в Китае не бывал. Как это «перевёрнутые»?

— А так. Внизу у них узкая часть, а вверху широкая. Получается опрокинутая пирамида.

— Но это же опасно! В горах бывают землетрясения. Зачем же они так строят?

— Землетрясения им не страшны. Дело в том, что эти дома строят в ущельях и заполняют ущелье целиком. Дом как бы перегораживает его и тянется на несколько километров вдоль, ниспадая террасами. Он опирается на прочные стены ущелья, и вся конструкция представляет собой ячеистый монолит. Ячейки — это комнаты в бетонном монолите. Комнаты без окон, как в наших подземных домах. Один такой дом — это целый город с населением в несколько тысяч человек. Внутри этого монолита проложены улицы и ездят электромобили. А крыша у дома — города плоская. В горах почти нет ровных участков, а тут огромная равнина между хребтами. На ней расположены стадионы, сады, автостоянки, вертолётные площадки, дороги. А ещё построены красивые дома. Это, как правило, офисы, магазины, предприятия, учреждения культуры. Есть даже небоскрёбы. Было ущелье, и нет его! Вместо него город. Говорят, что такое строительство намного дешевле обычного. Высота такого перевёрнутого дома доходит до ста этажей. Наверх ведут скоростные лифты, и проблем с водой в таких районах нет. Как правило, с гор течёт какой-нибудь ручей. Его и используют для снабжения жителей питьевой водой.

— Да, интересное решение. Могу представить себе этот перевёрнутый муравейник!

Тем временем, Александр набрался храбрости и подошёл к Тане. Она уже потанцевала с Сергеем, с Валерой и теперь была свободна.

— Давай, потанцуем, — предложил он. — Давно мы с тобой не танцевали.

Таня благодарно взглянула на него. — Ты арагонскую хоту помнишь?

— Конечно.

— Тогда закажи её оркестру.

Александр сделал заказ, напомнив музыкантам известную мелодию, и повёл Таню по кругу. Вскоре разговоры за столом прекратились, и взоры всех присутствующих устремились на блестящую танцевальную пару. Зажигательные ритмы и не менее зажигательные движения танцоров, воспламеняли огонь в душах зрителей.

— О! Как они танцуют! — воскликнул Саймонс. — И когда это они успели так спеться?

— Они ещё в детском доме этому научились, — пояснил Костя. — В школу танцев вместе ходили. Танька была его партнёршей.

— Ааа... Всё ясно... Смотри, как здорово у них получается. Прямо испанский тореро и красавица Кармен.

Закончился первый танец и Александр заказал румбу. Потом танцевали ламбаду, а затем бешенный стремительный рок. Александр исполнил свою коронную «вертушку» и под громкие аплодисменты публики удалился из зала. Он вышел на крыльцо ресторана немного передохнуть. Вскоре подошла Таня и поцеловала его.

— Мы так давно не были вместе, не разговаривали, не танцевали, а теперь скоро расстанемся навсегда, — с грустью сказала она. — Ты всё ещё обижаешься на меня?

— Нет, — ответил Александр. — У каждого своя судьба. У нас с тобой разные судьбы. Ты сама выбирала свой путь. Теперь ты выбрала Саймонса... Я желаю тебе счастья с ним.

— А я уже счастлива. Он очень хороший. И за ним спокойно, как за каменной стеной. Я теперь буду миссис Саймонс. Я буду жить в Калифорнии на своей вилле. У меня будут дорогие наряды, слуги.

— Разве в этом счастье? — усмехнулся Саша.

— И в этом тоже. Но главное, что он мне нравится как мужчина.

— А что будет лет через двадцать?

— Зачем так далеко загадывать? Может, через двадцать лет я вернусь к тебе? Я бы и сейчас вышла за тебя, жаль, что ты мал ещё и не так богат как Саймонс.

— У меня уже есть невеста.

- Да? И кто же, если не секрет? Я её знаю?

— Знаешь. Она здесь, в зале и звать её Женя.

— А, это сестра Валеры? Понятно... Значит, ты тоже нашёл своё счастье?

— Не знаю, счастье это или нет, но она мне нравится. Она моя подруга, и мне хорошо с ней.

— А я уже не нравлюсь?

— Зачем старое ворошить? Ты не моя. Ты чужая.

— А ты не хочешь поцеловать меня на прощание? Помнишь, как мы целовались на крыльце детдомовского кафе и боялись, что Дима застукает нас?

Александр огляделся вокруг, потом обнял Татьяну и крепко поцеловал.

— Прощай... Я всегда буду тебя помнить... А теперь пошли в зал. Нас могут хватиться. Зачем тебе лишние неприятности?

Они вошли. В зале опять гремела музыка. Молодёжь танцевала. Костя танцевал с Женей, энергично виляя задом. Саша поморщился от этой пошлятины. Сергей беседовал с Георгием. Рядом сидела Рита.

— Неужели наш Сашка уже живёт с вашей Женей? — удивлялся Сергей. — Ведь ему же ещё только шестнадцать!

— Да, представь себе. Они любят друг друга. Особенно Женя. Втрескалась в него по уши. Она беременна уже третий месяц и собирается в январе рожать.

— Неужели?.. Неужели у нашего Сашки через полгода будет ребёнок? — удивлялся Сергей. — Тогда может быть их поженить? Пусть живут вместе, если они любят друг друга. Как Женя на это смотрит?

— Она спит и видит себя рядом с Сашей, — ответила Рита. — Ей ничего другого в жизни не надо. Только Сашу и его ребёнка.

— Так может, разрешим им жить гражданским браком? Не стоит повторять трагедию Ромео и Джульетты.

— Уже разрешили. Только они пока встречаются где-то в другом месте. Стесняются нас.

А в это время Александр разговаривал с Костей.

— Ну, как у тебя дела? Что ответил детдом на запрос командира аэровоза?

— Вчера дали добро, блин. Местное начальство договорилось с московским. Через пять дней аэровоз прилетит к нам в последний раз. Надо успеть подготовить все документы. Больше рейсов не будет.

— Значит улетаешь?

— Да, блин.

— Повезло тебе.

— Да, только вот Таньку потерял. Жалко. Ну, ничего. Не пропаду. Девоч можно найти и в борделе. Я уже был там один раз. В нашем, местном.

— Ну и как?

— Класс! Всю ночь трахался, а утром кофе выпил и как огурчик!

— Как же тебя пустили, такого мелкого?

— А это мало кого волнует. Лишь бы деньги платил. Есть деньги — ты король, блин. Самые красивые девки — твои. Можно и с двумя сразу законтачить. Теперь все бордели мира у моих ног! Зачем жениться? Прилетел, отдохнул, развлёкся и снова в рейс. Многие мужики так живут. Моряки, лётчики, шофёры-дальнобойщики. Лет до сорока перекантуюсь, капиталец сколочу, а потом женюсь

на шестнадцатилетней, как Саймонс. Тогда можно и детишками обзавестись. Возьму обязательно детдомовскую. Чтобы Таньку напоминала. Детдомовские — они не избалованы лаской, вниманием. Будет меня на руках носить.

Вечер продолжался до одиннадцати. Александр танцевал с Женей и целовался с нею в полутёмном зале.

— А давай с сегодняшнего дня жить вместе, — предложил он. — Ведь все уже знают про наши отношения.

— А где мы будем жить? У тебя или у меня?

— Лучше у меня, — сказал Саша. — Я немного стесняюсь твоих предков. И потом, один раз мы уже у тебя спали, тайком. Помнишь гостиницу? — Женя кивнула.

Александр и Женя подошли к Раковским.

— Мама, папа, можно мы с Сашей погуляем? — спросила Женя.

— Но уже поздно, дочка.

— Мы погуляем немного, а потом я останусь у него. Мы решили жить вместе. Я позвоню вам. Можно?

В глазах Жени было столько мольбы, что Рита сжалилась.

— Ладно. Гуляйте, живите. Что с вами делать? Всё равно, ведь, всё без нас уже решили. Теперь вас возле юбки не удержишь. Скоро сами родителями станете.

Гости разошлись, а Саша с Женей отправились бродить по ночному Найску.

Глава XIV.

1. Воспитание.

Отношения Евгения Робертовича и двух его приятельниц, Ноны и Инны, продолжались и стали более частыми. Он приходил к ним теперь через день — два.

Сегодня он пришёл около семи, когда Нона и Инна готовились ужинать.

— Привет, мои дорогие. Вот и я. Не ждали?

— Мы всегда рады тебе, Джон. Садись за кампанию.

Евгений Робертович достал бутылку сухого вина и несколько апельсинов.

— Зачем ты тратился? У нас ещё остались твои шоколадные конфеты с прошлого раза, — заявила Нона.

— Это пустяк. Мы закусим и конфетами и апельсинами. Давайте фужеры, девоньки.

Вскоре фужеры были налиты.

— За что будем пить? — спросила Инна. — Ты опять что-нибудь написал?

— О'йес! Я закончил очередной раздел Устава. Не далёк тот день, когда я представляю его на всеобщее обсуждение.

— И что же это за раздел, если не секрет?

— Какие от вас секреты? Я пришёл посоветоваться.

— Ну, давай, посмотрим, что там у тебя?

— Раздел называется «ВОСПИТАНИЕ». В нём идёт речь как нужно себя вести, чтобы пробудить в человеке добрые, хорошие желания и поступки. Ведь не секрет, что у любого человека есть недостатки. Человек может повернуться к людям как хорошей, так и плохой стороной, в зависимости от того, как к нему относятся другие. Я не склонен думать о людях плохо. Даже у закоренелых преступников есть хорошие стороны. Не может человек состоять только из достоинств или только из недостатков. Правильное воспитание позволяет человеку раскрыться для добра, для хороших дел. Позволяет быть оптимистом. Я не люблю моралистов, занимающихся выискиванием недостатков в других. Они считают себя непогрешимыми, а всех остальных — мусором. Они так высоки в своих глазах, что считают возможным осуждать других и диктовать им свои правила поведения. И в этом их главный недостаток, их ущербность. Обычно это высокомерные и амбициозные люди. Мне встречались такие. Может быть их советы и верны, но форма, в которой они делают замечания, оскорбительна. И это сводит на нет все их благие намерения. Но есть и такие, которые не скупятся

на доброе слово, вдохновляют людей на хорошие поступки. Их высказывания я и хочу поместить в устав. Это Деил Карнеги, Чарльз Швэб, известные педагоги К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский и другие известные писатели, дипломаты, учёные.

— Интересно. Давайте послушаем, — сказала Нона.

Евгений Робертович достал папку с листами бумаги с стал читать.

1. Из всех плодов наилучшие приносит хорошее воспитание.

2. Испытанием воспитанности является поведение людей при ссоре, а когда всё идёт гладко, каждый может вести себя прилично.

3. Многие беды имеют своими корнями то, что человека с детства не учат управлять своими желаниями, не учат правильно относиться к понятиям «можно», «нельзя», «надо».

4. Если вы хотите стать хорошим учителем, помните, что вежливость не менее важна, чем ум. Умейте властвовать собой, умейте сдерживать свои эмоции, особенно отрицательные.

5. Мы любим по-настоящему лишь то, чем дорожим, а дорожим лишь тем, что досталось нелегко. В пустом сердце, не знаящем забот, волнений и тревог, не может быть места для настоящей любви.

6. Ничто так не прилипчиво, как подозрение. Остерегайся сплетен!

7. Человек, все помыслы которого нацелены на потребление, живёт как бы в одномерном пространстве. Обзаводясь дорогими вещами, он, в то же время, обкрадывает себя духовно. Он становится рабом вещей. Кругозор его узок, а жизнь тускла.

8. Процесс учения часто бывает горек, но плоды его всегда сладки.

9. Упрямство есть порок слабого ума.

10. В споре никогда не переходите на личности, постарайтесь быть спокойны и рассудительны.

11. Существует только один путь убедить кого-либо что-либо сделать — вызвать желание сделать это. Другого пути нет. Вы можете заставить человека отдать вам часы, сунув ему под ребро пистолет, вы можете принудить служащего к повиновению, пригрозив увольнением, вы можете ремнём или угрозой заставить ребёнка сделать то, чего вы хотите, но эти грубые методы обычно имеют крайне нежелательные последствия.

12. Ничего не доказывает тот, кто доказывает грубо.

13. Если вы хотите расположить к себе людей:

- проявляйте искренний интерес к ним

- улыбайтесь им

- постарайтесь быстро запомнить их имя и не путать его

- будьте хорошим слушателем

- начинайте разговор с вопросов, касающихся вашего собеседника

- поступайте с людьми так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами.

Никогда не проявляйте высокомерие, надменность, небрежность в отношениях с людьми, не выпячивайте своё «Я», не считайте себя умнее других.

14. Если вы спорите, горячитесь и опровергаете, вы можете порой одержать победу, но это будет Пиррова победа, потому, что вы никогда не завоеуете доброй воли вашего оппонента. Между тем существует двенадцать способов склонить людей к своей точке зрения:

- единственный способ победить в споре — это уклониться от спора
- проявляйте уважение к мнению другого, постарайтесь понять его точку зрения
- если вы не правы, признайте это сразу и чистосердечно
- сначала проявите своё дружеское расположение к человеку, а потом выскажите своё мнение
- настройте человека с самого начала на положительную реакцию, отрицательный ответ — наиболее труднопреодолимое препятствие, когда человек сказал «нет», его самолюбие требует чтобы он оставался верен своему слову
- не говорите слишком много, пусть говорит ваш собеседник, дайте ему возможность выговориться
- задавайте наводящие вопросы, пусть ваш собеседник почувствует, что к вашей идее он пришёл самостоятельно
- проявляйте сочувствие к сетованиям других
- взывайте к благородным побуждениям и поступкам
- меньше говорите о своих интересах, постарайтесь убедить собеседника, что это выгодно ему
- придавайте своим идеям образность, наглядность, привлекательность
- игра — вот что любит каждый человек, бросайте вызов, стремитесь увлечь своих противников и сторонников

15. Если вы хотите указать человеку на ошибку, начинайте с похвалы и искреннего признания его достоинств. Обращайте внимание на ошибки лучше в косвенной форме, намёками. Дайте человеку возможность спасти своё лицо, если он совершил нечаянный промах.

16. Создайте человеку доброе имя, чтобы он стал жить в соответствии с ним. Почти каждый стремится оправдать хорошую репутацию, если он ей обладает.

17. Не насилуйте душу человека. Внимательно присматривайтесь к законам естественного развития ребёнка, к его способностям, стремлениям, потребностям.

18. Послушный ребёнок — это не самый лучший ребёнок. Это удобный ребёнок, для родителей и педагогов. Но это не самый лучший гражданин общества. Из него может вырасти покорный, безынициативный исполнитель или трусливый карьерист.

19. Национальная гордость — самый дешёвый вид гордости. В основе её ле-

жит непомерная спесь и возмутительная надменность. В наше время не дозволено травливать даже собак и петухов. Люди же против воли натравливаются друг на друга смешным суеверием. Можно гордиться своей национальной культурой, но не своей национальностью.

20. В жизни побеждает тот, кто убеждает.

Вот примерно всё, что я хотел вынести на ваш суд, друзья мои.

— Неплохо. Но трудно всё это сразу переварить... Воспитание имеет ту особенность, что многим оно кажется делом знакомым и даже лёгким. И тем легче оно кажется, чем меньше человек воспитан, — заметила Нона.

Они допили вино, потанцевали и Евгений Робертович заспешил домой.

— Спасибо, дорогие мои, но мне пора. Уже поздно. Да и вам завтра на работу.

— Оставайся с нами, Джон. Ведь мы собирались в общине жить вместе. Кровать большая, места хватит. А если хочешь, ложись в другой комнате.

— А вы не будете провоцировать меня на близость?

— Да нет. Мы знаем твоё расписание.

— ... Ну ладно. Тогда остаюсь.

И душа старика отогрелась под ласками двух очаровательных дам. Он спал спокойно, глубоко и был вполне счастлив.

2. Последний аэровоз.

Двадцать первого июня прилетел последний аэровоз. Его ожидала масса народу. Жители Найска спешили ещё раз увидеть грандиозное зрелище. Саша с Женей и Валера с Ланой тоже присутствовали на столь знаменательном событии. День выдался пасмурный. Ночью прошёл дождь, с утра небо было затянуто облаками, с запада дул прохладный ветерок.

Он появился на фоне облаков неожиданно. Сначала все увидели сегмент и платформу. Они висели как будто в воздухе. Серебристый цвет дирижаблей совпадал с цветом облаков, и вся П-образная громадина аэровоза буквально растворилась в небе. Блестящая платформа и висящий под нею сегмент быстро приближались с востока. Наконец стало возможным различить и сигары дирижаблей. Через двадцать минут вся громадина зависла над куполом королевства. Стал слышен нарастающий гул воздушных винтов. Аэровоз снижался.

Дальше всё пошло по отработанной схеме. На землю полетели швартовные концы. Их быстро завели на лебёдки и от них потянулись вверх толстые канаты. Вскоре аэровоз был накрепко связан с землёй. Затем началась операция

установки последнего сегмента купола. Он медленно опускался в оставленное для него место. Вот вошло в жёлоб опорного кольца его основание, а вершина зависла над последним свободным штырём на фланце мачты-опоры. Несколько минут сверхточного маневрирования, прерывистое криканье швартовых лебёдок, и верх сегмента опустился на фланец опоры. Все заоплодировали. Но тут Александр заметил, что между последним сегментом и куполом образовались довольно большие щели с обеих сторон. Сегмент оказался уже, чем отверстие для него.

— Как же они теперь заделают эти щели? — недоумевал Александр.

— Пошли, спросим у Саймонса, — предложил Валера.

И четверо молодых людей направились к вагончику главного строителя.

Саймонс стоял на своём «боевом посту», откуда был виден весь процесс стыковки, и руководил наземной операцией, отдавая в микрофон чёткие команды. Рядом находились Костя и Таня.

— Здрасти, — сказал Саша.

— Привет, — ответил Джеффри. — Решили последний раз посмотреть на стыковку?

— Да.

— Ну и как?

— Здорово. Только вот, что вы будете делать со щелями? Их же надо как-то убрать!

— Конечно, уберём. Обязательно.

— Но как же вы это сделаете? Ведь сегмент не растянешь!

— Зато купол можно сжать. Сдвинуть немного внутрь.

— Как же вы его сдвинете? Такую громадину.

— Для этого в жёлобе опорного кольца против каждого сегмента установлен мощный гидравлический домкрат. Ты же видел, что в основание сегментов вмонтированы ролики? Вот на этих роликах сегменты и можно слегка подвинуть внутрь. Когда радиус купола уменьшится, щели закроются. Сейчас я и займусь этой операцией.

Саймонс взял микрофон и спросил. — На домкратах все готовы?

— Первый готов.

— Второй готов.

— Третий готов.

.....

— Двенадцатый готов, — слышались доклады.

— Теперь слушать мои команды. На каждый мой счёт вы делаете один качёк рычага. И так, пока я не скажу «стоп». Всё, как я вас инструктировал. Ясно?

— Ясно, ясно, ясно... ясно, — слышались доклады.

— Приготовились... начали! И рас, и два, и три... — командовал Саймонс.

Внешне вроде бы ничего не менялось. Александр во все глаза смотрел

на щели, но они оставались такими же. Только минут через десять стало заметно, что щели вроде немного уменьшились.

— На посчитай, — и Саймонс передал микрофон Косте.

Тот продолжил счёт.

— Дай мне посчитать, — попросил Саша.

— На, считай, — согласился Костя.

Саша сосчитал до десяти и начинал сначала.

— Не части, — сказал ему Саймонс, — люди устали.

Через двадцать минут был объявлен перерыв.

Потом поочередно считали Валера, Женя, Таня и даже Лана. Щели в куполе постепенно сужались. Вот левая закрылась совсем, но справа оставалось ещё сантиметров десять. Через сорок минут наблюдающий сверху доложил, что щель справа сомкнулась. Теперь купол выглядел как единое целое.

— Стоп. Всем спасибо, — объявил Саймонс. — Все свободны.

В это время аэровоз уже пришвартовался к мачте-опоре и на фланец был опущен трап. Вскоре командир экипажа подошёл к Саймонсу. Поздоровался. Улыбнулся Косте.

— Ну, как? Не передумал, малец? Готов служить на аэровозе юнгой?

— Всегда готов! — ответил Костя и отдал пионерский салют.

— Тогда поехали в детдом оформлять документы. Завтра мы улетаем.

Народ, наблюдавший за стыковкой, стал расходиться.

Саймонс посадил командира аэровоза и Костю в свой красный «Форд» и повёз их в детский дом. Таня увязалась с ними. Ей тоже хотелось побывать в детдоме, увидеть знакомые лица ребят, рассказать, как она счастлива замужем за Джеффри.

Саша, Женя, Валера и Лана поняли, что пора уходить.

— Приходите завтра меня провожать! — крикнул из машины Костя.

— Обязательно, — ответил Александр.

— Ну, а мы чем займёмся? — спросил Валера.

— Может, пойдём ко мне? — предложила Лана.

— Отстань. Я сегодня не в форме. Давайте лучше возьмём гидрокостюмы и съездим на озеро. Покатаемся на водных мотоциклах, — предложил Валерий.

— Но у меня нет гидрокостюма, — заявила Лана.

— Напрокат возьмём.

На том и порешили.

После этого Валера с Ланой оседлали мопед, а Саша с Женей двинулись за ними на велосипеде. Они заехали к Валере домой, взяли три гидрокостюма, купленные ещё во Флориде, перекусили и двинулись на озеро.

Погода улучшилась, выглянуло солнце, и всё вокруг засияло яркой изумрудной зеленью. Ехать было не близко и Валера, сжалившись над Сашей, дал ему кусок капроновой верёвки. Тот закрепил её одним концом за руль, другим — за багажник мопеда и четверо друзей продолжили путь.

3. На озере.

Ехали быстро. Валера уверенно вёл мопед, поглядывая в зеркало заднего вида, а Александр держал руль велосипеда и иногда чуть притормаживал на поворотах.

Через полчаса впереди показалось лесное озеро. Оно широко раскинулось между двумя горными хребтами, поросшими хвойным лесом. Отдыхающих было немного. Работали водная станция, аттракционы и пункт проката спортивного инвентаря. Несколько белоснежных яхт скользили по водной глади. У берега, возле камышей, в надувных резиновых лодках сидели рыбаки. Вдали были видны два катера, буксировавшие водных лыжников. Возле трамплина толпилась молодёжь, наблюдая за любителями водного фристайла, лихо крутившими головокругительные сальто на роликовых коньках и шумно падавшими в воду с высоты шесть метров.

— Отлично, — произнёс Валера, — аквабайки (водные мотоциклы) почти все на приколе.

Они остановились возле водной станции, поставили на охраняемую площадку свою технику и подошли к кассе.

— А вам есть шестнадцать лет? — спросила кассир.

— Мне 17, а ей уже 19, — ответил Валерий, указывая на Лану.

Получив два билета, они подошли к причалу и выбрали мотоциклы. Потом парни облачились в гидрокостюмы.

— А ездить-то вы умеете? — спросила Лана.

— А чего тут уметь? Сейчас научимся, — ответил Валера. — Тут всё просто, как на мопеде. «Газ», «сцепление», только тормоза нет. Это ещё проще. Сейчас мы с Сашкой прокатимся, а вы подберите гидрокостюм для Ланки.

Он включил зажигание, рванул кикстартер и мотоцикл взревел. Александр сделал то же самое. Плавно выжал сцепление и включил водомёт. Мотоцикл рванулся вперёд. Валера уже отошёл от пирса и набирал скорость. Александр устремился за ним. Вскоре они неслись по водной глади, оставляя узкий кильватерный след. Мотоцикл прыгал на мелкой волне, и это создавало ощущение высокой скорости. Но вот Валера прибавил газ и резко ушёл вперёд, закладывая виражи. Александр крутанул ручку газа до отказа и устремился за ним, повторяя его зигзаги. От скорости захватывало дух. Через десять минут они оказались на другом конце озера. Гидрокостюмы хорошо защищали их от ветра и мелких водяных брызг, летевших из под скул. Развернувшись, они помчались назад и вскоре подошли к пирсу.

Лана была уже в жёлтом гидрокостюме, готовая к путешествию. Она уселась позади Валеры, а Женя — позади Сашки. Вновь взревели моторы, и потяжелевшие мотоциклы снова понеслись по водной глади.

— Ой, как страшно! — визжала Лана. — Лерочка, не гони так!

— Ничего, привыкнешь! Иначе нас Сашка с Женькой обгонят!

А Саша уже вплотную приблизился к Валере и пошёл на обгон. Женя сидела сзади, обхватив его грудь руками. Ей было страшно, но она не проронила ни звука. А когда Александр дал полный газ и вырвался вперёд, закричала. — Сашка, давай, давай жми! Мы их обходим!

Валера попытался помешать, приняв влево, но Александр тоже принял влево и обошёл его, проскочив перед самым носом. На обратном пути они снова устроили гонки, и Александр вновь выиграл.

— У тебя нагрузка на мотоцикл меньше, — заявил Валера, когда они вновь подошли к пирсу. — Вы с Женькой легче, чем мы с Ланкой.

— А нам дадите попробовать? — попросила Лана. — Мы тоже хотим порулить.

— Одна вот так же попробовала и родила, — сострил Валера, однако стал объяснять Лане, как и на что нажимать чтобы поехать.

— Ясно! Тогда я сумею.

И она села за руль. Женя сделала то же самое. Парни уселись сзади.

— Только вы не очень гоните, — предупредил Валера. — Не дай бог, столкнётесь или перевернётесь, тогда спасай вас тут. А вы обе беременны!

Мотоцикл Ланы первым отошёл от пирса, и стал, не спеша, удаляться. Женя тоже набирала скорость. Они шли рядом посередине озера и поглядывали друг на друга. Женя на Лану, Лана на Женю.

— Давай, Женка, быстрее, — торопил Александр.

Оба мотоцикла постепенно разогнались. Ветер трепал волосы, мелкие брызги хлестали лицо, но дух состязания захватывал всё сильнее. Конец озера приближался, когда Женя вырвалась вперёд. Надо было уже поворачивать.

— Сбрось газ! — кричал Саша.

Но Женя неумело вошла в вираж на большой скорости, а затем резко сбросила её. Накренившийся мотоцикл стал валиться на бок, и опрокинулся. Александр и Женя оказались в воде. Лана хотела затормозить, но проскочила мимо и врезалась в прибрежные камыши. Их мотоцикл тоже завалился, ткнувшись в илистый грунт. Валера и Лана барахтались на вязком мелководье.

— Ты не ударилась? — спросил Александр, подплыв к Жене.

— Нет. Только испугалась.

Они посмотрели на Валеру с Ланой и рассмеялись.

— Плывите сюда, обмойтесь! Вы все в иле! — крикнул Саша.

Валера поставил мотоцикл на ровный киль и вывел на глубину. Они подплыли к Саше с Женей. Потом все четверо забрались на своих водяных коней, парни сели за руль и, не спеша, возвратились на водную станцию.

Погода совсем разгулялась, и уходить с озера не хотелось.

— Давайте позагораем немного, — предложила Лана. — В этих костюмах так душно.

И она первая сняла гидрокостюм, оставшись в купальнике. Её примеру по-

следовали остальные. Они разлеглись на костюмах, подставив солнцу мокрые спины.

— Как хорошо здесь, — мечтательно произнесла Лана. — Мне так нравится проводить время с Валерой и с вами. Раньше я знала только свою квартиру да дискотеку. Мне не с кем было гулять. Мир был узок и замкнут на сексе. Но теперь я открыла для себя новый мир. Он так интересен, что прежние мои увлечения кажутся мне серыми буднями. Только теперь моя жизнь наполнилась смыслом. Теперь я знаю, для чего живу. Теперь у меня будет ребёнок, у меня будет интересная работа и у меня уже есть Валера, есть друзья. Что со мной было? Как я опустила в это болото?

— Не казни себя, — сказала Женя. — Просто тебе не повезло. Ты не встретила настоящего друга, настоящего парня. У нас с Сашей тоже не всё было гладко. Мы тоже пережили разлуку, нападки родителей. Но всё это позади. Нужно проявлять стойкость при жизненных испытаниях и тогда ты победишь. Нужно бороться за своё счастье. Зато теперь мы снова вместе и счастливы.

Позагорав часок и искупавшись, молодёжь пошла прогуляться по лесу. Они поднимались по склону хребта всё выше и выше. Прекрасный вид открывался временами им с высоты. Александр взобрался на одинокий утёс, нависший над водой с которого было видно всё озеро. Женя последовала за ним. Валера с Ланой остались внизу и скрылись в расщелине.

— Не уходите без нас, мы скоро! — крикнул Валерий.

Александр взглянул на Женю, нежно обнял и поцеловал её. Так они стояли на вершине утёса и целовались. Ей было хорошо и жутковато на этом краю пропасти. Временами мороз пробежал по коже от страха. Потом они легли на край обрыва и долго лежали на краю пропасти, свесив головы. Смотрели на озеро, на водную станцию и на паривших под ними чаек. Наконец показались Валера с Ланой.

— Спускайтесь, малолетки! Поехали домой!

— Поднимайтесь сюда! Здесь так красиво! — крикнула Женя.

Валера с Ланой стали карабкаться вверх по крутому склону. Вскоре они достигли вершины. Валера шумно дышал.

— Да, красота, — произнесла Лана. — А чего это ты так запыхался, Лерочка? Дышишь как старичок!

— Нагрузка большая. После интима у меня всегда слабость. Гормонов мало. Не бережёшь ты меня, подруга! Хотел сегодня выходной устроить, так ты совратила!

Они постояли минут десять, потом стали осторожно спускаться.

Придя на транспортную стоянку, Валера с Ланой сели на мопед, взяли на буксир Сашу с Женей и отправились в обратный путь. День клонился к вечеру. Пора было и отдохнуть, сидя у телевизора, или за компьютерными играми.

4. Прощание с Костей.

Двадцать второго июня Александр и Женя снова были на стройке. Опять был погожий летний день, и солнце медленно поднималось над горизонтом. Аэровоз висел на своём месте и от него вниз тянулся водяной шланг. Теперь он опустился в одну из открытых форточек. Эти форточки на высоте 100 метров, напоминали лепестки цветка. Вверху они были уже, чем внизу. Их широкие нижние части скрывались в огромных проёмах сегментов купола.

— Там уже жарко, наверное, — сказал Саша, имея в виду внутренность обшивки. — Парниковый эффект!

— Пошли, посмотрим, — предложила Женя.

Они вошли в ворота и оказались под куполом. Внутри действительно оказалось теплее, чем снаружи, но жары не было. Работали кондиционеры. Саймонс как раз проверял их. От кондиционеров шёл прохладный воздух, создавая лёгкий приятный ветерок.

— А, прибыли будущие хозяева, — пошутил он, — как вам тут?

— Нормально. А какая внутри температура? — спросил Александр.

— Сейчас 24 градуса. Но её можно регулировать.

— Мне такая в самый раз. Можно ходить в лёгкой одежде, загорать, купаться в бассейне.

— Загорать ещё пока негде. Солярий на крыше монплизира только монтируется. Его сдадут дней через пять.

Александр взглянул на красивый одноэтажный павильон и увидел, как рабочие устанавливают статуи в нишах белой стены, сходящей в бассейн.

— А купаться уже можно?

— Купайтесь, если хотите. Вода 22 градуса.

— Жаль, я плавки не захватил, — сказал Александр. — А где же Костя? Он ведь сегодня улетает?

— Да. Все документы оформлены. Теперь он член экипажа аэровоза и подчиняется командиру. Я Костей больше не команду. Ищите его на аэровозе. Они готовятся к отлёту.

Саша и Женя направились к мачте-опоре и поднялись на лифтовую площадку.

— Ой, а троса-оттяжки то убрали! — заметил Александр.

И действительно, они висели теперь вдоль мачты уже отцепленные снизу и рабочие, на огромной высоте отцепляли их сверху.

— Эй, внизу! Поберегись! Опускаю трос! — крикнул один из них.

Александр и Женя спрятались в лифтовой нише и увидели, как тяжёлый стальной трос плавно пошёл вниз. Снизу его кольцами укладывал молодой рабочий. Вот трос кончился и начался капроновый фал, к которому он был привязан. Рабочий отвязал фал и крикнул: — Вася, поднимай! Крепи следующий!

Александр с Женей вошли в лифт и стали подниматься. Саша специально

нажал кнопку девятой, предпоследней площадки и лифт остановился, не дойдя до конца. Двери открылись, и они вышли на широкую овальную террасу. С неё открывался изумительный вид на общину. Теперь они видели всю планировку внутренней части: дорожки, газоны, на которых уже взошла свежая трава, экзотические деревья и кустарники, высаженные искусными садоводами, цветники по краям газонов, бассейн, ручей, спортивный комплекс, центральную площадь. А в пятидесяти метрах от них раскрылись лепестки форточек. Они как листья кувшинок могли бы принять на себя по десятку дюймовочек.

— Ой, как здорово, — восхищённо сказала Женя. — Хорошо бы здесь устроить кафе, танцы и любоваться общиной.

— Здесь будет парашютная вышка, — заявил Александр. — Кафе будет чуть ниже, на восьмой площадке. Оттуда тоже хороший вид.

Они осмотрели общину и поднялись на самый верх. Лифт вынес их на фланец мачты, где сошлись теперь все двенадцать сегментов купола.

— Теперь тут совсем не страшно, — заметила Женя. — Нет больше зияющей 150-ти метровой пропасти внизу.

И она закурилась в вальсе на стекле последнего сегмента. Александр поймал её за руку, дал пинка и показал на трап, ведущий к платформе аэротрепа. — Нам туда.

Сверху их заметил Костя.

— Санёк, Женя, идите сюда! Мы скоро отходим.

Ребята залезли на платформу аэротрепа и Костя обнял Сашу.

— Молодец, что пришёл. Татьяна тоже здесь. Я водил её по всему кораблю. Вон она наверху. — И Костя указал на верхнюю палубу. — Теперь все детдомовские в сборе. С остальными я вчера уже простился, когда документы выписывал. Пошли, прогуляемся.

Они поднялись на верхнюю палубу и увидели Таню. Она поздоровалась с Сашей и Женей.

— Теперь не скоро увидимся, блин. Если вообще увидимся! — возбуждённо говорил Костя. — Сейчас летим в Сан-Франциско, а оттуда в Бразилию. Там тоже община строится. А потом в Петербург летать будем, через Северный полюс. Заказов много. На наш век хватит. Фирма-то одна, а Земной шарик велик. Давайте я вас сфотографирую на память.

— Становитесь сюда, сейчас я его на автомат поставлю.

И он установил полароид на корпусе лебёдки. Проверил кадр и встал вместе с ребятами. Фотоаппарат щёлкнул, и из него выползла фотография. Потом ещё одна, ещё.

— У него электронная память, — пояснил Костя. — Печатай, сколько хочешь. Только бумагу заряжай.

Он раздал всем по фотографии и начал показывать и рассказывать всё, что знал об аэротрепе. Водил ребят по верхней палубе, потом по внутренним помещениям. Наконец его поймал капитан.

— Иди, помоги Биллу поднять водяной шланг. Приём балласта закончен.

Ребята вышли на верхнюю палубу и наблюдали, как поднимают шланг, а за ним и водяной насос. На борту их закрепили по походному.

— Ну, всё, ребята, давайте прощаться, — сказал Костя. — Сейчас уберут трап.

И верно. Через минуту прозвучала команда: «По местам стоять, со швартовых снимать!». Костя обнял Сашу, Женю, потом Таню. Поцеловал её. На глазах его выступили слёзы.

— Прощайте, друзья! Помните всё хорошее, а если, что было не так, то простите. Таня, Саша и Женя спустились на фланец мачты-опоры.

«Убрать трап!» — прозвучала команда. Вскоре трап был убран. Послышалось нарастающее гудение воздушных винтов. Аэровок чуть снизился и швартовые троса ослабли.

«Отдать швартовы с левого борта!»

Вскоре три троса медленно поползли вниз. Аэровок стал удаляться, удерживаемый за правый борт. Костя стоял на палубе и махал ребятам рукой. Вот поползли вниз швартовые правого борта. Теперь аэровок удерживал место благодаря системе стабилизации.

Вскоре троса отцепили от капроновых проводников, и аэровок стал набирать высоту. Фигурка Кости становилась всё меньше и меньше. Вот убран последний проводник и аэровок стал быстро удаляться на восток. Гигантское сооружение постепенно превратилось в серебристую букву «П», потом в едва заметную точку и исчезло, растворилось в безбрежном просторе.

Саша вздохнул. — Жалко терять Костю. Хоть мы мало дружили в последнее время, но он был неплохим парнем. Повезло ему. Весь мир теперь повидает. Хотел быть шофёром, а стал лёгчиком.

— Матросом он стал на аэровозе, — поправила Таня.

— Не матросом, а юнгой, — уточнила Женя.

— Это одно и то же.

— А на гитаре он здорово играет, — вспомнил Александр.

— Да. Этого у него не отнимешь, — согласилась Таня. — А ещё он первоклассный врун.

— Не врун, а фантазёр, — поправил Саша. — И давайте плохое не вспоминать. За плохое он уже получил своё в колонии.

Они спустились вниз и снова увидели Саймонса.

— Ну, как, проводили дружка?

— Проводили.

— Ну и хорошо.хлопот он мне доставил немало, но я не жалею. Всё хорошо, что хорошо кончается. Скоро мы с Танюшей тоже в отпуск махнём. Сперва в Калифорнию, потом на Гавайи. В свадебное путешествие отправимся.

— А вы успеете сдать общину во время? — спросил Александр.

— Обязан успеть. Иначе штраф, неустойка.

— А когда же вы все болты на новый сегмент установите? Их же по двести штук нужно с обеих сторон!

— Брошу все наличные силы. В три смены будем работать. Монтажники уже опытные. Дело знают. Сейчас и начнём. Сергей с Андреем уже здесь. Да и другие готовы к работе. На каждый стык по пять пар поставлю.

Саша и Женя попрощались с Джеффри, с Татьяной и поехали на велосипеде домой. Пора было обедать.

5. О труде.

В квартире Раковских готовились к переезду в общину. Рита упаковывала гардероб, Георгий заказал транспорт для перевозки вещей на завтра, 25 июня. Настроение было у всех «чемоданное».

За обедом Георгий спросил Евгения Робертовича:

— Как у тебя дела с Уставом, папа? Дней через пять его надо закончить и представить на обсуждение членам общины.

— Я работаю. Ты же видел, что у меня уже сделано?

— Да, но нет самой главной части, посвящённой социальным вопросам, вопросам управления общиной.

— Над этим я думаю. А вот только что закончил раздел о труде. Выбрал самые ценные мысли известных философов, писателей, народные пословицы, поговорки. Могу прочесть.

— А со своими подругами ты уже посоветовался? — усмехнувшись, спросил Георгий.

— Ещё нет, думаю сегодня навестить их. Но сначала посмотри ты.

— Хорошо. После обеда покажешь.

Закончив обед, Георгий Евгеньевич, Валера и Женя уселись на диване, и Евгений Робертович стал читать свои афоризмы.

— Вот Козьма Прутков сказал, что *«Усердие всё превозмогает»*. Или аналогичная пословица: *«Упорство и труд всё перетрут»*. Как, годится?

— Годится, — сказал Валера. — Только через меру усердствовать вредно. Можно надорваться.

— Тебе это не грозит, — вставила Женя.

— И на этот счёт есть высказывание, — заметил Евгений Робертович. — *«В жизни можно многое успеть, если не надорвёшься»*, — сказал как-то Джеймс Элдридж. А Максим Горький заметил: *«Когда работа в удовольствие — жизнь»*

хороша, когда работа лишь обязанность — жизнь — рабство».

— Это верно, — согласился Валерий.

А Евгений Робертович продолжал читать:

— *«Тяжело тому жить, кто от работы бежит».*

— *«Человек работает, чтобы жить, а не живёт, чтобы работать».*

— *«Хорошо работает тот, кто работает спокойно».*

— *«Любое дело надо делать хорошо или не браться вовсе».*

— Тут я не согласен, — заявил Георгий Евгеньевич. — А как же *«Первый блин — комом»*? Если ничего не делать, то ничему и не научишься. Сразу хорошо не у всех получается. Главное иметь желание сделать хорошо. Стараться сделать хорошо. Но предела для совершенствования нет. Не даром говорят: *«Лучшее — враг хорошего».*

— Да. Ты, наверное, прав, — согласился Евгений Робертович. — Желание сделать хорошо — половина успеха. На этот счёт у меня тоже цитата приготовлена. *«Всякое поручение кажется лёгким, когда исполнение его представляется неизбежным; работа при этом делается охотно, даже с увлечением, и дело удаётся. Напротив, если у исполнителя западает сомнение в необходимости выполнения работы, то этим самым половина его сил парализуется».*

— Ты прав, отец. Главное отдавать распоряжения так, чтобы у исполнителей не возникло и тени сомнений в их целесообразности. Нужна обоснованность всех распоряжений и высокая требовательность к исполнителям. Тогда дело сладится... Читай дальше.

— У меня всё, — сказал Евгений Робертович.

— Чего-то маловато... Неужели о труде больше нет высказываний знаменитостей?

— Есть, но я отобрал самые важные. Ну, вот ещё одно: *«Тот, кто на работе время измеряет минутами, имеет его в 60 раз больше чем тот, кто измеряет часами».* Но это сказано больше в шутку, чем всерьёз. Хотя доля истины тут есть. Необходимо беречь рабочее время, беречь минуты.

— Послушай, пап, ведь община у нас не простая, а медико-биологическая. Это научное сообщество. Кузница научных кадров. У меня давно уже собраны пословицы и цитаты о научном труде. По-моему они нам тоже очень пригодятся. Ты не желаешь послушать?

— Давай, сынок, это интересно.

Георгий Евгеньевич порылся у себя в столе и достал небольшую тетрадь.

— Вот она. Давно я в неё не заглядывал. По молодости всё собирал. Но не без пользы.

Он открыл страницу и начал читать.

1. *«Теория без практики мертва, практика без теории слепа».*

Это ответ на вопрос, что важнее, теоретическая или практическая подготовка.

Обе они важны для врача, да и любого другого специалиста.

2. *«Нет ничего более практичного, чем хорошая теория».* Хорошая теория позволяет добиться отличных практических результатов, если её умело применять в деле.

3. *«Только практика может подтвердить верность или не верность, полезность или бесполезность той или иной теории. Практика — есть критерий истины».*

4. *«Чувствовать гармонию знаний дано лишь тем, кто в многолетнем труде копил их, ощущая радость познания».*

5. *«Не ошибается в науке тот, кто ничего не делает. Он подобен стоящим часам, которые дважды в сутки показывают абсолютно точное время, но при этом они совершенно бесполезны. Часы же идущие, подчас изрядно врут, но польза от них несомненна».*

6. *«Настоящий учёный должен быть достаточно осмотрителен, чтобы не размечиваться по мелочам».*

7. *«Пусть лучше дурак пострадает от науки, чем наука от дурака».*

8. *«Истина (правда) бывает только одна, неправды или полуправды может быть сколько угодно. В этом и заключается трудность в поиске истины. Из маленьких истин складываются большие. Но если хоть одна из них ложна, то большая истина не сложится или будет ущербна».*

9. *«Всё возможное в науке и технике начинается, казалось бы, с невозможного. Но то, что было невозможным вчера, становится возможным сегодня, завтра».*

10. *«Всякая научная истина сама по себе явление этически нейтральное. Приемлемым или неприемлемым можно рассматривать только её практическое применение».* Здесь говорится о том, что знания не могут быть аморальны, в том числе и знания о сексе. Аморальным может быть лишь их практическое применение.

11. *«Любую, самую блестящую научную или техническую идею можно загубить небрежно поставленным экспериментом, плохо продуманной или выполненной работой».*

12. *«Венец научной работы есть предсказание».* Предсказание результата эксперимента — это проверка теории практикой. А дальше, применение теории позволяет предсказывать результаты уже без проведения дорогостоящих экспериментов. Просто производятся необходимые расчёты. Тем самым экономится время и деньги.

13. *«Корень учения горек, да плод — сладок».*

14. *«Одни научные доводы редко бывают достаточно убедительны. Необходим ещё и собственный опыт, и собственные умозаключения».*

15. *«Омрачить душу учёного, это то же самое, что взять палку и ударить по рукам музыканта. Эффективность в науке определяется такими хрупкими*

категориями, как вдохновение, раскованность, сосредоточенность, творческий подъём, рабочее настроение. Поэтому, в научном коллективе необходимо создание атмосферы доброжелательности, демократизма, принципиальности, порядочности, заботы, прежде всего, об интересах дела».

16. *«Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего. Никогда не пытайтесь прикрыть недостаток знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами. Как бы ни тешил ваш взор своими переливами этот мильный пузырь, он неизбежно лопнет, и ничего, кроме конфуза, у вас не получится».*

— Вот всё, что у меня записано о научном труде, — произнёс Георгий. — Годится это для нашего Устава?

— Очень даже неплохо, — отметил Евгений Робертович. — Разреши, я приобщу это к своим цитатам.

Георгий протянул ему тетрадку.

— Ну, теперь я готов к беседе с приятными дамами, — весело сказал профессор.

— Ты только за этим к ним ходишь? — усмехнулся Георгий.

— В том числе и за этим. Приятное общение — одна из составляющих душевного комфорта. А для общения нужны интересные темы. Теперь у меня они есть.

— Прекрасно. Однако надо подготовиться к нашему завтрашнему переезду. Валера, позвони Саше, пусть завтра придёт, поможет, — попросил Георгий.

— Хорошо, сейчас позвоню.

И Валера достал телефон.

Глава XV.

1. Переезд.

Это утро началось с суматохи. К десяти часам к дому Раковских подъехал длинный автофургон и бригада грузчиков начала погрузку вещей. Георгий отдавал распоряжения, что и как грузить, а Саша с Валерой залезли в фургон и принимали лёгкие вещи. Последним погрузили стереовизор, экран которого скрутили рулоном. Квартира опустела, и лишь гулкое эхо одиноко бродило по комнатам. Представитель квартирного агентства принял от Раковского помещения и вскоре грузовик тронулся в путь.

Георгий с семьёй и Саша ехали сзади на своей «Ладе». Валера в грузовике показывал шофёру дорогу. Через двадцать минут автофургон подъехал к общине и заехал во внутренний дворик.

«Квартира № 10» — прочёл Александр над дверью.

— А мы в какой квартире будем жить? — спросил он у Георгия. — Ваша квартира рядом, № 11.

— А квартира Андрея?

— А у них квартира № 12. Все будем жить вместе.

Откуда ни возьмись, появился Саймонс.

— Здравствуйте, господа. С новосельем вас.

— Привет. Принимай гостей, — ответил Георгий.

— Вы тут не гости, вы хозяева!

— Тогда открывай нам двери квартир.

— Сейчас. Вот у меня тут список кодов замков, смотрим, замок № 10, код 003654. Георгий записал номер кода в своих электронных часах, Валера, Женя, Евгений Робертович и Рита сделали то же самое. Потом Георгий нажал кнопку часов и дверной замок щёлкнул. Над ним зажглась зелёная лампочка.

— Заходите, друзья. Пусть первым в новую квартиру войдёт самый старший из нас, тот, кто заварил всю эту кашу с общиной, — и он распахнул дверь перед Сашей.

— Это не моя квартира. Самый старший в ней дедушка. Пусть он и заходит первым. А вот в свою квартиру я согласен войти первым. Джеффри, дай мне код замка.

— Код замка квартиры № 11, 018762, — сказал Джеффри и Александр установил его на своих электронных часах.

Потом все дружной толпой вошли в квартиру Раковских. Грузчики стали заносить вещи в просторную гостиную. Александр и Женя осматривали жильё. Кругом всё было сделано добротнo и красиво. На стенах фотообои, зеркала. Под потолком лепные украшения, отливающие позолотой, многоламповые плафоны. Большая ванна-бассейн, отделанная кафелем, просторные прихожая и кухня. На втором этаже четыре приличные комнаты метров по 15 и лифтовая площадка между ними.

— Так, — сказал Георгий. — В гостиной поставим стереовизор, мягкую мебель. Кухня у нас одновременно будет и столовой. Места хватит. А наверху четыре спальни. Одна для папы, другая для нас с Ритулей, третья для Валеры и четвёртая для Жени. А кабинет и мастерскую устроим во внутреннем дворике, прямо под куполом. Там я установлю компьютер и обрабатывающий центр.

— Не надо мне отдельной спальни, — сказала Женя. — Я буду жить у Саши. Мы уже обо всём договорились.

— Значит, отказываешься от собственной спальни?

Женя пожалла плечами. — Она мне ни к чему.

— Александр, ты согласен с такой постановкой вопроса?

— Я за, — улыбнулся Саша и обнял Женю за плечи.

— Тогда, вместо Жениной спальни будет мой кабинет.

— Все соседние квартиры в общине соединены внутренними дверями на лифтовых площадках, — заметил Саймонс. — Вы можете открыть двери на втором этаже, и свободный вход друг к другу будет обеспечен.

— Тогда мы откроем двери в нашу с Сашей квартиру, — заявила Женя.

— Джефри, у тебя есть ключи от межквартирных дверей? — спросил Георгий.

— Разумеется. В них врезаны обычные замки. Но если хотите, можно установить электронные.

— Не надо. Принеси, ключи, пожалуйста.

Саймонс ушёл.

— Может и тебе не нужна спальня? — шутливо спросил Георгий Валеру.

— Нет, мне она будет нужна. Я сюда Лану приведу. Она мечтает пожить в общине.

Вскоре двери в соседние квартиры были отперты. Александр не без волнения вошёл в свою. Отделка была уже иной, но тоже красивой.

В квартире было тихо и пусто.

— А когда Сергей собирается переезжать? — спросила Женя.

— Послезавтра. Он будет переезжать вместе с Андреем.

Они обошли квартиру, заглянули в ванну, открыли краны. Из них полилась вода.

О! Порядок! — констатировал Александр.

— Ты хочешь помыться? — спросила Женя.

— Не сейчас. Надо помочь расставить мебель. Пошли к твоим предкам.

Они снова вошли в квартиру Раковских и принялись за работу.

В это время к общине подъехал ещё один грузовик с контейнером.

— Давай заезжай во внутренний дворик! — крикнул Георгий. — Там будешь разгружаться.

— А что в этом контейнере? — спросил Александр.

— Там вторая половина моей московской квартиры; моя мастерская и макеты космических станций «Вега» и «Голиаф». Всё это хранилось на складе.

— А где вы думаете повесить макеты станций?

— Подвешу во внутреннем дворике. Прицеплю прямо к куполу.

— Я помню, у вас в московской квартире были ещё статуи и скульптуры Родена.

— Да. Они тоже в контейнере.

— А стол для тенниса будет?

— Будет и стол. Только бассейна не будет.

— Бассейн тут шикарный. Искупаться не проблема.

— Вот расставим мебель и искупаемся.

Вещи разгрузили довольно быстро, но мебель расставляли часа два, не меньше. Все порядком устали.

— Ладно. На сегодня хватит, — сказал Георгий. — Мы ещё неделю будем двигать её с места на место. Сразу всё как надо не расставишь. Пойдёмте купаться, а потом обедать.

И Раковские гурьбой направились к бассейну.

— Сначала обмоемся, — предложил Георгий и указал на монплизир.

Все кабины были свободны. Георгий и Рита скрылись в кабине № 3, Евгений Робертович и Валера зашли в соседнюю кабину, а Саша с Женей в кабину № 5.

Внутри всё было так, как и предлагал когда-то Александр. Сразу у двери душевая, потом водяной матрац, за ним бассейн с джакузи для гидромассажа, а дальше дверь в сауну. Женя с интересом рассматривала росписи на кафельных плитках. Они изображали красивых юношей и девушек, играющих в пляжный волейбол.

— Даа... красота, — произнесла она. Это не монплизир, а сан-дворец.

— Это «Моё удовольствие»! — поправил Александр. — Давай раздевайся, кнопка.

Сам он уже скидывал последнее нижнее бельё. Женя не без удовольствия оглядела его стройную, загорелую фигуру. Потом стала медленно раздеваться сама. Александр прошёл вперёд и открыл дверь в сауну. Там было прохладно. Он нажал кнопку нагревательного автомата. Щёлкнул электропускатель, и над ним загорелась красная лампочка.

Женя разделась и предстала перед Сашей юная, стройная, загорелая. А он уже стоял под душем.

— Иди ко мне, кнопка.

Она встала под нежные струи воды. Александр обнял её и стал гладить плечи, спину. Они ласкали друг друга и нежились под тёплыми струями. Потом Александр ловко запрыгнул на водяной матрац.

— Давай кнопка попрыгаем вместе. Помнишь как во Флориде, на надувных батутах?

Они взялись за руки и стали прыгать. Матрац волнами заходил под их телами. Они прыгали и смеялись. Потом начали кувыркаться через голову.

Но вот Александр озорно подхватил Женю и рухнул с нею в бассейн. Включил джакузи и оба они отдались упругим струям воды. Они лежали и целовались. Потом их тела соединились в жарких объятиях. Струи воды обдавали их со всех сторон, и это придавало особый колорит их близости. А когда всё закончилось, Александр вылез, и распластался в сауне довольный, но слегка усталый. Женя присоединилась к нему.

— Тебе понравилось, кнопка?

— Да, козлик. А тебе?

— Мне всегда хорошо, когда мы вместе. — Потом, помолчав, добавил. — Ну и нагрузочка у меня сегодня! И ночью с тобой кувыркались, и днём.

— А ты уже жалеешь об этом?

— Не в этом дело. Просто я не швейная машинка чтобы строчить без перерыва. Для хорошего самочувствия, сексом надо заниматься по вечерам, а утром просыпаться бодрым, выспавшимся. Так делает Сергей. Всё хорошо в меру, понимаешь?

— Пошли, — обиженно сказала Женя. — Мне здесь уже надоело.

Александр надел красные плавки, а Женя — свой зелёный купальник.

— Ну что, пойдём теперь искупаемся по-настоящему? — предложил Александр.

Они вышли из кабины, прошли по коридору, повернули направо и дошли до мраморной лестницы ведущей вниз. Перед ними был грот, который вёл прямо в бассейн. Саша и Женя спустились в воду и поплыли. Несколько мощных гребков и Александр первым оказался снаружи, где уже плавали Георгий Евгеньевич, Евгений Робертович, Валера и Рита.

— Что-то вы долго там обмывались, — не без ехидства заметил Валера.

— А мы в сауне грелись, — ответил Александр.

— Только грелись?

— Отстань, липучка! — вспыхнула Женя. — Это наши личные дела! Тебя они не касаются. Ты тоже не ангел!

Валерий подплыл к лестнице, ведущей из воды наверх, и стал подниматься. Миновал первую площадку на высоте один метр, потом вторую — трёхметровую и оказался на крыше монплизира, где находился солярий. Там он встал посреди арки и застыл неподвижно, готовясь к прыжку. Его стройная красивая фигура как статуя украшала самую высокую часть павильона. Постоял с минуту, потом

оттолкнулся от подкидной доски, взмыл вверх и ласточкой сиганул вниз. Его длинное тело вошло в воду почти без брызг. Александр позавидовал этому прыжку и мысленно дал себе слово научиться прыгать так же, чтоб было не стыдно перед Женей.

Накупавшись, Раковские вылезли из воды и вернулись в свою квартиру. Рита и Женя стали накрывать на стол.

— Садись, зятёк, чего стоишь? — пригласил Сашу Георгий Евгеньевич.

Александр сел за стол.

— О! Это же теперь мой свояк! — воскликнул Валера. — А я-то всё думал, кем нам приходится Сашка? Он же теперь муж моей сестры! Привет, свояк!

И Валерий протянул Саше руку. Тот, усмехнувшись, пожал её.

— Вот и познакомились, — шутливо произнёс Георгий.

Пообедав, Александр собрался домой. — Надо готовиться к переезду, — деловито заявил он. — Я заеду за тобой, кнопка, вечером на своём велике.

Женя согласно кивнула, и они расстались.

2. Устав.

Заканчивался июнь. Евгений Робертович усиленно работал над Уставом общины.

— Как у тебя дела? — спросил его Георгий во время обеда.

— Сегодня думаю закончить. Остались мелочи.

— Раздел «Социальные вопросы» написал?

— Да. Могу вам прочитать.

Саша, Валера и Женя насторожились.

— А об организации и управлении общиной?

— Тоже. Тут всё как мы решили. Общее собрание выбирает Правление, члены Правления выбирают председателя. Он рулит в течение трёх лет. Потом новые выборы. На Правлении решаются все жизненно важные вопросы: приёма в общину, исключения из списков общины, предоставления жилья, сбора членских взносов, поощрения и наказания.

— А размер членских взносов кто определяет?

— Подсчитывает бухгалтер, Правление предлагает, а утверждает общее собрание. От уплаты членских взносов освобождаются только дети и пенсионеры. То есть, те граждане, которые не способны трудиться и зарабатывать. Трудоспособные члены общины содержат нетрудоспособных.

— Питание, лечение и обучение бесплатные?

— Да. Всё за счёт членских взносов.
— Но это только определённый прожиточный минимум, не так ли?
— Да. Нормальная потребительская корзина. Всё, что сверх неё — за свои деньги, пожалуйста.

— А не получатся ли членские взносы слишком большими?

— Для кого как, — пожал плечами Евгений Робертович. — Для младшего медицинского персонала они, конечно, великоваты. У них зарплата низкая. А для других категорий: врачей, учёных — величина взносов вполне приемлема.

— А резервный фонд будет?

— Разумеется. Он создаётся за счёт добровольных пожертвований. Туда пойдут деньги богатых. Конечно, придётся ходить «с шапкой» и выпрашивать, но что делать? Всегда случаются непредвиденные расходы. От случайностей никто не застрахован.

— Понятно. Ну, давай посмотрим, что у тебя в социальном разделе. Как мы будем формировать общественную мораль? Чему учить молодёжь?

— Тут у меня в основном цитаты из произведений классиков. В начале — пять принципов социальной справедливости.

Основной принцип — это принцип эквивалентности: *«сколько ты дал обществу, столько общество должно вернуть тебе в виде материальных и духовных благ»*. Из него, как следствия, вытекает, что в справедливом высоконравственном обществе:

- *все трудоспособные члены обязаны трудиться (кто не работает, тот не ест);*

- *оплата труда должна производиться в соответствии с его количеством и качеством;*

- *критерием оплаты должна быть общественная полезность труда (бесполезный для общества труд не оплачивается);*

- *все члены общества имеют равную оплату за равный труд.*

Каждый член общины должен подписаться под этими принципами, иначе проживание в общине невозможно. Ну а дальше у меня высказывания о свободе, о законе, о государстве. Вот послушайте.

«Человек свободен настолько, насколько он это ощущает. Абсолютной свободы нет и быть не может. Абсолютная свобода — это анархия и вседозволенность. Человек, стремящийся к абсолютной свободе, очень скоро становится на путь преступлений».

«Дикие народы требуют свободы и независимости. Культурные народы требуют порядка и процветания».

«Государство ограничивает свободу человека, но без государства человечество превратилось бы в стадо двуногих зверей».

«Государство существует не для того чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей превратиться в ад».

«Закон всегда был сильнее беззакония. Беззаконие как сорняк — произрастает там, где его не пропалывают».

«Правительство, имеющее идеалы, не только верит в то, что делает, но и делает то, во что верит».

«Жёсткая централизация руководства ведёт к деградации личности вплоть до образования «одухотворённой толпы». («Мы все единое целое») Это достигается ритуальными песнями, танцами, барабанным боем, зажигательными речами, т. е. сильными эмоциями. Сознательная личность исчезает. Люди теряют человеческий облик, притупляется инстинкт самосохранения. В этом состоянии массового гипноза люди готовы на всё».

Стоп, а это для чего ты ввёл? — спросил Георгий Евгеньевич.

— А это для Саши. Он собирается организовывать у нас в общине массовые праздники с барабанным боем, с танцами. Так чтоб знал, к чему это ведёт.

Александр заёрзал на стуле. Валера и Женя переглянулись.

— Ну не до такой же степени, — возразил он. — Существуют же в стране массовые праздники, гулянья. И это не превращает людей в зомби. Это просто сближает их духовно. Так воспитывается патриотизм, чувство локтя.

— Саша прав, — заявил Евгений Робертович. — Тут всё зависит от дозировки. Если переусердствовать, то можно задурить головы молодёжи. И потом, всё зависит от того, какие цели преследует праздник, что он пропагандирует? У нас должна быть запрещена пропаганда расовой и религиозной непримиримости, экстремизма, национализма, классового боя. А вот пропаганда идей дружбы, труда, доброты, справедливости, спорта, здорового образа жизни должна являться целью наших праздников. *«Идеи становятся материальной силой, как только они овладевают массами».* Именно эти идеи должны стать движущим началом нашей общины.

— А вот Пастернак считал, что люди должны быть индивидуалистами, — заявила Рита. — Личность — вот что мы ценим в человеке.

— И он был прав. Каждый человек должен быть личностью. Но полностью обособлять себя от коллектива излишне. Люди живут и трудятся в коллективах. Только так теперь можно двигать вперёд науку, создавать технику. Да и все философские вопросы бытия, сознания, нравственности надо обсуждать с другими людьми, чтобы не «заплыть» не туда. Не оказаться отщепенцем, идущим поперёк общественного мнения ради собственной индивидуальности. Так что всё хорошо в меру. Человек в меру должен быть коллективистом и индивидуалистом одновременно. Он должен развивать свои способности и таланты, непрерывно совершенствоваться, но не отрываться от коллектива. На международных космических станциях космонавты исповедуют именно этот принцип. Я против вождей и одухотворённой толпы, против пастырей и овец. Каждый человек должен иметь своё мнение, но это мнение должно быть созвучно с общепризнанными принципами гуманизма, демократии и нравственности. Так что пусть Саша устраивает праздники, но их «идеологическая начинка» должна быть хорошо продумана.

— Я берусь только за музыку, танцы, ритуал, а речи — это уже ваша забота, — сказал Александр.

— Хорошо, «Главный шаман» об этом позаботится. — сказал Георгий Евгеньевич. — Пока, до выборов, его роль исполнит наш дед, а я ему помогу.

Ну, что? Устав, как будто получился. Сейчас я его весь внимательно прочитую, отредактируем немного и можно рассылать всем членам общины по электронной почте. Пусть изучают, обдумывают. Валера, ты сможешь разослать это?

— Сделаем, о чём речь?

— Ну и чудненько, — сказал Георгий, потирая руки. — А для тех, кто уже переехал в общину, распечатаем несколько экземпляров на принтере. А как мы назовём нашу общину? Есть предложения?

— Я предлагаю назвать её «Королевство «Эскулап» — торжественно произнёс Александр. — Мы это уже обсудили с Валерой и Женей.

— Ну что же, название мне нравится, — заметил Георгий. — Есть у кого-нибудь возражения?

— Очень точное название, — согласился Евгений Робертович.

— Значит, возражений нет. Так и запишем: «Устав королевства «Эскулап».

Обед закончился, все встали из-за стола и занялись своими делами. Александр с Женей готовили ритуал и программу праздника открытия общины. Валера полез в Интернет, а Георгий с Евгением Робертовичем занялись доработкой Устава.

3. Комиссия.

Наступило 30-е июня. Три предыдущих дня по квартирам общины табунами ходили электрики, сантехники, мастера, инженеры. Они сопровождали представителей городских властей принимавших общину. После сдачи, община становилась микрорайоном г. Найска. Члены комиссии расспрашивали уже вселившихся жильцов об имеемых претензиях, замеченных недоделках. Вместе с ними ходили и представители фирмы «Икар», сдающей общину заказчику. Замеченные неполадки тут же устранялись. В результате городские власти имели полное представление о качестве работ и готовности общины. Впечатление складывалось неплохое. Теперь предстояли лишь некоторые формальности с подписанием документов.

День выдался жаркий, и все двенадцать мощных кондиционеров гнали под купол охлаждённый воздух. Там где он вырывался из решёток, поднимался лёгкий туман. Зато внутри общины температура не поднималась выше 24-х градусов Цельсия.

Саймонс, в окружении членов комиссии, важно расхаживал по дорожкам, всё показывал и рассказывал. Те слушали, кивали головами, и восхищались увиден-

ным. В составе комиссии были Георгий Евгеньевич и Евгений Робертович. Им всё уже было хорошо знакомо, и они исполняли сейчас пустую формальность.

За комиссией по пятам тащились Саша, Валера и Женя. Вскоре к ним присоединилась и Таня, которая очень переживала за Саймонса. Ребятня внимательно слушала вопросы членов комиссии к Саймонсу. А вопросов было немало.

— Кто проектировал эту мачту-дерево? — спросил городской архитектор.

— Сама мачта-опора — это типовой проект, а все «ветви» с площадками и камуфляж проектировал я, — ответил Джефри.

— А кто проверял ваши расчёты?

— Никто их не проверял. Я сам инженер-строитель и подобный проект у меня не первый.

— А если в расчёты вкралась ошибка и ваша конструкция рухнет? Отвалится какая-нибудь «веточка», например! Тут всё консоли, консоли!

— А вы возьмите и проверьте мои расчёты, если сомневаетесь. Только проверить тут нечего. Применена типовая машинная методика, а она ошибок не делает.

— Но вы могли ошибиться в исходных данных.

— Вот вам диск. Берите и проверяйте.

— Позвольте, а разве у вас нет чертежей? — вмешался представитель жилищно-эксплуатационного отдела.

— А зачем они мне? Все чертежи и прочая документация на этом диске. Один я передаю вам, другой останется у меня, — ответил Саймонс.

— Я думал, будут горы документации, — разочарованно произнёс представитель мэрии.

— Если хотите иметь горы, распечатайте всё это на принтере. Только зачем она вам, эта макулатура?

— Для порядку, в архив отправим. Чтоб было.

— Ну, это уже не мои проблемы, — усмехнулся Джефри. — То, что требовалось от меня, я сделал.

— Нет, вы распечатайте и передайте нам, — настаивал представитель мэрии.

— В договор это не входит, — отрезал Саймонс.

— А иначе я не подпишу Акт, — пригрозил член комиссии.

Георгий Евгеньевич, как председатель комиссии, прекратил этот ненужный спор.

— Вся документация на диске. Теперь это общепринято и я не вижу причин задерживать подписание Акта. Это подействовало, и страсти улеглись.

Экскурсия по общине заняла часа два. Потом состоялась церемония подписания документов. Право первой подписи предоставили Евгению Робертовичу.

Он сел за стол и подозвал к себе Сашу.

— У тебя нет замечаний, внучек? Всё сделано так, как надо, как ты хотел?

— Да, дедуля. Подписывай.

— Я подпишу, но сначала ты завизируй вот тут, внизу. Поставь свою подпись и дату.

Георгий Евгеньевич, наблюдавший эту сцену, улыбнулся. Последняя страница Акта была уже завизирована многими представителями разных инженерных служб. Теперь к ним присоединилась и подпись Александра Губерта.

За Евгением Робертовичем подписи поставили все остальные члены комиссии. Последним подписал Георгий Евгеньевич. Все зааплодировали, стали поздравлять Джеффри. Открыли бутылку шампанского и тут же выпили за успешное завершение строительства. Потом Саймонс пригласил всех на вечерний банкет в ресторан «Сибирь».

К семи вечера в ресторане собрались все члены комиссии, а также Саша с Женей и Валера с Ланой. Саймонс был с Татьяной. На нём был всё тот же чёрный нарядный фрак, что и в день свадьбы, а на Тане — прекрасное вечернее платье чёрного цвета с блёстками, жемчужное ожерелье и рубиновое кольцо. В таком наряде она казалась старше своих лет и выглядела солидной дамой. Она и в самом деле слегка располнела, похорошела, стала более женственной.

Право первого тоста предоставили Георгию Евгеньевичу.

— Друзья мои, — начал он, — мы собрались сегодня, чтобы отметить знаменательное событие в нашей жизни, да и в жизни города. Сегодня мы приняли от главного строителя не просто архитектурное сооружение, но одно из замечательных достижений градостроительной мысли и технического прогресса — королевство «Эскулап». Это единственное королевство в мире с медико-биологическим уклоном. И пусть оно существует и развивается на радость людям, на благо всего человечества. Я верю, что пройдёт несколько лет, и оно превратится в ведущий центр по подготовки врачей и биологов высшей квалификации. Тем самым и мы сможем внести свой достойный вклад в дело научного прогресса и процветания. Да здравствует королевство «Эскулап»! За его долгую и яркую жизнь! Ура!

Все дружно поддерживали тост и осушили бокалы. Потом были другие тосты, а между ними танцы. Александр сначала танцевал с Женей, потом с Ланой, а затем и с Таней.

— Завтра мы с Джеффри улетаем. — С грустью сказала она.

— Ты говоришь это так, будто хочешь остаться, — заметил Александр.

— Да. Только теперь я поняла, что мы с тобой могли бы быть замечательной парой. Мы могли бы вместе жить в этом прекрасном королевстве. Жаль, что я не дождалась тебя тогда, в детдоме. Очень уж тошно было на душе после смерти Димы.

— Ты что, разлюбила Саймонса?

— Да нет. Просто и не было пылкой любви. Он мне нравится, я горжусь им, но по-настоящему мне нравишься лишь ты. Не сложилось у нас с тобой. Видать не судьба. Давай поцелуемся на прощание. Другого случая не будет. Бог знает, увидимся ли ещё когда-нибудь?

Они танцевали и целовались украдкой в толпе поглотившей их. И Александр понял, что в нём вновь разгорается огонь страсти.

Он отстранился.

— Нет. Я не хочу больше этого. Хватит меня мучить. Что было — то прошло. Уезжай. У меня есть Женя. Она надёжный друг и она любит меня. А ты — как болезнь, как сладкий яд. Лучше, если мы больше с тобой не увидимся.

— Ты прав. Не стоит беречь душу. Теперь только Джеффри и дети — это всё, чем будет заполнена моя жизнь. Я постараюсь быть ему верной женой.

Александр проводил Таню на место и вновь стал танцевать с Женей. И тут он понял, что только с Женей ему легко и приятно. Нет той страсти, но есть теплота. Она своя, родная, близкая. И не надо мучиться, добиваться чей-то любви, взаимности. Всё просто и доступно. Наверное, так и должно быть в семейной жизни. Полное взаимопонимание, привязанность и душевный комфорт. Когда нет страданий, сомнений, тогда все силы можно отдать любимому делу и добиться успехов в науке, в искусстве или на другом поприще. Так живут миллионы и миллиарды людей. Семья, жена, дети — это крепкий тыл, это поддержка и опора на долгом пути к вершинам знаний и мастерства. Не пылкая любовь и безумная страсть составляют основу бытия, но дружба, доброта, взаимная симпатия и уважение. А ещё труд, труд упорный, терпеливый, сметающий все преграды на пути к достойной жизни, на пути к славе. Александр понял, что только с Женей он сможет прожить долгую и счастливую жизнь, только с ней он поднимется на высоты, которых достиг его отец. Он вспомнил свою мать, деловитую, работающую, заботливую женщину, любящую детей и отца. Именно благодаря ей, отец смог добиться столь больших успехов в науке, в общественном признании. Женя вдруг показалась ему чем-то похожей на мать, и он понял, что из неё получится настоящая подруга жизни. Он чмокнул Женю в маленькое ушко и она засмеялась, прижалась к нему. На душе сразу потеплело.

Так они танцевали весь вечер, и многие завидовали им. Они были прекрасной парой.

А на следующий день Саймонс продал свой «Форд», сдал квартиру и улетел вместе с Таней в Америку, в Калифорнию, в Сан-Франциско.

4. Новая жизнь.

Первые числа июля были заполнены заботами и хлопотами. Ежедневно в общину вселялось до десяти семей. Приезжали учёные, врачи и биологи со всех концов света, приезжали с семьями. Площадь квартир изменялась очень просто. Открывались межквартирные двери и две — три квартиры объединялись.

Раздачей квартир занимался Евгений Робертович, а Саша с Женей открывали будущим постояльцам квартирные двери, сообщали коды замков, а заодно знако-

мились с их детьми. Дружба завязывалась сразу. Мальчишки и девчонки, парни и девушки табунами ходили по общине, всё осматривали, обживали спортивные площадки, купались в бассейне и поднимались на мачту-опору. Саша и Женя были их гидами. Никогда прежде у Саши не было столь содержательной и наполненной жизни. Никогда раньше он так много не общался и не говорил. Никогда у него не было столько друзей. Все дни были заняты с утра до вечера. Повсюду слышался смех и разноязычный говор. Но языковых проблем не было. Каждый приезжий знал либо русский, либо английский. Саша записывал всех жителей общины в электронный блокнот, старался запомнить их имена, фамилии, учёные звания и степени. Всех детей, подростков и всю молодёжь Александр агитировал принять участие в празднике открытия общины в качестве участников театрального действия. Он показывал программу, рисунки костюмов, элементы танцев и это многих увлекало.

Георгий Евгеньевич целиком погрузился в подготовку праздника. Он нашёл режиссёра-постановщика, организовал пошив праздничных костюмов, договорился с пиротехниками, звукорежиссёром, заказал светомузыку. А ещё он занимался всеми хозяйственными и финансовыми вопросами общины. Ему помогали Сергей и Андрей. Они переехали в общину вслед за Раковскими и сразу окунулись в хозяйственные заботы. До выборов правления кому-то надо было этим заняться.

Через неделю Георгий с помощью Сергея и Андрея подвесил макеты станций «Вега» и «Голиаф» под куполом своего дворика и теперь они были видны со всех сторон общины. Это был хороший ориентир для её новых членов.

Юля подружилась с Зоей, и теперь они не расставались. Их квартиры были рядом и Зоина дочь, Катя, целыми днями играла с Викой. Под куполом всегда была прекрасная погода, и жители общины не сидели дома. Наибольшей популярностью у молодёжи пользовались монплизир и бассейн. А ещё вышка для прыжков в воду. Более пожилые граждане разгуливали по дорожкам молодого сада, сидели на скамеечках, обсуждая свои насущные проблемы, поднимались в кафе, разместившееся на третьей площадке мачты-опоры. Среди них частенько появлялись Валера с Ланой. Она уже окончательно поселилась в общине, хотя официально ещё не была её членом. Днём она училась на курсах домашних нянь, а затем приходила к Валере и оставалась у него до утра. Валерий заметно похудел, но был весел, энергичен и доволен судьбой. Он учил Лану игре в теннис, заставлял её много двигаться, плавать в бассейне и в результате она тоже заметно похудела.

Евгений Робертович занимался частной практикой. К нему обращались беременные женщины, и никто не получал отказа. Обратился и Валера с просьбой осмотреть Лану. Но её беременность пока не вызвала каких-либо опасений. А вот Нона стала его головной болью. Оказалось, что она тоже беременна. Теперь предстояло решить вопрос рожать ей в сорок два года или сделать выкидыш? Будь это

чей-то чужой ребёнок, Евгений Робертович, не задумываясь, рекомендовал бы выкидыш. Но это был его ребёнок, его последний, поздний, неожиданный, но очень желанный. И Евгений Робертович решил приложить все силы, знания и опыт, чтобы сохранить его. Предстояло сделать генетическую экспертизу плода, чтобы определить, нет ли серьёзных хромосомных или генных мутаций. Но, судя по первым признакам протекания беременности, всё шло более-менее нормально.

Сергей с Андреем усиленно готовились к поступлению в аспирантуру. Путешествие в Америку пришлось отложить на конец августа. Переселился в общину и профессор Лебедев. Он постоянно опекал своих учеников, познакомил их с членами экзаменационной комиссии. Так что всё складывалось как нельзя лучше.

Ректор института тоже стал жителем общины. Он занялся подготовкой к новому учебному году. Нужно было отобрать преподавательский состав для индивидуального обучения студентов, достать необходимые видеозаписи лекций, оборудовать учебные площадки креслами и видео-шлемами. Часть учебных площадок решено было разместить на «ветвях» мачты-опоры. Чем старше курс, тем выше площадка.

Школьные площадки разместились внизу, среди живописных кустарников и молодых деревьев. Директор школы тоже стал жителем общины. Всё было в новинку и требовало большой отдачи и энтузиазма. Кроме того, предстояло тщательно отобрать учащихся, выбрать наиболее способных и трудолюбивых не только из детей проживающих в общине, но и из жителей Найска. Для этого была создана специальная приёмная комиссия. Александр и Женя прошли все тесты и были зачислены в новую школу. Валера же решил продолжать учиться в своей прежней. Он хотел стать юристом, и медицина его не привлекала.

Постепенно община заполнялась народом. С каждым днём в ней становилось всё оживлённее. Особо выдающихся светил медицинской и биологической науки встречали лично Евгений Робертович и другие профессора. Прибывших сразу же вели в банкетный зал, где устраивали небольшой банкет с шампанским и фруктами. Раздавались торжественные речи в честь новых почётных членов общины, вручались пропуска и удостоверения членов Учёного совета.

Общее собрание и выборы членов правления были назначены на пятнадцатое июля, и этот день неумолимо приближался. Собрание должно было начаться в 12 часов дня, а праздник торжественного открытия общины в 18.

С десятого июля начались репетиции карнавального шествия и танцев. Руководителем танцевальной группы режиссёр-постановщик назначил Сашу. Для репетиций Александр выбрал самую верхнюю площадку мачты-опоры, чтобы никто из посторонних не видел как молодёжь неумело и нескладно танцует старинные индейские танцы. По началу казалось, что из этой затеи не будет толку, но постепенно всё менялось к лучшему. Ребята оказались способными учениками, и вскоре танцевальная группа добилась значительных успехов.

Четырнадцатого июля состоялась последняя генеральная репетиция. Все участники были наряжены и разрисованы до неузнаваемости. Они и сами с трудом узнавали друг друга. Танцоры кружились вокруг воображаемого костра и издавали какие-то гортанные звуки. Из магнитофона лились странные, непривычные европейскому уху ритмы. Но всё это очень нравилось Саше и Жене.

Вечером, по окончании репетиции, все спустились вниз и направились в мон-плизир, чтобы смыть грим. Александр с Женой зашли в кабину.

— Ну, вот и всё, — облегчённо сказал Александр, снимая с головы перья. — Тебе понравилось?

— Да. Всё очень здорово. А ты вообще в этом наряде похож на вождя племени наваха.

— А ты напоминаешь мне жену вождя.

— Так я и есть жена вождя. Ты мой вождь!

Александр улыбнулся.

Они разделелись и встали под душ. Натёрлись шампунем, и краска ручьями потекла по их стройным телам. Потом Александр обнял Женю и стал медленно целовать. Она приподнялась на цыпочки, обвила его шею руками, Струи тёплой воды обливали их, а они стояли и целовались. Они были счастливы, и будущее представлялось им безоблачным сверкающим голубым небосводом.

5. Праздник.

Наконец наступило 15 июля. Александр в этот день волновался больше обычного. Сбывалась его мечта — сегодня община получала официальный статус королевства «Эскулап» и он, Саша, становился её членом.

Взволнованы были и Раковские. На 12 часов было назначено общее собрание, на котором должен быть принят Устав общины и избраны её руководящие органы. С утра в общине царило приподнятое настроение. Жители собирались кучками, обсуждали разделы Устава, кандидатов в члены правления. Только детвора беззаботно бегала по дорожкам, играла с кошками и собаками, купалась в бассейне и терроризировала игровые автоматы. Молодёжь постарше развлекалась на игровых спортивных площадках, коротая время в ожидании праздника.

Наконец все взрослые собрались на площадке, уставленной лёгкими скамейками. На сцену, к длинному столу рядом с трибуной поднялись Георгий Евгеньевич, Евгений Робертович, ректор института, директор клиники и представитель городской администрации. Они заняли места в президиуме. Собрание встретило их аплодисментами. Открыл собрание представитель мэрии.

В своём вступительном слове он тепло приветствовал всех членов общины и высоко оценил вклад обоих Раковских в её создание. Благодаря общине, Найск стал центром медико-биологической науки мирового значения. Он собрал воедино ведущих специалистов от медицины и биологии, а теперь должен собрать и наиболее талантливую молодёжь чтобы, используя самые передовые технологии обучения, вырастить не только достойную смену отцам и дедам, но и далеко вперёд продвинуть медицинскую науку, дать ей новые идеи, новые импульсы.

Потом перешли к обсуждению Устава. Внесли ряд поправок стилистического и юридического характера. Задали ряд вопросов по социальному разделу. Евгений Робертович отвечал на вопросы чётко и аргументировано.

— Скажите, — спросил один молодой профессор из Китая, — будут ли какие-нибудь ограничения на личную жизнь членов общины в смысле брачных союзов? Я имею в виду национальные, расовые или количественные ограничения.

— С точки зрения генетики, — заметил Евгений Робертович, — активное перемешивание генов разных народов — факт положительный. От смешанных браков появляются наиболее талантливые и наиболее здоровые дети. Поэтому в общине не будет никаких препятствий для смешанных браков. В отношении количества жён или мужей, то тут тоже полная демократия. Если мужчине хочется иметь нескольких женщин, то он будет иметь их несмотря ни на какие запреты. Многие народы поняли это и у них разрешено многожёнство. То же самое будет и в общине. Женщина также должна быть абсолютно свободна в выборе мужчин и может иметь несколько мужей. При этом официальные браки не обязательны. Воспитание детей будут заниматься матери и квалифицированные педагоги. Участие отцов в воспитании детей желательно, но основное занятие мужчин — это научная и профессиональная деятельность.

Другой магистр биологии из Индии спросил:

— Скажите, уважаемый докладчик, как понимать ваш тезис «от каждого по способности, каждому по потребности»?

— Тезис «от каждого по способности» означает, что община гарантирует развитие способностей каждого своего члена, если таковые у него имеются. Для этого будут создаваться все необходимые условия с самого раннего детства.

Тезис «каждому по потребности» означает, что община гарантирует удовлетворение всех научно обоснованных потребностей человека в еде, одежде, жилище, средствах передвижения, средствах информации. Заметьте! не любых, а научно обоснованных потребностей! Сюда не входят какие-то чрезмерные, гипертрофированные потребности, вызванные неправильным воспитанием, алчностью, извращённым вкусом, — ответил Евгений Робертович.

— Но не получится ли так, что каждый член общины будет иметь только необходимый прожиточный минимум? — спросил индус.

— Нет. Потребности в красоте, удобствах, развлечениях и удовольствиях к необходимому прожиточному минимуму не относятся, однако и они будут

удовлетворяются по мере возможности. Конечно, эти потребности будут удовлетворяться в разной степени, в зависимости от способностей человека и его вклада в общественное богатство. Здесь уравниловки быть не может. А регулироваться степень удовлетворения этих потребностей будет с помощью денег. Просто оставшуюся после уплаты взносов часть зарплаты человек вправе потратить по своему усмотрению. Если зарплата большая, то и остаток не мал. Таким образом, появляется дополнительный стимул к труду, к повышению квалификации, — ответил Евгений Робертович.

Ответы удовлетворили присутствующих. Потом начались прения. Многие выступавшие отмечали непривычную форму Устава, где сухие положения статей сопровождалась образными высказываниями знаменитых писателей, философов и государственных деятелей. В результате Устав был принят единогласно.

Затем состоялись выборы Правления общины. В Правление вошли все члены президиума, плюс несколько авторитетных и энергичных молодых учёных. Председателем Правления был единодушно избран Георгий Евгеньевич. Все выступавшие отметили его высокие организаторские способности, умение работать с людьми, добросовестность и порядочность. Евгений Робертович был избран заместителем председателя и главным врачом общины. К двум часам собрание закончилось, и все присутствующие направились в столовую, где их ждал праздничный обед. Потом все разошлись в ожидании главных праздничных торжеств.

Ровно в 18.00 на большой площади возле мачты-опоры Александр, наряженный в костюм индейского вождя, ударил в большой бубен, оповещая жителей общины, что праздничные торжества начинаются. Удары становились всё чаще и вскоре к ним присоединилась дробь малых там-тамов. Это Валера и Женя помогали Саше созывать народ. Затем приглашённый оркестр ударил в литавры и заиграл зажигательные, ритмичные мелодии. Ведущий праздничных торжеств объявил, что праздник начинается, и все жители общины могут принять участие в танцах и пантомиме. Они могут нарядиться индейцами, пиратами, чертями, папуасами и показать своё умение танцевать и веселиться. Неподалёку от центральной площади были расставлены столы и скамейки, на которых лежали краски, костюмы, маски, набедренные повязки, дешёвые украшения, рядом находились гримёры и костюмеры. Всё было предусмотрено.

Тем временем со стороны монплизира к мачте-опоре двинулась танцевальная группа. Вся она представляла собой смесь индейских нарядов разных племён и исполняла индейские танцы. Танцующие издавали гортанные звуки и постепенно приближались. В это время Александр дал сигнал Жене, и та открыла вентиль газового баллона. От него шёл гибкий шланг, присоединённый к стальной трубе, замурованной в бетон, и оканчивающейся газовой горелкой, установленной под мачтой в центре свода. Вокруг горелки лежала поленица дров. Валера зажёл спиртовой факел и, пританцовывая, двинулся к поленице. Сунул факел внутрь и тут же вспыхнул огромный костёр. Раздалось всеобщее ура. Танцевальная

группа окружила огонь, и началось представление. Постепенно число танцующих увеличивалось. Молодёжь гримировалась, наряжалась кто во что горазд и присоединялась к танцующим. Старшее поколение стояло поодаль и наблюдало столь необычное зрелище. Один танец следовал за другим. Александр был во главе танцующих. Все присматривались к нему и старались подражать его движениям, чётким, изящным, красивым. Костёр разгорелся, и языки пламени играли на лицах и одеждах молодёжи.

Через час дрова заметно осели и образовались угли. Тогда Сергей с Андреем притащили на вертеле тушу телёнка, положили концы вертела на рогатины, разгребли центральную часть костра и, под всеобщие крики одобрения, начали медленно вращать вертел. Официанты стали раздавать публике ножи и вилки, чтобы каждый желающий мог отрезать от туши кусок жареного мяса и подкрепиться. Веселье разгоралось.

Вскоре телёнок был изжарен, и к нему выстроилась длинная очередь желающих перекусить. Первыми дегустаторами стали Сергей и Андрей. За ними по куску горячего мяса отрезали все Раковские. Александр тоже был в числе первых. Танцы временно прекратились. Потом начались современные танцы. Танцевали все, и стар и млад. В озере появились первые купающиеся. Они смывали краску со своих разрисованных тел и физиономий.

Через час танцы закончились, и ведущий объявил, что теперь все желающие могут поиграть в любимую детворой игру — пэинтбол. Для этого он предложил образовать две команды, мужскую и женскую. Смысл игры состоял в том, что все участники стреляли друг в друга небольшими шариками с краской из специальных духовых ружей. Девушки стреляли красной краской, а парни — зелёной. «Раненый» выбывал из игры и должен был отмыться в бассейне.

Желающих поиграть оказалось больше чем достаточно. Каждой команде было роздано по десять ружей. По свистку ведущего, игра началась. Саша и Валера были в одной команде, Женя и Лана в другой. Сразу возникла всеобщая беготня и неразбериха. Парни гонялись за девушками, стреляли, мазали и снова стреляли. Девушки прятались за лапы мачты-опоры, за догоравший костёр и открывали ответный огонь. Зрители отодвинулись подальше, чтобы не быть испачканными краской и наблюдали за баталией. Это было захватывающее зрелище. Стройные, загорелые тела мелькали как в калейдоскопе, поражая своей лёгкостью и стремительностью. Саша погнался за Женей, однако ему тут же пришлось перейти к обороне. Женя выстрелила в него из-за мачты опоры, но промазала. Её «пуля» попала в ногу какому-то долговязому парню и тот, бросив ружьё, сиганул с разбега в озеро.

Валера стал гоняться за Ланой, и удачно поразил её в бедро. Она тоже быстро нырнула в воду отмываться от краски. Он погнался за другой девчонкой, но внезапно получил «пулю» зелёного цвета.

— Ты что, охренел?! — набросился он на шуплого парня, который попал ему в руку. — Своих не видишь, болван!

— Я нечаянно, — пролепетал парень. — Она проскочила мимо тебя. Я целил в неё.

— Сейчас как тресну! Будешь знать!

И тут раздосадованный Валера получил ещё одну «пулю» в живот, на этот раз красную. Не теряя времени, он прыгнул в бассейн.

Через полчаса «патроны» у всех играющих закончились. В итоге победили мальчишки. У них оказалось на одного «живого» больше, чем у девчонок. Не обошлось и без курьёзов. Пара «пуль» всё же досталась зрителям, и они были вынуждены, сняв одежду, выполоскать её в ручье, чтобы смыть краску.

Потом к игре приступила вторая партия желающих. Александр и Валерий посоветовались со своими подругами и завернули в монплизир. Они порядком устали и теперь им хотелось расслабиться, полежать в бассейне с джакузи, постоять под тёплыми струями душа и поваляться на водяном матрасе.

Через час они снова встретились в кафе. Заняли свободный столик, заказали по порции мороженого и кофе с пирожными. В кафе играла музыка, сверкали огоньки иллюминации, было тепло и уютно.

Незаметно наступил вечер. Праздничные торжества закончились, но в душе у каждого остались приятные воспоминания о первом дне официального существования общины — дне её рождения. Хотелось верить, что таких счастливых дней будет много. Что жителей общины ждёт не только напряжённая работа и учёба, но и много прекрасных праздников. Александр чувствовал, что у него есть призвание доставлять людям радость, есть способность организовывать их досуг. И что его фантазии хватит на долгие, долгие годы, на многие, многие праздники.

Конец книги

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончен роман о новых кроманьонцах. Вернее, он не закончен, а преван... Закончить его не возможно пока продолжается жизнь героев романа. Но я боюсь утомить моего уважаемого читателя. Думаю, что он уже имеет достаточно полное представление о жизни в будущем. Поверьте, что я не выдумывал эту жизнь. Мои герои жили ею вполне самостоятельно и независимо от моей воли. Они сами вели меня по жизни. Вы скажете, что так не бывает, что это мистика. Согласен. Но всё же я пишу о своих реальных ощущениях. Просто я вжился в их образы и мысленно поступал так, как поступали бы они.

Так что же нового в этих кроманьонцах? — спросите вы. — Обычные люди.

А разве не видно, что они более раскованы, более свободны, чем мы? Более образованы, а главное — доброжелательны! Люди стали добрее, порядочнее, гуманнее, хотя и за ними водятся грешки. Нет, они не ангелы и никогда ими не станут. Но всё же это новые люди. Они лишены религиозных, национальных и расовых предрассудков. Они трезво смотрят на жизнь, на взаимоотношения полов и стараются побольше быть счастливыми. Именно стараются, потому, что счастье нужно создавать своими руками. Нужно уметь быть счастливым!

Никто из них не курит и не употребляет наркотики. Продажа табака была запрещена давно и молодёжь знает о нём лишь понаслышке. В начале века он ещё отпускался по рецептам врачей заядлым курильщикам, но потом исчез вовсе. За производство и распространение наркотиков грозило пожизненное тюремное заключение, а за употребление наркотиков — исправительно-трудовая колония. И люди научились быть счастливыми, не прибегая к наркотическому дурману или табачному зелью.

Жизнь их наполнена трудом, учёбой, спортом, любовью, творчеством, общением и комфортом. Она интересна и разнообразна. В обществе царят порядок и социальная справедливость. Жизнь в таком обществе безопасна и приятна. Демократия, свобода и доброжелательность, возможность раскрытия всех своих способностей, возможность достижения вершин в науке, в технике, в искусстве, в спорте — вот основные черты общества будущего, общества, которое можно и нужно построить. И я верю, что оно состоится. Пусть не скоро, но оно будет. Вся история, весь путь развития человечества говорит о том, что мы рано или поздно придём к такому цивилизованному обществу. И начинается оно уже сегодня.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.

1. Интервью. 3
2. Встреча с Костей..... 9
3. Саша и Аня..... 13
4. Разговор с Лебедевым. 16
5. Инцидент. 21

Глава II.

1. Королевство «Богема»..... 26
2. Автомобиль. 29
3. Ферма. 33
4. Океанариум. 37
5. Поздний брак..... 42

Глава III.

1. Повторный визит. 46
2. Королевство «Олимп»..... 51
3. Социальная справедливость. 53
4. Соревнования. 59
5. Королевство муз. 62

Глава IV.

1. Снова с Женей..... 66
2. Прогулка. 70
3. Подводные приключения..... 74
4. Визит. 77
5. Волшебная ночь. 80
6. Неудачный отъезд..... 85
7. Конец каникул..... 89

Глава V.

1. С Лебедевым. 94
2. У подруг..... 97
3. В школе и дома. 100

4. Управление климатом. 105
5. Сотворение мира..... 108

Глава VI.

1. Сеанс. 113
- Спешите, спешите! 113
2. Плоды любви..... 117
3. Новая семья. 120
4. Будни..... 124

Глава VII.

1. Развод..... 129
2. Экскурс в историю. 132
3. Ложные потребности..... 137
4. «Свой в доску»..... 142

Глава VIII.

1. Автомобиль-амфибия. 146
2. Роковое свидание..... 149
3. Дискотека..... 155
4. Аэровоз. 161

Глава IX.

1. Монтаж. 168
2. На высоте..... 172
3. Крепкий орешек..... 178
4. Свидание..... 182

Глава X.

1. Экскурсия. 185
2. У бабушки. 189
3. С Аней..... 193
4. На стройке. 199

Глава XI.		
1. Печальный гуманизм.....	203	
2. День рождения.....	208	
3. Соревнования.....	213	
4. Последний звонок.....	219	
5. Финальный аккорд.....	225	
Глава XII.		
1. Пустота.....	231	
2. Альбом.....	234	
3. Примирение.....	237	
4. Защита.....	242	
5. Неожиданный звонок.....	246	
Глава XIII.		
1. Здоровье.....	251	
2. Костя.....	253	
3. Нечёткие желания.....	256	
		4. Прогулка..... 260
		5. Свадьба..... 264
		Глава XIV.
		1. Воспитание..... 269
		2. Последний аэровоз..... 272
		3. На озере..... 275
		4. Прощание с Костей..... 278
		5. О труде..... 281
		Глава XV.
		1. Переезд..... 285
		2. Устав..... 289
		3. Комиссия..... 292
		4. Новая жизнь..... 295
		5. Праздник..... 298
		Послесловие 303

ЮРИЙ БЕРКОВ

НОВЫЕ КРОМАНЬОНЦЫ

Книга 4

Издательство ООО «ИРИС ГРУПП»
г. Москва, ул. Большая Никитская, д.16, офис 307
Тел. (495) 258-76-34

Реализация книги на сайте
www.irisbook.ru
E-mail: izdatsu@gmail.com

Подписано в печать «11» Сентября 2012 г.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Times New Roman»
Печать офсетная. Бумага 80 гр. Усл. печ. л 25,5
Тираж 1000 экз. Заказ 581.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ООО «ИРИС ГРУПП».
г. Москва, ул. Большая Никитская, д.16, офис 307
Тел. (495) 258-76-34.